

ТАЙНЫ 7

Век XVI

Л. Захер-Мазох
ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ ВЕНГРОВ

Ч. Майор
В РАСЦВЕТЕ
РЫЦАРСТВА

Орчи, баронесса
СПУТАННЫЙ
МОТОК

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XVI

Л. Захер-Мазох
ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ ВЕНГРОВ

Ч. Майор
В РАСЦВЕТЕ
РЫЦАРСТВА

Орчи, баронесса
СПУТАННЫЙ
МОТОК

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84.4
3-38

Художник
И. МАРЕВ

Захер-Мазох Л. Последний король венгров / Пер. 3-38 с нем. **Майор Ч.** В расцвете рыцарства / Пер. с англ. **Орчи, баронесса.** Спутанный моток. — М.: ТЕРРА, 1997. — 384 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-00885-0

В сборник включены: роман Л. Захер-Мазоха «Последний король венгров» — об эпохе венгерского короля Людовика II, или Лайоша Великого (1326–1382); повесть Ч. Майора «В расцвете рыцарства» — о правлении английского короля Генриха VIII Тюдора (1491–1547); повесть баронессы Орчи «Спутанный моток» — о временах английской королевы, дочери Генриха VIII, Марии I Тюдор (1516–1558).

УДК 82/89
ББК 84.4

ISBN 5-300-00885-0

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

Л. Захер-Мазох

**ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ ВЕНГРОВ**

I

В замке Офен

На королевском замке Офен развевался флаг Людовика II. Ветер трепал клочья этого флага и отламывал щепы от гнилого дерева. Он картинно изображал собою состояние королевства. В то время как в Германии властвовала сильная рука Карла V, в железные ворота Венгрии постучал кулак султана, а дворянские партии грозили разрушить трон Ягеллонов. В сейме велись ожесточенные диспуты относительно мельчайших колес государственного механизма, тогда как он сам мог остановиться каждую минуту. Границы Венгрии разрушились так же, как и крепости. Заполия, воевода Трансильвании, уже направил свой взор на корону святого Стефана, в то время как Людовик II расчесывал локоны своей возлюбленной, а несколько старых, хромых солдат охраняли границу с Турцией.

На потолках и стенах замка еще виднелись следы прежнего величия и роскоши. Из громадной темной рамы великий король смотрел на юношу, который теперь носил его корону. Старые, выцветшие обои отделяли спальню короля от зала совета.

Когда король сидел в этом зале за длинным резным столом, то смотрел только на эту стену, желая определить, не двигаются ли обои, слушает ли и видит ли его возлюбленная, так как он любил ее больше, чем свою страну, чем свою власть и свою жизнь.

У этой королевской возлюбленной не было имени; народ называл ее просто «наложницей». Она родилась в степи и выросла на лошади. Она, дочь свободы, сделала владыку страны своим рабом, его скипетр обратила в свое веретено, а его королевскую мантию — в ковер под своими смуглыми ногами.

Король Людовик был красив и строен. Его бледное одухотворенное лицо было обрамлено длинными темными локонами; небольшая курчавая бородка окружала красивые, полные губы; нос с небольшой горбинкой указывал на энергию, а большие темные глаза придавали ему мечтательное выражение. Его походка и движения были легки, благородны и полны достоинства. Король был самым бедным человеком в Венгрии: он носил желтые кожаные башмаки, заплятанные брюки и широкий бархатный потертый кафтан, отороченный старым мехом.

Зато наряд королевской возлюбленной являлся полной противоположностью его костюму. Тонкая белая одежда, обшитая воздушными нидерландскими кружевами, облегла ее стройный стан, пышную грудь и тонкую талию. Ее густые темные волосы, перевитые жемчугом, пышными волнами падали на спину. Черты ее лица не имели строгой правильности, но были восхитительны. Его нежный овал, вздернутый носик и пухлые губки были полны прелести и задора.

На мраморном столе лежала дорогая рукопись из библиотеки Корвина; это были восточные сказки; наложница вложила в нее свою подвязку. Сама она сидела против своего возлюбленного за шахматной доской и за каждую взятую фигуру награждала его горячим поцелуем. Их жизнь была тоже сказкой; они спали и видели золотые сны, пока жизненная проза не будила их.

Вдруг по пустым залам замка раздался громкий звон колокола. Людовик знал значение этого звона. Он раздавался только в минуту грозящей беды и опасности. Поэтому Людовик быстро вскочил, бросился к нише, где висело его оружие, и старался вытащить саблю из ножен, но она заржавела и долго не поддавалась его усилиям. Наконец сабля очутилась у него в руках, и он, обняв любимую женщину, был готов к защите.

Но его возлюбленная не нуждалась в рыцаре, она освободилась от руки, которая хотела оградить ее, и вынула из-за пояса арабский кинжал. В коридоре раздался голос и звон сабель.

Дверь с шумом распахнулась, и в королевские покои вбежал архиепископ Чалкан. Это был высокий худой человек в лиловой одежде. Его гладко выбритое лицо выказывало ум, а хитрые серые продолговатые глаза пронизательно смотрели из-под нависших седых бровей. Он задыхался и не мог говорить. За ним следовал Цетрик, шталмейстер короля. В руке он держал сломанный клинок, а из головы сочилась кровь. Он сделал королю знак, чтобы тот бежал.

В эту минуту в пылу рукопашной схватки целая толпа телохранителей, магнатов и вельмож ввалилась в зал. При виде короля они опустили сабли и сняли шапки. Только один направился к королю с покрытой головой. Это был палатин¹ Баторий, сильный человек среднего роста, прекрасно сложенный, с выразительным лицом, желтый цвет которого резко контрастировал с седыми волосами. Нависшие брови придавали его красивым голубым глазам строгое выражение, а длинные седые усы оттеняли красиво очерченный рот. На нем был совсем простой костюм: узкие венгерские брюки, высокие сапоги, куртка из черного бархата и широкий черный бархатный кафтан, опушенный соболем и расшитый шнурами.

Когда он подошел к Людовику, в комнате воцарилась тожественная тишина. В эту же минуту Цетрик заслонил собой короля и воскликнул:

¹ Наместник Венгрии.

— Только через мой труп!

— Кто осмеливается преграждать мне дорогу к моему королю? — с жаром ответил Баторий, выхватив саблю.

Людовик сделал ему знак остановиться.

Тогда Баторий опустился на одно колено, острием своей сабли коснулся пола и воскликнул:

— О, мой король, ты должен выслушать меня.

— Как мятежника! — заметил Чалкан.

Наместник поднялся с колен, смерил его долгим взглядом и спокойно проговорил:

— Мятежником является тот, кто нарушает порядки страны. У нас существует порядок, что палатин во всякое время имеет доступ к королю и может говорить о делах страны. Мне же пришлось стоять у дверей, как нищему, и стучаться в нее саблей.

Палатин гордо поднял голову. Во всей его фигуре выражалась энергия и железная воля; его широкая грудь высоко вздымалась.

Людовик смущенно посмотрел на говорившего, потом на дворян, которые его окружали. Затем его взгляд остановился на канцлере Чалкане, архиепископе Гранском. Тот отошел к вооруженной группе людей, и его бритое лицо оставалось совершенно спокойным.

— Почему палатин не был допущен ко мне? — спросил его король.

— Потому, что я хотел открыть тебе глаза на них, — Баторий указал на архиепископа и наложницу короля, — и сказать то, о чем они молчат.

— Почему он не был допущен? — нетерпеливо повторил Людовик.

Архиепископ молчал.

— Почему? — крикнул король. — Оправдывайся!

— Спроси их, — с жаром воскликнул палатин, — почему они гонят меня, палатина твоей страны, как чужую собаку?

Лицо Людовика покрылось яркой краской, жилы на висках вздулись.

— Кто это сделал? Кто? — гневно крикнул он.

Все молчали, архиепископ скромно потупил взор.

— Кто? — еще раз крикнул король.

Тогда возлюбленная короля выступила вперед и сказала:

— Я!

— Вы? Почему же?

— Потому, что он ненавидит меня.

— Да, я ненавижу вас, потому что вы ведете Венгрию к гибели, — смело сказал Баторий.

— Это обвинение ужасно... Подумай о том, что ты говоришь, палатин, — с жаром воскликнул Людовик.

— Докажи! — проговорила наложница.

— Я готов, — ответил Баторий, — отечество в опасности.

— В опасности? — повторил король.

— Не слушай его! — умоляла его возлюбленная.

— Теперь более, чем когда-либо, — ответил король, освобождаясь от ее объятий.

— Страна находится в опасности! — взволнованно проговорил наместник.

— Потому что ты плохо управляешь ею! — бросила ему наложница.

— Нет, — со смехом возразил Баторий, — потому, что ты управляешь ею. Слушай, король, в то время как эта женщина держит тебя здесь в своих сетях, Сулейман берет в плен твоих подданных, а пока она выигрывает у тебя шахматные фигуры, полководцы султана разоряют твои крепости.

— Не может быть! — воскликнул король. Он окинул взором всех присутствующих и, выронив из рук саблю, простер их к архиепископу. — Этого не может быть! Архиепископ, докажи, что он лжет...

Чалкан молчал.

— Чокол, Чреберник, Тесна уже взяты султаном, — продолжал Баторий, — он подошел к Белграду.

— Откуда ты знаешь это, палатин? — воскликнул король. — Кто принес тебе эти удивительные известия? Где этот вестник?

— Здесь, — с достоинством ответил Баторий.

По его знаку из группы придворных отделился монах в темной рясе, опоясанный веревкой. Из-под капюшона виднелось загорелое лицо, покрытое рубцами.

— Кто ты? — спросил Людовик.

— Я — Томарри, — ответил монах, после чего окинул взором все собрание и, заметив движение, поднял руку, как бы для того, чтобы успокоить его.

— Ты — Томарри? — с удивлением воскликнул король. — Павел Томарри? Что привело тебя сюда?

— Мой обет, — ответил Томарри. — Я был солдатом, ты это знаешь, король, и участвовал во многих сражениях. Твой отец сделал меня своим телохранителем и управляющим замка Офен. Я любил горячо и искренне, как любят венгерцы; моя возлюбленная была цветком моей жизни и увяла, как цветок. Тогда я решил посвятить свою жизнь Богу, королю и отечеству и поступил в орден Святого Франциска. Молитва стала моим оружием, Евангелие — моим щитом, пока турки не объявили нам войну.

— Султан? Мне? — воскликнул Людовик.

Наместник рассмеялся. Его насмешка задела архиепископа; он поправил крест на своей груди и безучастным тоном проговорил:

— Да, это так; твое величество, вероятно, еще помнит, что наши посланники просили помощи против султана у святого отца в Риме. Они получили удовлетворительный ответ, но султан прислал своего агу, чтобы требовать от нас дань.

— Дань? — перебил его Людовик. — Томарри говорил об объявлении войны?

— Почему тебя так поражает это слово? — сказала наложница.

Людювик смотрел в землю, и на его бледных щеках выступил лихорадочный румянец.

— Дань, — глухо повторил он, — вот до чего дошло!.. — Затем он бросил взгляд на свою возлюбленную и продолжал: — Ты спрашиваешь, почему меня поражает это слово? Потому, что в этом одном слове заключается вся история моего правления. Дань! Что же дальше?

— Мы заключили посланных Сулеймана в темницу, — ответил архиепископ.

— Неуместное сопротивление и глупость, — пробормотал Баторий.

— А каким образом мои крепости попали в руки турок? — спросил Людювик. — Говори ты, Томарри!

— Подобное обращение с посланными, — начал монах, — возмутило падишаха; его полководцы тотчас же начали войну. Крепости Чреберник, Тесна и Чокол находились под начальством Фомы Матушная, любимца архиепископа, пьяницы и волокиты. Гарнизон был слаб, не имел провианта и сдался при первом штурме. Турки всех их перебили. Крепость Яица оказалась, напротив, долгое и упорное сопротивление, находясь под начальством умного и храброго Петра Кеглевича. Он при помощи разведчиков узнал, что турки готовятся к нападению и находятся недалеко от крепости. Тогда Кеглевич послал на луг, находящийся недалеко от крепости, женщин и девушек в роскошных нарядах, чтобы они своими плясками и пением привлекли турок. Но, как только последние вышли из засады, Кеглевич бросился на них из ворот крепости, а его помощник напал на них с тыла. Турки потерпели полное поражение.

— Слава Богу! — серьезно проговорил король. — Но Кеглевич... это — тот самый...

— Тот самый, — сказал Баторий, — которого твои мудрые советники так усердно советовали тебе отставить от командования крепостью.

— Но что дальше? — нетерпеливо проговорил Людювик.

— Султан с большим войском следует за своим пашой, — продолжал Баторий, — всему государству, столице и тебе самому грозит серьезная опасность. Это известие не должно было дольше оставаться тайной для тебя, а потому прости, что я вынужден доставить его тебе с оружием в руках.

— Благодарю, — сказал король, — вы хоть и очень воинственные друзья, но все же друзья. Чалкан, что ты сделал из меня? Куклу, которую раздевают и одевают, ребенка, которого успокаивают игрушкой. Мои воины проливают кровь, умирают, а я в это время играю в шахматы и целую свою любовницу!.. Подайте мне оружие и лошадь!.. Я иду в поход!

Никто не ответил на этот воинственный призыв короля. Дворяне стояли молча, потупив взор. Наконец Баторий проговорил:

— Король, ты хочешь командовать армией, которой не существует. Страна беззащитна!

Людовик с ужасом взглянул на говорившего, потом на архиепископа и воскликнул:

— Невозможно!.. Не может быть! Меня обманывали самым подлым образом! Что ты скажешь на это, Чалкан?

Высокая, худая фигура архиепископа кротко и покорно согнулась. Он смущенно гладил свою рясу.

— Мой король... — пробормотал он.

Людовик приказал ему замолчать, топнул ногой и оттолкнул свою возлюбленную, которая старалась успокоить его. Архиепископ отошел и прошепел над ее ухом:

— Оставь его! Ты видишь, он вне себя. Когда эта вспышка пройдет, он снова будет в наших руках, и ты можешь оттрепать его за уши за его поведение.

Король между тем быстро ходил взад и вперед по комнате. Затем он остановился перед наместником и дрожащим голосом сказал:

— Говори дальше, Баторий!

Тот поклонился и произнес:

— Государство беззащитно; его сердцевина прогнила, и оно разлагается. Ты стоишь над бездной, и мы вместе с тобой. Ты бессилен, беден и в опасности; твой народ разорен и в отчаянии прокликает управление твоих помощников. Уважение к королевской власти подорвано, никто не повелевает, никто не повинуется. Магнаты жиреют на твой счет и на средства народа, мелкое дворянство прозябает и гибнет, а у тебя самого еле хватает средств на покрытие твоих личных расходов. Мы беззащитны и разорены!

Людовик закрыл лицо руками.

— Не сплю ли я? — тихо проговорил он. — Неужели мой народ несчастлив? Неужели мои советники лгут? О нет, я вижу все это во сне! Я хочу проснуться от этого тяжелого, отвратительного сна! — Он оступал наместника. — Нет, это — не сон! Боже мой!.. Боже мой!

Среди дворян произошло сильное движение. Раздались голоса:

— Король обманут! Долой советников!

Баторий знаком успокоил их и серьезно обратился к архиепископу:

— Канцлер, отвечай и оправдывайся!

— Только королю, — ответил Чалкан с лстивой улыбкой, смиренно кланяясь.

Дворяне, выхватив сабли, бросились к нему, однако наместник заслонил собой канцлера.

— Оправдывайся, — приказал король, — не пред ними, не предо мной, а перед Всевышним.

Чалкан тихими шагами подошел к королю и чуть слышно проговорил:

— Все так, как сказал Баторий: государство расшатано и находится в опасности; но разве мы не принимали всевозможных мер, чтобы отвратить ее? К сожалению, мы — только люди и не можем изменить предопределения Всемогущего!

— Не греши! — перебил его Баторий. — Потребуй от него ответа, король! Народ виноват во многом, но и у короля Венгрии должна быть твердая рука!

— Вы обвиняете меня? — взволнованно спросил Людовик.

— Да, — воскликнул палатин, — я обвиняю тебя! Упрямый, гордый и своевольный народ требует бдительного глаза и деятельных рук. Ты сам нарушил власть законов, сам возбудил честолюбие Заполии и воинственность султана, твое бессилие придает им силу. Две сильные руки протянуты к твоей короне, а ты забавляешься со своей любовницей. Полумесяц угрожающе восходит над горизонтом Венгрии, турки берут наши крепости, разоряют нашу страну, а у нас есть оружие только для турниров, а деньги только для забавы. Сулейман могуч, под его шагами стонет земля. Перед королем Людовиком не дрожит даже повар, когда пересолит суп, или портной, когда испортит его кафтан. Сулейман играет коронами, а Людовик — локонами своей любовницы. Ты — ребенок. Горе тем, кто довел тебя до этого.

Король молча слушал Батория, но затем быстро подошел к нему. Однако наместник сделал знак, что еще не кончил.

— Еще не все? — воскликнул Людовик, дрожа всем телом.

— Еще не все! — холодно ответил Баторий. — Государству нужен мужчина; если же ты называешь управлением охоты, удовольствия и женские ласки, то сойди с трона своих предков и уступи свое место более достойному.

Послышался глухой шум. Людовик не сводил с Батория лихорадочного взора и полузаикаясь-полурыдая воскликнул:

— Пока я — еще король! Арестуйте этого преступника! Казните его!

Мертвое молчание было ответом на эти слова, никто не двигался.

— Ты не имеешь власти надо мной, — с достоинством проговорил Баторий, — ты в моих руках, но я оставляю тебя спать, бедное дитя, пока пушки Сулеймана не разбудят тебя. Тогда ты призовешь свой народ, и дай Бог, чтобы это не было слишком поздно... Прощай!

Король принужденно рассмеялся.

— Останься, Баторий! — сказал он. — Ты убедил меня, что мое могущество не более могущества карточных королей. Где мои советники, мои слуги? Никто не смеет коснуться тебя! Да, это вполне убедило меня! — И мягкосердечный, увлекающийся Людовик бросился на кресло и зарыдал.

Монах тихо подошел к нему и произнес:

— Ты еще будешь могущественным, если только захочешь.

Людовик опустил голову на грудь; было видно, что в его душе происходит сильная борьба.

— Да, — начал он, — я должен отвернуться от тех, кого люблю. Я должен поверить вам! Разве те, кто мне милее и ближе других, не должны стоять ближе всего к моему трону?

— Народ ненавидит тех, кого ты любишь, — ответил монах, — и проклинает тех, кого ты благословляешь. Если ты не хочешь,

чтобы он проклинал тебя, то овладей собою и поступай, как мужчина! Если ты хочешь довести страну до гибели, то мы этого не допустим. Мы требуем действий, а не пустых слов.

Людовик вскочил. Его красивое лицо осветилось выражением энергии.

— Я тоже не хочу больше слов, — воскликнул он, — я хочу видеть дело. Я хочу быть королем, хочу быть мужественным. Чего хочет от меня народ?

Среди дворян стало заметно движение.

— Мы одни слишком бессильны, — сказал Баторий, — нам нужны поддержка и помощь. Ты помолвлен с сестрой императора Карла V; женись скорее на ней — и мы будем спасены!

Людовик опустил голову, на его глазах показались слезы.

— Они предают тебя Австрии, — сказал архиепископ Чалкан.

Наложница со слезами прошептала:

— Мы должны расстаться с тобой, Людовик. Прощай! Я отдала тебе все, все. Женщина всегда отдается всей душой, а вы, мужчины, отдаете нам только свою худшую часть — сердце! Забудь меня и будь счастлив!.. Я тебя не забуду! Прощай! — И она повернулась, чтобы уйти.

— Нет! Нет! — воскликнул король. — Этого не может быть! Посмотри на нее, Баторий! Когда эти губы говорят человеку, что любят его, тогда он переселяется в другой мир, мир грез и чудес, а все остальное исчезает как дым.

— Есть и другие средства, — сказал Чалкан.

— Других нет! — возразил палатин.

— Женись на Марии! — проговорил монах.

— Других средств нет, — повторил Баторий, — народ хочет видеть в своем короле совершенство, хочет видеть около него благородную женщину. А что ты предлагаешь ему? Распутницу?

— Баторий! — крикнул король.

— Вспомни о Боге! — сказал монах.

Людовик закрыл лицо руками, а потом решительно проговорил:

— Хорошо, пусть будет так! Сегодня я пошлю посольство в Брюссель. Архиепископ и палатин встретят эрцгерцогиню на границе. Одновременно с этим я призову свой народ к оружию. Сборное место будет в Баце. Сегодня же я выеду туда. Прощайте!

Слова короля были покрыты радостными кликами дворян. Все устремились к двери.

— Можешь идти, — сказал король архиепископу.

Когда все вышли, Людовик, рыдая, бросился к ногам своей возлюбленной и воскликнул:

— Тебя одну я люблю! Одну тебя!

— И все же изменил мне, — ответила она с жестоким смехом.

— Нет, я не изменю тебе! — страстно проговорил Людовик. — Не бойся ничего! Другой такой женщины, как ты, для меня нет на свете!

Поход без армии

Недалеко от ворот города Офена, в небольшой пустынной долине находилась уединенная корчма, приют разбойников, бродяг и падших женщин. Ее хозяин, маленький, толстый еврей с заплавленными глазами, стоял на пороге в грязном халате и время от времени подавал какие-то знаки всаднику, который с трудом направлял свою лошадь по тропинке, круто спускавшейся к корчме. Наконец он благополучно добрался до нее. Еврей подскочил к нему, взял у него лошадь и шепнул ему на ухо:

— Он ждет уже давно и совсем потерял терпение.

Неизвестный всадник еще плотнее закутался в белый плащ и направился в низкую, закопченную комнату.

У большого дубового стола сидел просто одетый человек, по виду похожий на солдата. При появлении всадника он встал, и свет из маленького оконца упал на крупные, довольно красивые, но неприятные черты его лица.

— Что скажешь? — спросил он сиплым голосом.

Всадник сбросил с головы капюшон, и из-под него появилось прелестное личико наложницы Людовика.

— Я заставила тебя ждать, Заполия, — сказала она, — но так надо было. Батерий одним ударом порвал все узы, которыми я опутала короля, и мне пришлось плести новые сети.

— Я это знаю, — ответил Заполия, — я знаю все. Батерий прав; государству нужен мужчина, и я буду им. От меня требуют решительного ответа! — С этими словами честолобивый воевода вынул из-за пазухи бумагу и прочел ее. — Ты хорошо служишь мне, — сказал он потом, — ты сделала для меня больше, чем султан. Король отправился в Бац. Мои посланцы уже отправились туда; ты тоже поедешь с Людовиком?

— Нет.

— Палатин не разрешил этого королю? — с усмешкой произнес Заполия. — Ну, хорошо! Тогда ты последуешь за ним. Я придумал тебе хорошую роль. Ты отправишься в поход, но только не против турок, а против короля и палатина. Ты поведешь с ними любовную войну.

С этими словами воевода встал и надел плащ.

— Еще одно, Заполия, — сказала наложница, — только не смейся надо мной, а то я убью тебя. — И красавица схватилась за кинжал, бывший у нее за поясом.

— Ну-с? — с изумлением спросил воевода.

— Я люблю короля, — тихо проговорила наложница.

Заполия снисходительно посмотрел на нее.

— Ты знаешь, — продолжала она, — я всегда верно служила тебе и твоей партии, но короля я вам не отдам. Я не хочу терять его даже ради вас. Если он женится на эрцгерцогине Марии, то горе мне и тебе, если он мне изменит.

С этими словами она быстро вышла из корчмы, вскочила на лошадь и помчалась из долины. Заполия вышел вслед за ней, покачал головой и также сел на свою лошадь и ускакал.

В Офене между тем царило большое оживление. Цетрик, шталмейстер короля, готовил все к отъезду. Баторий и его приверженцы быстро собирали своих людей, набирали солдат и отправили гонцов в Бац. Людовик находился в лихорадочном волнении; он думал только о войне и победе и все время упражнялся с мечом. Когда его возлюбленная возвратилась, он крикнул ей:

— Посмотри, как я могу сражаться!

В ту же ночь он выступил в Бац. За ним следовали телохранители, Баторий с дворянами из Офена и их воинами; всего было около шести тысяч человек. С этой армией Людовик хотел выступить против султана.

Уже в самом начале похода поднялся ветер и пошел дождь, что сильно охладило воинственный пыл молодого короля; он опустил голову, им овладели желание вернуться в Офен и тоска по возлюбленной.

Когда маленькая армия прибыла в Бац, то там ничего не было приготовлено. Полководцы, которых король послал вперед, кутили и веселились, и прибывшие не нашли ни помещения, ни провианта, ни фуража для лошадей. Часть дворян кое-как разместилась в городке, другие же расположились лагерем вместе с солдатами. Королю по его приказанию была разбита палатка среди армии.

Он мрачно сидел на своей походной кровати. Палатин стоял около него и докладывал о расположении армии в лагере и на форпостах. Глаза короля лихорадочно горели. Баторий тотчас же позвал доктора; тот пощупал голову и пульс Людовика и объявил, что он болен.

В следующие дни Людовик был совсем апатичен и равнодушен, не слышал, когда к нему обращались, и отвечал невпопад. Все попытки вывести его из этого состояния не имели успеха, ничто не возбуждало в нем интереса. Томарри привел перебежчика из лагеря султана, регента, который хотел снова обратиться в христианство. Он сказал, что Сулейман идет с полумиллионной армией, что тридцать тысяч верблюдов нагружены мукой и ячменем, три тысячи верблюдов — порохом и свинцом и что в его артиллерии насчитывается до трехсот пушек. Король кивнул и потребовал свою шахматную доску. На следующее утро палатин сообщил Людовику, что один из полководцев султана с тысячью всадников перешел Драву и грабит ее левый берег.

Он потребовал от короля отдать приказ напасть на пашу. Король кивнул головой и молчал. Баторий с состраданием взглянул на него и вышел; четверть часа спустя он выступил из лагеря с пятьюстами гусар.

Людовик позвал своего шталмейстера и тихо сказал:

— Выведи меня из палатки! Есть ли тут какой-нибудь холм?

— Там, на севере, — ответил Цетрик.

Опираясь на его плечо, король дошел до холма и спросил:

— Где Офен?

— Там, — ответил шталмейстер, указывая на север.

— Там, там она! — повторил король, а затем сел на камень, обхватил колени руками и целый день просидел, глядя на север.

Вечером Цетрик насильно увел его в палатку.

Час спустя в лагере произошло волнение, раздалась музыка и послышались радостные клики. Палатин вернулся с победой и привел около двухсот пленных. Покрытый пылью и кровью, он вошел в палатку короля, положил к его ногам конский хвост¹ и рассказал, как он напал на пашу, убил его и рассеял его войска. Людовик выслушал, улыбнулся, бросился на грудь Батория и разрыдался. Его уложили в постель; ночью у него сделался сильный жар.

Ранним утром с форпостов донесли о приближении с севера сильного отряда; ожидали подкрепления и не ошиблись. Впереди ехал эскадрон гусар, прекрасно вооруженных и одетых; за ними следовал отряд пеших солдат. Впереди этого отряда ехал стройный всадник в черном бархатном кафтане, опушенном соболем. На его голове была высокая соболья шапка, на лице — черная маска; его окружали двадцать также замаскированных всадников. При приближении этого отряда солдаты выскочили из палаток, радостно приветствовали вновь прибывших и сопровождали до палатки короля.

Перед палаткой таинственный всадник соскочил с лошади и потребовал, чтобы его ввели к королю. Ему отказали, говоря, что король болен.

— Болен? — воскликнул он. — Тем более никто не посмеет удерживать меня!

При звуке этого голоса король приподнялся и прислушался.

— Цетрик, мне, вероятно, приснилось? Это ее голос, — сказал он шталмейстеру.

В эту минуту полы палатки распахнулись, в нее ворвался незнакомец и бросился к постели короля. Он быстро сорвал с себя шапку и маску — это была наложница. Людовик вскрикнул и со слезами прижал ее к своей груди.

— Ты болен, мой король, мой возлюбленный, и меня не было около тебя?! — с беспокойством проговорила она.

Людовик улыбнулся.

— Я был болен от тоски по тебе, — прошептал он, глядя ее волосы, — но теперь я поправлюсь; ты вылечишь меня своими поцелуями. Целуй меня!

Цетрик вышел из палатки и весь день и всю ночь пролежал у входа в нее, не впуская никого. Наложница была теперь врачом больного короля. Наутро он был здоров. Бодрый и свежий он пошел по лагерю, зашел к палатину, осмотрел весь лагерь и форпосты и осведомился о силе и передвижениях врага. Затем он осмотрел отряд, прибывший с наложницей, сам указал ему место в лагере и

¹ Конский хвост у турок заменяет знамя

присутствовал при том, как разбивали палатку для его возлюбленной.

Палатин мрачно смотрел на это и сказал Томарри:

— Эта женщина опаснее Заполи и султана. Мы должны быть очень осторожны. Тут может помочь только Мария.

Король прождал еще несколько дней, но подкрепления больше не появлялось. Дворянство, на которое сильно надеялись, не явилось; приходили печальные вести. Маленькая крепость Чаба была взята турками, ее гарнизон умер геройской смертью; головы венгерцев были посажены на косы вдоль дороги, по которой шел Сулейман, осаждавший Белград. В армии Людовика насчитывалось всего около десяти тысяч человек; было бы безумием идти вперед. Белград пал. Король, получив это известие, бросился на постель и разрыдался.

Однако разведчики донесли, что султан, довольный результатом похода, решил вернуться в Константинополь. Тогда король отправил хорошо вооруженный отряд в Петервардейн, а сам решил вернуться в Офен. Перед тем как пуститься в обратный путь, он собрал всех дворян и сказал им:

— Мы исполнили свой долг, но народ покинул нас. Не забудь этого, мой верный Баторий!

III

Наложница

В старом стольном Белграде, на площади перед собором собралась огромная пестрая толпа народа, состоявшая из людей различных наций, населяющих Венгрию. Известие, что король женится на эрцгерцогине Марии и коронует ее, привлекло тысячи любопытных. На ступеньках собора сидели жители окрестностей. У стены расположились словаки, продавали глиняную посуду. Там виднелась группа горбоносых, смуглых валахов, далее бродили, в лаптях и широкополых войлочных шляпах, несколько русских, населяющих Карпаты. Евреи, в длинных кафтанах и бархатных ермолках, кричали и торговали. Мелкие дворяне в темных городских костюмах и с оружием на боку с шумом и гамом разгуливали по улицам; толстые магнаты, сияя дорогими тканями и щеголяя ценными мехами, камнями и жемчугами, медленно разъезжали в толпе в сопровождении вооруженных слуг.

В ста шагах от собора находился скромный постоялый двор; это был высокий дом в готическом стиле, построенный каким-то заезжим немцем. В окне первого этажа на дорогом ковре, подперев голову руками, лежала наложница короля и равнодушно смотрела на пеструю толпу. Ее густые волосы были схвачены жемчужными нитями; на ней была черная бархатная одежда с крупными пестрыми цветами. Вдруг она стала внимательно всматриваться в узкий

переулок, где появились темные фигуры двух мужчин. Один из них был одет пышно и нарядно; она узнала Заполию. Он играл рукояткой сабли, украшенной драгоценными камнями, и внимательно слушал речь своего спутника. Это был Вербочи, толстый, краснощекий человек, совершенно лысый и только над лбом у него виднелся пучок рыжих волос. Всю нижнюю половину его лица покрывала густая рыжая борода. На нем были узкие красные панталоны и кафтан, плотно обтягивающий его жирное тело. Он сдвинул свою шапку на затылок и шел, оживленно разговаривая и жестикулируя, причем привешенные к его поясу чернильница, перо, бумага, нож и очки прыгали во все стороны.

Королевская фаворитка завернулась в широкий плащ, надела бархатную шапочку и быстро спустилась вниз по лестнице. На площади она поспешно пошла по направлению переулка, без церемоний расталкивая толпу рукояткой своего арабского кинжала.

— Заполия! — крикнула она.

Тот остановился.

— Это ты? — сказал он. — Пойдем, пойдем!

Он подхватил ее под руку, потащил назад к постоялому двору и вошел в сени.

— Надо действовать, — взволнованно продолжал он, — женитьба на эрцгерцогине поведет к союзу с Австрией и направлена против меня. Я не хочу больше делать кляксы и слизывать их языком, как Вербочи, когда пишет свои прошения. Пусть меч решит все.

— О, что вы говорите! — воскликнул Вербочи. — Чернила лучше крови, а сейм — лучше сражения. О, мой господин!.. Пейте побольше воды, ваша желчь разлилась! Не надо насилий; будем действовать мирным путем.

— Ты прав, мудрый Вербочи, — подхватила наложница, — еще рано браться за меч. Неужели, Заполия, ты хочешь поставить на карту свое могущество, жизнь и судьбу всех нас? Власть в наших руках. Людовик все еще у моих ног.

— Господин, — проговорил Вербочи, — поцелуй лучше сабельных ударов.

Заполия покачал головой.

— Вы сами себя обманываете. Настало время точить сабли! Женившись на Марии, Людовик обойдется и без тебя, моя прелестная союзница. Я развертываю свое знамя и взываю: «Кто идет со мной?»

— Ты рассчитываешь на народ? — спросила наложница.

— Что такое народ? — со смехом воскликнул Заполия. — Это — безвольная толпа! Я рассчитываю на своих друзей!

— И ты хочешь свергнуть Людовика? — резко спросила фаворитка.

— Я свергну его! — спокойно ответил воевода.

— Пока я жива, тебе это не удастся, — тихо, но решительно проговорила красавица.

Заполия изумленно взглянул на нее.

— Что же, прикажешь ждать, пока он нападет на меня? — сказал он. — А ты хочешь, чтобы он сам прогнал тебя?

— Этого не может быть! Он любит меня! А если разлюбит, то горе ему!

— Ты не боишься Марии? — спросил воевода, испытующе глядя на нее.

— Нет, — гордо проговорила красавица.

— Напрасно, — ответил воевода, — она опаснее, чем султан. Она прекрасна, как языческая богиня, добродетельна, как святая, умна, смела и неустрашима! Она очень опасна, поверь мне!

Наложница прижалась лбом к стене и, дрожа всем телом, проговорила:

— Он не может бросить меня.

— Он сделает это, — сказал воевода. — Утешься и полюби меня!

— Я никогда не продавалась, — гордо ответила наложница, — все, что я делала, я делала для партии и ради народа!

— Ты так любишь его? — мрачно спросил воевода.

— Да, — кивнула фаворитка. — Если он изменит мне, то я отомщу ему!

Воевода ответил на это демоническим смехом.

— Ну, ладно! Смотри только, чтобы не было слишком поздно!

— Подожди, — сказала красавица, — обсудим хорошенько это дело! Ты хочешь действовать мечом, но ведь Австрия окажет помощь королю.

— Против Австрии у меня есть Франция, — ответил Заполия.

— Не доверяй Франции! — сладко произнес Вербочи.

Заполия усмехнулся, вынул из кармана бумагу и подал ее Вербочи. Тот медленно надел очки на свой красный нос и с достоинством принялся за чтение. Наложница смотрела ему через плечо.

— Хорошо, — сказал Вербочи, окончив чтение и отдавая бумагу воеводе.

— Предстоит мировая борьба, — объяснил Заполия своим друзьям, — Франциск I хочет уничтожить Карла V, а я стремлюсь завладеть венгерской короной. Франция нуждается во мне, а я — во Франции. Теперь, когда я так близок к цели своих стремлений, я не отступлю и прибегну к оружию!

Воевода с жаром выхватил из ножен свою кривую саблю, но в это время с площади донеслись громкие, восторженные крики.

— Король идет! — воскликнула наложница.

Воевода поспешил спрятать саблю в ножны.

— Не выдавай меня, — шепнул он и, гордо подняв голову, вышел на площадь в сопровождении Вербочи.

Его свита уже собралась у собора и приветствовала его звоном сабель.

Людовик в это время тоже появился на площади, в своем потертом костюме, обшитом мехом, местами совершенно изъеденном

молью. Его окружали магнаты в пышных, роскошных одеждах; рукоятки их сабель были украшены драгоценными камнями.

Заполия пошел навстречу королю, медленно снял шапку и насмешливо проговорил:

— Поздравляю ваше величество с отступлением султана.

— Благодарю, — тихо ответил Людовик.

В эту минуту раздались пушечные выстрелы, звон колоколов, музыка и восторженные крики тысячи голосов, возвещавшие при-
бытие эрцгерцогини.

Людовик подозвал Цетрика и шепотом спросил его:

— Ты ничего не знаешь о ней, о наложнице?

— Ничего, — был ответ.

Людовик мрачно пошел вперед.

— О, если бы я мог повести ее к алтарю! — прошептал он.

Между тем шествие с невестой короля подходило все ближе и ближе. Народ кричал и бросал шапки вверх. Уже вдали была видна эрцгерцогиня; высокая, стройная, в роскошном белом платье, она гордо выступала вперед; по сторонам ее шли Чалкан и Турцо; два пажа несли ее шлейф. Лицо Марии было покрыто густой вуалью. Только тогда, когда Людовик холодно поклонился ей и приветствовал от лица страны и народа, она нетерпеливым жестом откинула вуаль. Тут народ и ее будущий супруг в первый раз увидели ее. Дворяне замахали саблями, а народ бросился на колени. Людовик молча отступил назад, не в состоянии отвести взор от прелестного лица эрцгерцогини.

— Боже мой! Мне кажется, что Господь послал мне с неба Своего ангела, — воскликнул он, после чего, словно очарованный, опустился на колени и прикоснулся лбом к подолу ее платья.

Мария сердечно протянула к нему руки и подняла его.

— О, как вы добры! — воскликнула она приятным голосом. — Дайте мне свою руку! Мне все чуждо здесь, и я нуждаюсь в друзьях. Я твердо решила любить своего будущего мужа и свой народ. Прошу вас, полюбите и меня; я буду вам так благодарна!

Король наклонился к ней и поцеловал ее руку, а народ ответил на ее слова восторженными криками.

Наложница видела все это; она закусила губы и, сжав кулак, с угрозой подняла его к небу.

Недалеко от нее стоял Заполия, который тоже был сильно взволнован и еле держался на ногах. Его глаза горели лихорадочным огнем, он не сводил их с эрцгерцогини. Его лицо было бледно как полотно, а губы бормотали какие-то несвязные слова. Он сам не мог понять, что с ним творится. Разве он — не Заполия, участвовавший в стольких сражениях, неустрашимый Заполия, которому предстоит носить корону Венгрии? Он хотел бежать, но не мог сдвинуться с места; Мария совсем очаровала его. Он видел, как она протянула королю губы для первого поцелуя и слушала его речи.

— Ты пришла к нам из другого мира, — сказал ей король, — ты осветила нас, как луч солнца, который рассеивает туман!

— Да здравствует король! — воскликнул палатин. — Эльен!

— Эльен! Эльен! — подхватила тысячная толпа.

Наложница упала на каменные ступени собора и в отчаянии рвала на себе волосы. Мария быстро взойшла на ступени собора и обернулась к народу.

— Благодарю вас, — сказала она, смело и радостно обводя взором толпу, — я полюблю вас, я уже люблю вас. Я пришла из другой страны, где плавают могучие корабли, жужжат ткацкие станки, работают кузнецы; познакомьте меня с собой, с вашей страной! Я оставила на родине все, что любила, и теперь пришла к вам, чтобы полюбить вас, разделить с вами горе и радости!

Радостные клики покрыли ее слова.

— Ты не лишилась родины, — ответил ей старик Турцо. — Когда ты подашь у алтаря руку нашему королю, Австрия и Венгрия протянут друг другу руку дружбы; два свободных народа соединятся, чтобы вместе бороться с врагами.

Снова загрели пушечные выстрелы, зазвонили колокола и заиграла музыка. Король торжественно повел Марию в церковь; магнаты и дворяне последовали за ними.

В дверях собора палатин обернулся к своим друзьям и громко проговорил:

— Мы победили. Король и Венгрия спасены!

Его взгляд тщетно искал воеводу. Заполия стоял как в воду опущенный. Когда толпа исчезла в соборе, он остановился на верхней ступени и опустился на колени.

— Здесь стояла она, — шептал он, — я поцелую это место! Звоните, колокола! Гремите, пушки, и возвестите всему миру, что Заполия полюбил!

IV

Коронование

Воевода стоял еще на ступенях собора, когда чья-то холодная рука схватила его за руку. Он поднял голову, как бы очнувшись, и увидел искаженное от злости и горя лицо наложницы.

— Заполия! Ты видел? — прошептала она задыхаясь.

Воевода поднялся, посмотрел на нее, а затем произнес:

— Она завладела им и будет властвовать над Венгрией и над нами.

Наложница вся задрожала; закутавшись плотнее в плащ, она прошептала:

— Я испытаю еще одно средство; если это не поможет, то поведу борьбу не на жизнь, а на смерть!

Она потащила воеводу со ступеней собора, по ее щекам катились крупные слезы. Воевода остановился и прижал ее голову к своей груди.

— Теперь я понимаю тебя, — прошептал он, — теперь я знаю, что такое жизнь и любовь. Одно мгновение совершенно переродило меня. Я знаю теперь, какое блаженство быть рабом женщины!

Фаворитка с изумлением и замешательством посмотрела на него.

— Заполия! Ты ли это? Неужели это говоришь ты, человек с каменным сердцем, который никогда не любил?

— Теперь я понимаю тебя.

— Нет, нет, — простонала наложница, — ты не можешь меня понять!

Заполия разразился диким смехом и потащил ее вверх по ступеням, к дверям собора.

— Посмотри, — сказал он, — человек, которого ты любишь, стоит с ней перед алтарем. Посмотри, эта женщина принадлежит теперь ему перед Богом и людьми. Я люблю эту женщину! Теперь я твердо решил или погибнуть, или завладеть короной этой страны и Марией!

— Я попытаюсь поговорить с ним, — прошептала наложница. — Если это не удастся, то горе мне и ему!

С этими словами она проскользнула в собор. Закутавшись в плащ и надвинув на голову капюшон, она пробралась вперед, опустилась на колени рядом с Цетриком и тихо позвала его по имени.

Тот сейчас же узнал ее и тихо прошептал:

— Король спрашивал о тебе.

— Я должна поговорить с королем, — ответила она.

Цетрик покачал головой, но наложница настаивала на своем и просила до тех пор, пока Цетрик не согласился передать королю, что она будет на маскараде, который должен был состояться в тот же вечер. Она подробно описала ему свой костюм и обещала наградить по-царски.

Затем она поднялась и снова пробралась к выходу. У своего дома она встретила Заполию и заклинала его подождать до следующего дня. Воевода со странной улыбкой спросил ее, в каком костюме она будет на маскараде.

— Я тоже испытаю еще одно средство, — добавил он, — если это не удастся, то я возьмусь за оружие.

Снова раздались пушечные выстрелы, зазвонили колокола и заиграла музыка. Мария и Людовик вышли из собора. Женщины и девушки бросали им под ноги цветы. Теперь Мария была уже королевой Венгрии. Вдруг к ногам короля упала большая, пышная красная роза; он нагнулся, чтобы поднять ее, и посмотрел, кто ее бросил. Это была его наложница; она стояла у окна, взволнованная и более красивая, привлекательная и опасная, чем когда-либо. Король вздрогнул, он не мог оторвать от нее свой взор. Несколько часов тому назад он клялся любить только ее; теперь он забыл ее, но все же чувствовал, что продолжает любить эту женщину, и это пугало его. Жгучее пламя срасти снова загорелось в его сердце.

Тут Цетрик нагнулся к его уху и что-то прошептал. Наложница с напряженным вниманием следила за выражением лица Людовика; он поднял к ней свой взор и прижал розу к губам.

Наложница бросила насмешливый взгляд на молодую королеву и исчезла из окна.

Некоторое время спустя Цетрик пришел к ней и многозначительно произнес:

— Король ждет тебя.

V

Мария

За венчанием и коронацией в старом соборе последовал блестящий банкет в зале королевского замка. Еще за несколько дней до свадьбы королевская казна была пуста, однако Людовик II строго-настрого приказал своему министру финансов, крещеному еврею Эмерику Черенцесу, достать суммы, нужные для свадебных и коронационных торжеств. Еврей жаловался, проливал слезы, но все же собрал деньги, нужные для соответствующего приема молодой и прекрасной эрцгерцогини Марии Австрийской.

В замке были накрыты роскошные столы, дворянство, которое обыкновенно учитывало все мельчайшие расходы короля, было сегодня в восторге, что удалось скрыть бедность венгерского короля от немецких гостей.

Банкет продолжался уже несколько часов и, казалось, не собирался окончиться. Молодая королева, утомленная волнением и жарой, встала из-за стола и направилась в свои покои, в сопровождении графини Лаленг, которая следовала за ней из Бельгии. В комнаты Марии вел широкий коридор, куда выходила дверь, через которую можно было по узкой винтовой лестнице подняться на башню в правом углу замка, выходившую на соборную площадь.

Мария сняла с себя корону и тяжелую мантию и, сделав графине знак не сопровождать ее, быстро поднялась на башню. Добравшись до верхнего этажа, она открыла окно и высунулась в него. С одной стороны виднелся лес, освещенный последними лучами заходящего солнца, с другой — темная масса собора, крыши домов и их серые, закопченные стены. Снизу глухо доносились музыка, возгласы и смех пирующих. Молодая королева долго смотрела в окно, ветер играл ее локонами и освежал лицо.

Вдруг в дверь комнаты постучали. Мария с досадой повернулась. Это была графиня Лаленг; она сказала королеве, что ее желает видеть по очень важному делу Заполия, воевода Трансильвании, о котором Мария уже слышала как о враге государства и престола. Она бросила еще один взгляд в окно и в раздумье пошла вниз. Поправив прическу, она вышла в небольшую приемную, куда графиня ввела Заполию. Графиня вышла, а королева, скрестив руки на груди, гордо подошла к воеводе и испытующе взглянула на него. Заполия спокойно выдержал ее взгляд, низко поклонился и подошел ближе.

— Что привело тебя к нам? — холодно спросила Мария. — Что нужно Заполю, врагу престола, от королевы?

— Я хочу объявить королю войну, — ответил воевода, — и хочу сделать тебя своей союзницей.

— Против короля? Моего мужа? — спросила Мария и рассмеялась. Этот смех смутил Заполю; он неуверенно продолжал:

— Я знаю тебя лишь несколько часов, но знаю тебя лучше тех, кто воспитал тебя и выдал замуж за короля Венгрии. Ты — женщина, стоящая выше многих мужчин. Твоя душа жаждет великих дел, ты не можешь найти удовлетворение в рукоделиях и танцах. Ты должна исправлять законы, приговаривать к смерти и миловать, объявлять войны и заключать мир: это — твоя сфера. Ты можешь жить только так, но не иначе. Тебе же дали корону, которая никуда не годна. Я пришел, чтобы вывести тебя из подобного недостойного положения!

Мария с изумлением смотрела на воеводу, слушая его речи, но тот говорил так спокойно и решительно, что нельзя было сомневаться в справедливости его слов.

— Говори яснее! — нетерпеливо прервала его королева.

— Хорошо, — ответил Заполя. — Те, кто возвел тебя на этот престол, обманули тебя. Ты найдешь страну, которая сгнила и разлагается, народ, который видит свою свободу в анархии, короля без власти и уважения, действиями которого руководят минутные капризы.

Мария в волнении отступила.

— Докажи! — запальчиво воскликнула она.

— Вот я стою перед тобой, — сказал Заполя, ударяя себя в грудь. — С тех пор как Людовик II носит корону, я — его враг; но разве он смеет поднять на меня руку? Разве этого недостаточно?

— Что сделало тебя его врагом? — спросила Мария.

— Я ненавижу его, — ответил воевода, — потому что люблю Венгрию, а он ведет ее к гибели.

Мария отвернулась; ее гордость была оскорблена тем, что Заполя осмеливается так говорить о ее супруге. Однако она не решилась назвать его лгуном, а потому медленно подошла к окну и подставила свои пылавшие щеки вечерней прохладе. Затем она снова обернулась к воеводе.

— Если королю нужна голова, которая думала бы за него, то почему ты не предложил ему свою? Почему ты не направил его на верный путь?

— Потому что я сам хочу управлять этой страной, а если я захочу чего-нибудь, то сумею настоять на своем.

— Почему же ты до сих пор не сделал этого? — с презрительной улыбкой заметила Мария. — Ты молчишь? Ну, так я скажу тебе: просто ты прекрасно знаешь, что Европа не допустит этого, потому что у тебя нет никакого права на корону.

— Вот мое право! — воскликнул Заполя, выхватывая саблю. — Клянусь Богом, что если я прибегну к нему, то Людовик будет свергнут с престола.

Мария взволнованно ходила по залу.

После некоторого молчания воевода продолжал:

— Таково твое положение как королевы; но положение жены тоже не лучше!

Мария побледнела и ухватила за спинку кресла.

— Замолчи! — чуть слышно прошептала она. — Ты демон искуситель, бросающий семена сомнения в мою душу. Замолчи!

— Твое мужество уже покидает тебя? — язвительно заметил Заполия.

— Говори, говори! — воскликнула Мария.

— Ты обманута и тут. Людовик любит другую... да, другую... свою любовницу!

Мария вскрикнула и схватила воеводу за руку.

— Каждый ребенок, каждая торговка на базаре знает, что король всецело в руках своей любовницы и духовника, — холодно продолжал Заполия.

Королева выпустила его руку и спокойно продолжала:

— Что побудило тебя сказать мне все это? Ненависть?

— Ненависть и любовь! — проговорил воевода и схватил руку королевы. — Да, ненависть к королю и любовь к моей родине и к тебе, Мария. Я люблю тебя... Будь моей! Я знаю, моя внешность не может внушать любовь... но полюби мои замыслы, мои поступки и решительность. Они вполне достойны того. Заполия сделает то, что обещал тебе Людовик. Ты будешь управлять могущественным государством! Я свергну Людовика, сделаю Венгрию славной и великой и возведу тебя, Мария, на ее престол!

Королева стояла, ошеломленная, произнося непонятные слова.

Однако Заполия не давал ей времени опомниться.

— Ты любишь Австрию и привязана к своему дому. Я протяну Австрии руку, и мы соединенными силами будем бороться с Францией и исламом. Ты молчишь? У тебя нет мужества решиться? Я кладу судьбу Венгрии и Австрии в твою белую ручку. — Заполия вынул из кармана документ и поднес его к свету, так что на нем стали видны водяные знаки лилий Франции, а затем подал его Марии.

Она взглянула на бумагу и промолвила:

— Письмо французского короля.

— Прочти его, — сказал Заполия, гордо улыбаясь, — это письмо Франциска I, покажет тебе, какая опасность грозит твоему августейшему брату. Возьми эту сильную руку, которую я предлагаю тебе; я примкну к Австрии, и твой царствующий дом покорит весь мир.

Мария, сделав отрицательное движение, сказала:

— Нельзя ставить Австрию на одну доску с Францией. Австрия борется за идею, Франция из жажды наживы. Европа возьмется за меч и свергнет короля Франции без тебя, Заполия.

Воевода с улыбкой слушал воодушевленную речь прекрасной королевы.

— А что будет, если я и султан появимся под Веной, в то время как Франция отправит свои войска в Италию, и если Австрия потерпит поражение, потому что ты была слишком нерешительной в великий час? — спросил он.

— Лучше проиграть с честью, — твердо проговорила Мария, — чем победить коварством.

— У тебя прекрасные убеждения, — сказал Заполия, — но почему ты решила принести себя и свою страну в жертву человеку, совсем недостойному этого? Твоя страна имеет на тебя такие же права, как и твой муж.

Снизу донеслись звуки веселой музыки.

— Ты возводишь на моего супруга тяжелое обвинение, — взволнованно воскликнула Мария, — поклянись мне, что Людовик не достоин этой жертвы.

Заполия торжественно поднял руку к небу и твердо проговорил:

— Клянусь тебе, что его женитьба на тебе была лишь комедией.

— Дай мне доказательства, — простонала Мария, чувствуя, что ноги подкашиваются, и падая на колени.

Заполия подхватил ее и с лицом, сиявшим радостью, сказал:

— Хорошо!.. Позови свою статс-даму, если ты доверяешь ей, бал уже начался. Я дам тебе костюм и маску, и ты все узнаешь. Ты потребуешь доказательств и получишь их.

VI

Страждущая Венгрия

Людовик в лихорадочном волнении стоял перед зеркалом в своей спальне и нетерпеливо топал ногой, в то время как слуга обвертывал его голову дорогой восточной шалью в виде тюрбана. Король избрал для маскарада, которым должен был закончиться ряд празднеств, костюм турецкого султана. Он уже давно не мог позволить себе дорогие платья и теперь, как ребенок, радовался своему роскошному наряду. Красота Людовика еще более выигрывала от этого фантастического пестрого костюма; тюрбан прекрасно шел к его бледному лицу, его маленькие ноги выглядели очень изящно в мягких туфлях.

Наконец его туалет был окончен.

В это время вошел Цетрик. Король отослал слугу и нетерпеливо спросил своего шталмейстера, исполнил ли он его поручения. Цетрик ответил утвердительно. Король надел на лицо черную бархатную маску, а Цетрик облекся в желтое домино и прикрепил к своей груди черный бант.

Людовик в сопровождении шталмейстера быстро направился в бальный зал, уже переполненный всевозможными масками. У одной из дверей зала, ведущих в смежную гостиную, стояли два янычара, вооруженных с головы до ног, оберегая вход.

Король направился к ним, но они скрестили свои кривые сабли и потребовали пароль. Людовик прошептал его одному из янычар на ухо; тогда они, почтительно поклонившись, пропустили короля и его спутника. Занавес за ними снова опустился.

Комната, куда вошел король, была роскошно обставлена и казалась взятой из «Тысячи и одной ночи». Пол был устлан мягким, пушистым ковром, стены скрыты пальмами и тропическими растениями, доходившими до потолка и образовавшими красивую зеленую беседку. В одном углу была устроена скала, покрытая зеленым плюшем; из нее бил ключ. Между двумя пальмовыми стволами находилась скамья, обитая вьющимися растениями.

Король, осмотрев этот поэтический уголок, остался очень доволен им и, взяв Цетрика за руку, снова повлек его в зал.

Громкая музыка возвестила прибытие новых гостей. Приближалось оригинальное шествие, возбуждавшее всеобщее внимание и удивление. Король остановился около колонны, чтобы пропустить процессию.

Впереди шел глашатай, а за ним следовали музыканты, «игравшие» на всевозможных медицинских и хирургических инструментах; потом шла целая толпа врачей различных национальностей. Позади них ехала повозка, запряженная шестью ослами; на ней в глубоком кресле сидела женщина с громадным животом. У нее было очень красивое, но болезненное лицо. Над повозкой возвышался балдахин, на котором виднелась крупная латинская надпись: «Страждущая Венгрия». За повозкой ехал всадник в костюме турка; из-под его черного тюбана виднелся оскаливший зубы череп; на плече у него была коса. По обеим сторонам всадника шли гайдуки в красных кафтанах и все время зывали:

— Вот едет великий доктор, знаменитый чудотворец.

За ними три белых и три черных невольника несли роскошный раззолоченный паланкин, в котором сидел великий чародей в пышном наряде, спокойно куривший трубку и не обращавший ни на кого внимания. За паланкином шли сорок прекрасно вооруженных янычар.

Дойдя до середины зала, шествие остановилось; его окружила толпа любопытных. Глашатай, указывая на «страждущую Венгрию», проговорил:

— Взгляните на эту больную. Некоторые находят, что она безнадежна, другие думают, что ее еще можно спасти соответственным лечением. Мы собрали всех самых знаменитых врачей со всего света, чтобы они определили состояние больной.

Глашатай стал по очереди вызывать «врачей»; они высказывали различные предположения и наконец единогласно решили, что спасти больную нельзя.

Тогда к больной подошли невольники с паланкином. Чародей торжественно вышел из него, пощупал больную, а затем подал знак невольникам; они схватили его пациентку за ноги, и за руки, чтобы она не могла двигаться. Чародей засучил рукава, быстро разрезал

живот страждущей Венгрии своим кинжалом и вынул большую толстую куклу в роскошном костюме венгерского магната. Он поднял ее и сказал:

— Так это причиняло тебе самую сильную боль? Это чудовище называется «высшая знать». Оно высосало из тебя все соки, не оставив ничего своему брату, — при этом он вынул вторую куклу с всклокоченными волосами и полуголую, — которого зовут «народ».

Громкий смех покрыл слова чародея. Он бросил этих двух кукол и затем по очереди достал из живота Венгрии «высшее духовенство», «мелких дворян», «министра финансов» и «архиепископа Чалкана», сопровождая их соответственными остроумными замечаниями и эпитетами. Затем, порывшись во внутренностях Венгрии, чародей показал толпе нарядно одетую женщину, сидевшую верхом на мужчине, одетом в костюм, который обычно носил король, и с короной на голове. Он был взнуздан подвязками, а у нее в руках вместо хлыста была туфля.

Толпа зашепталась и захохотала. Чародей бросил «короля» к другим куклам, а больная Венгрия с облегчением поднялась и проговорила:

— Как мне теперь легко и хорошо!..

Чародей достал огромную иглу и торжественно зашил живот больной; после операции последняя встала и сошла с повозки; шествие снова двинулось и покинуло зал, сопровождаемое любопытной толпой.

В это время из группы масок выделилась одна, представлявшая собой темное пятно на фоне ярких костюмов. На ней была широкая, тяжелая черная одежда с длинным шлейфом, на голове черный капюшон, закрывавший все лицо и имевший только прорези для глаз. Руки были закрыты черными перчатками. Она быстро поднималась по лестнице, ведущей на галерею, внимательно всматриваясь в толпу.

Два венецианца в зеленых костюмах следили за ней.

— Походка выдает ее, — прошептал один из них. — Это наложница; она ищет короля; мы не должны выпускать ее из вида.

Другой молча кивнул головой.

Это были Баторий и Турцо. Они взяли под руки и пошли за черной маской. Последняя тем временем подошла к желтому домино и, взяв его за руку, назвала по имени.

— О, Цетрик, — сказала она, — я готова расцеловать тебя. Ты говорил, что король хочет видеть меня? Повтори еще раз свои слова!..

— Ну да, — тихо ответил шталмейстер, — он вздыхает по вас. Он сказал тогда: «Ах, если бы я мог короновать ее!» Он говорил о вас.

— Где король? — взволнованно спросила наложница.

— Я отыщу его. Подождите здесь, — ответил Цетрик и исчез в толпе.

Как только он ушел, к ней подбежал Заполия, без маски и в своей обычной одежде, и взволнованно спросил, виделась ли она уже с королем?

— Нет еще, — ответила наложница, срывая пышную красную розу и прикалывая ее на груди.

— Скорей! — воскликнул воевода. — Он там. Пойдем!

Он предложил ей руку и, расталкивая толпу, быстро увел ее.

В эту минуту на хоры взошел король в сопровождении Цетрика.

— Она ожидает нас здесь, — сказал шталмейстер.

— Нет, она ушла туда, я видел ее, — ответил Людовик, указывая в направлении, куда ушли Заполия с черной маской.

Однако в этот момент маленькая ручка хлопнула его по плечу, и, обернувшись, он увидел перед собой черную маску с красной розой на груди. Король обхватил ее за талию, повел к беседке, охраняемой янычарами, и усадил там на скамью. Здесь он горячо обнял ее и попробовал снять капюшон, но маска с досадой оттолкнула его. Людовик опустил руки и с замешательством посмотрел на маску; та отклонилась назад и, блеснув из-под черного бархата темными глазами, рассмеялась коротким, хриплым смехом. Ее грудь вздымалась, а руки были сжаты в кулак.

Король опустился на колени к ногам маски и прошептал:

— Ты сердишься? Неужели ты не можешь простить меня? Я буду принадлежать тебе, только тебе одной!.. Ты молчишь?.. Скажи хоть слово... умоляю тебя!

Черная маска поднялась, скрестила руки на груди и снова рассмеялась. От этого смеха у Людовика побежал по спине мороз. Не поднимаясь с колен, он протянул к ней руки и страстно продолжал:

— Чего ты хочешь еще? Подумай, ведь моя любовь к тебе — преступление по отношению к Венгрии и Марии. Я имел намерение спасти свой народ и свое государство, но бросил все, как только ты позвала меня, потому что твой голос делает меня безвольным и слабым. Мария, как ангел, сошла с небес, чтобы спасти меня и мой народ, но ты напомнила мне клятву, которую я закрепил пламенными поцелуями. Возьми меня! Делай со мной что хочешь, только не молчи и люби меня!..

Черная маска ответила язвительным смехом и быстрым движением сорвала маску с лица короля и капюшон со своей головы. Король вскрикнул и вскочил на ноги; перед ним стояла Мария, его супруга, и с презрением смотрела на него. Он прислонился к пальме, ухватился за скалу, чтобы не упасть, и, опустив голову на грудь, разрыдался, как ребенок.

Молодая королева, прижимая руку к груди, медленно подошла к своему супругу и с насмешкой произнесла:

— Ты, вероятно, ожидаешь трогательной сцены... Не беспокойся! Поговорим спокойно, ведь мы — разумные люди. Отвечай мне: я, чужая, пришла к тебе, преисполненная искренним желанием полюбить тебя и твой народ. А что сделал ты?.. Теперь между нами не будет произнесено больше ни слова о любви, мы будем говорить о

Венгрии, о государстве. Любовь может быть возмещена лишь властью, могуществом, славой. Что ты даешь мне? Позор, стыд и горе.

Людовик сжал голову руками и тихо, как бы говоря с самим собою, произнес:

— Я стремился к высоким идеалам, но в действительности превратил их в отвратительные карикатуры. Я не смею поднять свой взор, и, как преступник, не могу надеяться на прощение. Позор и стыд!

Королева презрительно засмеялась.

— Встань, — сказала она. Но так как Людовик не двигался, то она еще раз повелительно повторила: — Встань, я так хочу.

Король медленно поднялся.

— Да, позор и стыд! — снова повторила Мария. — Ты, вероятно, можешь сносить презрение, но я не намерена делать это. Неужели я должна расплачиваться за то, что ты погубил страну в объятиях своей любовницы? Нельзя терять время! Надо действовать. Султан и воевода Заполия угрожают престолу.

Людовик смущенно ответил:

— В Венгрии еще существует партия, которая поддерживает престол. Решительный и энергичный правитель может оказать сопротивление...

Королева с отчаянием взглянула на этого мечтателя.

— Да, — сказала она, — это может сделать энергичный правитель, но не ты. Ты не создан для борьбы и сопротивления, ты воспитан только для наслаждения и удовольствий. Думал ли ты когда-нибудь о том, что ты — садовник, который должен обрабатывать свой сад, а не бабочка, порхающая с одного цветка на другой? В Германии, Англии и Франции явились великие люди, проповедующие новую веру, новые идеи! Король должен так же работать на пользу своей страны, как и последний поденщик.

Людовик, воодушевленный горячей речью своей супруги, взял ее за руку, но она оттолкнула его. Тогда он, дрожа как в лихорадке, отступил назад, прислонился к стене и нажал на скрытую пружину. Стена расступилась, как в сказке, и открыла выход на террасу. С болезненным воодушевлением, которое нередко вспыхивает у слабовольных людей, Людовик схватил Марию за руку и вывел ее на террасу. Луна слабо освещала расстилавшуюся перед ними картину. Крыши домов и горы вдалеке поднимались к небу темными силуэтами. Король облокотился на перила. Долго они стояли молча друг возле друга. Наконец Людовик обернулся к супруге и, указывая на ландшафт, проговорил:

— Посмотри, какая торжественная картина!.. Вот где царят вечные, непоколебимые законы; мы же, бедные люди, в смятении хватаемся за нити жизни, путаем и рвем их!

— Борьба — закон природы! — ответила королева, энергично закидывая голову. — И смерть одного нередко дает жизнь другому. Пойдем отсюда, здесь нас могут услышать! — повелительно добавила она.

Людовик беспрекословно пошел за ней и запер потайную дверь.
— Послушай, — решительно проговорила Мария. — Ты неспособен к борьбе и потеряешь престол. Я имею на него такое же право, как и ты. Ты — король только по имени, на что тебе власть? Откажись от престола и предоставь его мне. Если не сделаешь этого добровольно, то я применю силу и свергну тебя.

Людовик с изумлением и замешательством смотрел на свою супругу.

— Передай мне скипетр! — продолжала она. — Решайся, ты не выйдешь отсюда. Ты — мой пленник!

Полуиспуганный, полувосхищенный, Людовик отступил назад и живо проговорил:

— Право на престол я уступлю тебе, но право на тебя оставляю за собой. Между нами не может быть речи о любви; ты не можешь любить человека, которого презираешь, но я преклоняюсь перед тобой. Спаси меня! Управляй, заключай мир, объявляй войну, издавай законы! Я хочу только твоей любви. Спаси меня!.. Я не могу жить без любви! Я болен — исцели меня!

Взволнованная Мария прижала руку к своему бьющемуся сердцу и, потупившись, молчала, но затем, гордо выпрямившись, решительно проговорила:

— Хорошо, я буду твоей! Выслушай меня до конца. Ты будешь носить корону, а я — управлять. Я хочу восстановить славу этой страны. Ты сегодня же уволишь своего канцлера. Я буду твоим первым министром.

— Благодарю тебя! — воскликнул король, опускаясь на колени.

— Встань, — сказала Мария, целуя его в лоб и надевая свой капюшон, — сюда идут.

В эту минуту палатин сорвал занавес с двери и с гневом воскликнул:

— Смотрите, венгерцы, ваш король стоит на коленях перед своей любовницей! Вот женщина, которая влечет Венгрию к гибели, — продолжал Баторий, бросаясь к Марии и выхватывая кинжал. Умри, змея!

Однако король успел схватить его за руку и сорвал капюшон с головы Марии.

— Королева! — пронеслось по залу.

Палатин в смущении упал на колени.

— Прости, — прошептал он, поднося подол ее одежды к губам.

Королева положила руку ему на плечо и воскликнула:

— Благодарю тебя, верный палатин. Встань!

В зале раздался отчаянный крик. Черная маска в таком же костюме, как Мария, быстро пробиралась к ней сквозь толпу.

— Ты победила! — крикнула она с насмешливым хохотом.

— Кто эта дама? — спросила королева, величественно подходя к ней.

— Спроси его! — ответила наложница, срывая капюшон и бросаясь на шею Людовику.

Тот быстро освободился от ее объятий и оттолкнул ее.

Однако фаворитка не смутилась и вызывающе проговорила, обращаясь к королеве:

— Он мой... потому что я люблю его!

— Долой! Вон! — закричала толпа. — Молчать!

Турцо схватил ее за руку.

— Уведите ее, — приказала Мария, — но никто не смеет оскорблять ее.

— Мы еще увидимся, — крикнула фаворитка, когда ее обступили магнаты. — Будь ты проклят! Я проклиная твой престол!

— В башню ее! — закричала толпа.

Королева быстро подошла к Цетрику, сбросившему маску, и приказала ему:

— Цетрик, охраняй ее! Ты отвечаешь мне за нее. Если понадобится, защити ее оружием.

Цетрик молча повиновался.

Мария, обращившись к магнатам, увидела Заполию, который, казалось, равнодушно стоял в толпе. Королева медленно направилась к воеводе и, сняв перчатку, бросила ее к его ногам. Тот наклонился и с улыбкой поднял ее.

— Я принимаю вызов, — спокойно ответил он, — и буду бороться до тех пор, пока рука, носившая эту перчатку, не будет принадлежать мне.

Эти слова вызвали сильное волнение в зале. Однако королева успокоила толпу одним взглядом и сделала Заполии знак удалиться. Тот низко поклонился и вышел.

В воротах замка его остановила темная фигура.

— Это ты? — спросил воевода.

Бывшая королевская наложница бросилась к нему на шею и, глядя на темное небо, усеянное звездами, сказала:

— Мне кажется, что я теперь — упавшая звезда. Я должна хватиться за тебя, чтобы не скатиться в пропасть. Отомсти за меня, Заполия!

До них донеслись звуки веселой музыки.

— Музыка! — со смехом воскликнул воевода. — Веселитесь и радуйтесь! Скоро раздадутся трубный глас и барабанный бой, и ваш престол будет разрушен; тогда вся Европа узнает, кто такой Заполия!

VII

Домашняя жизнь королевы

Сейчас же после коронации в стольном Белграде король Людовик II со своей молодой супругой отправился в Офен, куда вступил очень торжественно, и поселился в замке.

Зима вступила в свои права и покрыла всю местность толстым снежным ковром. Горы, окружающие Офен, как белые великаны,

смотрели в окна замка, а городские валы опоясали город как лебязьей опушкой.

На другое утро после своего прибытия молодая королева, полуодетая, стояла у окна своей спальни и любовалась прекрасным зимним пейзажем, напоминавшим ей родину. На ее красивом лице лежал отпечаток грусти, сосредоточенности и мрачной решимости.

Шуршание платья за спиной вывело ее из мечтательности. Вошла графиня Лаленг и доложила о приходе шталмейстера короля, который непременно хотел видеть Марию по важному делу.

Молодая королева накрыла голову фламандской сеткой, накинула короткий плащ и приказала ввести Цетрика.

— Что привело вас ко мне, друг мой? — приветливо проговорила она, опускаясь на мягкую скамью.

Цетрик молча подошел к ней и, упав на колени, взволнованно проговорил:

— Я пришел просить у вас прощения.

— В чем же?

— В том, что я помогал королю в ту роковую ночь на маскераде. Простите меня! Я всегда служил королю верой и правдой, а потому простите мне, что я служил той женщине, которую мы все проклинали. Я вижу и понимаю теперь, что исполнять волю короля значит погубить его. Вы явились, чтобы спасти его, и отныне я не буду исполнять ничьих приказаний, кроме ваших.

Королева протянула ему руку и, подняв его, с радостью проговорила:

— Благодарю тебя, Цетрик!.. Ты можешь много сделать для короля, потому что ты целый день с ним. Если еще возможно спасти твоего господина, то это можем сделать только я и ты.

Цетрик снова опустился на колени перед Марией и поцеловал край ее одежды.

— Я не могу больше оставаться, — сказал он, — потому что иначе мое отсутствие заметят. Если король узнает, что я здесь, то не будет больше так доверять мне, как до сих пор. Позвольте дать вам еще один совет. У короля доброе сердце, но слишком пылкая фантазия, здесь-то и таится корень его болезни, а потому старайтесь действовать на его фантазию, окружайте все дымкой поэзии. Наряжайтесь сами; красивым нарядом вы достигнете больше, чем просьбами и мольбами. Завладейте его воображением — и вы будете его повелительницей и владычицей.

Мария улыбнулась, кивнула своей красивой головкой и отпустила Цетрика. Затем, одевшись, она приказала позвать министра финансов, крещеного еврея Черенцеса.

Это был один из самых оригинальных людей при дворе Людовика II. Многие еще помнили маленького Черенцеса, когда он с котомкой на спине и аршином в руках ходил с товаром из одной деревни в другую и писал свои счета мелом на дверях домов. Теперь он был великим человеком: заседал в совете короля, имел высокий чин и орден; его дочь была важной дамой, и он решил

выдать ее замуж только за магната или палатина. Однако, несмотря на всю свою важность, он не мог отделаться от своих еврейских манер. Он вошел к королеве, делая множество поклонов, потирая руки и скромно улыбаясь. Королева предложила ему сесть; министр поместился на самом кончике стула и тихо спросил, что угодно ее величеству.

— Мне нужны деньги, — непринужденно начала Мария.

— Деньги? — дрожащим голосом повторил Черенцес. — Деньги? Но где же мне взять их, когда во всей стране нет ни одной монетки?

— Где взять денег? — ответила королева. — Из ваших железных сундуков и больших мешков.

— Каких мешков? — спросил еврей, бледнея как полотно.

— Из мешков, которые спрятаны в подвалах вашего дворца, — сказала Мария.

— Да покарает меня Господь! — воскликнул он, размахивая руками.

Королева с улыбкой посмотрела на еврея, а потом весело проговорила:

— Замок Офен — не разбойничий притон; я не хочу от вас подарков, и ваши сундуки останутся в целости!

С этими словами она поднялась, достала большую шкатулку и вынула из нее чудное бриллиантовое ожерелье.

Глаза министра заблестели; он надел большие круглые очки и стал рассматривать бриллианты.

— Хотите это в залог?

— За сколько? — спросил еврей, продолжая любоваться драгоценностями.

— За двадцать тысяч талеров, — ответила королева.

— Много денег! — воскликнул еврей. — Но бриллианты — хороший залог, и я хочу услужить вам. Сейчас принесу деньги, — сказал он, забирая ожерелье.

— Это дело должно остаться между нами. Понимаете? — добавила королева.

Час спустя в комнате ее величества стояло сто мешков, по двести талеров в каждом.

Молодая, энергичная королева немедленно начертала план своего обращения с супругом. Хотя ее правдивой и открытой натуре и претила неискренность, но она была настолько умна, что понимала необходимость предпринимаемых ею мер.

Когда Людовик приходил утром к супруге, чтобы поцеловать ее, она спокойно выпроваживала его, говоря, что по горло занята делами и не может прервать свои занятия и что ему не интересно все, что касается управления. Она советовала ему покататься верхом, пострелять из лука или погулять. Людовик возвращался в свои покои, ходил из угла в угол и не знал, чем заняться. Через некоторое время он посылал Цетрика к королеве узнать, не может ли он видеть ее, но Мария отвечала, что не хочет утомлять его нало-

гами, назначениями и тому подобными скучными вещами, и про-
сила подождать до обеда.

Тогда король звал своих собак и отправлялся гулять на вал;
однако им овладевало непреодолимое желание увидеть Марию, и он
шел к ней, стучался в дверь и восклицал:

— Я непременно должен видеть тебя, Мария, я не буду мешать
тебе, даю слово. Я буду твоим писарем, толькопусти меня!

Королева впускала его и снова возвращалась к своему письмен-
ному столу, где сидел ее личный секретарь. Король с изумлением
смотрел на свою супругу и с восхищением замечал на ней новое
платье, которого еще никогда не видел. Скрестив руки на груди,
Мария ходила по комнате, заставляла своего секретаря читать ей
различные бумаги, диктовала решения, давала приказания. Снача-
ла Людовик следил за ее движениями, прислушивался к звуку ее
голоса и наконец начал проявлять интерес к делу и задавать воп-
росы. Мария с улыбкой отвечала ему; король с каждым разом все
с большим интересом относился к делам, высказывал свои мнения
и записывал то, что ему говорила Мария.

— Вот прошение представителей сословий о назначении опыт-
ного коменданта над пограничными крепостями, — сказал однажды
Людовик, просматривая длинную бумагу. — Кого же мы назначим?

— Насколько я помню, — ответила Мария, — государственный
совет предполагал еще назначить епископа Калочского.

Секретарь подтвердил.

— В таком случае я знаю подходящего человека, достойного
пастыря и храброго героя...

— Мне известно, о ком ты говоришь, — перебил Людовик, —
это — Павел Томарри, монах.

— Как ты хорошо знаешь своих подданных! — проговорила
Мария, целуя супруга в лоб. — Да, я говорю о Томарри. Мы на-
значим его архиепископом Калочским и начальником крепостей по
ту сторону Дуная, Дравы и Савы.

Король поспешно написал указ.

Когда он окончил, Мария положила перед ним новый лист бу-
маги:

— Напиши подорожную для графини Лаленг. Петр Чаранос
будет сопровождать ее.

Людовик с изумлением взглянул на супругу.

— Ты хочешь отправить свою подругу, свою поверенную?

Королева спокойно ответила:

— Венгерцам не нравится, когда их правители окружают себя
иностранцами. Я постараюсь найти венгерку, которой могу дове-
риться.

Наконец дела были окончены. Секретарь собрал все бумаги и
был отпущен. Когда он вышел, Людовик обнял Марию и запечатлел
горячий поцелуй на ее губах.

— Довольна ли ты мной? — спросил он.

— Конечно.

— А ты любишь меня?

— Больше жизни, — искренне ответила Мария, а затем подошла к столу и, рассматривая бумаги, написанные королем, громко рассмеялась, причем воскликнула: — Боже, как ты пишешь по-латыни! Кажется, мне придется начать серьезно учить тебя.

— Мне надо заниматься латынью? — печально проговорил король.

— Нет, нет, — быстро ответила молодая женщина, — тебе это скучно. Может, ты теперь проедешься верхом, а я поищу старых классиков в библиотеке Корвина и проведу часок с Геродотом или Горацием.

Король быстро схватил шапку и побежал за ключами от библиотеки. Когда он вернулся, Мария была уже в другом платье. Тяжелое черное бархатное она заменила теперь светло-серым из мягкого сукна, прекрасно оттенявшим свежий цвет ее лица. Король в восторге расцеловал ее и повел в верхний этаж, где хранились остатки богатой библиотеки, собранной королем Матвеем Корвином. Мария долго рассматривала кожаные корешки богатых бархатных переплетов и наконец достала толстый фолиант; это была прекрасная рукопись поэмы «Тристан и Изольда» Готфрида Страсбургского. Потом она выбрала по каталогу еще несколько книг; Людовик быстро принес лестницу и достал их. Взяв некоторые книги под мышку и нагрузив остальными своего супруга, Мария вернулась в свои комнаты.

Королева посмотрела на часы и предложила своему супругу прогуляться по парку. Она каждый день, по нидерландскому обычаю, каталась на коньках перед обедом. Переодевшись, она отправилась в парк в сопровождении короля, графини Лаленг и Цетрика.

Небольшой пруд был покрыт блестящим, гладким льдом. Король надел супруге коньки, и она уверенно спустилась на лед. Она каталась одна и вместе с графинею; они танцевали на льду и выписывали коньками замысловатые фигуры, вензеля и имена. Людовик стоял на берегу и любовался ею.

Затем они отправились обедать, а после обеда катались верхом. Для этого королева снова переоделась, и в амазонке, плотно облегающей ее красивую фигуру, казалась Людовику еще великолепнее.

После возвращения с прогулки Мария обычно запиралась в своей комнате, читала и писала письма и занималась изучением известных авторов. Она переписывалась с множеством великих людей своего времени и живо интересовалась всем, что происходило на свете.

Людовик тем временем стрелял в цель, фехтовал с Цетриком и усердно посматривал на часы. Наконец наступал вечер, и король с радостью шел к Марии, которая сидела перед камином, закутавшись в меховую накидку. Людовик садился у ее ног, и она читала ему Горация или Геродота или объясняла прекрасные рисунки в книге «Тристан и Изольда».

Наконец она откладывала фолианты в сторону, обнимала своего молодого супруга, безгранично любившего ее, и разрешала ему отнести себя в спальню.

VIII

Эрзабет

Во дворе замка Офен радостно звучали охотничьи рога. В лесу на горах появились волки. Во внучке Марии Бургундской сейчас же проснулось желание поохотиться на этих животных. Король также вполне разделял это желание. За ночь были сделаны все необходимые приготовления, и ранним утром Людовик и Мария выехали на охоту. Их сопровождали только Цетрик, около двенадцати охотников и псарей с собаками.

Они проехали рысью через город и еще до восхода солнца достигли лесной опушки, окруженной со всех сторон крестьянами с шестами и кольями. Вдоль опушки были сложены громадные костры, которые теперь поджигали для того, чтобы преградить дорогу волкам. Только в одном месте между кострами было оставлено широкое пространство; здесь стали король, королева и охотники с собаками.

Загонщики обошли лес с другой стороны и спустили гончих. Людовик отправился с ними. В его отсутствие королева подозвала Цетрика и тихо сказала ему:

— Цетрик, во мне произошла большая перемена: я люблю короля. Он слабоволен, нерешителен и неустойчив, но в этом виновато его воспитание. Я не в силах относиться к нему так же равнодушно, как прежде; но могу ли я постоянно иметь на него влияние? Будет ли он все так же любить меня?

— Кто сможет ответить на этот вопрос? Теперь он любит вас страстно. Пользуйтесь этим. Подрежьте ему крылья, чтобы он никогда не научился летать! — ответил Цетрик.

В это время к ним подъехал король, из леса донеслись громкие крики загонщиков и звонкий лай собак, доказывавший, что они напали на след волков. Псаря, стоявшие позади короля и королевы, спустили собак. Волки, стесненные с двух сторон, стали искать выхода и выскакивали на палки и колья охотников. Два матерых волка выбежали из леса и бросились прямо на королеву, щелкая зубами. Ее лошадь испугалась и встала на дыбы; один из волков вцепился ей в шею. Тут раздался выстрел, и второй волк, собиравшийся броситься на королеву, упал, сраженный пулей Людовика. Мария между тем всадила кинжал в глотку первого зверя, и поток крови залил ее и лошадь. Волк привскочил, завыл, но выпустил шею лошади и упал навзничь. Подоспевшие охотники и Цетрик прикончили зверя.

Людовик, вне себя от страха, расспрашивал Марию, не ранена ли она, она же со смехом счищала кровь и потребовала помочь

израненной лошади. Цетрик, осмотрев ее шею, заявил, что рана не опасна, и охота продолжалась.

С западной стороны леса тянулась равнина, поросшая низким кустарником; сюда загонщики должны были выгнать остальных волков. Снова запылали костры; в лесу все было тихо. Королева, ее супруг и охотники остановились у края равнины.

Но вот раздался крики загонщиков; они медленно приближались, и наконец на равнину выскочила целая стая волков. Королева, король и Цетрик, пришпорив лошадей, пустились за ними. Людовик первый настиг волка и, бросив копьё, убил его. Волки в бешеной скачке мчались вперед, за ними стремглав летели всадники. Наконец одно из животных начало отставать, и королева, настигнув его, уложила на месте. Вдали показалась темная масса — они приближались к лесу. Волки, завидев его, ускорили свой бег. Собаки были утомлены, и лошади вспотели; лес был уже совсем близко, волки издали радостный вой и скоро исчезли в чаще. Охотники с досадой остановились на опушке и созвали собак.

Однако королева не хотела прерывать охоту. Дав немного отдохнуть лошадям и собакам, она снова затрубила в свой рожок. Собаки пустились по следу волков, а охотники стали объезжать лес, чтобы перерезать им дорогу. Утомленные лошади шли шагом, а лес тянулся без конца. Вдруг перед ними открылась просека, пересекающая, казалось, лес с запада на восток. Королева направилась туда и сделала своим спутникам знак следовать за ней. Издали доносился лай собак. Но просека неожиданно кончилась, дальше шла густая чаща, и лошадям пришлось повернуть обратно. Снова поехала вдоль опушки леса, лошади уже еле передвигали ноги. Лай собак доносился то с одной, то с другой стороны, то ближе, то дальше. Небо начало принимать красноватый оттенок, верхушки деревьев осветились последними лучами заходящего солнца. Подул ветер, со свистом несясь над равниной. Королева плотнее закуталась в меха и, остановив лошадь, пожелала повернуть домой. Цетрик посмотрел на небо и заявил, что охота завлекла их слишком далеко и им не добраться до Офена до наступления ночи. Ветер все крепчал, и крупными хлопьями повалил снег. Возвращаться по равнине было рискованно, тем более что ни охотников, ни псарей нигде не было видно, лай гончих замолк.

Было решено ехать вперед и искать ночлега.

Людовик и Мария поехали шагом, а Цетрик, пришпорив лошадь, помчался вперед на разведку. Вскоре он увидел в стороне высокую темную крышу какого-то здания и направился прямо к нему. Наступили сумерки; снег шел все сильнее. Вдруг перед Цетриком выступила из темноты какая-то фигура, шталмейстер пришпорил лошадь и окликнул ее; фигура остановилась, и Цетрик, к своему великому изумлению, увидел перед собой высокую, стройную женщину. Она схватила его лошадь за поводья и крикнула:

— Кто вы? Что вам здесь надо?

При этом в руке незнакомки блеснуло оружие.

— Я — Цетрик, шталмейстер короля, — ответил он, — и ищу ночлега для короля и королевы, которые заблудились на охоте.

— А я — Эрзабет, дочь Петра Перена; недалеко отсюда его дом. Вернитесь и проводите их величества, а я поспешу домой предупредить об их приезде.

Молодая девушка отпустила поводья и, еще раз внимательно взглянув на Цетрика, исчезла в темноте. Цетрик поспешил вернуться к королю и доложить обо всем. Все трое помчались к дому Перена.

Хозяин встретил их у ворот, приветствовал и ввел в свой дом.

Это было обширное каменное строение, с защитными башнями по углам, окруженное валом и глубоким рвом. Ворота за высокими гостями тотчас же были заперты.

У дверей дома их встретила хозяйка и по широкой каменной лестнице ввела в первый этаж. В большом зале, украшенном гербами, щитами, оружием и знаменами, топился камин. Петр Перен подвинул королеве и королю два громадных дубовых кресла.

Королева сняла шапку и удобно поместилась в кресле, а король стал быстро ходить взад и вперед по комнате, чтобы согреть свои иззябшие ноги, и пожелал познакомиться со всей семьей Перена. Хозяйка вышла и вернулась с двумя сыновьями и дочерью. Сам хозяин был высокий, сильный человек лет пятидесяти, с правильными чертами лица и выразительными голубыми глазами. От лба до верхней губы тянулся широкий шрам, который он получил, сражаясь с турками. В последнее время он принимал живое участие в политической жизни страны и принадлежал к партии Батория. Ирма, его жена, была очень хорошо сохранившаяся женщина тридцати семи лет; крупные черты ее красивого лица выражали энергию и страсть; густые темные волосы падали толстыми косами на белоснежную шею и пышную грудь. На ней были темно-зеленое платье с венгерским корсажем и небольшой вышитый чепчик. Хозяйка вовсе не старалась скрыть свое недовольство: будучи родственницей Заполии, она ненавидела короля и всех, кто его окружал.

В семье господствовала сильная рознь: старший из сыновей, Матвей, поддерживал, как и мать, Заполию. Ему было всего двадцать лет, но он был силен и мускулист. Густые, темные локоны обрамляли его некрасивое, но выразительное лицо. Он с улыбкой подошел к Марии и чуть поклонился; она подняла свой взор, и Матвей, густо покраснев, опустил на колено. Королева засмеялась.

— Встаньте, Матвей Перен! — сказала она. — Мы уверены в ваших верноподданнических чувствах.

Гавриилу Перену исполнилось восемнадцать лет; он был небольшого роста и нежного сложения с бледным красивым лицом, красивыми черными глазами и мягкими, темными волосами. Он слушал лекции в Виттенберге, и его голова была полна новых политических и религиозных идей. Он стоял за низшее дворянство и народ.

Только дочь Перена, Эрзабет, не принадлежала ни к какой партии. Ей было лишь шестнадцать лет; она неожиданно подошла к королеве и поцеловала ее руку. Мария с удивлением посмотрела на высокую, стройную девушку с тонкими чертами лица, темно-синими глазами и густыми светлыми косами, взяла ее голову и, поцеловав, спросила:

— Как тебя зовут?

— Эрзабет, — спокойно ответила девушка.

Цетрик не сводил восхищенного взгляда с прелестной Эрзабет. Та заметила это и повелительно сказала ему:

— Можете идти!

Король, услышав это, воскликнул:

— Разрешите ему остаться! Он — такой же дворянин, как и мы.

Эрзабет покраснела и замечательно мелодичным голосом проговорила:

— Милости просим, сударь, сядьте пожалуйста.

В это время вошел дворецкий и доложил, что ужин подан. Хозяин повел королеву, за ними следовали король с Ирмой, а Цетрик с Эрзабет и сыновья замыкали шествие.

Стол сиял серебром и золотом. Все сели. Мария начала разговаривать с Гавриилом и высказала большую симпатию реформации, причем расспрашивала его о Виттенберге и Лютере. Вдруг она со смехом проговорила:

— Вы, господин Перен, — такой горячий патриот, а сидите дома, в то время как турки разоряют ваши крепости и опустошают ваши границы?

Гавриил смущенно опустил голову, на его глазах заблестели слезы.

— Я обидела вас? — сказала королева. — Позвольте мне исправить это; дайте мне перо, чернила и лист бумаги.

Гавриил поспешил исполнить приказание королевы. Написав бумагу, она подала ее молодому человеку: он назначался капитаном и помощником Томарри. Гавриил поцеловал руку Марии и горячо поблагодарил ее. Ирма же сумрачно сдвинула брови.

Вскоре все поднялись из-за стола. Хозяйка взяла подсвечник, чтобы осветить королю, и по пути шепнула старшему сыну:

— Подожди меня!

Король поцеловал Марию, и они разошлись по предназначенным им комнатам. Марию сопровождала Эрзабет, тогда как хозяйка дома повела короля.

Эрзабет помогала королеве раздеваться, причем Мария непринужденно болтала с ней и расспрашивала ее о родителях.

— О, если бы я могла всегда оставаться при вас, — воскликнула Эрзабет, — покинуть этот дом, где отец и мать ненавидят друг друга и брат восстает на брата! Я хотела бы служить вам как служанка, как рабыня!

— Иди спать, дитя мое, — сказала королева, — спокойной ночи.

Хозяйка дома провожала в это время короля.

Ирма Перен была очень умной женщиной; она только несколько часов видела короля, но уже прекрасно изучила его. Когда она ставила подсвечник на стол его спальни, на ее лице появилась злая улыбка, и она наблюдала за королем со спокойствием птицелова, расставляющего свои сети.

Спокойно и медленно взяла она с ночного столика кубок и, пригубив, подала его королю. Затем она пожелала ему спокойной ночи и, по венгерскому обычаю, протянула губы для поцелуя; по виду она была совершенно спокойна, но ее поцелуй был так горяч, что король потерял голову. Он схватил ее за руку и затем, не владея больше собой, запер дверь и, обхватив Ирму, увлек ее к постели.

Этой минуты только и ждала Ирма; она схватила короля за шею, а другой рукой вынула из-за пояса кинжал.

— Еще одно движение, один звук, и вы погибли, — прошептала она.

Людовик должен был сдаться.

— Если я теперь позову на помощь, то как вы думаете, что будет? — продолжала она.

Людовик вздрогнул.

— Впрочем, я сама справлюсь с вами. Чем вы искупите то, что вы сделали? — прошептала она, нагибаясь к Людовику.

Король ответил, что она сама может назначить цену, хотя он находит, что достаточно наказан тем, что не обладал ею, тем более что она очаровала его одним поцелуем.

— Вы любите меня? — спросила Ирма.

— Моя жизнь принадлежит вам, — ответил Людовик.

— Да, вы правы, — сказала Ирма, слегка вонзая острие кинжала в его грудь, но сильно, но все же до крови. — Если вы любите меня, то ваше наказание будет заключаться в том, что я стану целовать вас и ласкать, но не буду принадлежать вам. Ни слова о событии этой ночи!

С этими словами Ирма быстро выскочила из комнаты.

В конце коридора ее ждал Матвей.

— Как ты долго! — недовольно проговорил он. Мать хлопнула его по щеке.

— Говори, что у тебя с королевой, я хочу знать это.

Матвей побледнел, потом покраснел.

— Я ненавижу ее, — проговорил он.

— Дурак! — перебила его мать. — Ты любишь ее, и тебя душил зlobа за то, что она назначила Гавриила капитаном, а на тебя даже не взглянула.

Матвей топнул ногой и сжал кулаки.

— Вот таким я люблю тебя, сын мой, — проговорила, Ирма. — Знаешь, у меня есть план относительно короля и Марии. Эта гордячка будет принадлежать тебе, но ты должен во всем подчиняться мне. Если ослушаешься, то я отколочу тебя, глупый мальчишка!

Тут она нежно поцеловала его в лоб и отправила спать.

На следующее утро семейство Перен встретилось со своими высочайшими гостями за завтраком. Король был страшно бледен, его глаза лихорадочно горели. Мария с беспокойством осведомилась о его здоровье; он молча пожал ее руку, избегая взгляда.

— Тут что-то произошло, — тихо сказала королева Цетрику, — у меня скверное предчувствие.

Она стала внимательно наблюдать за Людовиком и заметила взгляд, брошенный на Ирму. И Мария все поняла. Однако она быстро овладела собой, шутила и смеялась.

— Я очень неблагодарная, — сказала она Перену, — вы так гостеприимно приняли меня, а я покидаю у вас ваших детей. Сначала отняла у вас сына, а теперь мне очень хочется взять с собой вашу дочь. Я отпустила свою компаньонку, потому что она — иностранка, а народ хочет видеть около меня венгерку. Отпустите со мной Эрзабет, она заменит мне графиню Лаленг.

Молодая девушка вскочила, радостно бросилась к королеве и стала покрывать ее руки поцелуями.

Сам Перен без конца кланялся и благодарил; его лицо светилось гордостью и радостью, и, не обращая внимания на вызывающие взгляды жены, он изъявил свое полное согласие и почтительно поблагодарил за честь, оказанную его семье.

— Собирайся, дитя мое, — сказала Мария девушке, — мы скоро отправимся в путь.

Эрзабет встала и поспешно принялась укладывать свои вещи.

Между тем охотники и псары, идя по следам королевских лошадей, прибыли к утру в дом Перена. Несколько лошадей из его конюшни было навьючено вещами Эрзабет. Для сопровождения Гавриила отправились десять вооруженных слуг.

На прощание Людовик поцеловал Ирму в лоб и дрожащим голосом проговорил:

— Я надеюсь в скором времени видеть вас при дворе, благородная женщина; и вы также не забывайте нас! — обратился он к Перену.

Матвей с гневом посмотрел на короля, забывшего упомянуть о нем.

Когда королева была уже на лошади, Цетрик подставил руку Эрзабет, чтобы посадить ее на лошадь, затем подал ей перчатки и хлыст и пожал ее ручку; при этом он, к великому своему удовольствию, заметил, что она ответила на его пожатие.

IX

Голова Фергад-паши

По прибытии в Офен, Гавриил Перен хотел тотчас же распрощаться, но королева не отпустила его так скоро.

— Мы были вашими гостями, — сказала она, — а теперь вы будете моим гостем. Я не отпущу вас раньше, как через неделю; авось вы не соскучитесь у нас.

Это была мучительная неделя для короля. Уже по пути от Перенов в Офен он пришел в себя, и им овладело раскаяние. Он с досадой заметил, что Мария почти не обращает внимания на него, а все время занимается молодым Переном. Он испытывал муки ревности, но не смел сказать ни слова. Когда королева занималась делами в своем кабинете, Гавриил служил ей секретарем, а Эрзабет прикладывала печати к указам. Когда входил Людовик, она протягивала ему руку для поцелуя, но сейчас же отворачивалась и продолжала свои занятия.

За столом Перен сидел рядом с королевой, и она все время ухаживала за ним. Гавриил и Эрзабет сопровождали ее на пруд. Когда к ним присоединялся король, то ему оставалось только смотреть, как молодой человек привязывал Марии коньки. Когда король и королева ехали кататься верхом, Мария приказывала Эрзабет и Гавриилу сопровождать их, причем мчалась впереди с молодым человеком. Вечером она сидела у камина с Гавриилом и Эрзабет, а Людовику приходилось оставаться в одиночестве. Королева поднимала разные спорные вопросы, которыми молодой человек горячо увлекался, заставляла его читать вслух или играла с ним в шахматы.

— Вы ужасно наказали короля, — сказал Цетрик Марии в день отъезда Гавриила, — он болен, уничтожен и в отчаянии, но все еще молчит о событии в доме Перена. Вероятно, он попал в сети Ирмы, но вы порвали их и снова сделали его своим рабом. Смилитесь над ним!

Гавриил Перен собрался в путь. Сначала он простился с Людвигом, потом отправился к королеве. Он в первый раз видел ее без свидетелей, она казалась серьезной и даже взволнованной.

Гавриил опустился на одно колено и с жаром проговорил:

— Разрешите мне, ваше величество, в минуту прощанья сказать вам, что после Господа на небе и Его святых я почитаю вас выше всего на свете, преклоняюсь перед вами не как перед красивой женщиной, а как перед своим идеалом. Я весь преисполнен вами. Я иду на войну и буду бороться до последней капли крови, чтобы победить или умереть за вас!

Мария подошла к нему и, положив руку на его плечо, проговорила:

— Вы любите меня, Перен?

— Не знаю, — ответил он, краснея до корней волос, — но я потерял здесь свою голову. Однако выкуплю ее другой головой, даю вам слово.

Гавриил поцеловал край одежды Марии и руку, которую она протянула ему, а затем быстро вышел из комнаты.

На дороге он встретил Цетрика, который хотел немного проводить его. Королева и Эрзабет стояли у окна и махали платками, когда они выезжали за ворота замка. Прежде чем Цетрик повернул обратно, Гавриил обнял его и проговорил:

— Ты любишь мою сестру, Цетрик, я знаю это; я передаю тебе свои права и обязанности по отношению к ней. Охраняй ее и защищай, когда меня не будет больше в живых!

Цетрик поклялся охранять и беречь Эрзабет как зеницу ока; затем они расстались.

Гавриил после продолжительного и утомительного путешествия прибыл в Эсseg, где представился архиепископу и командиру и передал указ о своем назначении.

Томарри принял его в маленькой монастырской келье, вся обстановка которой состояла из деревянного стола, простой кровати с соломенным тюфяком и двух стульев. На стене же висело железное Распятие, а на столе стояли письменные принадлежности и лежал молитвенник. Томарри в грубой монашеской рясе сидел у стола и изучал географическую карту. Он внимательно прочел указ, привезенный Гавриилом, а потом, посмотрев на него, произнес:

— Молодой человек, если вы приехали сюда, чтобы веселиться и развлекаться, то поворачивайте обратно. Вы кажется мне богатым, изнеженным дворянчиком; такие растения не растут под открытым небом. Возвращайтесь домой и носите шлейф нашей королевы, дай ей Бог здоровья; должность пажа больше подходит вам, чем обязанности солдата. Отправляйтесь с Богом!

Перен улыбнулся и скромно ответил:

— Ее величество назначила меня сюда, и я надеюсь, что вы позволите мне остаться. Я пришел, чтобы учиться у вас, и постараюсь быть внимательным учеником; не осуждайте меня слишком рано!

Томарри, покачив головой, сказал:

— Хорошо... тут найдется немало случаев поучиться. Из Сирмии доносят, что Ферград-паша подошел с пятнадцатью тысячами человек и опустошает страну. Посмотрите на карту, вот где он. Я хочу напасть на него как можно скорее. Разрешаю вам отдохнуть два часа, а затем вы со своими людьми отправитесь в Темесвар и приведете мне сюда его гарнизон; там должны остаться только двести человек для караульной службы в крепости. — Архиепископ нацарапал приказ, приложил печать и добавил: — С Богом!

Перен поклонился и вышел от этого оригинального полководца. Он отправился на отведенную ему квартиру, велел накормить лошадей и два часа спустя был уже на дороге в Темесвар. Наступили сумерки, пошел снег. Гавриил отдохнул немного в крестьянской избе и отправился дальше, подгоняя своих людей. Поздно вечером они добрались до Темесвара, где Перен передал коменданту приказ Томарри. На другое утро весь гарнизон крепости и все окрестные крестьяне, которые только могли носить оружие, выступили в путь. Отряд благополучно прибыл в Эсseg, на сутки раньше, чем его ожидал Томарри. В то время прибывали все новые известия, одно другого ужаснее. Несмотря на то что у Томарри было только восемь тысяч человек, он решил выступить в поход на другой же день и дать Ферград-паше решительное сражение.

Гавриил Перен возбудил его внимание. Он поручил ему отряд в две тысячи человек и карту, на которой был обозначен план действий. Перен был в восторге и, почтительно поцеловав руку архи-

епископа, снова сел на лошадь. Он повел свой отряд на восток, к Дунаю, а потом повернул на юг, по левому его берегу Перен шел не останавливаясь и только близ Кисдивазара решил остановиться на ночлег. Уже на другое утро он двинулся дальше. Так как в распоряжении его отряда не было никаких средств для переправы, то он первым бросился на своем коне в Дунай со словами: «Вперед за короля и отечество!» — и вплавь добрался до другого берега.

Томарри в тот же день выступил с отрядом, состоявшим из шести тысяч человек пехоты и конницы, из Эссега. После четырехчасового перехода он встретил турок, о близости которых ему возвестили семь пылающих деревень.

Фергад-паша развернул свою конницу широкой линией, а сам остался в резерве с лучшей частью кавалерии. Томарри выстроил свою пехоту небольшими группами; каждая из них представляла собой четырехугольник. За пехотой стояла кавалерия; пушки были размещены на холме, откуда же Томарри распоряжался сражением.

Турки двинулись вперед всей линией. Томарри спокойно позволил им подойти на двести шагов и затем дал залп из всех своих орудий. Первые ряды турок упали на землю, убитые и раненные, остальные же повернули назад и собрались перед фронтом венгерских войск, готовясь к новому нападению. Томарри снова зарядил пушки. Фергад-паша решил изменить тактику, и его стрелки небольшими отрядами повели нападение на пехоту мадяров; вскоре все четырехугольники были прорваны и началась рукопашная схватка. На этот раз Томарри подпустил турок на двадцать шагов и тогда только дал залп. Фергад-паша упал с лошади, турки пришли в замешательство. Томарри выдвинул конный резерв; турки стали отступать. Венгерская пехота тем временем снова собралась и начала теснить отступавшего неприятеля. Однако Фергад-паша успел пробраться к своему резерву и бросился вперед с громким кличем: «Аллах! Аллах!».

Томарри уже считал сражение проигранным, но в эту минуту появился со своим отрядом молодой Перен и бросился на неприятеля с тыла. Неожиданное нападение привело турок в полный беспорядок. Увидев это, Томарри снова начал теснить их. Фергад-паша, быстро собрав знамена, хотел двинуться к Дунаю, но Перен, предугадав его намерение, преградил ему путь. Паша и его кавалерия рубили направо и налево; Гавриил был ранен, но, собравшись с последними силами, одним ударом снес паше голову. Турецкая конница обратилась в бегство, бросив знамена и бунчуки. Венгерцы одержали блестящую победу и получили громадную добычу.

Томарри обнял молодого героя перед всей армией, приказал перевязать его раны и в тот же вечер отправил его в Офен с известием о победе.

Перен пустился в путь в легкой венгерской тележке, за ним следовало двести всадников с турецкими трофеями. Во всех попутных деревнях и городах Гавриил возвещал о победе, и население радостно приветствовало его.

Прибыв в Офен, Перен поспешил известить жителей о победе, и вокруг него собралась тысячная толпа, с восторгом приветствовавшая его.

Королева, услышав радостные крики толпы, поспешила на террасу, выходящую на двор. Народ приветствовал ее радостными возгласами, а затем толпа расступилась, и из нее выделился весь перевязанный Перен. Взойдя на террасу, он преклонил колено и доложил Марии о блестящей победе Томарри, тогда как солдаты положили к ее ногам отбитые знамена, бунчуки и турецкое оружие. Королева опустилась на колени, чтобы поблагодарить Бога за дарованную победу, и весь народ последовал ее примеру. Поднявшись, она взяла у Перена донесение Томарри о ходе сражения и приказала ему следовать за ней.

Королева быстро пошла по лестнице, ведущей в ее кабинет; заметив, что Гавриил не может поспеть за ней, она остановилась и проговорила:

— Простите, радость лишила меня памяти; я забыла, что вы ранены, друг мой. Давайте я вам помогу!

С этими словами она взяла молодого героя под руку и повела по лестнице. В кабинете она усадила его в кресло и нетерпеливо сломала печать с донесения.

— Вы решили исход сражения, мой юный герой; как я отблагодарю вас? — с волнением проговорила она, протянув Гавриилу руку. Тот встал на колени и покрыл ее руку поцелуями.

— Вот что, — продолжала она, — сейм утвердил расходы на экипировку отряда охранной дружины, недостает только смелого, отважного командира; вы будете им, Перен, если захотите.

Гавриил был в восторге.

— Боже мой! — воскликнул он. — Я буду командовать вашей охранной стражей, смогу ежедневно видеть вас? Какая щедрая награда!

Мария, улынувшись, промолвила:

— Вы должны повиноваться только мне и никому больше. Теперь встаньте; вам надо отдохнуть. Встаньте!..

Гавриил встал, вышел в другую комнату и отдал находившемуся там пажу какое-то приказание; королева писала тем временем депешу Томарри, в которой благодарила его и солдат за славную победу и назначила щедрые награды солдатам.

Перен вернулся с небольшим шелковым мешком в руках.

Королева запечатывала пакет и, не оборачиваясь, проговорила:

— Теперь можете просить для себя еще какой-нибудь милости.

— Прошу вас, отдайте мне мою голову, — ответил молодой человек, — я сдержал свое слово и выкупаю ее.

С этими словами он развязал мешок, и к ногам королевы упала окровавленная бритая голова.

Мария в ужасе отступила.

Это была голова Фергад-паши¹.

¹ Исторический факт.

Министр финансов

Мария, в роскошном капоте из турецкой материи, сидела перед зеркалом. Эрзабет расчесывала ее густые волосы и напевала песенку, а королева, подперев голову рукой, о чем-то раздумывала.

— Так не может продолжаться! — вдруг проговорила она.

Эрзабет, оставив гребенку, спросила:

— Что не может продолжаться, ваше величество?

— К чему много слов? Твой брат любит меня, или, вернее, его воображение занято мной, и эта болезнь может заразить его сердце.

— Да, он любит вас, — серьезно сказала Эрзабет, — и эта любовь — его счастье. Разрешите ему любить вас; ведь Господь тоже разрешает всем любить Его!

— Ты слишком сентиментальна, Эрзабет, — с раздражением ответила королева, — у твоего брата горячая кровь и страстная натура. Ты еще ребенок и ничего не понимаешь. Я не хочу, чтобы он страдал; ведь он — человек, вполне заслуживающий любви. Какая странная судьба! Сколько достойных мужчин любит меня, а я сама люблю глупого влюбленного мальчишку, и как еще люблю! — добавила она с горьким смехом. — Так не может продолжаться!.. Твой брат должен уехать на некоторое время, и, кроме того, ему надо встречаться с другими женщинами, — закончила Мария.

Королева, окончив туалет, перешла в свой кабинет, заметила из окна большое оживление и движение во дворе замка, и вскоре Гавриил ввел к ней капитана, за которым следовали солдаты с захваченными у турок знаменами. В коротких словах капитан рассказал, что двадцать тысяч турок осадили крепость Яицу, гарнизон мужественно защищался, но не мог бы отразить неприятеля, если бы не подоспел граф Франджипани. Турки были разбиты наголову, и венгерцам досталось около шестидесяти знамен.

Королева с радостью выслушала донесение капитана и щедро наградила его и солдат.

— Пора и нам приняться за дело, — с улыбкой проговорила она, обращаясь к Гавриилу, — вы уже совершенно оправились, у нас есть необходимые деньги. Я предлагаю вам немедленно заняться набором людей в мою охранную стражу; вы сегодня же оставите Офен и отправитесь по округам, чтобы найти подходящих людей. Секретарь, напишите указ, а вы, мой супруг, составьте приказ министру финансов.

Вскоре нужные бумаги были изготовлены.

Вручая их побледневшему Перену, Мария сказала:

— Сегодня же вечером вы отправитесь в путь; перед отъездом зайдете ко мне.

Когда Перен, уже совсем готовый к отъезду, пришел к королеве и молча преклонил колено, она положила ему руку на плечо и ласково проговорила:

— Вы больны, Перен. Тайное горе гложет ваше сердце, вы должны рассеяться, увидеть других людей, а потому я и усылаю вас отсюда. Прощайте!

Прошло несколько недель, пока Перен набрал подходящих людей. Он ездил из города в город, из округа в округ. Он понял намерение королевы и не мог ему противиться. Его сильная воля сделала свое дело, и он чувствовал, что его страсть к Марии мало-помалу слабеет, в то время как уважение и благоговение к ней усиливаются.

Возвратившись в Офен, Перен был уже совершенно спокоен. Королева приветливо встретила его и ласково спросила:

— Скажите откровенно, Перен, увенчался ли мой замысел успехом? Надеюсь, что это так: у вас совсем другой вид.

Перен поклонился.

— Мое сердце страдало, вы верно определили его болезнь, и я преодолел ее.

Следующие дни были употреблены на то, чтобы привести в порядок собранных людей, преимущественно мелких, бедных дворян. Отряд состоял из тысячи человек; когда он был вполне снаряжен, королева сделала ему смотр на площади перед замком. Ее сопровождали король, Эрзабет и много магнатов. Мария сказала своей страже прочувствованное слово и передала знамя, вышитое ею с помощью Эрзабет; на нем была изображена Царица Небесная с короной Венгрии на голове.

После смотра Мария прижала к себе Перена и серьезно сказала ему:

— Друг мой, теперь я имею в своем распоряжении вооруженную силу; это — наша армия, Перен. Она очень невелика, но боевой дух и отличное снаряжение возместят ее малочисленность. Она будет размещена в замке; люди не должны иметь недостатка ни в чем; вы будете исполнять только мои приказания, и в новом полку должна господствовать строжайшая дисциплина. Я требую слепого повиновения. Сегодня же вы приступите к исполнению своих обязанностей. Дважды в день вы должны рапортовать мне обо всем.

Уже в тот же вечер Перен донес королеве о том, что на улицах Офена появилось много незнакомых личностей довольно подозрительного вида и что все мелкое дворянство почему-то устремилось в Пешт; на улицах часто слышалось имя Заполии.

Королева приказала снарядить патрули, которым вменялось обходить улицы Пешта и Офена и докладывать ей обо всем подозрительном. Перен поспешил исполнить приказание. С наступлением ночи он сел на лошадь и в сопровождении двадцати человек отправился по улицам города.

На самом берегу Дуная находился дом министра финансов, а недалеко от него помещался небольшой закоптелый трактирчик с белыми воротами и покосившейся деревянной крышей.

Приблизившись к дому, Перен услышал сильный шум, громкое пение и музыку; в маленьких окнах горел яркий свет, из трубы шел густой дым.

Оставив солдат за углом, Гавриил приблизился к трактиру и заглянул в окно. Это была кухня, в которой варили и стряпали как на свадьбу. У огня стояла красивая, статная хозяйка; около нее вертелся маленький, толстый человек; Перен сейчас же узнал его; это был Вербочи; он поцеловал хозяйку в шею, на что она ответила звонкой пощечиной.

— Так-то вы обращаетесь с будущим палатином? — заметил Вербочи, вооружаясь большой поваренной ложкой.

— Вы — палатин?! — рассмеялась хозяйка.

В эту минуту в дверях показалась темная фигура, и Перен отошел от окна.

Из корчмы вышла группа дворян.

— Наша свобода подвергается опасности, — воскликнул один из них.

— Какой же? — хором спросили остальные.

— Королева рассылает патрули по городу, — взволнованно крикнул первый. — Это — неслыханное дело!.. Патрули, чтобы поддерживать порядок!

Шатаясь и с трудом держась на ногах, они подошли к людям Перена.

— Собаки, — крикнул один из группы, — шпионы, убирайтесь вон!

Перен подскочил к ним, и они расступились.

— Как вы смеете оскорблять стражу ее величества? — гневно спросил он.

— Мы — дворяне, — ответили подвыпившие, — нам все позволено. Убирайтесь вон! Долой!

— Вы арестованы! — крикнул Гавриил. — Следуйте за мной! Ему ответили громким смехом.

Тогда Перен схватил одного из крикунов за шиворот и позвал своих людей; те быстро окружили дворян. Один из них выстрелил и ранил Гавриила в плечо, так что он должен был выпустить его. Но люди Перена схватили остальных и связали их.

— Ведите их в замок, — крикнул Перен и без сознания упал на руки одного из своих солдат...

Когда Перен очнулся, то увидел себя в комнате, обставленной с восточной роскошью. Около него хлопотала девушка замечательной красоты.

— Где я? — с изумлением спросил молодой человек. — Кто вы? Не волшебницу ли я вижу перед собой? Не сон ли это?

— Успокойтесь, — ответила молодая девушка, — вы находитесь в доме Эмериха Черенцеса, а я — его дочь Иола. Я очень беспокоилась за вас.

Перен долго смотрел на девушку, а потом проговорил:

— Разве вы знаете меня?

— Да, я знаю вас, господин Гавриил Перен, — ответила молодая девушка.

— Где мои люди? — с волнением спросил Перен.

— Они повели арестованных. Двое находятся внизу. Не беспокойтесь!

Иола подошла к нему и положила свою руку на его пылающую голову. Гавриил с восхищением посмотрел на красивую еврейку. Ее густые черные волосы крупными локонами ниспадали на спину; большие миндалевидные глаза оттеняли длинные ресницы. Изогнутый, с горбинкой, нос, небольшой рот со вздернутой верхней губой и смуглый цвет лица придавали ему неотразимую прелесть. Молодой человек не мог оторвать от нее взор, его губы уже тянулись к ее губам, но тут зашуршал занавес у двери, и Иола испуганно вскочила, — оказалось, что пришел доктор.

Он с деловым видом приблизился к постели больного, снял перевязку, наложенную молодой девушкой, и стал исследовать рану.

— Пуля прошла не глубоко, — заявил наконец он, — рана не опасна; немного поболит, вот и все.

Он еще раз осмотрел рану, достал свои инструменты и быстро вынул пулю.

Перен молча перенес эту операцию, а у Иолы выступили на глазах крупные слезы. Растроганный Гавриил с благодарностью поцеловал ее руку. Доктор наложил новую перевязку и удалился, обещав прийти на другой день.

Не успел он уйти, как в коридоре раздались отдаленные шаркающие шаги.

— Это мой отец, — сказала Иола, — он только что вернулся из Пешта и будет очень удивлен, увидев вас здесь. Мне надо поговорить с ним.

Эмерих Черенцес вернулся из гостей и был в довольно веселом настроении. Иола бросилась к нему на шею и рассказала о несчастном случае, который привел молодого человека к ним в дом.

Перен поблагодарил за доброту и участие, попросил извинения за причиненное беспокойство и добавил, что ждет своих людей, которые должны отнести его домой.

Однако Иола, нежно глядя своего отца по руке, с улыбкой проговорила:

— Господин Перен останется у нас, пока не поправится окончательно. Не правда ли, папочка? Теперь ты можешь идти спать, а я останусь с больным.

— Хорошо, — пробормотал Черенцес и не совсем твердыми шагами направился к выходу из комнаты, напевая какую-то латинскую застольную песню.

Ночь прошла спокойно. У раненого была легкая лихорадка, и он все время дремал; Иола сидела у его постели, следила за каждым его движением и точно исполняла все предписания врача. Время от времени больной открывал глаза, узнавал Иолу и улыбался ей. Она подавала ему прохладительное питье и опраивляла подушки.

Ранним утром, как только забрезжил рассвет, молодая девушка услышала стук в ворота дома; затем послышались шаги и голоса на лестнице; Иола вышла в коридор и увидела двух дам под густыми вуалями.

— Он жив? — воскликнула одна из них.

— Где он? — дрожащим голосом проговорила другая.

— Вы ищете Гавриила Перена? — спросила Иола, — он вне опасности. Но кто вы?

Вторая дама выступила вперед и откинула вуаль. Это была королева.

— Ваше величество! — воскликнула Иола, опускаясь на колени.

Эрзабет тоже откинула вуаль и со слезами на глазах попросила молодую девушку проводить ее к брату. У дверей показался Цетрик, провожавший королеву. Иола повела их к больному; узнав, что это — королева и сестра Перена, она совершенно успокоилась.

При виде вошедших Гавриил протянул им руки. Эрзабет опустилась на колени у постели и поцеловала его в бледные губы. Мария села у изголовья больного и взяла его руку.

Солдаты Перена тотчас донесли в замок о случившемся, но Цетрик позаботился о том, чтобы королева и Эрзабет не были перепуганы ночью, и они только утром узнали о ране Гавриила. Одевшись, они поспешили к нему. Пришедший доктор совершенно успокоил их.

Черенцес, в домашних туфлях и халате, зашел взглянуть на больного. Увидев королеву, он поспешно запахнул халат и стал усиленно раскланиваться и расшаркиваться, произнося непонятные слова. Королева ободрила его ласковой улыбкой. Уходя, Мария бросила долгий взгляд на молодую девушку, почтительно поцеловавшую ее руку, а затем перевела взор на Перена; тот покраснел и потупился.

— Мы еще навестим вас, Перен, — проговорила она.

Черенцес сиял от радости.

— Какая милость, какая честь моему бедному дому!.. — повторял он.

Мария еще раз кивнула всем и вышла; за ней последовали Эрзабет и Цетрик. На улице королева шепнула Эрзабет:

— Мы лишние там, Эрзабет.

— Он любит ее! — воскликнула молодая девушка.

Они угадали то, что было еще неясно тем, о ком шла речь.

Рана Перена быстро заживала. Иола не отходила от его постели и только на несколько часов ложилась в соседней комнате, вскакивая при малейшем движении больного. Два раза в день его навещал доктор и приходил Цетрик, чтобы доложить королеве о ходе болезни. Около полудня королева и Эрзабет посещали молодого человека. Черенцеса почти никогда не было дома, а потому Иола и Гавриил целые дни могли проводить вместе. Молодая девушка сни-

мала иногда со стены лютню и пела или читала ему вслух. Когда Черенцес возвращался домой, то приходил в комнату дочери и сидел с ней около больного, который очень нравился ему.

Скоро Гавриил был уже в состоянии встать с постели и сидеть в удобном кресле, а Иола устраивалась на скамеечке у его ног, рассказывала ему сказки и задавала загадки.

Наконец Гавриил оправился настолько, что мог ходить; но вместе с тем он с каждым днем становился грустнее и однажды тихо сказал:

— Теперь я не могу больше оставаться у вас. Моя рана зажила, и я должен отправиться домой.

Иола с ужасом взглянула на него и, побледнев как полотно, воскликнула:

— Гавриил, вы хотите покинуть меня? Я не буду больше видеть вас? Да ведь я не могу больше жить без вас.

— Иола, — с восторгом проговорил Перен, опускаясь перед ней на колени, в то время как она спрятала свое личико на его груди, — Иола, моя драгоценная Иола. Я останусь с тобой и буду для тебя всем, чем ты хочешь!

Она обвила его шею руками и воскликнула:

— Ты будешь моим мужем, мой дорогой, мой горячо любимый герой!..

Перен остался еще на несколько дней в доме министра финансов, но наконец должен был покинуть его. Он горячо просил Иолу пойти с ним к отцу и сказать ему все; он хотел просить ее руки, но молодая девушка уговаривала подождать, так как знала, что ее отец мечтал видеть ее замужем за палатином или губернатором. Она клялась Гавриилу быть верной и не сомневалась, что ей мало-помалу удастся убедить отца. При этом они условились, что будут ежедневно встречаться в церкви, куда она постоянно ходила.

Перен сердечно поблагодарил Черенцеса и его дочь за заботу и распрощался с ними. Министр просил молодого человека навещать его; конечно, Гавриил с радостью обещал.

Когда Перен уехал, Черенцес обратился к дочери:

— Зачем ты, собственно, оставила Гавриила в нашем доме?

— Из человеколюбия, — ответила Иола, со слезами на глазах стоявшая у окна.

— Ну, а как тебе нравится этот молодой человек? — с улыбкой продолжал старик, дотрагиваясь до ее плеча. — Мне так он очень симпатичен.

— Мне он нравится больше всех мужчин, которых я когда-либо видела, — радостно ответила Иола.

— Видишь ли, дитя мое, — уже холоднее продолжал Черенцес, — ты не должна забывать, что ты — самая богатая девушка во всей Венгрии, а он — только капитан. Но все же ты поступила умно, взяв его к нам в дом; королева очень расположена к нему. Только будь осторожна, дитя мое! С сегодняшнего дня ты опять начнешь усердно ходить утром и вечером в церковь. Мы все — великие грешники!

Иола не заставила своего отца повторять дважды и с наступлением сумерек отправилась в церковь.

Служба еще не начиналась, когда Иола вошла в ризницу и, показывая старому служителю блестящую золотую монету, проговорила:

— Хочешь каждую неделю получать такую монету?

Служитель с изумлением взглянул на нее.

— Отчего же нет? Но что я должен делать для этого?

— Ты должен во время вечерней службы отпирать мне королевские хоры, больше ничего.

— Я дам вам ключ, — ответил слуга, подавая молодой девушке ключ и принимая золотой.

Иола вошла в церковь и, заметив Перена, приблизилась к нему и шепнула, чтобы он шел на хоры.

Когда молодые люди очутились там, Иола с радостью пересказала ему разговор с отцом. Они решили встречаться здесь каждый день.

Однажды Иола пришла первой и с нетерпением ожидала Гавриила, но вместо него вдруг появилась королева.

— Кто вы? Что вам здесь нужно? — властно спросила она.

Иола упала к ее ногам и все рассказала; в тот же момент на лестнице раздались шаги Перена.

— Тише, — прошептала королева, пряча молодую девушку за дверь.

Перен вошел, приблизился на цыпочках к королеве и обнял ее. Та обернувшись, Гавриил испуганно упал на колени. Тогда Мария весело рассмеялась, вывела Иола из-за двери и сказала:

— Вы выкупили свою голову, Перен, и я с удовольствием отдаю бы ее вам, но эта волшебница украла ее у меня и, вероятно, уже не вернет обратно.

XI

Борнемиса

Ревность к Перену вернула Людовика к ногам его супруги. Несмотря на свою гордость и самолюбие, Мария выказывала непонятную слабость по отношению к своему супругу, и, чем больше он изменял ей, тем сильнее она любила его.

Она платила ему за его неверность насмешкой и холодностью, мучила его ревностью, но в конце концов страсть влекла ее к нему.

Мария все больше и больше уходила в заботы об управлении государством и целыми днями работала в своем кабинете, совещаясь с министром финансов и другими советниками.

Восстание в Египте отвлекло султана Сулеймана от Венгрии, но его паши продолжали опустошать ее границы. Томарри прислал известие, что турки угрожают Севрину.

Королева настояла, чтобы Людовик немедленно созвал государственный совет; это было в марте 1524 года. Король потребовал, чтобы магнаты выступили на защиту страны и предоставили солдат и деньги.

Однако никто не хотел ничем жертвовать, и в то время как Томарри успешно боролся с турками на юге, дворяне на севере веселились, охотились и тратили деньги на кутежи, карты и женщин. Казалось, что страна неспособна больше к воодушевлению и подъему духа.

В один пасмурный апрельский вечер Эрзабет сидела у окна и смотрела на Дунай, над которым клубился туман, на город, тонувший в сумраке, и на небо, покрытое темными тучами.

Вдруг вошел Цетрик.

Они в первый раз со дня встречи виделись с глазу на глаз. До этого Цетрик довольствовался тем, что не упускал случая услужить молодой девушке; когда же она хотела поблагодарить его хотя бы ласковым взглядом, он отворачивался или потуплял свой взор. В этот день он, как обычно, отвесил глубокий поклон, спросил о королеве и, узнав, что она занята, хотел удалиться. Но Эрзабет встала, взяла его за руку и, заставив сесть напротив себя, промолвила:

— Останьтесь со мной, пока королева примет вас. Вы всегда так добры ко мне, что я не знаю, чем отблагодарить вас.

— Вы преувеличиваете мои заслуги, — ответил Цетрик, — и уже награждаете меня тем, что замечаете их.

Эрзабет замолчала и устремила взор в пол.

— Мне хотелось бы — как ни странно звучит подобное желание, — продолжал Цетрик, — чтобы вам грозила действительная опасность, чтобы вы могли убедиться, что я во всякую минуту готов защищать вас до последней капли крови и отдать за вас жизнь, так же как за короля и королеву.

— Боюсь, что такое время не заставит себя долго ждать, — ответила умная девушка, — то, что я видела в доме своих родителей, внушает мне серьезные опасения; мне кажется, против нашего короля затевается заговор, и я каждый день жду, что эта гроза вот-вот разразится.

— Вы столь же проникательны, как и прекрасны! — воскликнул Цетрик. — То, о чем я пришел доложить королеве, подтверждает ваши опасения.

В это время на пороге комнаты показалась королева и пристально посмотрела на беседовавшую пару.

— Я принес важные известия, — сказал шталмейстер.

Мария подала обоим знак следовать за ней и направилась в свой кабинет.

— Говорите! — приказала Мария, опускаясь в кресло.

Король занимался собакой, недавно подаренной ему Чалканом.

— Воевода Заполия и его партия, без сомнения, затевают что-то важное, — начал Цетрик. — Один купец, живущий на границе

Трансильвании и вполне заслуживающий доверия, рассказал мне, что близ Залатны собирается целая армия, которой командует Заполия. Другой верный человек, из Грана, говорил мне, что среди дворян царит сильное волнение, Вербочи ездит из одного округа в другой и возбуждает население. Множество мелких дворян прибыло в Офен и Пешт. Я сам ходил по разным корчмам и слышал, как они бранились и высказывали недовольство тем, что оскорбившие Перена и патруль до сих пор находятся в заключении.

Королева несколько раз быстро прошла по комнате. Король немного послушал речь Цетрика, а потом снова занялся собакой. Тогда Мария, презрительно взглянув на него и решительно остановившись, проговорила:

— Пошлите мне палатина и моего секретаря!.. Заключенных пусть приведут в зал суда!.. Поскорей! — После этого, подойдя совсем близко к Цетрику, она шепотом добавила: — В полночь, когда король уже будет в постели, я хочу поговорить с вами и Переном. Приходите сюда, не возбуждая ничьего внимания!

Цетрик вышел. Людовик хотел последовать за ним, но Мария удержала его.

— Оставайтесь, — сказала она, — нам необходимо ваше присутствие. Государство находится в опасности.

Король пожал плечами, но снова сел и стал играть с собакой.

Баторий не заставил себя долго ждать. Его лицо выражало решимость и волю, что несколько приободрило королеву. Она просто и ясно изложила ему, в чем дело, и потребовала его совета.

Баторий объяснил, что дворянство недовольно главным образом тем, что давно не созывался сейм. Король должен был бы опередить воеводу Заполию и созвать сейм; народ всегда готов следовать по законному пути. На заседаниях сейма дворянство могло бы изложить свои жалобы, а король — высказать свои требования.

Королева немного подумала и одобрила совет Батория, но добавила, что сама будет наблюдать за этим сеймом.

Секретарь тотчас же написал указ о созыве сейма на восьмое сентября, и Людовик подписал его. Королева имела еще долгое совещание с палатином, и тот удалился в полном восхищении умом молодой женщины, управлявшей Венгрией.

Несколько времени спустя, Мария появилась в зале заседания суда, находившемся в противоположной стороне замка и соединенном подземным ходом с башней.

Это было темное помещение без окон, освещенное лишь двумя факелами. У одной стены стояло пять стульев для судей, далее находились столик для писца и узкая скамья для подсудимых.

Из зала шла дверь в узкое помещение, где подсудимые ожидали судей. На противоположной стороне находились дверь в камеру пыток и вход в обитое красным сукном помещение, посреди которого возвышался красный же эшафот.

Зал суда соединялся с замком подъемной дверью. Королева, в черном бархатном платье, вошла в это мрачное помещение в

сопровождении одного только пажа; она постучала в дверь передней, и из нее вышли судьи в черных одеждах, сопровождаемые писцом. Затем Мария стукнула в дверь помещения, где находились обвиняемые. Оттуда появился Цетрик и доложил, что обвиняемые, закованные в цепи и охраняемые тюремщиками, ожидают приговора. Мария приказала ему удалиться и вышла в соседнюю комнату; обвиняемые один за другим представляли перед судом. Они гордо и хвастливо рассказывали о столкновении с королевской стражей, вовсе не предполагая, что их может постигнуть наказание. Один из них, красивый молодой человек, Стефан Борнемиса, от имени всех потребовал освобождения и угрожающим тоном заявил, что доведет это дело до сейма и пожалуется на короля и королеву.

Суд приказал увести обвиняемых и начал допрос свидетелей: Гавриила Перена и четырех солдат. Их показания совершенно совпадали с показаниями подсудимых. Свидетели были удалены. Суд приступил к совещанию и, справившись в своде законов, висевших на стене, вынес приговор; королева еще раньше положила на стол лист бумаги за подписью короля, заранее утверждавшей приговор.

Подсудимые были снова введены в зал, и писец монотонно прочел им приговор: все обвиняемые присуждались к смертной казни мечом, которая должна была совершиться немедленно.

Впечатление, произведенное на подсудимых этим приговором, было ужасно. Все они побледнели как полотно, некоторые упали в обморок, другие проклинали суд, потрясая цепями.

Борнемиса приблизился к судьям и, сжав кулаки, воскликнул:

— Вы умеете только убивать, но не судить! Берегитесь и бойтесь мстителя! Заполия оплатит вам!..

В эту минуту в зал вошла королева, находившаяся во время суда в соседней комнате. Она величественно подошла к обвиняемым и повелительно спросила:

— Вы знаете меня?

Никто не ответил; обвиняемые с изумлением смотрели на нее. Борнемиса отступил назад. Тогда она еще раз спросила:

— Вы знаете меня?

Тут один из обвиняемых, старый дворянин, бросился перед ней на колени и воскликнул:

— Пощади, королева!..

Все осужденные последовали его примеру. Только Борнемиса остался неподвижно стоять на своем месте.

— Пощадить? — резко и холодно проговорила королева. — За что? За оскорбление моей стражи? За ваше упрямство? Я прикажу отрубить вам головы, если захочу!

Гробовое молчание было ответом на ее слова.

— Ваши мольбы и унижение после чрезмерного высокомерия, — продолжала она, — не склонят меня к милости. Для вас есть только одно средство к спасению. Вы должны под присягой

открыть мне замыслы вашей партии и воеводы и ответить на все мои вопросы...

— Мы сознаемся во всем, ответим на все! — воскликнул старик.

— Мы скажем все, что мы знаем, — подтвердили другие.

Борнемиса молчал.

Мария пристально взглянула на него и спокойно спросила:

— Ты предпочитаешь эшафот?

Борнемиса потупился и молчал.

Королева сделала судьям знак удалиться; осужденные были также уведены. Она осталась наедине с Борнемисой. Молодой человек побледнел и вздрогнул. Королева прислонилась к стене и наблюдала за ним.

— Вы — единственный мужчина среди этих трусов, единственный умный среди глупцов, — произнесла она. — Будете ли вы говорить?

Борнемиса гордо поднял голову и ответил:

— Я ничего не скажу.

— Ты предпочитаешь эшафот?

— Да, — ответил он.

— Тогда, — сказала она, — есть еще средство.

Борнемиса с ужасом взглянул на нее.

— Пытка! — воскликнула Мария и топнула ногой.

Дверь в камеру пыток открылась, и вошел палач, одетый в красный суконный костюм, с красной маской на лице.

Борнемиса дрожащим от волнения голосом проговорил:

— Я ничего не скажу.

Королева усмехнулась коротким, сухим смешком.

— После пытки заговоришь. Лучше признавайся добровольно! Ты меня не знаешь; я тверда как камень. Не жди пощады, предупреждаю тебя!

— Я ничего не скажу, — повторил Борнемиса.

— Слышишь! — холодно проговорила королева, обращаясь к палачу. — Научи его говорить!..

Она подвинула стул и села, не спуская взора с молодого человека.

— Он у меня заболтает как сорока, — воскликнул палач.

Его помощники расхохотались и бросились к Борнемисе, который, несмотря на сковывающие его цепи, пытался защищаться. Они бросили его на землю, сорвали с него одежду и втолкнули в камеру пыток.

Королева последовала за ними. У дам шестнадцатого столетия были крепкие нервы; они спокойно смотрели, как сжигали еретиков на костре и казнили мятежников.

— Скорей, — воскликнула Мария, — я начинаю терять терпение!

— Сейчас, «дева» все устроит! — И с этими словами палач отдернул занавеску.

Борнемиса с ужасом увидел женскую фигуру из железа, все тело которой было усеяно мелкими острями и зубцами. Палачи уже подняли его, чтобы заключить в ее ужасные объятия, но в этот момент Борнемиса воскликнул:

— Пощадите!.. Я все скажу!

Королева презрительно усмехнулась.

— Все, как один, — пробормотала она, — хвастуны и трусы. Когда же наконец найдется настоящий мужчина?

Не взглянув на Борнемису, она вышла, приказав дать ему другое платье и снова надеть на него цепи.

Ее повеление было быстро исполнено. Королева села у стола. Палачи привели молодого человека и снова удалились. Борнемиса не решался поднять глаза.

— Отвечай подробно на все мои вопросы! — начала Мария, взяв в руки перо, чтобы записывать его показания. — Что известно тебе о планах Заполии?

— Насколько я знаю, он находится в союзе с Франциском I, королем Франции, — ответил Борнемиса. — В то время как король объявит войну императору Карлу V, Заполия нападет на Венгрию. Они не сложат оружия до тех пор, пока император не будет разбит, король Людовик свергнут с престола и Заполия увенчан короной святого Стефана.

— Где воевода набирает армию и когда собирается начать борьбу?

— Сборный пункт в Залатне; в распоряжении Заполии находится около десяти тысяч человек.

— Что означает собрание дворян в Варсани?

— Вербочи объясняет дворянам, насколько они стеснены в своих правах, и уговаривает взяться за оружие. Дворянство потребует, чтобы все иностранцы были удалены от двора, папские и императорские посланники изгнаны из Венгрии, и вы сами были заключены в замок. Если эти требования будут удовлетворены, то воеводе Заполии без труда удастся свергнуть короля; в противном же случае дворянство возьмется за оружие и силой заставит короля отречься от престола.

Губы королевы сложились в презрительную улыбку.

Вдруг Борнемиса бросился к ее ногам и воскликнул:

— Вы презираете меня? Ради Бога, не презирайте меня, этого я не перенесу!

— Отвечайте, — резко проговорила королева, — где теперь Заполия?

— Здесь, — ответил Борнемиса, не вставая с колен.

— Не может быть! — воскликнула королева. — С каких пор?

— Уже два дня, как он в Офене; велите осмотреть подошву моего левого башмака.

Мария позвала палача; тот разрезал подошву башмака и вынул оттуда записку. Мария, взяв ее, прочла следующее:

«Не падайте духом, друзья! Заполия в Офене, он освободит вас!»

— Как попала к тебе эта записка? — спросила королева. А затем мягче добавила: — Встань, Борнемиса.

Он поднялся.

— Эта записка была брошена вчера в нашу тюрьму.

— Хорошо, — закончила королева допрос, — я дарю тебе жизнь; только в назидание прочим ты и остальные осужденные будете привязаны завтра к позорному столбу на базарной площади.

Борнемиса закрыл лицо руками, крупные слезы струились по его щекам.

Королева велела отвести всех осужденных снова в башню и удалилась из зала суда.

В полночь Цетрик и Перен, закутанные в темные плащи, тихо вошли в кабинет королевы; она сидела за письменным столом, окруженная мешками, и считала свертки золотых монет.

Кивнув вошедшим, она продолжала считать, а затем, окончив, проговорила:

— Слушайте, нам угрожает серьезная опасность. Мы имеем в распоряжении только королевскую стражу и мой полк. Я решила образовать еще два полка за свой собственный счет без ведома короля и совета. Поручаю вам сформировать их и вооружить людей. Поторопитесь!..

Она обсудила с ними подробности, затем отпустила их, утомленная, бросилась на постель; но не могла уснуть. Тут тихо, на цыпочках вошла Эрзабет и, подойдя к кровати, посмотрела на королеву; та поднялась, и Эрзабет испуганно отпрянула.

— Что с тобой? — спросила Мария. — Ты как будто боишься меня?

Эрзабет посмотрела на нее, затем взяла руку королевы, поцеловала ее и сказала:

— Эта нежная, белая рука подписала сегодня четырнадцать смертных приговоров, эти прекрасные губы призывали палачей, а эти глаза смотрели, как пытали человека?!..

— Кто сказал тебе это, дитя? — спросила королева и поцеловала Эрзабет. — Успокойся, никого не пытали и никто не казнен, но я произнесла смертный приговор и велела пытать красивого молодого дворянина, потому что знала, что в последнюю минуту они запросят пощады и выдадут кого угодно.

— А если бы он не сознался и решил пойти на пытку?

— О, Эрзабет, тогда я с удовольствием смотрела бы, как потекла его кровь! — воскликнула королева. — Ты не знаешь, дитя мое, как я страдаю! Я люблю короля, которого не уважаю. Я ненавижу дворянство, которое испортило, искалечило его и заглушило в нем совесть. Я ненавижу дворянство за то, что оно сеет раздоры и не желает защищать страну. Завтра, Эрзабет, это гордое дворянство получит от меня пощечину. Четырнадцать дворян будут привязаны к позорному столбу на площади.

— Боже мой! — с ужасом воскликнула Эрзабет. — Это может стоить вам престола, а нам всем жизни!

— Успокойся, я знаю, что я делаю! — сказала королева.

XII

Заговор

В ту же самую ночь, когда Мария судила заключенных дворян и решила объявить войну дворянству, Заполия собрал своих друзей и самых надежных приверженцев в корчме у ворот Офена, в которой встречался с бывшей королевской наложницей.

Луна тускло освещала дорогу, по которой ехали два всадника. Одним из них был Матвей Перен, рядом с ним ехала его мать Ирма, закутанная в темный плащ.

Они переговаривались вполголоса.

— Ты любишь королеву, — говорила Ирма, — и тебе не остается ничего другого.

— Если бы она была мужчиной, то я бы убил ее или захватил и сжарил заживо!

Ирма засмеялась.

— Да, но она — женщина, и тебе не остается ничего другого, как любить ее.

— Ненавидеть! — воскликнул он. — Я отомщу ей!..

— Ты? Отомстишь ей? — ответила Ирма. — О, ты будешь отпущен, когда она будет в твоей власти!

Матвей стал насвистывать песенку и, надвинув шапку на затылок, развязно спросил:

— А что ты думаешь предпринять с королем?

Ирма вместо ответа дважды ударила его хлыстом и поскакала вперед. Подъехав к корчме, они отдали хозяину лошадей и вошли в низкую комнату.

На столе была разложена большая карта; за ним сидел человек в панцире и шлеме; две большие железные перчатки лежали возле него на скамье.

Это был Заполия. Он мельком взглянул на вошедших, кивнул им и продолжал изучать карту.

Ирма сбросила плащ и села рядом с воеводой на скамью, между тем как Матвей позвал хозяина и потребовал вина.

— Что ты делаешь? — спросила Ирма Заполию.

Воевода посмотрел на вуаль, которой были покрыты ее волосы, выдернул из нее две шпильки и, указывая точку на карте, сказал:

— Вот это — Офен, а это — Залатна, где стоят мои войска. Дай еще шпильку!

Ирма сняла вуаль и подала воеводе шпильку.

— Мой план... — начал воевода, воткнув шпильку в карту. Но, взглянув на Матвея, остановился и продолжал: — Я поеду с тобой в твой дом и там расскажу все.

Еврей-корчмарь ввел в комнату еще трех посетителей; они сняли плащи и поклонились. Это были Лоссончи, богатый молодой дворянин, Мароти, старый солдат, третий — уже известный нам Вербочи.

— Вина! — закричали вновь прибывшие.

Хозяин принес вина, Вербочи с достоинством налил себе стакан и, поклонившись Ирме, выпил.

— Угадайте, что у меня здесь? — спросил он, хвастливо хлопая себя по карману. — У меня здесь все мелкое дворянство; оно избрало меня своим главой, я — его уполномоченный и прислан сюда, чтобы заключить с вами условие.

Он гордо взглянул на всех присутствующих.

— Ну-с, говори, каковы твои предложения? — произнес Заполия.

— Прежде всего низшему дворянству должны быть возвращены его влияние и значение, магнаты должны лишиться своих преимуществ. Представители низшего дворянства должны войти в государственный совет и наблюдать за доходами государства. Война с турками будет продолжаться, иностранцев изгнать, немецкий и венецианский посланники должны оставить страну, Чалкан и Черенцес останутся... Всего этого требует дворянство!

Заполия улыбнулся.

— Этого требует дворянство; а чего хочешь ты?

Вербочи молчал, скромно потупив взор.

— Я знаю, чего ты хочешь, — продолжал воевода, — ты хотел бы, чтобы Баторий был также удален, а ты назначен на его место.

— Ничего не имею против этого, и дворянство тоже.

— Я на все согласен, — ответил воевода, — и требую очень немногого. Вооруженное дворянство соберется в Варсании. Я присоединюсь к нему со своей армией. Дворянство провозгласит меня королем, мы отправимся в Офен, где захватим короля.

— И королеву, — добавил Вербочи.

Заполия бросил на него гневный взгляд и продолжал:

— В Офене мы решим, какими средствами спасти отечество, и отправимся против султана.

— Решено! — воскликнул Вербочи.

Заполия и Вербочи ударили по рукам. Присутствующие заявили, что они со всем согласны. Затем собрание разошлось. Матвей поехал с Вербочи, а Заполия с Ирмой.

Около полуночи они достигли Офена и остановились у красивого здания в верхнем городе. Воевода последовал за Ирмой в первый этаж, где она отперла дверь своей комнаты, обставленной со всей роскошью. Воевода снял свое оружие; Ирма удалилась в другую комнату и скоро вышла в легком белом капоте с распущенными волосами.

Она опустилась на медвежью шкуру, лежавшую около кровати, и спросила воеводу:

— Скажи мне, друг мой, любишь ли ты меня еще?

— Нет, — спокойно ответил Заполия.

Ирма расхохоталась, а затем промолвила:

— Я это знала... Может быть, ты думаешь, что я еще люблю тебя?

— Нет, — ответил Заполия, не двигаясь.

— Да, страсть уже угасла в нас, но мы — слишком сходные натуры, и наши души еще любят друг друга, — продолжала Ирма.

— Мы слишком хорошо понимаем друг друга, и ничто не в силах разлучить нас, — ответил Заполия.

— Поговорим о твоих планах!

— Ты знаешь, что моя цель — венгерский трон, — ответил воевода. — К этой цели ведут три пути. Мой первый план касается дворянства; оно недовольно и раздражено; может быть, удастся вызвать восстание и свергнуть короля; но дворянство быстро охладает; если ему дадут вдоволь накричаться в сейме, то оно успокоится и удовлетворится всем, что ему будет предложено. Однако если дворянство покинет меня, то у меня еще остается король Франции, Франциск. Пока я соберу свои войска, он вторгнется в Италию. Вследствие этого император не будет иметь возможности помогать Людовику; я отправлюсь в Офен и сам завладею короной. Тогда я отплачу этому малодушному дворянству и сделаю Венгрию великой и могущественной страной. Если же и это не получится, то у меня есть еще средство; но о нем я не скажу даже тебе, Ирма.

Женщина бросила на него быстрый взгляд.

— Не говори ни слова! — продолжал Заполия. — Если ты даже поняла — молчи!

Ирма опустила голову и молчала.

Воевода нежно погладил ее по голове и спросил:

— Что ты скажешь на это?

— Я одобряю твои планы и уверена, что они увенчаются успехом. Но ты не думаешь о том, как удержать престол; это труднее, чем достичь его.

— Что же, по-твоему, я должен сделать?

— Твой путь к трону лежит через смерть Людовика, — спокойно проговорила Ирма, — ты должен совсем устранить его и потом жениться на Марии; только таким способом ты можешь упрочить за собой престол. Тогда ты будешь иметь сильного союзника в лице Карла V, и вы соединенными силами прогоните турок из Европы.

Заполия, с удивлением посмотрев на Ирму, произнес:

— Ты — великая женщина, Ирма, и ради великой идеи, которой мы оба посвятили себя, сама отказываешься от короны, для которой ты рождена.

Было далеко за полночь, когда Заполия покинул дом Ирмы. Закутавшись в плащ для предосторожности и надев черную маску, он долго шел по узким, кривым улицам и наконец постучал в ворота полуразвалившегося грязного домика.

— Кто там? — спросил сиплый голос.

— Друг!

— Пароль? — снова спросили изнутри.

— Не введи нас во искушение, — тихо произнес Заполия.

— Но избави нас от лукавого, — ответили из-за ворот.

После этого калитка отворилась, и, едва Заполия переступил порог, кто-то схватил его и повел по двору. Луч света озарил лицо странного провожатого: это была бывшая королевская наложница.

Она ввела Заполию в дом, стоявший в густом саду и обставленный со сказочной роскошью, села на край большой кадки с пальмой и, исподлобья посмотрев на воеводу, вызывающе проговорила:

— Тебя давно не было видно! Что тебе тут надо?

— Кто кого оставил? — ответил воевода. — Ты меня или я тебя? Куда ты скрылась после той ночи в стольном Белграде?

Наложница ничего не ответила. Прошло несколько секунд в молчании. Наконец она спросила:

— Кто выдал тебе мое местопребывание?

— Стефан Борнемиса; он бросил мне из тюрьмы записку, на которой стояли адрес и пароль. Ты не уйдешь от меня и должна помогать нам в нашем великом деле! Я знаю все. Зачем ты осталась здесь и под видом гадалки шпионишь и собираешь разные сведения? Потому что ты жаждешь мести! Ты будешь отомщена, ручаясь тебе за это!

Глаза молодой женщины заблестели.

— Дай мне слово, что это так! — воскликнула она.

Заполия протянул ей руку.

— Королева — тебе, а король — мне, — продолжала фаворитка. — Ты отдашь его мне здоровым и невредимым, это — мое первое условие!

— Согласен, — ответил воевода.

— Теперь слушай, — сказала фаворитка, удобно располагаясь на диване, и начала свой рассказ.

В ту самую ночь, когда король оттолкнул ее от себя, она бежала из стольного Белграда. Сначала она направилась к турецкой границе, но близ Могача силы оставили ее. Однако она не погибла: ее приютил в своем доме молодой дворянин Стефан Борнемиса. Она целую ночь пролежала в жару и в бреду высказала свои планы мести.

Когда она очнулась, Борнемиса уговорил ее присоединиться к партии Заполии и работать для ее пользы. Когда дела партии вызвали его в Офен, она под видом слуги отправилась с Борнемисой. В Офене она должна была наблюдать за всем, что совершается при дворе и в городе, и решила выдавать себя за старую цыганку. Она выкрасила лицо и руки в темный цвет и спрятала

волосы вод платком; согнувшись и опираясь на палку, ходила по улицам и гадала прохожим по руке и на картах. То, что она знала, давало ей возможность удивлять многих своими предсказаниями, и слава о старой гадалке быстро разносилась по городу. Она втайне надеялась, что слух о ней достигнет короля и он придет к ней.

Заполия молча выслушал ее рассказ и весело воскликнул:

— Теперь вместо одной союзницы у меня стало две: одна — молодая красавица, другая — старая гадалка. Почему знать, которая из них окажется более полезной? А теперь прощай!

На следующее утро королева в сопровождении своего супруга отправилась на охоту.

Густая толпа народа запрудила главную улицу, и королевская чета с большим трудом могла продвигаться вперед. Мария, посмотрев через головы толпы, увидела большой помост, окруженный стражей. На нем возвышались столбы, к которым были привязаны четырнадцать осужденных дворян. На каждом столбе красовалась крупная надпись: «За оскорбление ее величества».

Когда королева и ее супруг возвращались вечером домой, помост был уже сломан и площадь опустела. Вдруг из переулочка показалась темная фигура; лошадь Марии испугалась и встала на дыбы. В ту же минуту старая цыганка схватила ее под уздцы и заставила остановиться.

— Прекрасный господин! Прекрасная госпожа! — воскликнула она сиплым голосом. — Позвольте я погадаю вам. Предскажу вашу судьбу, прошедшее и будущее. Дайте вашу руку.

— Посмотрим! — засмеявшись, воскликнул Людовик и протянул цыганке руку.

Мария внимательно посмотрела на цыганку и увидела ее прекрасные белые зубы, которые совершенно не соответствовали старческой фигуре; это показалось ей подозрительным. Предчувствуя что-то недоброе, она вырвала руку короля из рук цыганки и, хлестнув его лошадь, умчалась вместе с ним.

Цыганка посмотрела им вслед, а затем, ругаясь и тряся кулаками, исчезла за углом.

Однако Людовик был слишком впечатлителен и суеверен, чтобы забыть происшествие со старой гадалкой. Он приказал отыскать ее и без труда узнал, что о ней говорили в городе.

Однажды вечером Людовик, завернувшись в темный плащ, вышел из замка и отправился в верхнюю часть города. Через некоторое время он постучал у ворот цыганки. Ему пришлось долго ждать, пока его впустили в небольшую закоптелую комнату; в ней стояли большое кресло, на спинке которого сидел большой ворон, и стол с разложенными засаленными картами. В углу виднелся человеческий скелет, а с потолка спускалось чучело крокодила.

Людовику стало жутко.

Старуха указала ему на кресло, а сама села на скамеечку; не спуская с него взора, она начала раскладывать карты и наконец сказала:

— Вы — важный барин, на вашей голове корона... У вас красивая жена из чужой земли, которая вас не любит... Она держит вас в руках и не позволяет слово сказать.

Гадалка замолчала.

— Ну, что же дальше? — взволнованно спросил король.

— Вы любили другую, но изменили ей и забыли ее...

— Не забыл! — с жаром воскликнул король.

— Не перебивайте меня! — остановила его гадалка. — Вы ее очень любили... любите до сих пор и скоро увидите ее... ваша страсть к ней снова разгорится, вы оставите свою жену...

— Я увижу ее? Где? — воскликнул Людовик.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Уходите, уходите! — вскочив, вскрикнула цыганка и стала выпроваживать короля в другую дверь. — Вы увидите ее! Прощайте!

— Где? — настаивал король.

— Завтра вы встретите ее в дверях церкви. Подумайте тогда обо мне. Прощайте!..

Она заперла за королем дверь и, послушав немного, пошла открывать другую.

Вошел Заполия.

— Кто здесь был? — спросил он.

— Король.

— Он еще любит тебя?

— Да! — с торжеством ответила она.

— Расскажи мне все, — с ударением проговорил воевода, — слышишь — все, ничего не утаивая!..

Гадалка рассказала ему всю сцену и созналась, что поспешила удалить короля, потому что боялась, что ему грозит опасность со стороны воеводы.

Заполия улыбнулся.

— Король принадлежит тебе; ты можешь четвертовать его, жарить или уморить голодом — словом, делать с ним все, что хочешь. Не забудь же, — добавил он с веселой улыбкой, — явиться завтра к дверям церкви, когда король пойдет к обедне.

XIII

Парфорсная охота

В ту же ночь воевода написал два письма. Одно из них было на другое утро подано королеве, а второе нашла под подушкой, проснувшись, Ирма.

Мария бросила письмо в камин. Ирма же с улыбкой сожгла его на свечке. Обе поспешили одеваться.

Король был очень раздосадован, когда паж доложил, что королева ожидает его, чтобы вместе отправиться к обедне; однако ему не оставалось ничего больше, как молча подать ей руку. Во время богослужения он не подымался с колен и, казалось, усердно молился.

По окончании обедни Людовик попросил свою супругу идти домой, так как он желал еще помолиться. Мария молча встала и, бросив презрительный взгляд на короля, ушла с хор. Однако, вместо того чтобы пройти сквозь маленькую дверь, ведущую на хоры, она направилась к главному входу церкви, внимательно всматриваясь в лица всех встречаемых. У дверей она остановилась и, подозревая к себе стражу, сорвала вуаль с лица богато одетой дамы, подымавшейся по ступеням собора.

Это была бывшая фаворитка Людовика.

В один момент она была окружена стражей и арестована.

— В башню! — приказала королева и села в свой паланкин.

Когда Людовик через некоторое время вышел из церкви, по ступеням собора подымалась другая так же нарядно одетая дама под густой вуалью. В нескольких шагах от короля она как бы случайно откинула вуаль, и Людовик увидел холодное и надменное лицо Ирмы Перен. Он смущенно поклонился, она же гордо ответила на поклон и прошла дальше. Король с изумлением посмотрел ей вслед; об Ирме он совсем забыл, он страстно желал встретить свою бывшую наложницу, но предсказание гадалки сбilo его с толку и он решил, что оно относится к Ирме. Людовик хотел было последовать за ней, однако одумался и пошел домой.

В ту же ночь наложница бежала из башни, где была заключена и закована в цепи; ее освободил Заполия.

Людовик, сидя за столом, принимал разные решения и тотчас же менял их. Цетрик отсутствовал, и он, будучи предоставлен самому себе, не знал, что предпринять. Он не спал всю ночь и был в ужасном состоянии. В течение этой бессонной ночи король пришел к убеждению, что Ирма Перен, гордая, холодная, угрожавшая ему кинжалом, любит его, и рано утром, чтобы избежать встречи с женой, он сел на лошадь и помчался к ней.

Ирма совершала свой туалет перед большим венецианским зеркалом, когда горничная доложила ей о приходе короля.

— Прекрасно! — сказала Ирма. — Скажи ему, чтобы он подождал, пока я встану с постели.

Она распустила свои прекрасные волосы, накинула белый шелковый капот, красиво облежавший ее стройную фигуру, и только тогда впустили короля.

Людовик бросился к ее ногам и напомнил об обещании той пламенной ночи.

Она засмеялась и при этом заметила:

— Я сдержу свое слово: я буду вас любить, но никогда не буду принадлежать вам.

Король умолял, плакал и целовал ее руки. Но Ирма спокойно сидела в кресле и играла кинжалом, лежавшим на столе.

— Любовь — это война, — наконец сказала она. — Пользуйтесь своими преимуществами, употребляйте в дело хитрость, ум, нежность и страсть. Постарайтесь завладеть моим разумом и воспламенить мою кровь. Я буду защищаться, но, может быть, вам и удастся победить меня. Сегодня я уезжаю отсюда; мой муж отправляется в Офен, и я буду одна в замке; поэтому вы можете посещать меня, когда угодно. Чего вы еще хотите?

Король был в восторге и преисполнен самых радужных надежд.

— Теперь уходите, — сказала Ирма, — и будьте мне верны; я хотя мало даю, но многого требую.

Час спустя в ее доме собрались все близкие помощники и приверженцы Заполии. Королевский декрет об открытии сейма восьмого сентября сильно изменил положение дел. Вербочи утверждал, что низшее дворянство предпочтет этот законный путь для изъяснения своих требований. Чтобы избежать раскола партии, мысль о собрании в Варсани была оставлена. Воевода сам предложил, чтобы все представители дворян появились на сейме, обвинили королевских советников и высказали свои требования. Если же король не согласится с ними, в чем Заполия не сомневался, то было решено устроить вооруженное собрание в Гатване.

В тот же день члены партии рассеялись по всем частям Венгрии. Воевода вернулся в Трансильванию, а Ирма, предоставив свой дом в Офене мужу, отправилась в замок.

Король внезапно проявил сильнейшую любовь к охоте и каждый день отправлялся в лес, лежащий между Офеном и Биске.

Королева заметила это и спросила супруга о причинах такого вдруг возникшего интереса.

— Твое развлечение — управление, а мое — охота, — ответил Людовик.

Мария инстинктивно чувствовала какую-то опасность, и вдруг перед ней встал образ Ирмы.

Король целые дни проводил на охоте, возвращался только поздно вечером и снова уезжал на рассвете.

Мария была слишком горда, чтобы жаловаться и препятствовать своему супругу в его увлечениях, и, чтобы не предаваться горю, всецело ушла в заботы о стране и ее управлении. Отказавшись от своих прав как жены, она решила до последней возможности защищать свою власть и значение как королевы.

Людовик между тем каждое утро отправлялся за ворота Офена; у границы своих владений его встречала Ирма в прекрасных охотничьих костюмах. Раздавались звуки охотничьих рожков, и началась охота — парфорсная охота¹ на короля венгров. Ирма,

¹ Парфорсная охота — преследование гончими зверя до полного его изнеможения.

носясь на своем белом коне через рвы и изгороди, вонзала стрелу за стрелой в сердце короля.

После охоты Людовик отправлялся к ней в замок, где их ожидал самый изысканный стол, и Ирма была очаровательнейшей хозяйкой. После обеда слуги удалялись, и король оставался наедине с Ирмой. Она одевала удобное домашнее платье и распускала волосы. Иногда Людовик садился у ее ног, и она рассказывала ему сказки; иногда же она брала его на колени, как ребенка, и целовала до изнеможения. Она позволяла ему снимать и одевать ей башмаки, распускать волосы и целовать ее лицо и шею, но строго держала его в определенных ею границах.

Наступило жаркое лето, и охота стала затруднительной. Король ограничивался тем, что в сопровождении конюха и собак гулял по лесу, Ирма же верхом следовала за ним.

В один жаркий июньский день солнце жгло немилосердно, собаки шли повесив головы и высунув языки, лошадь Ирмы была в поту. Людовик также изнемог от жары. Ирма сошла с лошади и, взяв ее под уздцы, завернула на узенькую тропинку, пробиравшуюся среди густой чащи. Ирма шла вперед, раздвигая ветви, и наконец вышла на лужайку, посреди которой рос громадный вековой дуб и журча протекал светлый ручеек, сбегавший с высоких скал, поросших мхом и образовавших большую прохладную пещеру. Ирма опустилась на мягкий мох, которым был устлан пол пещеры. Король подошел к ней и, покрывая ее лицо страстными поцелуями, стал умолять ее положить конец его мучениям.

— О, как я люблю тебя, мой дорогой! — воскликнула Ирма, тоже страстно целуя его. — Я безумно люблю тебя, но боюсь потерять тебя и твою любовь, потому и предпочитаю отказаться от счастья. Ты очень непостоянен, дорогой мой, и, если бы я отдалась тебе, ты скоро разлюбил бы меня.

— Никогда! — воскликнул король.

— Ты забыл бы меня точно так же, как свою некогда страстно любимую наложницу и Марию, как многих других...

Таким образом она все крепче и крепче прибирала к рукам бесхарактерного короля, чтобы в конце концов он стал принадлежать ей на всю жизнь.

Так проходили недели и месяцы.

Цетрик и Гавриил Перен закончили тем временем набор и привели своих людей в Офен, где они вооружались и обучались.

Цетрик каждый день виделся с прелестной Эрзабет и беседовал с ней, причем самые простые слова приобретали в их глазах особую прелесть.

Гавриил Перен по-прежнему встречался с Иолой в церкви; он каждый день умолял ее разрешить ему наконец просить ее руки, но она постоянно отказывала и, казалось, не собиралась положить конец его страданиям.

Королева между тем продолжала управлять государством. Вся ее жизнь, все счастье сосредоточивались теперь в стране, которая при-

надлежала ей. Она ежедневно совещалась с советниками и с палатином. Все ясно предвидели опасность предстоящего сейма, и надо было подготовиться, чтобы вовремя предотвратить ее. Королева имела теперь в своем распоряжении небольшую армию; солдаты жили в замке. Мария часто появлялась среди них, и они боготворили ее.

Баторий и магнаты его партии также вооружались и готовились к предстоявшей борьбе.

В первых числах сентября дворянство начало собираться в Пешт-Офен. Честолюбивый воевода Заполия также прибыл в Офен, в сопровождении многочисленной свиты, и разместился в большом наемном доме. Вербочи, задыхаясь, бегал по улицам, приветствуя своих многочисленных приятелей, и уговаривал всех действовать единодушно. Ирма остановилась в своем собственном доме. Она, казалось, держалась в стороне от политики и два раза в день принимала короля, который передал ведение дел всецело своей супруге.

Вечером накануне открытия сейма Мария отправилась в собор, чтобы помолиться. В храме никого не было; повсюду царила торжественная тишина, церковь совершенно утопала во мраке. Королева стояла на коленях и усердно молилась, как вдруг ей показалось, что дверь, ведущая на хоры, скрипнула. Она подняла голову и увидела Борнемису.

— Не сердитесь на меня, ваше величество, — тихо проговорил он, — умоляю вас, выслушайте меня

— Говорите!

— Вы знаете, что я всей душой принадлежал к партии низшего дворянства и ненавидел вас и короля. После того как я был освобожден, я, возмущенный, доведенный до отчаяния позором своего наказания, исколесил чуть ли не всю Венгрию, полный жажды мести. Но в моей душе, помимо моей воли, все время вставал ваш образ... Я хотел отогнать его, но тщетно, и вместо ненависти в моем сердце появились глубокое уважение и любовь к моей повелительнице; я не могу больше принадлежать своей прежней партии и служить дальше воеводе Заполию, честолюбие которого ведет к гибели мой народ. Я принадлежу вам и отныне буду служить только вам.

Мария посмотрела на него, потом молча пошла к выходу. У двери она обернулась и промолвила:

— Я не хочу обижать вас, но вынуждена отказаться от вашей службы; если же вы хотите служить отечеству, то никто не может помешать вам в этом! — Затем, уже мягче, добавила: — Прощайте, и благодарю вас.

Борнемиса поднес к губам край ее одежды и воскликнул:

— Все же я буду служить вам, Мария. Вы еще вспомните меня!

С этими словами он исчез в темноте.

Восьмого сентября 1524 года сейм был торжественно открыт королем. Людовик апатично и монотонно прочел речь, составлен-

ную его супругой и палатином. В этой речи он предлагал дворянству увеличить налоги с целью защиты страны. Таким же тоном он прочел о страшной опасности, грозящей государству, о могуществе турок и ужасной судьбе покоренных ими стран.

Речь не произвела никакого впечатления.

Большой успех имел папский легат Бурджио, сообщивший, что он может предоставить нужную сумму для защиты страны, если дворянство утвердит этот расход.

Король вышел из зала.

Тогда выступил Вербочи. Сначала он говорил довольно сухо и нескладно, но потом воодушевился и обнаружил блестящее красноречие. Он также изобразил упадок финансов и армии и предостерегал о грозившей опасности в лице турок, но причины всего этого указывал совершенно другие. Он обвинял государственный совет, не утверждавший постановлений сейма и отдавший важные статьи государственных доходов в руки иностранцев. Он обвинял магнатов, не плативших налогов и спокойно сидевших дома, в то время как низшее дворянство проливало кровь за отечество.

Эта речь была встречена бурными криками одобрения.

После него выступали еще различные ораторы, и в конце концов, после долгих споров и большого шума, были выработаны следующие пункты: 1) немецкие фуггеры, высасывающие соки из государства, должны быть изгнаны; 2) Черенцес должен быть отставлен от своей должности; 3) иностранцы должны быть удалены от двора; 4) венецианский и имперский послы должны оставить страну; 5) в виду того, что выработанные до сих пор законы не применялись из-за небрежности правительства, в следующем году в Иванов день должен собраться совет в Гатване, на котором могут присутствовать все дворяне, причем они должны быть вооружены, чтобы сразу оттуда выступить в поход против турок.

Эти и еще некоторые пункты были представлены королю на утверждение. Затем большая часть членов собрания разъехалась по домам. В Офене осталось только небольшое число дворян, ожидавших королевского решения.

Перед тем, как депутация появилась в замке, кто-то подбросил королеве записку, в которой перечислялись все пункты, выработанные сеймом. Никто не знал, кто прислал эту записку, так как почерк никому не был известен.

Королева поспешила к Людовику и кратко и решительно объяснила ему, как он должен себя вести, и тогда только допустила депутацию. Вербочи прочел вышеозначенные пункты; когда он кончил, король с достоинством произнес:

— Мы не разделяем взглядов нашего верного дворянства и не можем одобрить выработанные им пункты. Вместо собрания в Гатване мы назначаем новое заседание сейма на двадцать третье апреля. Будьте уверены в нашем королевском благорасположении. Всего хорошего!

Депутация поклонилась и безмолвно удалилась.

Королевское решение произвело сильное волнение среди дворянства, собравшегося в одном из кабачков Пешта. Некоторые из них хотели штурмовать замок, заставить короля утвердить постановления сейма и захватить королеву. Другие советовали осадить Офен и прекратить подвоз съестных припасов.

Вдруг раздались звуки труб и поднялось облако пыли; это приближалась охранная стража королевы, которая сама вела ее. Дворяне столпились в кучу, но тут слышались звуки труб и с другой стороны и появился Баторий со своими гусарами. Дворяне поспешили рассеяться в разные стороны, прежде чем войска окружили бы их.

XIV

Ракош

Зима прошла спокойно. Королева умело противодействовала опасностям, угрожавшим со всех сторон государству, и счастье благоприятствовало всем ее начинаниям.

Так как дворянство не утвердило нового расхода и неаккуратно платило налоги, Мария ввела строжайшую экономию во всех расходах государства и двора. Защита границ оплачивалась частью из личных королевских доходов. Мария жертвовала всем, чем могла. Умелой дипломатией ей удалось склонить султана к миру, и турецкий посол был отправлен в Офен, чтобы выработать его условия.

В то время как Заполия усиленно подготавливал восстание, королева имела самые точные сведения о планах противников, причем получала их довольно странным образом. Время от времени она, просыпаясь, находила под подушкой письмо, в котором сообщались самые точные сведения о партии воеводы, но никто не знал, каким образом эти письма попадали в спальню. Благодаря им Мария узнавала о посещениях ее супругом Ирмы. Старик Перен, по желанию палатина, жил в Офене. Его супруга находилась вместе с ним, а потом он просил позволения представить ее ко двору. Королева выразила свое согласие и приняла Ирму так, что та не знала, как скрыть свое смущение.

Ирма блестяще привела в исполнение свой план, и легкомысленный король всецело подпал под ее влияние. По совету Заполии она пользовалась своим влиянием, чтобы восстановить Людовика против дворянства. Она грозила ему, что разлюбит его, если он позволит еще больше ограничить свои права, и все время твердила ему, чтобы он решительно отклонил все требования дворянства. Она делала это с целью увеличить недовольство дворян и усилить оппозицию, так как при открытии нового сейма в Ракоше 23 апреля 1525 года настроение было гораздо спокойнее, чем того желали воевода и его партия.

Дворянство появилось в большом числе, и Вербочи надеялся, что ему удастся склонить собрание на свою сторону, однако первое заседание сейма в церкви Св. Петра в Пеште носило мирный и законный характер.

Подробные записки от таинственного друга ежедневно сообщали Марии о ходе переговоров. Вечером 9 мая она нашла прибитым над своей постелью запечатанное письмо, следующего содержания:

«Тебе и твоему государству грозит опасность. Я должен видеть тебя. Жди меня в полночь на валу замка, напротив моста. Я трижды хлопну в ладоши, ты спустишь мне веревочную лестницу. Когда я поднимусь, ты спросишь: «Откуда ты?» Я отвечу: «С востока». Приходи одна, будь спокойна и доверься мне».

Королева решила довериться.

Была бурная ночь, ветер гудел и свистел в башнях замка. За несколько минут до полуночи Мария, закутавшись в шубу и закрыв лицо густой вуалью, взойшла на вал. За поясом у нее были турецкий кинжал и маленький серебряный свисток.

Пробило полночь, и с последним ударом часов снизу послышался троекратный удар в ладоши. Мария прикрепила веревочную лестницу к столбу, решительно сбросила ее вниз и стала ждать, положив руку на рукоятку кинжала. Над стеной показалась темная фигура, и через несколько секунд с нее соскочил мужчина.

— Откуда ты? — спросила, королева.

— С востока, — был ответ.

Королева внимательно посмотрела на своего таинственного друга. Он был закутан в широкий плащ, его голову и лицо скрывал капюшон.

— Что вы хотели сказать мне? — спросила королева.

— Прежде всего, что султан не заключит мира, — ответил незнакомец.

— Не заключит мира? — воскликнула Мария.

— Да, приготовьтесь к этому заблаговременно. Султан был склонен заключить мир, но воевода Трансильвании отговорил его уполномоченного. Мир с турками был бы гибелью для Заполии; он хорошо знает это и не остановится ни перед чем, чтобы воспрепятствовать ему.

— Дальше! — проговорила Мария.

— Дворянство поставит те же требования, что и на прошлом сейме, — продолжал таинственный друг, — но решило энергично настаивать на них. Не доверяйте спокойствию, которое царит теперь в сейме, оно непрочное; недаром дворяне приехали вооруженными. Вооружите граждан Офена: они настроены против дворянства; увеличьте свою армию и будьте энергичны и тверды.

После этих слов незнакомец поклонился и хотел уходить.

Мария остановила его.

— Подождите!.. Вы уже в течение долгого времени охраняете меня таинственным образом, а я не знаю, кто вы и как мне отблагодарить вас?

— Я не хочу благодарности, — уклончиво ответил незнакомец. После этого он скрестил руки и, поклонившись Марии до земли, быстро подошел к стене и стал спускаться по лестнице.

Королева подняла лестницу и вернулась в замок.

На следующее утро она призвала Батория и Гавриила Перена. Было решено потребовать от дворян, чтобы они сложили оружие.

Перен получил от Марии тайный приказ, чтобы все королевские полки стояли наготове и чтобы число патрулей было удвоено.

Король поспешил известить Ирму о решении, принятом его супругой; Ирма же не замедлила сообщить об этом Заполии.

Как только среди дворян распространилось известие, что король потребует их разоружения, они пришли в негодование и громко выразили свое недовольство. Часть их немедленно собралась в церкви Св. Петра и решила энергично бороться.

Час спустя среди них появился Подманицкий, прелат Нейтры, и в качестве уполномоченного короля потребовал, чтобы дворянство сложило оружие.

Его слова были встречены страшным шумом. Подманицкий вернулся с ответом, что дворянство решительно отказалось исполнить требование короля.

Мария принимала в это время уполномоченного турецкого султана. Она заявила ему, что очень желает мира, но согласна заключить его лишь на подходящих условиях и ни в каком случае не станет платить дань и не уступит ни пяди земли. Турок с изумлением и восхищением смотрел на эту умную, энергичную женщину. Ее твердость произвела на него впечатление, и он попросил дать ему время подумать.

На другое утро дворянство собралось для совещания в церкви Св. Иоанна. Королева приказала строго охранять замок, а также мосты и ворота города.

Дворяне наполнили всю церковь и площадь перед ней. Вербочи встал на ступени алтаря и начал речь. Он спросил дворян, кто виноват в том, что решения прошлогоднего сейма не были утверждены королем.

— Архиепископ Чалкан! — раздались голоса. — Он — враг дворян. Долой его!

— Я обвиняю Черемцеса! — закричал с хоров один старый дворянин в заплатанном кафтане.

— В башню его! — закричало собрание.

Через некоторое время Мария получила записку с изложением всего происшедшего в церкви, а тринадцатого мая шестьдесят депутатов от дворян представили королю на утверждение следующие пункты, выработанные на заседаниях сейма: 1) король и королева должны в течение пяти дней удалить от двора всех иностранцев, иначе дворянство само выгонит их; 2) имперский и венецианские послы должны быть отправлены на родину; 3) король должен отставить своих советников и избрать новых, которые будут заботиться об интересах страны, а не о своих собственных; 4) крещенный

еврей Черенцес должен быть отставлен от должности министра финансов и дать полный отчет о своих действиях.

В ответ на эти требования королева предложила гражданам Офена вооружиться. Ирма тотчас же уведомила об этом воеводу. Дворянство собралось в Пеште и Ракоше и отправило Вербочи и Мароти в королевский замок.

Король принял их холодно и решительно.

— До слуха дворян дошло, что граждане Пешта и Офена вооружаются, — сказал Вербочи, — и они решили запереть город и прекратить подвоз съестных припасов.

— Дворяне уклонились от законного пути. Граждане вооружаются по моему приказанию, — спокойно ответила королева, — чтобы усилить наши полки. Баторий явится на днях в Офен со своими гусарами. Если дворянам угодно осаждать нас, то пусть осаждают.

Вербочи хотел еще что-то сказать, но Мария повелительным жестом указала ему на дверь.

Дворянство, получив ответ королевы, вовсе не стало осаждать Офен, а послало новых уполномоченных, которые снова начали переговоры в гораздо более мирном тоне. Король ответил, что согласен назначить проверку денежных средств и деятельности Черенцеса, но не может удалить иностранных послов.

В эту минуту в кабинет Людовика вошла Мария и резко, с насмешкой проговорила:

— Кто создал такое тяжелое положение? Само дворянство! Оно не желает платить налоги и выступать на защиту отечества. Венгрия могла бы защищаться сама, а вы, дворяне, довели ее до того, что мы не можем обойтись без посторонней помощи.

Депутация молчала, не зная, что ответить.

События следовали так быстро одно за другим, что король не мог оставить замок, и по его просьбе Ирма по потайному ходу, ведущему из церкви в его комнаты, стала приходить к нему.

Она была как раз у короля, когда явилась новая депутация от дворянства и в угрожающем тоне потребовала, чтобы король на следующий день появился без сопровождения магнатов в Ракоше.

Людовик сказал, что сейчас же даст ответ, а так как королева выехала в Пешт, то он пошел советоваться к Ирме.

Через несколько минут Людовик вышел к депутации и изъявил свое согласие явиться в Ракош.

Когда Мария переезжала через мост, ведущий в Офен, к ней пробрался старый нищий, сунул ей в руку записку и исчез в толпе. В записке было сказано, что король находится всецело под влиянием Ирмы, которая действует заодно с Заполией и сообщает ему обо всем, что происходит в замке, что она склонила короля согласиться на требование депутации появиться завтра в Ракоше, где ему грозит большая опасность.

Мария прочла записку и поспешила в замок. Рассерженная, с пылающим лицом, она вошла к королю и воскликнула:

— Ты согласился на требование депутации появиться завтра в Ракоше и, конечно, должен сдержать свое слово. Но знаешь ли ты, что́ ты обещал?

Король молчал.

— Ты обещал отдаться дворянам со связанными руками; ты можешь спастись, только погубив отечество.

— Успокойся, — гордо проговорил король, — я знаю, что делаю. Кажется, я — пока еще король!

Мария молча подала ему записку, полученную на мосту. Людовик прочел ее и побледнел.

— Я знаю демона, внушившего тебе подобное решение, — угрожающе проговорила Мария, — я не трогала эту женщину, пока она становилась между мужем и женой, но горе ей, если она встанет между королем и королевой! Ты погибнешь, и никто не спасет тебя! Ты должен появиться завтра в Ракоше и оказать твердое противодействие дворянству, остальное — мое дело. Если же ты посрамишь завтра свое достоинство, тогда я откажусь от тебя и возьму скипетр в свои руки, а ты будешь только Людовиком Ягеллоном, пленником дворян!

На следующий день дворянство в полном составе собралось на историческом поле Ракоша. Около полудня появился король. Дворянство приняло его очень почтительно. Вербочи выступил первым и в длинной речи спросил короля, кто виноват в том, что требования последнего сейма не были выполнены.

Дворяне, бряцая оружием и проклиная королевских советников, повторили этот вопрос.

Король, заикаясь, смущенно проговорил, что это — не его вина. Тогда дворяне закричали:

— Долой советников, которые скрывают от короля истину!.. Долой Чалкана, долой Батория! В башню жиды!

Когда волнение немного улеглось, Вербочи снова продолжал свою речь, прочел выработанные четыре пункта и просил короля утвердить их.

Людовик возразил, что даст ответ на следующий день.

Поднялся страшный шум. Многие вытащили сабли, послышались возгласы:

— Утвердить, утвердить!

— Завтра! — воскликнул король.

— Сейчас! — кричали дворяне.

Лоссончи положил перед королем документ с пунктами, а Матвей Перен приставил саблю к его груди.

В этот момент раздался чей-то крик:

— Королева идет со своим полком!

Ряды дворян разомкнулись; пользуясь смятением, Матвей Перен хотел столкнуть короля, но в эту минуту подоспел Цетрик и ударом кулака по голове сшиб Матвея с ног. Охранная стража окружила

короля, Цетрик посадил его на лошадь, и он ускакал, прежде чем дворяне пришли в себя.

Королева и Эрзабет встретили Людовика у ворот замка. Цетрик рассказал обо всем случившемся. Эрзабет побледнела и прислонилась к столу. Когда Мария и король ушли в замок, Цетрик подошел к молодой девушке и, взяв ее за руку, произнес:

— Можете ли вы простить мне, что я ранил, а может быть, и убил вашего брата?

— О, — воскликнула Эрзабет, — я от души прощаю вас; ведь это было сделано ради короля и отечества. Вы рисковали своей жизнью... которая так дорога для меня, — добавила она, покраснев.

— Для вас, Эрзабет! — воскликнул Цетрик, целуя руки молодой девушки.

— Эрзабет! — позвала королева, и она поспешила на зов.

Дворянство тщетно ожидало ответа короля, он больше не появился. Тогда оно собралось у Ракоша и постановило: 1) отнять десятину у духовенства и употребить ее на защиту границ; 2) собраться на Иванов день в Гатване, где выработать средства для спасения отечества.

В самый разгар переговоров появился Матвей Перен с забинтованной головой, держа в руках большую куклу в костюме венгерского воина. Людовик велел сделать ее для маленького сына польского короля, Ирма же потихоньку унесла ее из комнаты короля и дала своему сыну.

— Посмотрите, на что тратятся деньги государства! — воскликнул Матвей. — Какими игрушками король собирается защищать отечество!

Дворяне с громкими криками, насмешками и ругательствами последовали за Матвеем и в конце концов повесили куклу на дереве¹.

В тот же вечер Мария получила записку от своего таинственно-го друга, в которой он снова просил свидания. В назначенный час она отправилась на вал и по условленному знаку сбросила лестницу. Таинственный незнакомец сообщил королеве, что дворянство разойдется, не ассигновав денег, если все его требования будут отклонены, и посоветовал утвердить некоторые требования, а также удалить Черенцеса, так как дворяне страшно озлоблены против него.

Мария поблагодарила его, и он удалился так же быстро, как и пришел.

На другой день явилась новая депутация, требовавшая ответа на последние два постановления. Король сообщил, что приказал арестовать министра финансов и что даст ответ на постановления на следующий день.

Королева поручила Гавриилу Перену арестовать Черенцеса и передать ему, что это делается ради успокоения дворян и что ему

¹ Исторический факт.

не грозит никакой опасности. Тем не менее это известие произвело на министра финансов удручающее впечатление; он плакал, как ребенок, утверждал, что не виноват, и умолял Гавриила похлопотать за него при дворе.

Гавриил, доставив Черенцеса в башню, поспешил к Иоле. Ее пылкая фантазия также рисовала ей все в самом ужасном свете, и только когда Перен обещал ей окружить отца в тюрьме всеми удобствами, к которым он привык дома, она немного успокоилась.

Черенцес приободрился, когда увидел свою мягкую постель и облекся в свой любимый халат и теплые туфли.

Когда Гавриил вечером навестил старика вместе с Иолой, то нашел его в отличном настроении.

Арест еврея умиротворил некоторых дворян, но другая часть, ободренная успехом, стала требовать утверждения всех выработанных пунктов. Король дал отрицательный ответ, и дворяне в тот же день разошлись, не ассигновав ни гроша.

Государственный совет был так ошеломлен этим, что на первом же заседании разразился сильный скандал. Франджипани обвинял во всем Чалкана; тот рассердился, вскочил и схватил графа за бороду; граф ударил архиепископа по лицу.

В этот момент в зал вошел король, и шум прекратился.

Королева следовала за Людовиком и заявила магнатам, что утверждением постановления сейма можно было вызвать большое несчастье и что она согласна скорее заложить последнее, чем подчиниться.

Архиепископ пожаловался на Франджипани. Мария выслушала их обоих и свидетелей и приказала посадить графа на несколько дней в башню. Выйдя из-под ареста, гордый граф оставил двор и поступил на службу к австрийскому герцогу Фердинанду¹.

XV

Misera plebs

Сцена в Ракоше произвела на Людовика сильное впечатление. Он решил было порвать с Ирмой, но в последний момент у него не хватило силы воли. Он знал, что она предаст его, но ее поцелуи каждый вечер горели на его губах, ее ласки приводили его в какой-то жуткий восторг: его страсть к ней усиливалась от сознания опасности, которой он подвергается.

Заполия торжествовал: дворянство и король были озлоблены друг против друга, его усилия наконец были вознаграждены, и он рассчитывал, что после съезда в Гатване судьба государства перейдет в его руки.

¹ Исторический факт

Воевода уже собирался вернуться в Трансильванию, но Ирма назначила ему свидание в корчме, где они всегда встречались в последнее время, так как пребывание самого Перена в Офене делало их встречи в доме Ирмы невозможными.

Заполия явился в назначенное время в корчму и нашел там Ирму, Вербочи и Лоссончи.

— Что нового? — весело спросил он.

— Я могу доставить тебе нового союзника, — сказала Ирма.

— Кого же?

— Чалкана.

— Не может быть! — воскликнули все присутствующие.

Ирма подала знак хозяину, он выбежал и через несколько минут ввел архиепископа, который прицепил фальшивую бороду и закутался в широкий плащ, чтобы не быть узнанным.

Воевода предложил ему сесть за большой дубовый стол. Начались переговоры.

Чалкан был согласен примкнуть к партии воеводы и поддерживать все его планы с условием, что ему будет обеспечено соответствующее его сану положение. Они скоро стоворились на этот счет, однако при обсуждении способа исполнения планов партии между воеводой и Чалканом возникло разногласие. Архиепископ был решительно против насилия, Заполия же гордо указал на своего союзника, короля Франции.

— Напрасно вы рассчитываете на него, — ответил Чалкан, — король Франциск потерпел поражение при Павии¹ и разбит наголову. Десять тысяч французов пали в сражении, сам король находится в плену у Карла V. Мой план более мирный, но верный. По-моему, следует оградить короля от влияния супруги и Батория. Надо склонить его появиться на собрании в Гатване, и я беру это на себя. Я буду по-прежнему вашим противником на людях, — так выгоднее для интересов партии. В качестве духовника короля я имею на него большое влияние. Если вы, прелестная женщина, поможете мне, — добавил архиепископ, обращаясь к Ирме, — то мы, без сомнения, приведем короля в Гатван.

Ирма, улыбаясь, кивнула головой.

— Труднее всего, — продолжал Чалкан, — завлечь в наши сети королеву. Она умна, смела и решительна. Силой мы тут ничего не добьемся, придется употребить хитрость. Если дворянство сделает вид, что готово на уступки ради спасения государства, то Мария с радостью ухватится за протянутую ей руку. Если же станет доверять дворянской партии, то не только пошлет короля в Гатван, но и сама явится вместе с ним. В Гатване мы захватим королеву и заставим короля принять все требования дворянства, отставить всех

¹ С 1521 г. начались войны между Францией, с одной стороны, и Германией — с другой за первенство в Европе и императорскую корону. Битва при Павии (1525 г.) решила участь первой из этих войн, которую Франциск I проиграл Карлу V Австрийскому. Павия расположена в долине р. По, в Италии.

советников и сослать Марию в один из замков. Тогда Ирма Перен будет управлять королем, Заполия — государством, и ни одной капли крови не прольется.

— Это прекрасный план! — воскликнула Ирма.

— Хорошо, — ответил Заполия, — я согласен. Мои люди вооружены, так что мы в любую минуту сможем прибегнуть к оружию.

Несколько дней спустя Заполия, Ирма и Вербочи сошлись в одном из замков Чалкана. План архиепископа был разработан во всех подробностях и каждому назначена своя задача и роль.

Королева Мария долгое время не получала никаких сведений от своего таинственного друга, но наконец пришло письмо, в котором ей снова назначалось свидание.

Королева опять отправилась в назначенное время на вал. Незнакомец не мог ей дать на этот раз никаких точных указаний; он только предостерег ее против Заполии и заметил, что воевода, очевидно, отказался от открытой борьбы и стал действовать подпольными путями. Таинственный друг заклинал королеву быть как можно осторожнее и не отклоняться от намеченного пути; он так волновался, что забыл изменить голос, что делал постоянно.

— Боже мой! — воскликнула королева. — Кто вы? Какой знакомый голос!

Незнакомец спохватился и поспешил к стене.

Мария схватила его за руку.

— Ради Бога, скажите, кто вы?

— Ни за что, — ответил он измененным голосом и исчез за стеной.

Мария еще долго стояла на валу, растерянно осматриваясь кругом, но наконец овладела собой и пошла назад в замок.

Так как дворянство не поступалось ни на йоту своими требованиями, то Мария решила выпустить Черенцеса и послала Гавриила Перена известить его об этом.

Перен поспешил с Иолой в башню. Старик Черенцес с восторгом принял известие о своем освобождении и решил задать по этому поводу грандиозное празднество. Гавриил также получил приглашение и, конечно, поспешил воспользоваться им.

Он нашел дом Черенцеса окруженным густой толпой любопытных, которые глазели на иллюминацию и на приезжавших гостей.

Известие об освобождении министра финансов сильно взволновало магнатов и дворян из партии Заполии. Банкет, заданный Черенцесом, и громкие крики гостей еще увеличили их досаду; гайдуки и гусары смешались с народом, столпившимся около дома Черенцеса, и стали возбуждать его.

Купец Стефан Лабат только что собирался произнести тост и поздравить хозяина с освобождением, как снаружи донеслись крики и в окна полетели камни. В эту минуту вбежал лакей с окровавленной головой.

— Осада, приступ! Спасайтесь! — раздался его вопль.

Произошло страшное смятение. Толпа, оттеснив слуг, ворвалась во дворец. Черенцес опустился на колени и начал молиться, а его гости разбежались кто куда. Иола в смертельном страхе прижалась к Гавриилу; он один сохранил присутствие духа.

— Нет ли тут еще какого-нибудь выхода? — быстро спросил он.

— Есть потайной ход к валу, — прохрипел Черенцес.

— Давайте скорей ключ!

Черенцес вытащил связку ключей, но от испуга руки у него тряслись. Иола нашла ключ и поспешила вперед. Гости вернулись в зал, так как все выходы были уже заняты толпой.

Перен отпер дверь; топот гайдуков и гусар уже раздавался в коридоре, они стучали в дверь и старались выломать ее.

Все побежали через ряд комнат к потайному ходу. Иола бросилась к отцу, который в безумном страхе вернулся в спальню и собирал самые важные бумаги и драгоценности. Гавриил последовал за ней, запирая и заставляя насколько возможно за собой все двери.

Народ уже проник в один из залов, отовсюду неслись крики:

— Долой Черенцеса, на виселицу жида!

Иола потащила отца, и Гавриил поспешил за ними. Они добежали до потайного хода, но дверь оказалась запертой. Гости, думая, что все уже прошли, заперли ее за собой. Гавриил попытался проломить ее, но тщетно. Тогда он распахнул окно, посмотрел и воскликнул:

— Есть еще выход! Двор свободен.

Он быстро нашел веревки и, привязав к переплету, спустился первым; Иола и ее отец последовали за ним.

Толпа между тем ворвалась в спальню. Перен понес Иолу на руках через сад, старик, задыхаясь, бежал за ними. Они благополучно достигли стены. Однако гусары заметили веревку у окна и увидели беглецов. Перен привязал другую веревку к выступу стены и торопил своих спутников спускаться. Старик поспешил исполнить это, а Иола ни за что не хотела расставаться с Гавриилом. Между тем гусары уже достигли вала. Перен, обнажив саблю, двинулся им навстречу. Убив одного и ранив другого, он произвел среди них смятение, вернулся к Иоле, и они быстро спустились вниз. Черенцес дошел до берега Дуная и сел там. Перен и Иола увидели его, и все трое побежали вдоль берега. Вдруг Перен остановился и воскликнул:

— Лодка, лодка!

Они подбежали к старой лодке, привязанной к берегу, и, отвязав, сели в нее. Гавриил оттолкнул лодку и взялся за весла. Беглецы благополучно достигли противоположного берега. Там стояла небольшая рыбацья хижина. Иола и Черенцес остались в ней, а Перен снова переправился на другой берег.

Он окольными путями поспешил в замок, рассказал обо всем случившемся и, захватив своих солдат, отправился к хижине. Гавриил считал за лучшее, чтобы Черенцес не возвращался в

Офен, а потому старому еврею и его дочери пришлось скрепя сердце взобраться на лошадь. Щедро одарив рыбаков, они двинулись в путь.

Через час они достигли паромы, перебрались на другую сторону и направились к Биске. В лесу, окружавшем замок Перенов, был небольшой охотничий замок, в котором жил только лесничий. Сюда Гавриил и привез беглецов, а сам, распрощавшись с ними, отправился в Офен, оставив Черенцесу для безопасности несколько солдат.

Между тем чернь, еще более раздраженная бегством ненавистного министра финансов, произвела в доме страшное опустошение; все было поломано и попорчено, дорогие картины и обои изрезаны, драгоценная посуда побита, старое вино выпущено из бочек, так что оно ручьями текло по дому, кроме того, было награблено более шестидесяти тысяч дукатов.

При появлении королевской стражи толпа разбежалась, решив на следующий день произвести опустошение домов архиепископа и фуггеров.

Королева приняла меры, чтобы иметь возможность противодействовать беспорядкам.

В то же время и Заполия поспешил в Офен, чтобы разузнать о происшедшем и в случае необходимости защитить дворец архиепископа. День, против ожидания, прошел спокойно. Гавриил Перен и Цетрик собрали своих людей, по городу разъезжали вооруженные патрули.

Только к вечеру в Офене стало заметно волнение. Прежде чем патрули успели принести это известие в замок, толпы народа направились ко дворцу архиепископа, а другие — к дому министра финансов, чтобы окончательно разнести его. Слуги архиепископа забаррикадировали ворота; толпа тщетно шумела около них и стала вооружаться камнями и кольями.

Вскоре показался значительный отряд дворян и гусар под начальством Мароти; он потребовал, чтобы чернь разошлась.

На это народ ответил шумом, свистом и криками и выказал намерение штурмовать дворец архиепископа. Мароти подал знак своим людям, те в одну минуту обнажили сабли и двинулись вперед. Народ был смят, многие потоптаны лошадьми, многие ранены, и все обратились в бегство. Мароти преследовал бегущих. Толпа, собравшаяся у дома министра финансов, завидев бегущих, рассыпалась в разные стороны.

Когда Перен и Цетрик подошли со своими отрядами к дому архиепископа, то никого там не застали.

Мароти со своим отрядом тотчас же удалился, предоставив дальнейшее королевской страже.

На следующий день архиепископ явился к воеводе, со слезами на глазах благодарил его за энергичную защиту дома и торжественно поклялся всецело предаться его делу. Расчет Заполии блестяще оправдался.

Интриги

На долю Ирмы досталась трудная задача. Она должна была добиться того, чтобы король появился на собрании в Гатване, которое он запретил дворянству. Но, прежде чем начать свои интриги, она решила окончательно увериться в Людовике. От этой умной и проницательной женщины не укрылось, что со времени покушения в Ракоше король стал относиться к ней гораздо недоверчивее. Поэтому, посоветовавшись с воеводой, она составила дерзкий план, чтобы вернуть утраченное доверие короля.

Когда Людовик в назначенный час появился у ворот дома Ирмы, он нашел их запертыми. Он снова приехал через некоторое время, но опять повторилось то же самое. Наконец старый слуга доложил королю, что его барыня покинула город.

Людовик тотчас же вернулся в замок, приказал Цетрику оседлать двух лошадей и быстро направился вместе с ним к дому Перенов. Приблизившись к воротам, он довольно неуверенно проговорил, обращаясь к Цетрику:

— Забудь все, что ты здесь увидишь и услышишь. Я знаю, что ты умеешь молчать, и вполне полагаюсь на тебя.

Цетрик молча поклонился.

Король поднялся по лестнице; его встретила служанка, спросила, что ему угодно, и исчезла. Людовик стоял на лестнице, не зная, что делать и не решаясь войти.

Ирма тем временем лежала на кушетке своей роскошной спальни и заставила короля целый час ждать у двери. Наконец она сказала своей горничной:

— Пусть войдет!

Когда Людовик появился на пороге, она устремила на него холодный взгляд.

— Что я сделал, — спросил он, — что ты уехала не простившись, не пускаешь меня к себе и заставляешь целыми часами ждать у дверей?

Он хотел взять ее за руку, но Ирма отняла ее и, встав, ответила пренебрежительным тоном:

— Я поступаю с тобою так, как ты того заслуживаешь, но я не собираюсь делать тебе упреков; ты видишь, я легко могу обойтись без тебя.

— Как же мне оправдаться, если я не знаю, в чем состоит моя вина? — проговорил король.

Ирма покачала головой.

— Я чувствую, что ты стал, недоверчивым и сомневаешься во мне. Я не спрашиваю причины этого и не требую, чтобы ты верил мне. — И с этими словами она отвернулась от него.

Людовик стал клясться и божиться, что она ошибается, что он любит ее больше всего на свете и вполне доверяет ей.

Однако Ирма пожала плечами, ничего не ответила и занялась чтением, не обращая внимания на его клятвы.

Король наконец рассказал ей все — сцену с королевой, происшествие в Ракоше и поведение ее сына.

Ирма посмотрела на него с презрительной улыбкой и спокойно промолвила:

— Легковерный мальчик! Я даже не считаю нужным защищаться, но хочу доказать тебе, что я — не предательница. — Она встала, величественно подошла к шкафу, вынула оттуда шкатулку черного дерева и, отперев ее серебряным ключиком, достала пакет писем и подала королю.

— Читай! — повелительно проговорила она.

Король нерешительно развернул одно письмо и стал читать.

Это были письма Заполии к ее сыну Матвею, из которых можно было заключить о полном согласии между обоими и о невинности Ирмы, так как Заполия неоднократно предупреждал Матвея против его матери. Кроме того, в этих письмах заключались указания относительно планов и намерений воеводы.

Прочитав письма, король был не только убежден, но посрамлен и уничижен. Он упал к ногам Ирмы и умолял о прощении.

Ирма подняла его, после чего сказала:

— Послушай!.. Я давно хотела показать тебе эти письма, но твое странное поведение побудило меня предоставить тебя твоей судьбе, то есть твоей жене. Ты думаешь, что я оставила без наказания предосудительное поведение сына? Я приказала связать его и посадить в башню и взяла все его бумаги. При помощи старого слуги ему удалось бежать к воеводе. Если тебе нужны еще доказательства, то прочти это последнее письмо Заполии, которое мне удалось перехватить.

Ирма достала из-за корсажа письмо и подала его Людовику. Тот прочел:

«Спешу сообщить тебе, дорогой Матвей, что все идет как по маслу. Двор так ослеплен магнатами, что никому не приходит в голову обратиться к дворянству и сделать ему некоторые уступки. Мы пропали бы, если бы королю вздумалось прибыть в Гатван, но, к счастью, он до этого не додумается. Твой Заполия».

Ирма собрала все письма, подала их Людовику и проговорила:

— Теперь становись на колени и проси прощения!

Король бросился к ее ногам; она поцеловала его и потрепала в наказание за уши.

— Я прощаю тебя в последний раз, — добавила она, — запомни хорошенько — в последний раз!..

Вскоре они уже сидели рядом на диване, целовались и советовались о том, как противодействовать планам воеводы.

— Если бы я управляла государством, — сказала Ирма, — то никого не стала бы слушать, ни с кем не советовалась, но появилась бы среди своего народа. Я сказала бы ему: «Ты жалуешься на

меня, а я недоволен тобой; придем к обоюдному соглашению. Отныне никто не будет больше стоять между нами!»

— Ты пошла бы в Гатван?

— Я? Да!..

— И согласилась бы на требования дворян?

— Не спрашивай меня, я — женщина; обратись к своим советникам. Спроси Чалкана.

— Врага воеводы и дворян? — с изумлением спросил король.

— Да, — ответила Ирма. — Теперь ты, я думаю, видишь, насколько я сочувствую воеводе, — добавила она, весело рассмеявшись.

После этого, под предлогом распоряжения об обеде, она оставила короля и пошла в комнату, где находился Цетрик. Шталмейстер при виде ее встал и поклонился.

— Без церемоний, — сказала Ирма, — садитесь, мне надо поговорить с вами. Вы любите мою дочь? — начала она без всяких предисловий.

Цетрик смутился, покраснел и не знал, что ответить, так как не ожидал подобного вопроса.

— Я уверена, — продолжала Ирма, — вы любите ее, и она отвечает на ваши чувства. Нам некогда терять время на разговоры. Согласны ли вы во всем без рассуждений подчиниться мне? Тогда Эрзабет будет вашей.

— Нет, — решительно ответил Цетрик.

Ирма встала, чтобы уйти.

— Еще одно слово, — воскликнул Цетрик.

— К чему? — холодно проговорила она. — Мы сговорились. Вы очень смелы и ведете смелую игру.

— Она ничтожна по сравнению с той, которую вы ведете с королем, — ответил молодой человек. — Только вы играете фальшивыми картами, так что берегитесь, чтобы не попасться.

Ирма быстро подошла к Цетрику; она задыхалась от гнева, ее глаза метали молнии. Бросив на него угрожающий взгляд, она быстро вышла из комнаты.

В тот же вечер Людовик приказал позвать к себе архиепископа.

Чалкан явился, скромно потупив взор.

— Садись! — сказал ему король. — Ты, вероятно, удивлен, — с деловым видом продолжал он, — что я позвал тебя так поздно вечером, но тебе известно, что я ставлю благо своей страны превыше всего.

Чалкан одобрительно улыбнулся.

— Мы издали постановление, запрещающее дворянству принимать участие в собрании в Гатване, но мне кажется, что это не удержит дворян. Что мы будем тогда делать?

— Не знаю, — ответил Чалкан.

— А я знаю, — с торжеством заявил Людовик, — я сам отправлюсь в Гатван.

— В Гатван? — с изумлением воскликнул Чалкан.

— Да, — сказал король, — я неожиданно появлюсь среди дворян и заключу с ними мир. Я сделаю некоторые уступки, они тоже. Рука об руку с дворянством я совершенно уничтожу Заполию, уверяю тебя.

— Если я должен высказать свое мнение относительно этого, то позволю себе сказать, что нахожу замысел рискованным.

— Рискованным? — со смехом воскликнул король. — А я тебе говорю, что для Заполии будет тогда рискованным появиться в Гатване и что он боится этого пуще всего.

С этими словами король вынул из кармана письма, переданные ему Ирмой, и протянул их Чалкану.

Тот надел очки, тщательно рассмотрел каждое из писем на свет, посмотрел на печать и почерк и глубокомысленно проговорил:

— Это — письма воеводы, это его почерк, печать и водяные знаки на бумаге.

— Читай!

Чалкан медленно и внимательно прочел одно письмо за другим, затем сложил их и торжественно произнес:

— Я не стану допытываться, каким образом эти письма попали в твои руки. Это чрезвычайно важные документы. Теперь я согласен с тем, что лучше всего тебе отправиться в Гатван. Да будет над тобой благословение Божие и да пошлет Он Венгрии наконец лучшую судьбу!

— Я решил, — сказал король. — Но ты знаешь честолюбие моей супруги. Я не могу задевать его; если нам не удастся склонить ее на нашу сторону, то мы будем в весьма скверном положении.

— Покажи ей эти письма, сын мой, — кротко произнес архиепископ, — и она убедится. Если же эти важные документы паче чаяния не произведут на нее должного впечатления, то ты сможешь обойтись и без нее.

Король отпустил архиепископа, и тот, смиренно кланяясь, вышел из его комнаты.

Когда в Офене снова воцарилось спокойствие и народ приступил к своим обычным занятиям, Гавриил Перен занялся министром финансов, отправил необходимое белье и платье в охотничий замок и наконец отправился туда сам.

Был уже вечер, когда он приехал; Иола выбежала ему навстречу и повела к отцу. Черенцес страшно изменился и постарел и представлял собой лишь неприглядные остатки прежнего Эмериха Черенцеса.

— Я — старый, разоренный человек, — жалобно проговорил он, — что теперь будет с моей дорогой Иолой?

— Успокойтесь, — перебил его Перен, — ваши дела вовсе не так плохи; правда, у вас похитили шестьдесят тысяч дукатов, многое попорчено и уничтожено, но ваши сокровища и деньги, хранившиеся в погребках, остались нетронутыми...

— Нетронуты! — воскликнул Черенцес вне себя от радости и стал носиться по комнате как угорелый, смеясь и хлопая в ладоши.

Он и Иола довольно удобно устроились в домике; лесничий заботился о них, и им не приходилось встречаться с обитателями замка. Но вдруг вернулся домой из Офена Петр Перен, а Ирме пришлось в голову устроить охотничий замок для приемов короля. Она тотчас же села на лошадь и совершенно неожиданно появилась у ворот уединенного замка.

Лесник выбежал ей навстречу, смущенный и весь дрожа от страха.

Ирма посмотрела на него, затем на домик и строго проговорила:

— В доме кто-то есть?

— Нет, нет... — пробормотал лесничий.

— Из трубы идет дым. Кого ты там прячешь?

— Не знаю, — ответил лесничий, падая на колени.

— Встань и поддержи мою лошадь! — воскликнула Ирма, прыгивая на землю.

Люди Перена спали в одной из комнат первого этажа, Черенцес был наверху и считал золотые, которые ему удалось унести из дома. Иола сидела на коленях своего жениха и гладила его волосы. Ирма незаметно вошла в комнату и остановилась перед изумленной парой.

— Мой сын, — воскликнула она, — и его любовница! У тебя хороший вкус!.. Сколько ты платишь ей?

— Ты ошибаешься, — спокойно ответил Гавриил, — эта бабышня...

— Моя дочь! — воскликнул Черенцес, который пришел в комнату, привлеченный звуками чужого голоса.

— Ваша дочь, Черенцес? — ответила Ирма. — Вы уже отдаете вашу дочь первому попавшемуся молодому человеку, а раньше думали только о палатинах?

— Довольно, мать! — серьезно проговорил Гавриил. — Мы любим друг друга и решили никогда больше не расставаться. Хорошо, что ты здесь; я в твоём присутствии прошу у Черенцеса руки его дочери, а у тебя — благословения.

— Никогда! — воскликнула Ирма. — Делай что хочешь, но не требуй, чтобы я одобрила твой поступок. Моя благородная кровь возмущается тем, что будет смешана с еврейской торгашеской кровью. Прощай! — И она со смехом вышла из комнаты.

Садясь на лошадь, Ирма сказала лесничему:

— Мой сын и его гости должны сегодня же оставить этот дом... Слышишь?

— Мы и без того не останемся, — крикнул Черенцес в окно, — даже если вы будете просить нас, так и то мы не останемся!

Действительно, Черенцес в тот же день возвратился в Офен под охраной людей Перена; сам же Гавриил, проводив их, отправился в отцовский замок.

Он застал родителей за ужином. Без долгих предисловий он сообщил им о своей любви к Иоле, объявил, что твердо решил жениться на ней, и просил их благословения.

Ирма так же решительно ответила отказом, как и раньше, в присутствии Черенцеса.

— Я предоставляю тебе полную свободу, — сказала она, — но требую также и свободы себе. Никто не убедит меня в том, что будет лучше, если ты женишься на дочери человека, которого ненавидит вся страна, да кроме того еврея и мошенника.

Петр Перен также не был в восторге от признания сына, хотя считал союз с министром финансов и его богатствами очень выгодным для себя.

Когда он изъявил свое согласие на этот брак, Ирма наотрез отказалась жить под одной кровлей с еврейкой. Было решено, что молодые поселятся в охотничьем замке. Петр сейчас же составил дарственную, по которой замок с принадлежащими к нему владениями переходил Гавриилу.

На следующее утро Гавриил покинул родительский кров и отправился к своей невесте.

Черенцес, который раньше никогда не дал бы согласия на этот брак, теперь был очень доволен союзом с Переном. Он поспешно начал приготовления к свадьбе дочери и был в восторге, когда королева поздравила его и назвала Гавриила «одним из своих лучших друзей».

Мария пригласила прелестную Иолу в замок, и та ежедневно бывала там. Королева и Эрзабет усердно помогали ей готовиться и покупать приданое.

Венчание происходило в королевской часовне. Невеста была роскошно одета, и Черенцес, к великому своему удовольствию, заметил среди гостей не только представителей купеческого мира, но и многих знатных и родовитых магнатов.

После блестящего пиршества во дворце Черенцеса молодые удалились в охотничий замок.

Маленькое, невзрачное здание совершенно преобразилось и было обставлено с самой изысканной роскошью. Много прекрасных подарков от королевской четы, палатина и других друзей ожидали там молодую хозяйку замка.

XVII

Цыганка

Матвей Перен должен был подчиниться распоряжению матери и после покушения на короля оставить Офен. Распространился слух, что он бежал к Заполии, но на самом деле он скрывался недалеко от Биске в густом лесу. Старые деревья совершенно закрывали небольшой домик, в котором поместился Матвей; он

очень хорошо устроился в нем и чувствовал себя прекрасно в этой глуши.

Верный и преданный крестьянин из ближайшей деревни приносил ему пищу и доставлял время от времени известия из замка.

Днем Матвей не решался выходить из дома, так как мать написала ему, что его разыскивают и что его жизни грозит опасность. Он проводил время в резьбе по дереву, починял свою хижину и расставлял сети для птиц. Ночью он бродил по лесу в сопровождении своих друзей: двух больших собак. Однако мало-помалу подобная жизнь начала надоедать ему.

Однажды Матвей, в светлую, лунную ночь бродя по опушке леса, заметил темную тень; присмотревшись, он увидел женскую фигуру, шедшую по лугу, примыкающему к лесу.

Матвей спрятался за дерево и, выждав, когда она подошла совсем близко, выскочил из леса. Она испугалась и побежала. Матвей взялся за ружье и крикнул:

— Остановись или я выстрелю!

Женщина остановилась.

Матвей медленно приблизился к ней и увидел, что это — старая цыганка.

— Что тебе здесь надо, старая чертовка? — спросил он.

— Трав, корней и цветов для моих снадобий.

— Которыми ты отравляешь людей и животных, — перебил ее Матвей с грубым смехом.

Цыганка также рассмеялась. Ее смех и голос показались Перену слишком молодыми для ее седых волос; быстрота, с которой она бежала, также показалась ему подозрительной.

— Это мне очень кстати, — продолжал Матвей, — я живу в лесу как отшельник и давно не видел людей. Ты должна пойти со мной, старуха, и разогнать мою скуку.

— Это невозможно! — со страхом ответила цыганка.

— Что невозможно? — закричал на нее Матвей. — Ты пойдешь со мной без всяких разговоров! Ты должна сварить мне ужин, рассказать сказку и спеть песню. Я умираю от скуки. Шевелись! Живей. — Он толкнул цыганку в бок и заставил ее идти вперед. — Не пытайся убежать от меня, старая, — добавил он более добродушным тоном, — а то я подстрелю тебя, как галку.

Цыганка ничего не ответила и пошла, прихрамывая, вперед.

— Скорей, старая чертовка! — сказал Матвей, — нечего хромать, я прекрасно знаю, что у тебя совсем здоровые ноги и ты можешь бегать, как олень.

Цыганка обернулась и, посмотрев на Матвея, быстро пошла вперед.

— Ты нравишься мне, — проговорил Матвей, рассматривая цыганку и заметив ее стройную фигуру и изящную ножку.

Подойдя к дверям хижины, она не решалась войти в нее. Тогда Матвей толкнул ее в плечо и крикнул:

— Иди, иди!..

Она переступила порог. Матвей запер дверь, закрыл окна, загнал собак за очаг и сел рядом с цыганкой, поместившейся на скамейке.

— Ну-с, чего ты ищешь тут в лесу? — спросил он.

— Травы, — начала она.

— Полно врать, — перебил ее Матвей, — откуда ты и как тебя зовут?

Цыганка бросила на него враждебный взгляд.

— Я — Ава, из Индии, прекрасный господин, — проговорила она в нос.

— Ты хочешь тут укрыться и ты вовсе не цыганка, — невозмутимо продолжал Матвей. — Ты так же молода, как и я, — добавил он, обнимая ее за талию.

— Не смей меня трогать! — с угрозой воскликнула цыганка.

Он заметил движение ее руки к поясу и быстро выхватил у нее кинжал, спрятанный за кушаком.

Цыганка закричала.

— Замолчи, — сказал Матвей, — я тебе ничего не сделаю.

Она закрыла лицо руками и заплакала злыми слезами.

— Пойди вымойся и причешись! — продолжал Перен и с этими словами сорвал платок с ее головы.

Цыганка с ужасом вскрикнула и вскочила; в ту же минуту ее темные волосы густой волной рассыпались по спине, и Матвей, увидев это, громко расхохотался.

— Кто ты? — спросила она, дрожа от страха.

Он, ни слова не говоря, подвел ее к кадке с водой и подал полотенце.

Цыганка еще раз испытующе посмотрела на него, потом, как бы приняв какое-то решение, быстро смыла темную краску с лица и рук, завернула волосы большим узлом на затылке и, вернувшись к скамье, спокойно сказала:

— Вот я; делайте со мной, что хотите.

Она опустила голову, но исподлобья смотрела на Матвея, желая увидеть, какое впечатление производит на него ее красота.

Матвей с изумлением и восхищением смотрел на нее.

— Я — ваша пленница, — продолжала женщина. — Говорите, что вы хотите со мной делать. Если вы разбойник, то я могу заплатить выкуп.

Матвей улыбнулся.

— Я — беглец, — ответил он, — такой же, как и вы. У вас, кажется, есть причина скрываться, как и у меня. Я могу дать вам приют в своей хижине, если же вы не хотите, то можете уходить. Вы свободны.

Незнакомка быстро взяла свой кинжал, положенный Матвеем на стол, и направилась к двери, но на пороге остановилась и проговорила:

— Я останусь; хотите?

— Я прошу вас остаться и простить мне мою грубость.

Незнакомка улыбнулась, подала ему свою маленькую руку и села напротив него за стол.

— Я дам вам поесть, — сказал Матвей, после чего, накрыв стол белой скатертью, принес молоко, масло, сыр, мед и хлеб и поставил все это перед своей гостьей.

Она начала уплетать за обе щеки.

— Вы, вероятно, долго блуждали по лесу? — спросил Матвей.

— О да, очень долго, — ответила она. — Я питалась только ягодами и диким медом.

Наступила пауза. Матвей не прерывал ее ни одним вопросом.

— Судьба свела нас, — продолжала затем цыганка, — так доверимся друг другу и поведаем свою историю.

— Кто же начнет? — спросил Матвей.

— Вы, — ответила она, — потому что вы рискуете меньшим.

— Нет! — воскликнул он. — Потому что я защищу вас, если вам будет грозить опасность.

Незнакомка окончила свой ужин и, после некоторого молчания, тихо проговорила:

— Вы слышали когда-нибудь о королевской наложнице?

— Это... вы? — воскликнул Матвей.

— Она самая.

— Я знаю вашу историю, потому что я — Матвей Перен, — ответил он.

— В таком случае мы — единомышленники, — радостно воскликнула бывшая фаворитка, подавая ему руку. — Я охотно отдаюсь под ваше покровительство и прошу разрешения остаться.

При этом она так обворожительно улыбнулась, что Матвей схватил ее руку, прижал ее к своему сердцу и поклялся охранять ее от всех опасностей.

Затем он стал готовить ей постель, так как она много дней провела под открытым небом. Он уступил гостье свою кровать, а сам взял плащ и вышел в кухню, пожелав спокойной ночи.

Солнце уже высоко стояло на небе, а прекрасная гостья Матвея все еще спала; наконец лай собак и пение птиц разбудили ее.

За завтраком Матвей поведал ей свою историю, умолчав только о страсти к королеве. Наложница рассказала о своем изгнании, пребывании в Офене в качестве гадалки, аресте и бегстве из тюрьмы. Заполия подкупил тюремщика, и с его помощью она выбралась из Офена и укрылась в окрестной деревне. Однако, как только ее бегство обнаружилось, королевские патрули стали обыскивать соседние деревни, и ей пришлось бежать дальше. Избегая деревень и людей, она скрывалась в лесу, пока Матвей Перен не нашел ее.

От хитрой женщины не укрылось, что Матвей как-то странно улыбнулся, когда она рассказывала ему о происшествии около церкви. Она была слишком умна, чтобы расспрашивать его, но решила внимательно наблюдать за ним и постараться вскружить ему голову, чтобы узнать от него правду.

Их жизнь потекла тихо и мирно. Бывшая фаворитка взяла на себя хозяйственные заботы и помогала Матвею.

День ото дня Матвей становился все мрачнее и задумчивее, в каждом его движении и взгляде была заметна страсть, которой он воспылал к своей неожиданной гостье, но у него не хватало смелости выказать ее. Наложница, хотя и казалась совсем беспечной и веселой, беспрестанно наблюдала за ним, он также начал нравиться ей.

Однажды, в тихий летний вечер, Матвей сидел у ручья, протекавшего недалеко от его хижины, и ловил рыбу. Он так погрузился в свои мечты, что не заметил рыбы, попавшей в сеть. В эту минуту подошла королевская фаворитка и, хлопнув его по плечу, весело воскликнула:

— Смотрите, рыба!

Матвей вздрогнул и чуть не уронил сеть в воду, так что наложница должна была подхватить ее.

Они молча шли домой. Спускались сумерки, среди деревьев было уже совсем темно, из ближайшей деревни слабо долетал вечерний благовест.

Наложница, шедшая впереди, вдруг вскрикнула. Матвей подбежал к ней.

— Я сильно ушибла ногу о камень, — сказала она, — и не могу наступить на нее; возьми меня, пожалуйста, и отнеси домой!

Матвей наклонился, поднял ее, посадил на плечо и опустил лишь около хижины. Женщина с трудом вошла в комнату и села на скамью. Матвей сказал ей, чтобы она показала ему ногу, так как он понимает кое-что в медицине и знает многие хорошие солдатские средства. Наложница велела ему уйти и, раздевшись и улегшись в постель, позвала его.

Матвей взял ее ногу, осмотрел со всех сторон и сказал, что снаружи ничего не видно; он не мог больше владеть собой и бросился на колени у ее постели. Наложница начала целовать его страстно и горячо, как целовала короля. Матвей окончательно потерял голову.

С того вечера Матвей в объятиях бывшей фаворитки короля забыл весь мир; каждое ее слово было для него законом, и он беспрекословно подчинялся ей.

Однажды, когда они сидели у опушки леса на мшистом стволе, Матвей положил голову на плечо своей новой подруги и проговорил:

— Я хочу открыть тебе одну тайну, которая гнетет мое сердце.

Она поцеловала его в лоб, и он не заметил дьявольской улыбки, пробежавшей по ее губам.

— Заполия обманул тебя, — продолжал Матвей.

— Заполия? — воскликнула фаворитка. — Когда?

— В первый раз в стольном Белграде, — тихо проговорил Матвей, — он послал королеву в комнату, предназначенную для тебя.

Наложница закусил губы и сжала кулаки.

— Во второй раз...

— Когда я должна была встретить короля у церкви, — перебила его молодая женщина. — Но кого он послал в этот раз вместо меня?

— Ирму Перен, мою мать.

— Твою мать? — воскликнула наложница. — Не требуй, Матвей, чтобы я любила ее!

— Нет, я этого не потребую, потому что сам ненавижу ее. Моя мать с самого моего детства не любила меня и всегда отталкивала, в то время как ласкала сестру и брата. Я чувствовал это, затаил против нее злобу в своем сердце и радовался, когда брат не отвечал на ее ласки. Теперь она приблизилась ко мне, но я чувствую, что ее влечет не любовь, а желание сделать из меня пешку, слепо покорную ее воле.

— Ты ненавидишь свою мать? — беззвучно повторила женщина. — И Людовик лежит теперь у ее ног?

— Да.

— Мы должны заключить союз на жизнь и на смерть, — сказала она после паузы, — мы оба жаждем мести! Пойдем отсюда!.. Я чувствую, что мы одержим победу. Пойдем навстречу буре!

XVIII

Вербочи

Королеве Марии надоела вечная борьба за мужа; поэтому она совсем отказалась от него, тем более что их брак оставался бездетным, и всецело предалась делам государства.

С некоторых пор снова стали приходить тревожные известия от Томарри, которые послужили Марии предлогом для свидания с братом, эрцгерцогом Фердинандом Австрийским. Сказав Людовику, что она хочет попытаться достать у него денег, Мария имела в виду еще другую, более важную цель.

Это свидание хранилось в тайне; королева взяла с Людовика клятву, что он никому не проговорится.

Было сказано, что королева едет в Вышеград, чтобы отдохнуть от дел; на самом же деле она, под именем графини Франджипани, в сопровождении Цетрика и нескольких верных слуг отправилась в замок Тебен на австрийской границе.

Тут она встретилась с эрцгерцогом.

Брат и сестра долго не виделись. Они сели и с интересом смотрели друг на друга; оба очень изменились. Мария повзрослела и пополнела, но заботы провели глубокие линии на ее лице. Фердинанд возмужал, приобрел большой опыт и умело применял его в деле.

Прежде чем начать разговор о политических вопросах, Фердинанд погладил сестру по голове и стал упрекать ее в том, что она

сочувствует так называемому «улучшению» церкви, читает сочинения реформаторов и переписывается с такими вольнодумцами и еретиками, как Эразм Роттердамский и Мартин Лютер.

Мария засмеялась и ответила:

— Это очень почтенные и разумные люди, и многое, чему они учат, может быть доказано Евангелием и Священным Писанием.

Фердинанд всплеснул руками.

— Что ж, ты и меня отправишь на костер? — весело спросила она.

— Нет, я попробую обратить тебя, — ответил эрцгерцог. — Итак, возьмем какой-нибудь догмат.

— Нет, нет, нет! — воскликнула королева. — Я приехала сюда вовсе не для богословских диспутов, а для обсуждения государственных дел, и ищу брата и эрцгерцога, а не капуцина Фердинанда.

Эрцгерцог улыбнулся.

— Я покоряюсь, — сказал он, — но во время обеда ты разрешишь мне небольшую диссертацию.

— Хорошо.

— Теперь перейдем к предмету наших переговоров. Тебе нечего называть его, я знаю: тебе нужны деньги и войска. Заранее предоставляю все это, по мере сил и возможности.

— Благодарю, — ответила Мария, — но это не все. Я хочу помощи для Венгрии, но хочу, чтобы ты помогал не ради нас, а ради самого себя.

Эрцгерцог с изумлением взглянул на нее, а затем, после некоторого молчания, проговорил:

— У тебя великие планы и замыслы, но я не решаюсь понимать их. Продолжай!

— Ты не знаешь моих планов, — сказала Мария, — но мне известны твои. Ты очень неохотно отказался от Испании и теперь твои взоры направлены на Германию; не забывай, что ты можешь приобрести ее корону только благодаря своему могуществу. Ты можешь управлять Германией, лишь опираясь на свой народ и свои страны. Немецкие князья отделяются от империи под предлогом религиозных несогласий, и скоро она распадется на кусочки. Я покажу тебе другую картину: по Дунаю и Эльбе живут народы, которые уже в течение многих столетий стремятся слиться в одно государство. Что не удалось Оттокару и Корвину, то может удался тебе. Ты должен поставить цель основать великую и могущественную Австрию.

Фердинанд взял руку сестры и поднес ее к губам, потом сказал:

— Если бы у меня была твоя энергия, я привел бы в исполнение твой план, но у меня не хватит сил преодолеть пропасть, лежащую между идеями и действительностью.

— Закликаю тебя, не смотри вдаль, обрати внимание на ближайшее. Мой брак бездетен, и Венгрия будет принадлежать тому, кто сможет защитить ее против турок. Она беззащитна, и в ней происходит партийная борьба, еще более ослабляющая ее. Богемия

и Венгрия будут принадлежать тебе, когда ты только захочешь. Помоги Венгрии, пошли ей войска и главным образом денег, и образуется могущественная партия за тебя, то есть за Австрию.

Фердинанд встал и начал ходить по комнате, погруженный в свои думы. По временам он останавливался, потом снова продолжал ходить. Наконец подошел к королеве, и, нежно поцеловав ее в лоб, произнес:

— Ты воодушевила меня и рассеяла все сомнения. Я согласен.

— Да будет благословен этот час! — воскликнула Мария, бросаясь к нему на шею. — С этой минуты я больше не королева Венгрии, а твой дипломат и уполномоченный при дворе в Офене.

— Деньги и войска в твоём распоряжении, — подхватил Фердинанд.

— Я буду бороться против турок и за тебя, — ответила она. — Слава Богу, моя душа теперь свободна; я порвала узы, связывающие меня. И снова чувствую себя в состоянии выполнить эту великую задачу.

Брат и сестра еще долго обсуждали подробности великого плана и трудной задачи, которая предстояла им.

Когда они шли обедать, Фердинанд предложил сестре руку и спросил:

— Теперь, вероятно, мне будет разрешено изложить свои воззрения на некоторые догматы.

— Конечно, — с улыбкой ответила Мария.

Фердинанд вооружился кипой папских декретов, а Мария взяла Евангелие.

На следующее утро королева вернулась в Офен, а эрцгерцог — в Вену.

Через несколько дней после возвращения королева была изумлена неожиданным посещением.

В приемную вошел маленький, толстенький человек и потребовал, чтобы Цетрик доложил о нем королеве. Цетрик с изумлением взглянул на его красное лицо. Однако маленький человек преспокойно уселся в кресло и повторил:

— Доложи обо мне!..

— Как же мне доложить?

— Скажи, что пришел я.

Цетрик посмотрел на него с изумлением и пожал плечами.

— Доложи, что пришел палатин, — сказал толстяк, после некоторого размышления.

— Вы, кажется, хватили лишнего? — спокойно ответил Цетрик.

Толстяк покатился со смеху.

— Посмотри хорошенько на меня и запомни, как выглядит будущий палатин. — И с этими словами он встал, поднялся на цыпочки, чтобы положить Цетрику руку на плечо, и благосклонно

проговорил: — Иди, сын мой, и доложи, что пришел Вербочи. Иди скорей, я не могу долго ждать.

Несколько минут спустя, Вербочи стоял перед королевой; она собиралась ехать кататься, а потому приняла его в костюме для верховой езды, с хлыстом в руках.

— Я — Вербочи, — медленно произнес он, — венгерский дворянин, юрист и депутат.

— Я знаю вас, — перебила его королева.

— Тем лучше, — сказал Вербочи. — Вы нравитесь мне, ваше величество, и я надеюсь также понравиться вам. Я явился к вам в качестве дипломата и уполномоченного низшего дворянства.

Мария пристально посмотрела на него.

— Нам надоели долгие споры, — продолжал он, — и мы хотели бы заключить с вами мир; если вы согласитесь на некоторые уступки, мы тоже согласны поступиться кое-чем. Мы согласны ассигновать вам сумму, нужную для защиты страны, принять участие в походе и подчиняться законам, выработанным сеймом и утвержденным королем.

— Чего же вы хотите?

— Мы? Очень немного: во-первых — правительства, расположенного к нам; во-вторых — государственного совета, в котором будет равное число магнатов и низших дворян, потом ежегодное заседание сейма и сановников, заслуживающих нашего доверия; ваши теперешние ненавистны нам.

— Баторий, Турцо, Чалкан ненавистны вам? — воскликнула Мария. — Но если я откажусь от них, то отдам себя в ваши руки. Вербочи покачал головой.

— Разве мы не отказываемся от воеводы, который готов мечом защищать наши интересы?

Королева стала быстро ходить по комнате.

— Я готова заключить мир с дворянством и начать переговоры об условиях. Ставьте подходящие условия, и мы сговоримся.

— Мы не сговоримся, — ответил Вербочи, — если вы не откажетесь от Батория и партии магнатов.

— Но я не могу! — воскликнула королева. — Это было бы слишком некрасиво и неблагородно.

— Эти слова должны быть совершенно вычеркнуты из словаря государственного деятеля, — с улыбкой ответил Вербочи.

— Я не могу отказаться от Батория! — воскликнула королева.

— Тогда нам не о чем больше говорить, и я ухожу, — с самым равнодушным видом проговорил толстяк.

— Можете идти, — ответила Мария.

Вербочи ушел.

На другой день он явился снова.

— Доложи обо мне! — невозмутимо сказал он.

Цетрик улыбнулся и пошел докладывать.

— Нам вовсе не нужно, ваше величество, непременно заключать мир, — начал Вербочи разговор с королевой, — так как мы очень сильны, чрезвычайно сильны; но ввиду того, что вы искренне желаете мира, мы решили сделать еще некоторые уступки! Мы не требуем, чтобы вы отставили сановников до сейма, но вы дадите слово, что на сейме...

— Это то же самое, только в другой форме, — перебила его Мария. — Разберем еще раз этот вопрос. Разве Баторий — не патриот и не герой?

— Он — не сын народа, как, например, я. Допустим, что он — патриот; но дворянство не хочет его и не будет доверять правительству, пока во главе его стоят Баторий, Чалкан, Турцо и Черенцес; вот и все.

— Если это — всеобщее мнение, то я не могу больше противиться ему. Я обдумаю, — ответила королева, — и вечером дам вам ответ.

— Господь да просветит ваше величество! — ответил Вербочи, делая набожное лицо, и, раскланявшись, ушел.

Королева принимала в течение дня множество решений и тотчас же отбрасывала их. В ее голове был сумбур, носилась масса всевозможных мыслей и возникал целый ряд сомнений и вопросов.

Когда вечером Цетрик доложил о приходе Вербочи, королева все еще ходила взад и вперед по комнате и не пришла ни к какому решению.

— Пусть подождет, — сказала она Цетрику и снова погрузилась в размышления.

Ей не оставалось больше выбора; шаг, который она должна была сделать, направлял ее по новому, великому, но опасному пути, но так надо было. Она решительно распахнула двери и позвала Вербочи.

— Я не могу отставить сановников, а главным образом, Батория, ни с того ни с сего, — сказала она, — но если сейм, который соберется через некоторое время, единогласно потребует отставки палатина, то я пожертвую им для блага своего народа.

— Столь же мудро, сколь и справедливо, — ответил Вербочи. — Я не сомневаюсь, что ваше величество разрешите теперь, чтобы сейм собрался в Гатване.

— Почему же не в Офене? — быстро спросила королева.

— Потому что мы встретимся как враждебные партии, чтобы потом примириться и соединиться, — ответил Вербочи, — а это может произойти только на нейтральной почве. Дворянство не станет вести переговоры перед фронтом вашей армии. Вы и король появитесь в Гатване без охраны, чтобы совещание было совершенно свободным.

— Хорошо, — ответила Мария, — а дворяне в таком случае без оружия, чтобы переговоры шли на равных.

— Прекрасно! — сказал Вербочи. — Но поедет ли король в Гатван?

— Король будет в Гатване, — твердо ответила Мария.

— Хорошо!

Вербочи поклонился чуть ли не до земли и вышел.

Хотя переговоры с Вербочи окончились благополучно, королева не чувствовала радости, наоборот, ее томили какие-то мрачные предчувствия. Первое зло было сделано: она пожертвовала партией, которая все время боролась за нее, и своими верными друзьями ради политики и идеи, которая воодушевляла ее, но неблагодарность оставалась неблагодарностью, и это мучило ее.

Затем пошли дальнейшие переговоры, которые Мария сама вела с Вербочи; она получила от него торжественное обещание, что дворянство утвердит в Гатване все ее требования и выступит в поход против турок.

Однажды вечером Мария снова нашла в своей спальне записку от таинственного друга, в которой он просил свидания у часовни Св. Павла по дороге в Эрд на следующую ночь.

Чтобы не возбуждать внимания, королева после полудня выехала на охоту в сопровождении Цетрика, Эрзабет и небольшой свиты и отправилась в лес в сторону Эрда. Мария нарочно затаила охоту до вечера. По дороге в Эрд стояла старая, закоптелая корчма, куда они и заехали. В десять часов королева с Цетриком вышли из корчмы. Отвязав свою лошадь и отдав шталмейстеру нужные распоряжения на случай какой-нибудь опасности, она поскакала в лес. Ночь была светлая, луна ярко освещала долину, в которой стояла часовня. Мария подъехала к ней, соскочила с лошади и привязала ее к решетке; из тени, отбрасываемой часовней, выступил человек и опустился на одно колено.

— Встаньте, — сказала королева, подавая ему руку, — почему вы так долго не подавали никаких признаков жизни?

Незнакомец опустил голову.

— Я не имел права, потому что не мог ничего сообщить вам. Воевода составил новый план, но он действует так таинственно, что я не мог ничего узнать. Все тихо, но я чувствую, что это — затишье перед бурей, и хочу предостеречь вас как от друзей, так и от врагов.

— Но ведь вы сами — тоже мой друг? — шутливо проговорила королева.

Незнакомец вздрогнул и взволнованно проговорил:

— Не сомневайтесь во мне!.. С вами могла бы случиться ужасная беда. Не сомневайтесь во мне!..

Мария только теперь заметила, что на этот раз его лицо было закрыто только полумаской, так что были видны красивый рот и подбородок.

— Разрешите мне один вопрос, — сказал он после некоторого молчания, — что надо было от вас Вербочи? Он был у вас, я это знаю.

— Вы это знаете? — с изумлением спросила королева.

— Нет!.. Не говорите мне, чего он хотел, — пылко воскликнул незнакомец, — но дайте мне предостеречь вас, хотя я и не знаю, какие планы у вас с ним...

— Кто сказал вам? — перебила его Мария.

— Вы сами, — мягко заметил он, — разве вы не побледнели, как только я назвал его имя? Вы имеете с ним общий план, который кажется вам рискованным и даже, может быть, не совсем честным. Я предостерегаю вас против Вербочи и против этого плана, хотя и не знаю его.

— Допустим, что вы правы, — ответила королева, — но разве вам не довольно, если я скажу, что наш замысел послужит на пользу отечеству?

Незнакомец вскочил.

— Если Вербочи уверяет вас в этом, то этого одного достаточно, чтобы внушить вам недоверие к нему.

— Довольно, — возразила королева, — ни слова больше, иначе я начну сомневаться и в вас.

— Во мне? — воскликнул незнакомец с горьким смехом.

Королева вздрогнула, опустила голову на грудь и тяжело вздохнула, потом из груди ее вырвалось глухое рыдание. Незнакомец схватил ее руку; она положила другую руку на плечо человека, которого так жестоко оскорбила.

Так они простояли несколько минут, не говоря ни слова; наконец королева, под влиянием нахлынувших чувств, обвила шею незнакомца и крепко поцеловала его в губы, затем подала ему знак удалиться. Он поклонился ей до земли и быстро исчез в темноте.

Королева села на лошадь и отправилась искать Цетрика и свою свиту.

Прошло много недель, а от таинственного незнакомца не было ни одной строчки. Приблизилось время гатванского собрания.

Король был очень удивлен, что его супруга ничего больше не предпринимала, чтобы воспрепятствовать ему, тем не менее он не решался предложить ей отправиться на собрание. Ежедневно Ирма и Чалкан внушали ему необходимость отправиться в Гатван и протянуть дворянству руку примирения. Он каждый день давал себе слово поговорить с Марией и никак не мог привести свое намерение в исполнение.

Двадцать третьего июня вечером королева сама пришла к нему и сказала:

— Собирайся!.. Через час мы едем в Гатван.

Людовик вытаращил на нее глаза.

— В Гатван? — повторил он.

— Да, — ответила она тоном, не допускающим возражения.

— Каким образом эта мысль пришла тебе в голову? — спросил Людовик, не в состоянии скрыть свою радость. — Я уже давно хотел предложить тебе это, но не решался.

— С какой же целью ты собирался туда? — спросила Мария, в которой слова Людовика возбудили сильное подозрение.

— Чтобы примириться с дворянством, сделать ему некоторые уступки и получить взамен другие.

То обстоятельство, что Людовик сочувствует ее плану отправиться в Гатван, поколебало решение Марии.

— Мы должны отправиться в Гатван, — проговорил король с решимостью, которая сильно изумила Марию, — потому что Заполия страшно боится этого.

С этими словами король открыл потайной ящик своего стола и подал ей пачку писем.

Королева узнала почерк воеводы, прочла его письма, и в ее душе исчезли все сомнения.

— Мы выедем, как только стемнеет, — сказала она, — собирайся!

Вскоре все было готово к отъезду. Никто не знал, куда и зачем едет королевская чета, ее сопровождал только Цетрик с небольшой охраной.

Перед самым отъездом королева подошла к окну своей комнаты и распахнула его. Было уже совсем темно. Вдруг к ее ногам упало что-то черное; она подняла стрелу, к которой была привязана записка: «Не ездите в Гатван!»

Сильная дрожь охватила Марию, но было слишком поздно менять решение; в эту минуту вошел Цетрик и доложил, что все готово.

XIX

Сейм в Гатване

Гатван представлял собой небольшой городок в шести милях от Офена, на берегу реки Цатвы. Здесь собралось к Иванову дню, согласно условию, около четырнадцати тысяч дворян.

Когда разведчики Заполии доложили ему о приближении королевской четы, дворяне сели на лошадей и с Заполией во главе отправились ей навстречу. Однако, несмотря на торжественный и почтительный прием, королева чувствовала себя очень скверно, так как заметила самоуверенное и торжествующее выражение лица воеводы.

Чалкан приехал еще до появления королевской четы. Баторий и магнаты, узнав о ее отъезде из Офена, прибыли в тот же вечер.

Король и королева расположились в замке Дорчи, находившемся в северной части города.

На следующее утро в замок явилась депутация, приглашавшая короля на заседание сейма.

— Идти ли мне? — тихо спросил король.

— Иди! — ответила Мария.

На западе от Гатвана, на большом лугу собралось дворянство; посреди луга возвышался помост, на котором сидели король и магнаты. Гусары воеводы окружили лужайку, чтобы сдерживать народ, привлеченный со всех сторон невиданным зрелищем.

Собрание открылось речью Вербочи. Он говорил от имени дворянства целых два часа, доказывая, что все зло происходит от скверных советников, которыми окружен король, а потому дворянство решило отставить всех этих сановников от занимаемых ими должностей. В конце Вербочи обратился к дворянам с вопросом:

— Верно ли я передал ваши мысли и настроение?

Присутствующие единогласно ответили: «Да, да!» — и добавили, обращаясь к королю:

— Освободись от тиранства твоих советников!

Затем поднялся Чалкан, потребовал слова и заявил, что он уже несколько раз просил короля освободить его от должности канцлера и что он отказывается от нее, хотя уверен, что дворянство скоро убедится, как полезны были отечеству его услуги.

Дворяне молча выслушали его, так как заранее знали об этой комедии, подготовленной Заполией.

Затем встал Баторий и громко произнес:

— Недостойно и невозможно, чтобы сановники были лишены своих должностей без следствия. Я готов лишиться не только своего поста, но и жизни, но требую законного и беспристрастного расследования.

«Допросить его!» — закричали одни, другие же требовали немедленной отставки, так что поднялся невыразимый шум и гам.

— Долой Турцо! Вон Батория! — кричало собрание. — К черту Саркани!

Король встал и объявив заседание закрытым. Сановники последовали за ним в город, тогда как дворяне громкими криками извещали свое торжество.

Как только королева узнала от супруга обо всем случившемся, она тотчас же послала Цетрика за Вербочи. Цетрик долго нигде не мог найти его, а когда наконец нашел, то Вербочи под разными предлогами отказался пойти к королеве.

Марии стало все ясно, и она немедленно уехала бы из Гатвана, но прекрасно сознавала, что они в плену. Воевода расставил вокруг замка стражу, которая никого не пропускала.

Однако Саркани удалось бежать в Офен.

Когда на другое утро его бегство обнаружилось, дворянство в волнении устремилось на поле. Лоссончи предложил осудить Саркани как государственного изменника и конфисковать его имущество, что было принято с восторгом.

Между тем появились Драгфи и архиепископ Весприна с постановлением короля: король находит несправедливым лишать кого-либо доверенного ему поста без надлежащего суда и следствия, но обещает назначить суд над всеми, кого сейм признает виновным.

Начались оживленные споры. Только около трехсот членов высказались за законное следствие, остальное же большинство перекричало их.

— Долой Батория! — раздавалось со всех сторон.

— Кого же мы назначим на его место? — спросил Заполия.

— Вербочи! Вербочи! — закричало собрание.

Вербочи взошел на королевский помост и в трогательных выражениях поблагодарил за всеобщее доверие.

— Да здравствует Вербочи! — шумело дворянство. — Да здравствует наш новый палатин!

Сейчас же была избрана депутация к королю для утверждения нового палатина.

Король принял ее, выслушал и отказался утвердить решение.

Депутация не желала уходить. Тогда вошла королева и сказала:

— Пусть придет ваш вождь Вербочи, король даст ему ответ.

Депутация удалилась и вскоре вернулась в сопровождении Вербочи, Заполии и более тысячи дворян. У ворот Вербочи сказал дворянину Цоби:

— Ты подойдешь к окну, а вы, — обратился он к другим, — не зевайте! Если я прищурю глаз, ты махнешь платком, а вы будете выражать свое одобрение; если я ухвачусь за саблю, ты махнешь рукой, а вы будете громко выражать свое негодование.

Король принял депутацию в зале; рядом о ним стояла королева; Эрзабет, Цетрик и некоторые магнаты разместились позади них.

За депутатией шли Вербочи, Заполия и многие дворяне, все были вооружены. За ними проник в зал Баторий.

— Кто за короля, — воскликнул он, — собирайся вокруг него, здесь хотят совершить насилие!

— Вы называете насилием, когда королю хотят открыть глаза? — воскликнул Вербочи. — Выслушай меня, Людовик! Все зло происходит от скверных советников, которые окружают тебя...

— Мы уже много раз слышали это, — с насмешкой заметила Мария.

— Дворянство решило отставить их и избрать новых, — невозмутимо продолжал Вербочи, причем прищурил глаз.

Цоби махнул платком, и со двора донеслись громкие крики одобрения.

— Вы видите, я высказываю только мнение дворянства, — торжественно продолжал Вербочи.

— Я еще раз требую строгого следствия, — сказал Баторий, — я требую своего права.

— Мы требуем суда, — добавил Турцо, и другие сановники подтвердили его слова.

— Повторяю еще раз, что сам буду судить тех, кого вы обвиняете, — проговорил король.

— Вы довольны? — спросила Мария.

— Нет, — ответил Вербочи, хватаясь за саблю.

Цоби махнул рукой, и снизу раздались дикие крики:

— Нет, нет!..

— Говори или лучше дай я скажу, — шепнула королева Людовика, и, когда тот кивнул головой, выступила вперед и спокойно спросила: — Вы высказали все ваши желания?

Вербочи ответил утвердительно.

— Хорошо, — продолжала она, — мы готовы исполнить их: мы приносим большие жертвы, но требуем таковых же от вас. Государство находится на краю пропасти, его всех сторон окружают враги, но мы только тогда сможем бороться с ними, когда король и народ будут действовать согласно. Вы должны доставить нам средства для борьбы с турками и снарядить армию.

В зале начался шум, который тотчас же был подхвачен на дворе.

— Прежде всего нужно, чтобы наши желания были исполнены, — ответил Вербочи.

— Они будут исполнены, — сказала Мария. — Но что вы дадите нам взамен?

— Денег и армию для защиты границ.

— И это все?

— Разве не довольно? — с насмешкой спросил Вербочи. — Что же, разве мы должны увеличить власть короля? Она и без того чересчур велика. Разве мы должны ковать ему оружие и наполнять его карманы? Конечно, нет. Достаточно того, что мы оставляем ему то, что он имеет...

— А где же ваши обещания? — с гневом перебила его Мария.

— Обещания? — со смехом повторил Вербочи.

— Обманщик! — воскликнула королева и, сорвав со стены плетку, хотела ударить Вербочи. Однако тот спрятался за депутатией и закричал изо всех сил:

— Ваш депутат подвергся оскорблению!

Дворяне окружили его, некоторые обнажили сабли, толпа на дворе грозила проникнуть в замок.

— Король не согласен исполнить ваше желание и распускает сейм! — властно проговорила королева.

— А мы не дадим ни гроша и ни одного человека, — ответил Вербочи, весь красный от гнева.

— Вы обвиняете короля, — продолжала Мария, — и называете его тираном. — Она язвительно рассмеялась. — Вот он, ваш тиран, у него нечего есть и нет крепких сапог. Я, его жена, плачу его долги и даю ему средства к жизни... И это называется быть королем венгров!.. Он может тиранить только своих собак и лошадей.

— Мы обвиняем не его, а советников, — ответил Вербочи.

— Так они тиранят вас? — со смехом продолжала она. — Чем же это? Не сваливайте вину на короля и его советников, а обвиняйте самих себя. Вы устанавливаете налоги, но не платите их, вы призываете Венгрию к оружию, но сами предпочитаете оставаться дома. Что вы сделали для государства? Вы называете себя патриотами! Не патриоты вы, а предатели!

Ее слова вызвали страшный шум.

— Предатели? — закричал Вербочи, задыхаясь от гнева. — Мы докажем, что мы — патриоты, и спасем государство без короля.

— Мы смещаем сановников. Да здравствует Вербочи, наш патриотин!

— Пойдем, Людовик, — гордо сказала Мария.

— Короля уводят, — закричал Вербочи, — освободите его!

Поднялся ужасный шум; дворяне устремились в замок и наполнили лестницы и коридоры; все обнажили оружие.

— Измена! — крикнула Мария, взяла Людовика под руку и взволнованно проговорила: — Это бунт! Будь тверд, Людовик, подумай о своей чести!

— Будь проклят ты, король Людовик, — воскликнул Чалкан, — если позволяешь женщине властвовать над собой!

Дворянство с шумом подтвердило его слова.

Заполия, который молча наблюдал эту сцену, выступил вперед и обратился к королю:

— Вы не должны позволять ей управлять страной, хотя во всей Венгрии и не найдется второй подобной женщины и даже мужчины; вы не стоите того, чтобы она управляла вами. Это говорю вам я, Заполия!

— Благодарю тебя! — ответила Мария.

— Утвердишь ли ты постановления сейма или нет? — с угрозой спросил Вербочи, обращаясь к королю. — Согласен ли ты положить конец незаконному управлению королевы?

— Уступи, — тихо сказал королю Чалкан, — только таким образом ты можешь спастись. Если ты не согласишься, то твоей жизни грозит опасность. Разве ты не видишь этого?

— Не сдавайся, Людовик! — воскликнула Мария.

— Они убьют нас, — ответил Людовик, — выберем меньшее из двух зол.

— Ты хочешь кровопролития? — угрожающе продолжал Вербочи.

— Неужели же проливать кровь? — тихо проговорил король Марии. — Я не могу иначе... Я согласен на ваши требования, — громко сказал он.

Мария закрыла лицо руками. Дворяне торжествовали.

— В таком случае постыдно служить тебе! — воскликнул Баторий, срывая свою цепь и бросая ее к ногам короля. Другие сановники последовали его примеру.

— Благодарю ваше величество, — совсем другим тоном произнес Вербочи. — Пойдемте, господа, сейм ждет нас. — Затем он

обратился к Чалкану: — Вы не будете отходить от короля. Лоссончи, Мароти и гусары находятся в вашем распоряжении.

Людовик не смел поднять взор на Марию.

— Дорогу королю, дорогу палатину! — воскликнул Вербочи, и все расступились. — Победа, Заполия, — сказал он воеводе, проходя мимо него

Король последовал за ним, остальные пошли за королем.

Заполия медленно подошел к Марии и произнес:

— Пей чашу страданий, гордая душа!.. Ты в состоянии снести несчастье, но не позор. Еще одна такая минута, как эта, — и ты будешь моей.

Королева промолчала. Воевода поклонился и вышел из зала.

Мария осталась с Цетриком и Эрзабет.

— Позови мне Батория! — мрачно сказала она Цетрику.

Явился палатин.

— Я погубила вас, — воскликнула она, обращаясь к нему, — да, вас и себя!

— Я понял вас, — ответил Баторий, — то, что вы сделали, вы делали ради Венгрии. Я люблю свое отечество больше, чем себя самого. Не отказывайтесь от нас, — мягко добавил он, — в Венгрии еще есть патриоты!

Мария, скрестив руки, молча ходила по комнате.

— Покиньте этот несчастный город, — сказала она наконец, — где во всех углах таится измена. Мы снова увидимся в Офене.

Баторий опустился на колени, Мария дала ему обе руки, он поцеловал их, при этом из его глаз струились крупные слезы. Затем он встал и молча вышел из комнаты.

Депутация между тем появилась в собрании и объявила о соглашении короля.

Дворянство торжествовало и громкими криками выражало свой восторг.

Затем сейм сместил остальных сановников и избрал Вардея архиепископом и канцлером, Драгфи — главным судьей и Каничая казначеем; все они принадлежали к партии Заполии.

Король утвердил и эти постановления.

На другой день Вербочи присягал перед королем и сеймом в качестве нового палатина и прочел постановление сейма в Ракоше, утверждения которых требовало дворянство.

Затем сейм постановил, чтобы государственный совет отныне состоял из палатина, канцлера, главного судьи и казначея, и, наконец, объявил государственными изменниками всех дворян и магнатов, которые не были в Гатване.

Тут король спохватился.

— Я утверждаю все постановления сейма, — сказал он, — но считаю издевательством над законами объявление изменниками тех дворян, которые, следуя моему запрещению, не явились в Гатван, точно так же я не могу согласиться, чтобы духовенство было лишено десятины.

Дворянство после некоторого совещания отказалось от этих требований.

По предложению нового палатина сейм утвердил новый налог для защиты страны и решил собраться снова в день Св. Георгия.

Никто не думал больше о королеве.

Гусары Заполии ушли, часть дворян также отправилась по домам.

В полночь небольшой отряд всадников покинул Гатван и направился в Офен; это была королева со своей свитой. Луна тускло освещала лес. Вдруг в ночной тишине послышался отдаленный стук копыт, который приближался к отряду. Королева обернулась — за ними следовал одинокий всадник. Свет луны упал на него, и Мария увидела стройную, высокую фигуру и лицо, закрытое маской.

Королева задержала свою лошадь, всадник нагнал ее и снял шляпу.

— Это вы? — спросила она.

— Да, это я.

Некоторое время они молча ехали друг возле друга. Вдруг королева схватила его за руку, на мгновение прижала ее к губам и быстро помчалась догонять своих спутников.

XX

Удальцы

Для королевы наступило тяжелое время; при дворе она как бы не существовала. Ее свергли с престола, вытеснили из объятий мужа.

Никто не упоминал о ней. Ирма Перен с гордым видом хозяйки расхаживала по замку, и все склонялись перед ней.

Людовик был всецело в ее власти, а Заполия управлял государством. Он властвовал над королем при помощи Ирмы и Чалкана и держал в руках государственный совет, благодаря восьми представителям дворянства. Король даже не чувствовал тех нитей, дергая за которые, им управляли, как картонной куклой. Ирма имела на него такое влияние, что даже заставила его написать бумагу, в которой он прощал Матвея Перена и разрешал ему вернуться.

Когда Матвей получил эту бумагу, он разорвал ее и бросил в лицо своей матери, заявив, что покинет лес тогда, когда ему заблагорассудится.

— Мы останемся здесь, пока зима нас не прогонит, — сказал он своей возлюбленной.

Она ответила ему страстными поцелуями.

Мария с достоинством переносила гонения судьбы.

Гавриил Перен, узнав о катастрофе, поспешил с Иолой в Офен. Королева предоставила молодым помещение в своем флигеле, и они

с Цетриком и Эрзабет составляли теперь весь ее двор. С этими преданными друзьями она строила планы возвращения себе власти. Нечего было думать о насильственном перевороте. Отряды, которые Мария образовала на свои деньги, находились теперь, по распоряжению короля, под начальством Мароти. Оставались лишь мирные пути: надо было образовать партию среди недовольного дворянства, чтобы нанести удар на следующем сейме.

Враги королевы сами во многом облегчали ей ее задачу. Депутат Вербочи и палатин Вербочи были два совершенно различных человека. Депутат Вербочи дружил с мелкими дворянами, а палатин Вербочи проводил время с магнатами и прелатами во дворцах и аббатствах. Депутат Вербочи писал жалобы и просьбы любому, кто попросит; палатин сердито морщил брови, когда кто-нибудь осмеливался беспокоить его. Низшее дворянство стало мало-помалу разочаровываться в своем кумире.

Гавриил Перен и Цетрик ездили по поручению королевы в разные округа и сеяли недовольство новым правительством. Кроме того, в голове Марии зародился новый смелый план.

В Венгрии дворянство представляло собой нацию; народ же стоял вне законов и государственного строя. Однажды он под председательством Георгия Досцы попробовал подняться за свою свободу и независимость. Пожар восстания был потушен, но огонек его все еще тлел под золой; если бы какая-нибудь смелая рука разгребла эту золу, то громадное пламя охватило бы всю страну. Мария решила сделать это, тем более что Баторий не подавал никаких признаков жизни.

Наступила зима; королева и ее двор были, казалось, очень довольны своей судьбой и весело проводили время, но на самом деле они усиленно пряли нити политической пряжи.

Однажды, отправляясь на охоту со своими друзьями, она наткнулась на крестьянское свадебное шествие; люди, увидев королеву, пали ниц перед нею. Посаженный отец, по старинному обычаю, пробормотал приглашение на свадьбу.

Королева остановила лошадь, подала крестьянам знак встать и приветливо проговорила:

— Я принимаю ваше предложение, покажите мне дорогу.

Шествие двинулось в путь, мальчишки побежали вперед в деревню. Когда королева прибыла туда, все крестьяне собрались у околицы и приветствовали ее громкими кликами радости.

Мария остановилась у дома, где была свадьба, вошла в комнату, поздравила жениха и невесту и, сняв с руки два дорогих кольца, подарила их новобрачным; затем, вынув кошелек, она дала невесте пятьдесят дукатов в виде приданого. Потом все отправились в церковь. Цетрик и Гавриил вели невесту, Иола и Эрзабет — жениха, а королева — посаженного отца. После венчания все вернулись в дом. Королева села со всеми за стол. Затем заиграла музыка, Иола и Эрзабет стали танцевать с парнями, а Цетрик и Гавриил с девушками. В это время посаженный отец ударил по плечу новобрач-

ного и прошептал ему что-то на ухо; тот насупился и мрачно вышел из комнаты.

Королева быстро последовала за ним. Она видела, что парень вошел в чулан, достал связку куньих мехов и взялся за шапку.

— Куда ты? — спросила она его.

— Откупить у помещика первую ночь.

— Возмутительное право! — воскликнула королева. — Зачем вы допускаете его?

Крестьянин с изумлением взглянул на королеву.

— С вами обращаются как со скотом, — продолжала Мария, — покажите же наконец свои зубы.

— Разве это поможет нам? — ответил крестьянин. — У нас нет ни оружия, ни вождей, и в конце концов нас изжарят так же, как Георгия Досцу.

— Да, если бы кто-нибудь взялся руководить нами и дал бы нам денег! — раздался вдруг позади королевы низкий мужской голос.

Она быстро обернулась и увидела, что в глубине сеней стояла страшная фигура, с решительным лицом, горящими глазами и всклокоченными волосами, в одежде крестьянина, но вооруженная с головы до ног.

— Что тебе тут надо? — спросил новобрачный.

— Я пришел на свадьбу, — ответил незнакомец, направляясь в горницу.

— Кто это? — спросила королева.

— Разбойник Мика.

— Поди сюда! — крикнула ему королева, бросая несколько золотых.

Мика, обернувшись, поймал их в свою шляпу и воскликнул:

— Да благословит вас Бог!.. Если вы хотите последовать примеру Досцы, то не теряйте времени. В Венгрии еще есть смелые люди. Я хотел бы быть под вашим начальством.

Королева рассмеялась.

В это время вошел посаженный отец, чтобы поторопить молодого. Мария приветливо кивнула разбойнику и вошла в комнату.

— Кто это? — спросил Мика.

— Королева, — ответил крестьянин.

— Королева?! — воскликнул разбойник. — Странно...

Он вошел в комнату, прислонился к стене и не сводил взора с Марии, пока она не стала прощаться; тогда он выскочил и, подсаживая ее на лошадь, шепнул:

— Не забывайте меня, и я тоже не забуду вас.

История о свадьбе в Мартоне с различными фантастичными добавлениями разнеслась в народе с быстротою молнии; несчастные, покинутые и обездоленные, для которых не было места в венгерских законах, стали с надеждой взирать на Офен и на свою королеву.

Прошло много месяцев, а таинственный незнакомец, так сильно интересовавший королеву, не подавал никаких признаков жизни.

Однажды поздно вечером Эрзабет неожиданно ввела к королеве человека, закутанного в плащ и в надвинутой на глаза шляпе; он молча бросился к ногам королевы. Она в испуге вскочила; незнакомец снял шляпу, и Мария узнала разбойника Мику.

— Это я, — проговорил он, — я пробрался мимо всех часовых. Твои слова упали на плодородную почву. Мы все готовы служить тебе, когда ты позовешь нас.

— Спасибо тебе, — ответила королева, — я позову вас, когда настанет время. Будьте осторожны, а ты, Мика, давай о себе знать время от времени!

Она достала кошелек и щедро одарила разбойника.

Тот вышел.

В ту минуту в душе Марии возник совсем другой образ: она ожидала того, кому отдала свою душу, и ошиблась; она теперь не могла успокоиться, ее тянуло вон из комнаты, на свежий ночной воздух, на волю; здесь она задыхалась.

Она быстро накинула шубу, засунула за пояс кинжал, вышла во двор и поспешила к камню, у которого состоялось ее первое свидание с таинственным другом.

Стояла тихая ночь; небо было покрыто темными тучами; кругом царила мертвая тишина, только снег скрипел под ногами королевы. Она остановилась у стены.

Вдруг снизу раздалось троекратное хлопанье в ладоши. Королева почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. Она нагнулась над стеной и крикнула:

— Это ты?

— Да, — раздался мужской голос.

Она хорошо знала его.

— Иди, — прошептала она, сбрасывая веревочную лестницу.

Королева почувствовала, как незнакомец ступил на первую ступеньку, как поднимался все выше и выше. Вот из темноты показалась голова. Мария протянула ему руку, а он, прижав ее к губам, быстро перескочил через стену.

Он хотел броситься к ее ногам, но она удержала его:

— Не надо, мой друг!.. Как давно я не видала тебя!

Незнакомец молчал.

— Тебе нечего сказать мне? — спросила она.

— Нет, — ответил он, — нет: все-таки будь осторожна, но решительна. Среди дворян и народа готовится большой переворот.

— А еще что? — прошептала королева.

— Больше ничего, — ответил он.

— Тогда я скажу тебе, что люблю тебя! — воскликнула королева.

Незнакомец отшатнулся.

— Я боролась изо всех сил против этой любви, но теперь больше не могу. Я люблю тебя! Чего ты хочешь еще?

Он упал к ее ногам.

— Ничего, только служить тебе и умереть за тебя.

— Ты страдаешь из-за меня, друг мой, — сказала королева, наклоняясь к нему, — но я прошу: люби меня, так как любовь — мое счастье.

Незнакомец прислонил голову к ее коленям и разрыдался. Затем он быстро поднялся, молча пожал ее руку и начал спускаться. Королева перегнулась через перила, еще раз подала ему руку, и он исчез в темноте.

Опять прошло много недель. Наступило Рождество нового, 1526 года.

Вдруг королева получила записку от таинственного друга:

«Пусть Гавриил Перен и его жена вернутся в свой замок и ожидают там дальнейших известий».

Загадочное указание было в точности исполнено. Перен и его жена, королева и Эрзабет со дня на день с лихорадочным нетерпением ожидали дальнейших известий и указаний. Мария тщетно ходила на вал — незнакомец не являлся.

Она садилась на лошадь, мчалась в лес или охотилась на волков и почти каждый день ездила по дороге в Эрд.

Однажды Мария встретила гусар, которые при виде ее повернули назад, передав запечатанное письмо какой-то крестьянке. Королева быстро поскакала к ней и спросила:

— Чьи это люди?

— Не знаю! — ответила крестьянка, подавая ей письмо.

Мария распечатала письмо; оно гласило:

«Жди меня в полночь на валу; счастье и месть близки».

Королева, бросив крестьянке золотой, поспешила в Офен.

Еще задолго до полуночи она стояла на валу; наконец раздался знакомый сигнал. Мария, сгорая от нетерпения, сбросила лестницу.

— Я несу тебе месть! — с радостным волнением проговорил незнакомец. — Она еще окутана тайной, но поразит твоих врагов, как Божья кара, неожиданно и беспощадно. Доверяешь ли ты мне? Согласна ли ты последовать за мной?

Королева утвердительно кивнула головой.

— Тогда будь завтра вечером у часовни Святого Георгия. Пусть только Цетрик сопровождает тебя. Одень свое серое платье, голландскую шапочку и этот плащ. Иола в таком же костюме будет ожидать тебя у часовни. Там вы поменяетесь ролями. Иола вернется в Офен и будет до твоего возвращения изображать королеву, ты же поедешь со мной.

— Хорошо, — ответила Мария, — только я должна буду посвящать Цетрика и Эрзабет в эту тайну.

— Конечно, — ответил он, — но больше никого. Я сам извещу Иолу. Всецело доверься мне, и головы твоих врагов покатытся к твоим ногам.

Наверху во флигеле хлопнуло окно.

— Тише! — воскликнула Мария, толкая незнакомца в тень стены.

Окно отворилось, в нем показалась Эрзабет и махнула платком. Мария решительно выступила из тени. Эрзабет узнала ее и, перегнувшись из окна, крикнула:

— Вам грозит опасность.

— Уходи! — прошептала королева.

Незнакомец стал быстро спускаться с лестницы; поднимая ее, королева услышала стук копыт его лошади, затем раздался выстрел, потом еще один, наконец все смолкло. Она с отчаянием перегнулась через стену и стала пристально всматриваться в темноту; слышались шаги приближавшегося патруля; тут прибежала Эрзабет и увела королеву в замок. В своей комнате Мария распахнула окно и поставила на него большой подсвечник. Несколько минут спустя, в него влетела стрела с запиской:

«Все благополучно. Спокойной ночи!»

На следующий день Мария начала свои приготовления. После обеда она в сопровождении Цетрика, Эрзабет и охотников отправилась на охоту по дороге в Эрд. Когда стемнело, она послала свою свиту вперед к корчме, а сама с Цетриком и Эрзабет свернула по тропинке к часовне.

Около часовни они встретили незнакомца и Иолу. Королева сошла с лошади и рассмеялась. Иола была ее подлинным двойником, одетая в такое же самое платье, такой же плащ и шапочку.

— У нас нет времени, — сказал незнакомец, — надо спешить.

Королева поцеловала Эрзабет и Иолу и села на ее лошадь, а Иола, закутав лицо густой вуалью, села на лошадь Марии и поехала с Цетриком и Эрзабет в корчму. Никто из охотников не заметил, что это — не королева, обман удался также во дворе замка. Так как никто из прислуги не смел без зова входить на половину королевы, то Иола могла наконец снять вуаль.

Долго сидела она с Цетриком и Эрзабет и ломала голову над этой тайной.

Королева тем временем повернула со своим спутником на какую-то незнакомую дорогу, извивавшуюся между лесными холмами, по берегу бурливого ручья. Они молча ехали рядом. На рассвете всадники достигли однообразной, голой равнины. Они ехали шагом, королева была страшно утомлена. Наконец в тумане стало вырисовываться какое-то здание. Это оказалась небольшая хижина, в которой помещалась убогая корчма. Старуха-хозяйка приготовила им скромный завтрак и постель на соломе.

После того как королева проспала несколько часов как убитая на своем жестком ложе, они поехали дальше. Снова наступила ночь.

Около креста, грубо высеченного из камня, незнакомец остановился и проговорил:

— Не сердись, но я должен завязать тебе глаза.

Королева ничего не ответила и дала завязать себе глаза; незнакомец взял лошадь под уздцы и повел ее шагом. Они ехали по густому лесу; время от времени ветви тихо ударяли королеву по лицу, она смеялась и стряхивала снег.

Они снова остановились; Мария услышала голоса; незнакомец снял ее с лошади и некоторое расстояние пронес на руках.

— Мы должны переправиться через большую воду, не беспокойся, — тихо сказал он.

Королева доверчиво положила голову к нему на плечо. Он принес ее в лодку, она чувствовала, как она качается под ее ногами. Волны шумели, ветер носился над лодкой. Они подъехали к берегу, лодка остановилась. Незнакомец снова взял королеву на руки и понес. Некоторое время она еще слышала плеск воды, а затем снова ветви стали ударять ее по плечу.

— Мы в лесу? — спросила она.

— Да.

Наконец он опустил Марию на землю, они прошли еще несколько шагов.

— Мы пришли, — сказал незнакомец и снял повязку с глаз Марии.

Королева протерла глаза и осмотрелась. Они были в густом лесу. Была ночь, луна освещала высокие деревья; незнакомец отсчитал несколько стволов, отодвинул кучу листьев, под которой обнаружилась плита с железным кольцом, взялся за кольцо и поднял плиту.

— Пойдем, — сказал он, подав руку королеве.

Они стали осторожно спускаться по лестнице, потом пошли по узкому коридору, где их окутывал полный мрак; наконец они подошли к двери.

— Моя задача исполнена, — сказал незнакомец, — теперь ты должна идти вперед одна; иди прямо, пока не придешь ко второй двери; там ты постучишь три раза; тебя спросят, кто ты, — ты ответишь: «Удалец», потом на вопрос: «Чего ты ищешь?» — ты ответишь: «Удальства». Я буду ждать тебя здесь. Всего хорошего!..

— До свидания! — сказала королева, пожала его руку и с бьющим сердцем пошла вперед по подземному ходу.

Дверь за нею закрылась, кругом царил мертвая тишина; только ее шаги глухо раздавались по подземелью.

Мария быстро шла вперед и наконец очутилась у железной двери. Тут она вынула из-за пояса кинжал и трижды ударила рукояткой по двери. Опять наступила мертвая тишина. Наконец мужской голос спросил:

— Кто ты?

— Удалец! — твердо ответила королева.

— Чего ты ищешь у нас?

— Удальства.

Дверь распахнулась; человек в маске встретил королеву и, почтительно поклонившись, повел по слабо освещенному коридору; в конце его он передал ее двум другим; те завязали Марии глаза и повели вверх по лестнице. Издали глухо доносился шум голосов. Наконец повязка была снята, и люди в масках удалились.

Мария стояла в большом ярко освещенном зале, стены которого были покрыты красным сукном. Более двух тысяч мужчин в плащах и под масками почтительно поклонились ей.

— Где я? — спросила королева.

— Позволь нам умолчать об этом, — проговорил старик с длинной седой бородой, — мы окружили себя глубокой тайной не ради нас, королева, но ради святого дела, которому мы служим, чтобы избежать измены и предательства. Выслушай нас!.. Если ты будешь согласна с нашими намерениями, то по одному твоему слову маски упадут с наших лиц. Если ты почему-либо не можешь принять участие в наших планах, то уйдешь так же, как и пришла, забудешь о нас и будешь молчать; мы вполне доверяем тебе и твоему слову.

Старец поклонился королеве и подвел ее к красному бархатному креслу, стоявшему на возвышении; когда она опустилась на него, все участники собрания поклонились ей до земли и воскликнули:

— Да здравствует наша королева!

— От всей души благодарю вас! — взволнованно проговорила Мария.

— Согласна ли ты выслушать нас? — спросил старик.

— Говорите, прошу вас!

— Ты знаешь несчастье нашей страны так же хорошо, как и мы, — начал старик. — Ты тщетно пыталась бороться со злом, снедающим наше отечество. Тебя обманули и отстранили от управления, нас обманули также, в стране царит произвол. Такое печальное положение нашего отечества побудило нас основать тайное общество «удальцов», цель которого поднять Венгрию и вывести ее из теперешнего ужасного состояния. Мы хотим восстановить могущество государства, величие престола и свободу народа. Мы обращаемся к тебе, как к первой патриотке нашей страны. Ты должна руководить нами, и, если мы победим, ты будешь управлять нами. Согласна ли ты, королева?

— Я согласна! — с воодушевлением проговорила Мария.

В ответ на эти слова раздались громкие крики радости.

— Клянусь пред Богом и всеми вами, что вступаю в ваше общество; с сегодняшнего дня я — больше не королева, а такой же член союза «удальцов», как и вы.

В эту минуту все присутствующие сняли маски, и королева узнала Батория, Петра Перена, Турцо, Саркани и многих других магнатов и дворян.

Старец, говоривший с ней, был почтенный прелат Франциск Перени, епископ Гросвардейский.

— Ты, вероятно, устала и нуждаешься в покое, — сказал королеве Баторий, — завтра мы, с твоего разрешения, изложим тебе наш план.

Собрание разошлось; большинство магнатов в ту же ночь покинуло этот таинственный замок; остались только Баторий, Турцо, Саркани, Перен и некоторые другие из «удальцов».

Две служанки отвели Марию в роскошную спальню, где ее ждал прекрасный ужин.

На следующий день «удальцы» сообщили ей свой план.

Большая часть дворян принадлежала к этому тайному обществу.

Прежде всего надо было привлечь на свою сторону короля; эту задачу Мария взяла на себя. На следующем сейме «удальцы» хотели свергнуть Заполию и Вербочи. Каждому было назначено, что делать.

К вечеру заговорщики расстались, и в ту же ночь Мария отправилась в обратный путь.

Во время отсутствия королевы Йола очень хорошо справилась со своей ролью. Она ежедневно выезжала в костюмах королевы и в королевских носилках отправлялась в церковь. Она точно так же, как и Мария, гордо кивала палатину и ничего не отвечала королю, когда тот при встрече обращался к ней с каким-нибудь вопросом.

Однако при дворе обратили внимание, что королева все время ходит под вуалью, и в голове Вербочи зародилось подозрение.

На третий день после отъезда Марии он отправился в ее приемную и потребовал, чтобы его ввели к ней; однако «королева» не приняла его. Он настаивал и не уходил.

В ту минуту вошла Йола под вуалью, с молитвенником в руках. Палатин низко поклонился, но она едва кивнула головой и с таким величием прошла по залу, что Вербочи был уверен, что это — королева.

Однако вечером он отправился к королю и предложил ему убедиться в том, что королева никуда не уехала. Людовик отказался. Тогда Вербочи вскипел и заявил, что он подвергает опасности себя и все государство и что донесение стражи и признание подкупленного им охотника доказывают, что королева встречается с подозрительными людьми, а теперь бежала к своему брату, для того чтобы подстрекнуть его к нападению на Венгрию.

После таких речей король решил отправиться вместе с палатином к своей супруге.

Когда пробило десять часов, они вышли и, незаметно достигнув флигеля, где жила Мария, неожиданно вошли в приемную.

Их встретила Эрзабет.

— Где королева? — спросил Людовик.

— Она уехала на охоту и еще не вернулась.

— Странно! — язвительно заметил палатин.
— Ее величество любит выезжать вечером, — спокойно ответила Эрзабет.

— Мы подождем, — сказал король, — не правда ли, палатин? Веди нас в спальню, Эрзабет!

Девушка пошла впереди.

В эту минуту в дверях приемной показалась дама в сером платье, закутанная вуалью, за ней шел Цетрик.

Эрзабет так перепугалась, что чуть не выронила из рук подсвечник. Вербочи подхватил его.

Людовик направился к вошедшей, та подняла руку и молча указала ему на дверь.

— Разве я больше не твой муж? — вспыхливо воскликнул Людовик. — Я настаиваю на своем праве и хочу видеть тебя!

Она презрительно рассмеялась и сорвала вуаль.

Это была королева.

Вербочи, не веря своим глазам, дерзко поднес подсвечник к самому ее лицу. Мария отступила и хлыстом, державшим в руке, ударила палатина по лицу. Вербочи пробормотал что-то невнятное: злорадство душило его, но ему не оставалось ничего другого, как поспешно удалиться.

Король молча поцеловал своей супруге руку и последовал за палатином.

XXI

Покушение

В тот же самый вечер, когда Мария, поменявшись с ролями с Иолой у часовни Св. Георгия, так удачно вернулась в замок, у небольшой корчмы близ Офена остановился отряд вооруженных всадников. Предводитель отряда вошел в корчму и, сев за стол, закрыл лицо руками. Хозяин задал ему несколько вопросов, но он не ответил. Однако, когда хозяин заговорил с каким-то человеком, сидевшим у печки, вновь прибывший поднял голову.

— Кто это? — спросил хозяина человек у печки.

— Дворянин, — ответил хозяин, — его зовут Борнемисой.

— Тот самый, которого королева велела привязать к позорному столбу?

— Тот самый, — ответил хозяин, — он стал с тех пор задумчивым и помышляет о мести.

— Кто тебе сказал это? — воскликнул Борнемиса, причем загадочная улыбка пробежала по его красивому лицу.

— Я так думал, — смущенно пробормотал корчмарь.

— Кто этот человек? — спросил Борнемиса.

— Мика-разбойник, с вашего разрешения, — угрюмо пробормотал человек у печки и встал.

— Я знаю тебя, бедняга, — ответил Борнемиса, — поди сюда и выпей со мной стаканчик!

Мика подошел к Борнемисе и выпил за его здоровье.

— Задай-ка корму лошадям, хозяин, — сказал дворянин и, обращаясь к Мике, продолжал: — Я знаю тебя и твои похождения.

— Мои похождения?

— Народ волнуется, — сказал Борнемиса, — повсюду происходят собрания. Времена Георгия Досцы возвращаются, и ты, кажется, собираешься быть вторым Досцей.

— Нет, — ответил Мика.

— Ты верно служишь королеве? — спросил Борнемиса.

— Кто сказал вам, что я служу королеве?

— Я это знаю, вопрос только в том, верно ли?

— Может ли дворянин знать, что такое верность? — вызывающе спросил Мика.

— Я думаю, что может, — с горькой улыбкой ответил Борнемиса. — Ты нравишься мне, Мика. Слушай: дворянству тоже надоел этот произвол, и оно решилось восстать. Поднимайтесь вместе с нами за право и королеву.

В эту минуту вернулся хозяин, и разговор прекратился.

Снег прогнал Матвея Перена и его возлюбленную из их хижин. Матвей отправился в свой замок и гордо заявил матери, что привел с собой молодую цыганку, которую хочет поселить в замке. Ирма презрительно улыбнулась и ничего не ответила.

Матвей поместил бывшую фаворитку Людовика рядом со своей комнатой и тщательно оберегал ее от любопытства обитателей замка. Она опять выкрасила лицо и руки, оделась в пестрые цыганские костюмы и стала носить большую шаль, скрывавшую ее фигуру. Ирма не обращала на эту пару никакого внимания.

Король ежедневно посещал замок, и его бывшая наложница внимательно наблюдала за ним; они с Матвеем задумали план мести и решили привести его теперь в исполнение.

Петр Перен когда-то страстно любил Ирму и из ревности велел построить потайную лестницу к ее спальне; лестница упиралась в стену, и ревнивый супруг мог во всякую минуту слышать все, что делается в спальне жены.

Матвей узнал эту тайну от своей бывшей кормилицы, и ему удалось завладеть ключом от этой лестницы.

Всякий раз, когда король бывал у Ирмы, наложница поднималась по ней и слушала, что делается в спальне хозяина замка.

Ирма смягчилась, видя мучения Людовика, и однажды, когда он с отчаянием прижал голову к ее коленям, она наклонилась к нему и что-то прошептала, что именно — наложница не слышала. Король стал в восторге целовать ее руки, а прощаясь, сказал:

— Итак, завтра?

— Завтра вечером, — ответила Ирма.

Наложница решила действовать.

На другой день вечером король приехал в сопровождении небольшой свиты. Он сиял от радости, его глаза блестели.

Ирма приняла его с очаровательной улыбкой; на ней была роскошная ночная одежда из белого шелка; прорези греческих рукавов открывали ее прекрасные руки. Король страстно поцеловал эти руки, Ирма пригласила его в спальню, где на маленьком столике был накрыт изысканный ужин. Тут она бросилась на оттоманку, а король сел напротив нее. Она позвонила, но вместо горничной явилась цыганка.

— Что тебе надо? — гневно спросила Ирма.

— Мой господин приказал мне служить тебе сегодня.

— Что ему вздумалось? — воскликнула Ирма.

— Оставь ее, — сказал Людовик, — эта цыганка — перец, который нам посылает Матвей к нашему ужину.

— Ну, пусть, сегодня я буду исполнять все, что ты хочешь, — со смехом ответила Ирма и приказала подавать ужин.

Когда «цыганка» вышла из комнаты, Людовик бросился к ногам Ирмы и прошептал:

— Будь моей!.. Если ты хочешь осчастливить меня, то не откладывай.

— Какой ты смешной!..

— Меня охватило какое-то неясное предчувствие... Не откладывай, будь моей! — воскликнул Людовик.

— Что с тобой? Ты дрожишь, как в лихорадке.

В эту минуту вошла «цыганка», и король вскочил и поспешил занять свое кресло. Он почти не дотронулся до кушаний, которые подавались на серебряных блюдах, между тем как Ирма ела с большим аппетитом и пила один бокал вина за другим.

Вдруг она заметила «цыганку».

— Чего ты тут торчишь, убирайся! Принеси успокоительное питье на ночь и не смей больше сюда показываться, а то я угощу тебя хлыстом.

«Цыганка», скрестив руки на груди, смиренно поклонилась Ирме до земли и вышла.

Король следил за ней взором.

— Какая неприятная особа!.. Она напоминает мне змею, — обратился он к Ирме.

— Ты же сам хотел, чтобы она осталась здесь. Но что ты сегодня такой странный? Отбрось все мрачные мысли и иди, целуй меня.

Король опустил перед ней на колени и обнял ее роскошное тело.

Ирма приподнялась на локте и стала целовать его.

Вдруг в комнату опять вошла цыганка. Она несла на серебряном подносе прекрасный бокал из венецианского стекла.

— Чего тебе? — властно спросила Ирма.

— Я принесла питье, как ты приказала, госпожа, — смиренно ответила наложница.

Ирма ничего не ответила и подала ей знак уходить. «Цыганка» повиновалась. Тогда Ирма вскочила с дивана и весело крикнула, обращаясь к Людовику:

— В наказание за свои мрачные мысли ты не получишь ни капельки.

Король быстро схватил поднос, а Ирма — бокал, смеясь, что король остался с пустым подносом в руках.

— Ни капельки, потому что твое настроение нагоняет на меня скуку!

Людовик со смехом пытался отнять у нее бокал.

— Не пролей! — воскликнула Ирма, выпила бокал до дна и с торжеством поставила его на стол. — Ты ужасно скучный сегодня, — продолжала она, обнимая короля, — ты не должен говорить больше ни слова, а только целовать меня.

Король стал расплетать ее волосы.

— Что это? — воскликнула Ирма, подымаясь и снова падая. — Кажется, свечи гаснут?

— Нет, они горят ярко.

— У меня потемнело в глазах.

Король со страхом взглянул на нее.

— Что это? — вновь воскликнула Ирма и упала на диван.

Людовик с ужасом смотрел на ее бледное, искаженное лицо. Она протянула руку к бокалу, но ноги у нее подкосились, и она упала на пол; бокал опрокинулся, на дне его показался черный осадок.

— Яд! — воскликнул король.

Ирма молча кивнула головой, а затем прижала руки к груди и тяжело задышала.

— Да, яд, — с насмешкой проговорил голос позади них. — Я отомстила тебе!

Они оглянулись; это была наложница, но уже не в цыганском, а в своем обычном костюме.

— На помощь! — крикнул король.

— Никто не услышит, — холодно проговорила наложница.

Король в отчаянии заломил руки.

— Твоя месть не удалась, — сказал он. — Я не отравлен.

— Отомсти за меня, — прошептала Ирма, — убей ее!

Людовик вскочил и вырвал из ножен охотничий нож, но его бывшая наложница уже успела вооружиться кинжалом.

Снаружи послышались шаги.

— Сюда! — закричал король.

Наложница с угрожающим жестом проговорила: «Ты не уйдешь от меня!» — и выскочила из комнаты.

Крики короля привлекли его людей, которые теперь вбежали в комнату.

— Поздно, — прошептала Ирма, — пусть они уйдут, дай мне спокойно умереть.

Король махнул рукой, люди вышли.

Ирма плакала, проклинала всех и вся. Людовик с отчаянием схватил бокал и крикнул:

— Еще один поцелуй, Ирма, и я умру вместе с тобой!

— Что ты! — воскликнула Ирма со смехом, от которого у короля мороз побежал по спине. — Я никогда не любила тебя. Пусть другие целуют тебя.

Людовик бросил бокал об стену, так что тот со звоном разлетелся вдребезги, и закрыл лицо руками.

— Не плачь обо мне, — слабым голосом проговорила Ирма, — ты должен знать правду: все, все было обманом...

Она не могла больше говорить. Король опустил ее около нее на колени; еще минута — и Ирма была мертва. Людовик тихо положил ее на пол и поспешил уехать домой.

Свита последовала за ним.

У опушки леса, где должен был проезжать король, сидели Матвей и наложница, закутанные в плащи, с оружием в руках.

— Ты хочешь убить его? — спросила наложница.

— Да, — ответил Матвей.

— Не делай этого!

— Почему? — со смехом спросил Матвей. — Потому что ты еще любишь его? Это — еще одна причина, по которой он должен умереть.

— Нет! — воскликнула она. — Он не должен умереть.

— Разве ты сама не готовила ему яда?

— Да, но теперь он не должен умереть.

— Почему ты мешаешь мне? Ведь я пожертвовал для тебя своей матерью.

— Я не хочу, чтобы он умер сразу, я хочу мучить и пытать его, разорвать его на куски. Я хочу схватить его живым. Тише, он едет.

Король промчался мимо них, но вдруг лошадь его споткнулась, попав передними ногами в сеть, расставленную наложницей, и король, перелетев через голову лошади, упал на землю.

В эту минуту раздался резкий, отрывистый свист. Из-за деревьев выскочила толпа темных фигур. В один миг король был обезоружен и повален на землю. Его люди поспешили ему на помощь, но на них напала остальная часть вооруженных, и после непродолжительной схватки они были убиты и рассеяны.

Матвей бросился преследовать убегающих, а королевская наложница подошла к группе, окружавшей Людовика. Он тщетно грозил и кричал напавшим на него:

— Я — король Венгрии, пустите меня!

Ему отвечали смехом.

Наконец он сдался и молча затаился на земле, но, подняв голову, увидел свою наложницу и вздрогнул.

— Ты в моей власти, — с жестоким смехом проговорила она. — Как ты думаешь, что я с тобой сделаю?

— Убьешь меня, — мрачно ответил король.

Наложница расхохоталась.

— Ты боишься смерти! — воскликнула она. — Так я научу тебя желать ее и стремиться к ней, как к высшему блаженству.

Людовик молча опустил голову.

— Почему ты не просишь пощады? — спросила она.

— Потому что это было бы напрасно.

— Какой ты умный! — воскликнула она. — Свяжите ему руки, — продолжала она, обращаясь к своим людям.

Те немедленно исполнили.

— Лошадь! — приказала она.

Лошадь была приведена, наложница прыгнула в седло и приказала:

— Привяжите его к хвосту моей лошади!

Это приказание было также приведено в исполнение.

Людовик с отчаянием бросился на землю.

— Встань, а то лошадь затопчет тебя, — сказала наложница.

Король встал. Луна выплыла из-за облаков и осветила равнину. Людовик обвел взором вокруг. Увы! Нигде не было ни души, помощи ждать неоткуда. Вдруг среди людей, напавших на него, произошло волнение. Матвей поспешил к ним. Из леса выехал вооруженный всадник, а за ним выскочил целый отряд.

— Измена! — раздалось со всех сторон.

— Защищайтесь! — крикнул Матвей своим людям, но противники уже были среди них и пробивали себе дорогу сабельными ударами.

Матвею и его возлюбленной с большим трудом удалось пробиться сквозь сражавшихся; лошадь наложницы потащила за собой короля. Тут из толпы выделился один всадник и бросился за ними.

Они помчались к замку; однако всадник догнал их и сильной рукой схватил за поводья лошадь наложницы. Она ответила ему ударом кинжала; Матвей занес руку, чтобы ударить незнакомца по голове, но тот отразил удар и ранил Матвея. Наложница поскакала вперед, однако всадник ударом сабли перерезал канат, к которому был привязан король. Часть его отряда поспешила к нему на помощь, а Матвей и наложница помчались вперед.

Человек в маске соскочил с лошади, освободил короля от веревок и только тогда дал перевязать себе руку, раненную королевской наложницей. Его люди одержали победу над отрядом Матвея Перена, некоторых они убили, других забрали в плен.

— Вздерните их всех на деревьях вдоль дороги! — сказал незнакомец.

Через несколько минут все были повешены.

Король отыскал предводителя этих таинственных всадников, которые все были в масках, и воскликнул:

— Я обязан вам жизнью; как ваше имя?

Незнакомец покачал головой.

— Я так и не узнаю, кто спас меня?

— «Удальцы»! Во имя нашей королевы Марии!

Незнакомец поклонился и исчез со своими всадниками в чаще.

XXII

Королева-заговорщица

Королева Мария сделалась деятельным членом общества «удальцов»; она сеяла недовольство среди дворян и имела тайные свидания с Баторием и Турцо.

На следующее утро после покушения на короля она встретилась с Турцо.

— Настало время, — сказал он, — привлечь короля на нашу сторону; теперь это не представит особых затруднений. Ирма Перен умерла, король потрясен и понял, что Заполия завлек его в сеть обмана и лжи. Его спасли «удальцы» от твоего имени; ты должна избавить его от влияния Вербочи и Чалкана.

— Я постараюсь, чтобы он явился в Вышеград; там ты изложишь ему наши планы, и он вступит в общество «удальцов».

Турцо поцеловал ее руку, и они расстались.

Когда королева возвратилась, в ее приемной стоял Людовик. Она свистнула свою собаку и прошла мимо него, как мимо неодушевленного предмета. Он тшечно просил свидания, его письма возвращались ему нераспечатанными.

На третью ночь после покушения на Людовика в комнату королевы влетела записка, в которой ее таинственный друг назначал ей свидание на валу.

С последним ударом полуночи королева была на валу и по знаку сбросила лестницу. Незнакомец поднимался этот раз очень медленно, его левая рука была на перевязи.

— Вы проливали свою кровь ради меня, — с чувством проговорила королева, — за него...

— За него, — печально ответил он, — которого вы любите и кому опять будете принадлежать.

— Никогда!

Наступило молчание. Она протянула руку, он горячо поцеловал ее.

— Ты разбила мое сердце! — наконец воскликнул он. — Ты должна...

— Что должна?

— Принадлежать королю.

— Никогда!

Он грустно покачал головой.

— Я хочу не сердить, но убедить тебя. Ты должна властвовать в этом государстве, это — твоя обязанность, обязанность по отношению к народу, который ждет от тебя лучшего будущего. А у

женщины, носящей корону, должна быть другая любовь, чем у простых смертных; ты — как богиня; перед тобой надо преклоняться; но богиня не может грешить.

Королева молчала.

— Как же ты хочешь удержать скипетр в своих руках, — продолжал незнакомец, — если будешь обращаться с королем как с врагом?

— Король будет у моих ног и в моей власти! — воскликнула Мария.

— Если ты будешь принадлежать ему, — добавил незнакомец.

— Нет, — решительно ответила королева, — я возьму пример с женщины, которая подчинила его. Он никогда не назовет меня своей, но будет в моей власти. Выслушай меня, мой друг, я хочу открыть тебе всю душу, как священнику на исповеди. В чем я обвиняю короля? В том, что он слишком слаб и каждую минуту изменяет самому себе. Но это — удел каждого. Я — такое же несовершенное и слабое создание. Сегодня я презираю, ненавижу своего супруга, а на другой день снова люблю его. Счастливы те люди, душа которых не раздваивается. Я люблю короля; но никогда не буду принадлежать ему, потому что люблю тебя, хотя боюсь, что мне будет трудно отказывать ему в ласках. Как тяжело, что я не могу отдаться тебе, — страстно добавила она и закрыла лицо руками, затем прошла несколько шагов и снова вернулась. — Я борюсь со своими страстями и надеюсь, что останусь победительницей. Как видишь, я вовсе не богиня, пред которой нужно преклоняться.

Незнакомец вместо ответа поклонился ей до земли.

В ту же самую ночь Людовик явился в комнаты своей супруги. В приемной его встретила Эрзабет с подсвечником в руках. Увидев его, она вскрикнула. Король прижал палец к губам.

— Ваше величество, — пробормотала молодая девушка.

— Королева уже в постели? — спросил Людовик.

— Нет, — ответила Эрзабет.

— Она в своей спальне?

Эрзабет чувствовала, как кровь приливает к ее щекам, она не смела сказать правду и не могла лгать, а потому молчала.

Король посмотрел на нее и грустно покачал головой.

— Исполните мою просьбу, — тихо проговорил он, — сжальтесь надо мной и пустите меня к моей жене.

Эрзабет подошла к двери спальни королевы и загородила ее собой.

— Я должен поговорить с королевой! — страстно воскликнул король. — Вы молчите? — продолжал он. — Королевы нет дома? Хотите, я скажу вам, где она?

Эрзабет задрожала с головы до ног и протянула руки, как бы для защиты.

— То, что вы делаете, нехорошо, — воскликнул король.

— Уйдите, прошу вас, — прошептала Эрзабет.

— Не доводите меня до крайности! — воскликнул король. — Я хочу видеть свою жену, должен увидеть ее... — Он схватил Эрзабет и оттащил ее от двери.

— Господи, помилуй! Что вы делаете? — воскликнула Эрзабет. Ее возглас привел короля в чувство.

— Прошу вас, Эрзабет, — взволнованно проговорил он, — на коленях! — И он бросился перед молодой девушкой на колени.

— Что вы делаете? — воскликнула она. — Встаньте! Хорошо, пушу вас к королеве, хотя я знаю, что не должна делать это.

Королева вернулась с вала. Эрзабет помогла ей раздеться, избегая ее взгляда; Мария была очень задумчива и молчала.

Королева легла в постель, Эрзабет вышла.

Мария закрыла лицо руками, зарылась в подушки и зарыдала. Долго плакала она, но вдруг услышала рядом с собой такое же горькое и отчаянное рыдание. Она с испугом поднялась и увидела темные очертания мужчины, стоявшего на коленях у ее постели. Она сейчас же узнала его и строго спросила:

— Это ты, Людовик?

— Да, это — я, — глухо проговорил он, не вставая с колен, — не гони меня, но выслушай!..

— Хорошо, — сказала она, — я согласна. Встань, — мягче добавила Мария, — я оденусь и выслушаю тебя.

Король поднялся и подошел к окну.

Мария быстро поднялась с постели, накинула капот, надела теплые туфли и села в кресло, скрестив руки на груди. Людовик бросился к ее ногам, но она не двинулась.

— Ты меня еще любишь? — спросил король.

— Нет, — спокойно ответила Мария.

Людовик молчал; он закрыл лицо руками и зарыдал. Королева рассмеялась.

— Ты плачешь об Ирме Перен? — спросила она.

— Неужели ты не можешь простить меня? — тихо проговорил он.

— Нет, — решительно ответила она, — нет, нет. Ты заслуживаешь только сожаления.

— Так пожалей меня! — воскликнул он.

— Хорошо, — мягко ответила королева, — только жалеть не значит простить. Я не могу простить тебя и забыть все то зло, которое ты причинил мне; я не могу больше любить тебя и быть твоей. Я хочу постараться избавить тебя от позора и вытащить из той тины, куда вовлекла тебя твоя страсть.

Король встал, схватил руку супруги и покрыл ее поцелуями.

— Ты предал меня, — сказала королева, — я могу снести это, но позора никогда не перенесу. У тебя еще есть выбор. Уходи и оставь меня.

— Нет, никогда! — воскликнул король.

— Если ты теперь откажешься от меня, — строго проговорила Мария, — и опозоришь меня, то я убью тебя; помни это!

— Тогда убей меня, — ответил Людовик, — я не хочу больше жить, если еще раз предам тебя. Все те, кто целовал меня и гнул предо мной спину, — обманщики, лгуны и негодяи, но, слава Богу, я освободился от их сетей. Я буду как воск в твоих руках... Только прости меня!

Королева отрицательно покачала головой.

— Бог прощает, — продолжал король, — а ты...

— Я — не Бог! — воскликнула Мария.

— Ты — женщина, у тебя мягкое сердце.

— Нет, мое сердце жестко, люди сделали его таким, и ты прежде других виноват в этом.

— Ты не можешь простить меня, потому что любишь другого! — воскликнул король.

— Людовик! — крикнула Мария, задрожав с ног до головы. — Ты хочешь обвинить меня?

— Нет, я хочу только умереть; прощай!

Она повернулась к нему спиной и сухо проговорила:

— Иди!

С того дня Людовику было разрешено появляться в покоях королевы, но только в качестве друга. Мария оставалась твердой, но все же ей было страшно жаль супруга; она еще сохранила надежду вернуть свое влияние, но спасти его уже не надеялась.

— Ты больше не веришь в мое чувство, — сказал ей однажды король, — я страдаю, а ты смеешься. Ты не хочешь смягчиться, сама боишься этого.

— Нет.

— Если ты так уверена в себе, — ответил он, — то позволь мне попытаться.

— Чего ты хочешь?

— Я испытываю сильное желание побыть наедине с тобой, вдали от этого света, который я ненавижу, этих людей, которых презираю, — с волнением воскликнул Людовик.

Королева, казалось, что-то обдумывала.

— Хорошо, — сказала она наконец, — пусть двор собирается. Мы отправимся в Вышеград.

XXIII

Душевные пытки

Март стоял теплый, снег растаял, и к Дунаю потекло множество ручейков. Был теплый весенний день, когда королевская чета покинула Офен.

Королева путешествовала в легком венгерском экипаже, запряженном маленькими степными лошадами, которые неслись как

вихрь. Король ехал верхом; их охрану составляла сотня гусар; они не взяли с собой ни одного слуги и ни одной дамы. На ночь оставались в придорожных постоялых дворах; лошади отдыхали, королева выходила из своего экипажа; подкрепившись и освежившись, они снова продолжали путь.

К вечеру темный силуэт вышеградского замка ясно вырисовался на небе, освещенном красноватым светом заходящего солнца. Была уже ночь, когда королевская чета достигла ворот Вышеграда; этот приветливый городок стоял на берегу Дуная и утопал в садах и виноградниках; замок высоко поднимался над городом.

Гайдуки с факелами ожидали короля и королеву и проводили их до роскошного, построенного Матвеем Корвином дворца, мраморные террасы которого спускались к самому Дунаю.

В большом зале, украшенном античными статуями и картинами итальянских художников, был накрыт ужин. Королева почти ни до чего не дотронулась и погрузилась в созерцание картины, изображавшей Юдифь, с восхитительной улыбкой и самым грациозным движением засовывавшую окровавленную голову Олоферна в мешок, который держала перед ней служанка. Затем Мария встала и, отворив дверь, вышла на террасу. Дунай величественно расстился перед ней, сверкая и переливаясь оттенками различных цветов при ярком свете луны, заливавшем небо, белые облака и серебрившем верхушки деревьев. Огромный парк замка был погружен в полную тишину, нарушаемую только журчанием фонтанов.

Королева медленно сошла по ступеням террасы до самой реки и, сев на последнюю ступень, задумчиво погрузила руку в воду. Вдруг послышался плеск. Королева подняла голову и увидела, что мимо проплывала легкая лодка; в ней стоял мужчина, закутанный в темный плащ и с маской на лице; он положил весла, и лодка плавно неслась по течению. Заметив Марию, он помахал рукой, приветствуя ее, и скрылся за поворотом реки.

Королева медленно вернулась обратно. Она окинула взором зал, посмотрела на реку и сказала Людовику:

— Я хочу разместиться здесь.

— Как прикажешь, — ответил король.

Немедленно был призван управляющий, а затем в зал принесли постель королевы. Она скинула плащ и подала руку королю, а когда он поцеловал ее и вышел из комнаты, тотчас же заперла все двери и, накинув плащ, тихо вышла на террасу. Там, вынув маленький серебряный свисток, она тихо свистнула.

В ту же минуту лодка показалась из-за поворота реки и остановилась у подножия террасы.

Мария быстро спустилась с лестницы, незнакомец подал руку, она вошла в лодку, и та немедленно отчалила и быстро понеслась по течению.

Незнакомец сел около королевы и грустно спросил:

— Любишь ли ты меня еще?

— Больше жизни! — страстно ответила Мария.

Они замолчали; лодка плавно неслась по реке, залитой мягким светом луны...

Король стоял в своей спальне на коленях перед распятием и в молитвах искал успокоения и спасения от вспыхнувшей в нем страсти. Затем он бросился на постель и долго метался, мучимый ужасными сновидениями.

На другое утро королева распахнула дверь, ведущую на террасу; в зал ворвался яркий весенний луч солнца; маленькие зяблики добрались до самого порога, и королева со смехом бросала им хлебные крошки.

В это время по ступеням террасы поднялся король и попросил впустить его.

— Ты испугал моих маленьких гостей, — весело воскликнула Мария. — На этот раз входи, но на будущее знай, что на террасе и в саду я не хочу никого видеть.

— Ты еще сердишься?

— Нет.

— Но и не прощаешь, — сказал король и взял ее руку.

Мария нетерпеливо топнула ногой.

— Я тебе надоедаю?

— Да, это самое подходящее выражение, — ответила королева. — Поцелуй меня, если хочешь, и оставь в покое.

Король хотел поцеловать ее в губы.

— Нет, нет, только в щеку, — воскликнула она.

— Почему же?

— Потому что мне это неприятно. Уходи! — воскликнула королева, топая ногой.

Людовик ушел.

Когда Мария вернулась вечером с продолжительной прогулки верхом, то нашла короля у камина в очень мрачном настроении.

— Ты ездила очень долго, — робко заметил он.

— Я хочу быть одна в эту ночь, — сухо проговорила королева, снимая перчатки, — а ты отправишься спать наверх.

— Как прикажешь, — кротко ответил Людовик и тотчас ушел из дворца.

Час спустя, к террасе дворца причалила лодка с находившимися в ней тремя мужчинами в масках; один из них остался в лодке, а двое других стали подниматься по лестнице.

Королева встретила их; они вошли в зал и сняли маски. Это были Баторий и Турцо.

— Как обстоят дела вашего величества с королем? — спросил первый.

— Прекрасно, — весело ответила королева, — я команду им, как солдатом.

— Когда же можно будет поговорить с ним? — спросил Турцо.

— Завтра, — ответила Мария.

Турцо подошел к двери и сделал знак человеку, сидевшему в лодке; тот привязал ее и стал подниматься.

— Кто это? — бледнея, спросила королева.

— Секретарь Фергад-паши, — ответил Турцо, — он хочет сделать вам важное сообщение.

— Пусть подойдет, — сказала Мария, овладевая собой. — Садитесь, господа, мы выслушаем его.

На следующее утро король с несвойственной ему насмешкой проговорил:

— У тебя сегодня ночью были гости?

— Да, ты не ошибся, — ответила королева.

— Ты безжалостна, — сказал король, потупляя взор.

— Вовсе нет, — возразила Мария, — ты стараешься изо всех сил снова завладеть моим сердцем, так я сама укажу тебе способ: займись опять политикой.

— Когда только прикажешь! — воскликнул король.

— Я приказываю, — сказала она, откидывая голову и ласково глядя на Людовика.

— Что я должен сделать?

— Прежде всего выслушать тех преданных людей, которых ты прогнал от себя.

— Я готов.

Королева встала и отворила дверь, ведущую в соседнюю комнату.

Вошел Турцо и преклонил колено перед королем. За ним следовал человек в турецкой одежде. Он скрестил руки на груди и бросился ниц перед королем, с любопытством смотревшим на него.

— Как тебя зовут? — спросил король.

— Павел Бакис.

— Он служил секретарем у Фергад-паши, — сказала королева, — а теперь пришел предложить тебе свои услуги и сообщить важные известия.

— Ты хочешь поступить к нам на службу? — спросил Людовик.

— Да.

— И согласен креститься?

— Да.

— Что побуждает тебя к этому?

— Аллах велик, — ответил Бакис, — но Христос еще больше; я хочу служить большому Богу.

— Хорошо, мы будем твоими восприемниками и примем тебя на нашу службу, — ответил Людовик, обменявшись взглядом с Марией. — Какие же известия ты принес нам?

— Они очень кратки и определены: султан через месяц выступает из Константинополя со ста пятьюдесятью тысячами солдат, чтобы покорить Венгрию.

Король вскочил, но спохватился и снова сел.

— Имеешь ли ты более подробные сведения о его намерениях и планах? — мрачно спросил король.

Турок засунул руку за пазуху и, вынув оттуда целую связку бумаг, передал ее королю. Его лицо все время оставалось бесстра-

стным; казалось, служба при турецком дворе сделала его совершенно неподвижным.

— Подтверждаются ли эти известия? — спросил Людовик.

— Да, — ответила королева, — вот письмо Томарри; он доносит, что белградский паша собирает корабли на Дунае.

Король встал и начал крупными шагами ходить по комнате. Мария сделала турку знак удалиться. Он вышел.

— Теперь я скажу тебе, — серьезно начала Мария, обращаясь к супругу, — что сделали ты и твой государственный совет, чтобы иметь возможность бороться с этой ужасной опасностью?

— Ничего.

— Теперь выслушай, что сделали я и твои верные слуги.

— Ты? — с изумлением воскликнул Людовик.

— Да, я; так как открытое участие в судьбе государства грозило мне лишением свободы и даже жизни, то оставался только заговор.

— Ты — заговорщица? — со смехом воскликнул король.

— Да, против партии воеводы, Вербочи и твоего управления.

Король с изумлением посмотрел на свою супругу.

— Говори, Турцо! — сказала она.

— Должен ли я напомнить тебе о том, мой король, — дипломатично начал Турцо, — как поступили с тобой Заполия и его приверженцы? Ты сам не можешь больше сносить свое положение; твоё терпение истощилось. Ты не в состоянии больше видеть, как каждый день все больше ограничивают твою власть. Мы, твои верные слуги, решили вывести тебя из этого недостойного положения, свергнуть Заполию и восстановить твоё могущество. Мы основали тайное общество «удальцов».

— Так, значит, вам я обязан спасением своей жизни? — радостно воскликнул король, заключая Турцо в свои объятия.

— Я тоже принадлежу к этому союзу, — сказала королева, — и мы готовы сделать еще больше; все зависит от тебя.

— Что же я должен сделать?

— Ты утвердишь наше общество, — ответил Турцо, — а остальное — уже наше дело. Мы достанем денег, выставим армию и на будущем сейме проведем наши требования.

— Достаточно ли сильна ваша партия, чтобы привести эти намерения в исполнение? — спросил король.

— Да.

— Покажи мне документы!

Турцо достал тетрадь, где были перечислены члены общества и средства, которыми они располагали. Король просмотрел их. После этого Турцо стал излагать свой план. Людовик молча выслушал его, затем встал и, положив руки ему на плечи, произнес:

— Ты — преданный друг, так же как Баторий и другие, вы преданы мне больше, чем я того заслуживаю. Делайте все, что в ваших силах, ради королевы и государства, я же буду вам безмерно благодарен. Я одобряю все, что вы просите.

Турцо поцеловал руку короля и почтительно поблагодарил его от имени «удальцов».

Когда он ушел, Мария и Людовик стали обсуждать положение государства. «Удальцы» обещали устроить на следующем сейме полный переворот внутреннего строя; теперь надо было склонить дворянство к энергичной борьбе с турками и добыть откуда-нибудь помощь.

Мария тут же продиктовала королю два письма: одно — папе, другое — французскому королю; в обоих обрисовывалась опасность, угрожавшая Венгрии со стороны турок, и выражалась просьба помочь деньгами и армией. Оба письма были немедленно отправлены с гонцами.

Отъезд из Вышеграда был назначен на следующий день; в Офене должно было начаться выполнение их плана. Прежде всего надо было удалить Вербочи; ввиду того, что в государственных рудниках вспыхнули беспорядки, было решено отправить его туда.

Во время совещания королевской четы вошел гусар и ввел крестьянина, который во что бы то ни стало желал видеть королеву. Мария тотчас же узнала в нем разбойника Мику. Тот подошел к королеве и, став на одно колено, передал ей записку. Она была от ее таинственного друга и содержала следующее:

«Чалкан с государственным советом и охранной стражей находится по дороге в Вышеград».

Мария спрятала записку за корсаж.

— Что это? — спросил Людовик.

— Прощение, — ответила королева. — Подожди во дворце, — продолжала она, обращаясь к Мике, — я позову тебя.

Мика встал и, поцеловав край ее одежды, вышел.

— Какой глупый мужик! — заметил король.

— Он совсем не так глуп, как кажется, — ответила Мария.

Как только Людовик вышел, королева велела позвать крестьянина; наедине с Марией он совсем изменил свое поведение. Он гордо стоял перед ней, смело глядя ей в глаза.

— Ты знаешь того, кто передал тебе эту записку?

— Да, — ответил разбойник.

Мария побледнела.

— Передай, что я буду ждать его на террасе, как только стемнеет, — сказала она, а затем отворила дверь на балкон и, выпустив Мику, приказала ему: — Поспеш!

После полудня прибыл Чалкан со всем советом. Король принял его очень немилостиво.

— Я же приказал, чтобы никто не следовал за мной сюда! — гневно крикнул он.

— Да, это так, — ответил Чалкан, — но мы обязаны быть со своим королем.

Архиепископ отправился в назначенные ему управляющим комнаты, и некоторое время спустя к нему явился палатин, который выехал из Офена вслед за ним.

Вербочи, задыхаясь, бросился в кресло и многозначительно кивнул головой.

— У тебя есть новые сведения? — спросил Чалкан.

— Да, — отдуваясь ответил Вербочи, — повсюду какие-то подозрительные сборища дворян; они направлены против нас и против вас, Чалкан, — это не подлежит сомнению; да, да, составлен заговор!

Архиепископ радостно потер руки.

— Прекрасно, — сказал он, — это довершит наше торжество.

— Торжество? — воскликнул Вербочи. — А я, наоборот, вижу всех нас обезглавленными, четвертованными, повешенными, колесованными; каждую ночь я плаваю в потоках крови и просыпаюсь весь в холодном поту. Недовольство растет; мы слишком много общали и слишком мало дали. Королева опять забрала короля в руки; не хватает только, чтобы она соединилась с Баторием, тогда мы погибли. — Вербочи встал перед Чалканом и сложил руки на животе. — Посмотрите, — со вздохом продолжал он, — как я похудел с тех пор, как сделался палатином; мне повсюду мерещатся турки и заговорщики. Я с удовольствием снова сделался бы прежним Вербочи.

Архиепископ улыбнулся.

— Успокойтесь, Вербочи; увеличивающийся распад государства и новая опасность со стороны турок пугают короля; он видит в этом наказание за свои грехи. Я — его духовник, и он ищет у меня утешения и успокоения; ваши известия всецело отдают его в мои руки. Баторий на краю гибели; наконец-то настал день мести, и я увижу его голову у моих ног.

— Что может сделать король? Мы же сами совершенно лишили его власти, — сказал Вербочи.

— Он произнесет свой приговор, — проговорил Чалкан, — а Заполия приведет его в исполнение; я действую с его согласия. Тогда и влиянию королевы будет положен конец, ей придется заниматься молитвами да нарядами. Охранная стража выступила.

— Я отдал Мароти приказ, чтобы он в полночь прибыл в Вышеград.

Чалкан хитро улыбнулся.

— Завтра мы навсегда сделаемся владетелями и господами страны; соберите совет и пусть он составит смертный приговор Баторию, Томарри, Турцо, Саркани, Петру и Гавриилу Перенам.

Вербочи с ужасом отступил.

— Я беру ответственность на себя, — сказал архиепископ. — Идите, добрейший Вербочи, завтра вы будете избавлены от своих страхов.

Вербочи тотчас же созвал государственный совет на тайное совещание, длившееся до вечера.

Вдруг Вербочи был позван к королю, он получил приказ немедленно отправиться в рудники, где вспыхнули беспорядки. Вербочи должен был повиноваться; он передал председательство в совете Драффи и уехал.

Наступила ночь. Королева удалилась на свою половину; когда совершенно стемнело, к ступеням террасы причалила лодка, в которой было два человека. Один из них, сидевший на веслах, был Мика, а другой, в маске, — таинственный друг королевы; Мария вышла на террасу. Незнакомец преклонил колено и тихо проговорил:

— Беги со мной, мы открыты.

— Я не могу, а ты уезжай!

— Чалкан имеет огромную власть над королем; он недаром приехал сюда. В данную минуту государственный совет обсуждает смертный приговор нашим вождям; бежим, умоляю тебя.

— Успокойся, друг мой, я не сдамся так легко. Когда прибудет стража?

— Не раньше полуночи.

Королева села в лодку и приказала Мике отчаливать.

Спальня короля находилась в другом флигеле, ее окна выходили на террасу, которая спускалась в сад. Из нее вели две двери: одна — в приемную, другая — в часовню, которая сообщалась подземным ходом с замком, стоявшим на скале.

Король лежал на постели и думал; вдруг раздался скрип двери, и вошел архиепископ. Король испуганно приподнялся и спросил:

— Чего тебе надо от меня?

Чалкан медленно подошел к постели короля и, положив свою руку на его пылающий лоб, участливо проговорил:

— Ты болен, сын мой; не хочешь ли ты облегчить свою душу?

Король встал и прошелся по комнате.

— Чалкан, — проговорил он после паузы, — я не нахожу себе покоя, я разорил страну и потерял любовь жены. Помоги мне, если можешь!..

— Почему же нет? — кротко ответил архиепископ. — Но, прежде чем исцелить тебя, я должен произвести болезненную операцию. Господь посылает тебе испытание... выслушай меня!

Король, ничего не понимая, посмотрел на Чалкана.

— Султан ополчился против Венгрии, дворянство составило против тебя заговор, — продолжал архиепископ, опускаясь в кресло и устремляя пристальный взгляд на короля.

Чалкан имел сильное, почти гипнотическое влияние на слабо-вольного, легко возбудимого Людовика. Не будучи в состоянии отвести от него взор, король приблизился к архиепископу и произнес:

— Я хочу открыть тебе свою душу, как Богу. Моя воля и я сам — постоянно противоречат друг другу. Я решаю одно, а делаю другое. Я люблю свою жену, но каждый день оскорбляю ее; я хочу осчастливить свой народ, а он становится все несчастнее...

— Надейся на Бога!

— В том-то и дело, что я не могу надеяться на Него, я боюсь, что все эти несчастья являются наказанием за мои грехи.

— Действительно ли ты решил раскаяться в своих грехах? — с достоинством спросил Чалкан.

— Да.

— Я прощаю тебя и освобождаю от твоих грехов. Управляй отныне во славу Божию!

— Я в отчаянии, — воскликнул король, — потому что не могу управлять государством. Я готов сделать все, Чалкан, только спаси меня от меня самого.

— Я спасу тебя, — ответил Чалкан. — Буду твоим отцом, другом и советником, только выслушай меня, чтобы мои слова не были гласом вопиющего в пустыне.

Людовик нежно поцеловал руку старика.

— Благодарю тебя. Говори все, не щади меня; если нужно, я готов отказаться от престола.

Архиепископ испугался.

— Ты должен исполнять свои обязанности, но я постараюсь облегчить тебе твой крест. Я готов принести эту жертву ради спасения твоей души.

— Я в отчаянии, — ответил король. — Народ ненавидел мою возлюбленную, я женился, но теперь он ненавидит мою жену; я утвердил в Гатване то управление, которого он хочет, теперь он проклинает меня за это и учиняет заговоры.

— Кто учиняет заговоры? — с угрозой проговорил Чалкан. — Твои враги, которых ненавидит народ. Уничтожь их, и в стране воцарится мир. Нечего раздумывать! Баторий и его приверженцы должны умереть!

— Баторий! — с ужасом воскликнул король.

— Затем, — холодно продолжал Чалкан, — ты должен расстаться с королевой.

— Оставь мою жену! — воскликнул Людовик. — Она устранена от управления.

— Да, но стремится вернуть свои права и не успокоится до тех пор, пока не достигнет власти. А разве ты ее не любишь?!

— Больше всего на свете! — пылко воскликнул король.

— Вот видишь, — продолжал Чалкан, — вот первая страсть, от которой я, с Божьей помощью, хочу избавить тебя. Эта любовь — еще больший грех, чем твоя любовь к наложнице, так как она губит твое государство и твою душу. Ты расстанешься с Марией.

— Нет! — страстно проговорил король.

— Ты должен.

— Нет, нет! — воскликнул Людовик. — Я люблю ее больше всего на свете. Если это — грех, то пусть погибнут Венгрия и моя душа.

Архиепископ схватил руку короля и, сильно сжав ее, твердо произнес:

— Ты должен!

— Нет.

— Подумай о Боге! Ты должен присудить к смерти Батория и его приверженцев.

Король содрогнулся.

— Ты хочешь управлять и дрожишь при мысли о нескольких каплях крови? Если ты хочешь, чтобы я тебя спас, то слушайся! — Архиепископ медленно подошел к Людовику, устремив на него пристальный взгляд, который впивался в его душу. — Согласен ли ты?

— Да, — прошептал король, медленно опускаясь на колени.

XXIV

Опять «удальцы»

Чалкан твердыми шагами направился к двери, ведущей в приемную. Здесь ожидал его государственный совет с Драгфи во главе.

— Вы готовы?

— Да.

— Входите!

Когда король увидел входящих, им овладел смутный страх; он бросил умоляющий взгляд на Чалкана, но тот не обратил на это внимания.

— Вот приговор, — сказал Драгфи.

Архиепископ взял бумагу и, положив ее перед королем, холодно проговорил:

— Подпиши!

Король дрожащими руками взял бумагу и прочел:

«Повелеваю Батория, Турцо, Саркани, Петра и Гавриила Перенов, Стефана Борнемису, главарей тайного общества «удальцов», арестовать как мятежников и в течение суток казнить».

Однако, прочтя приговор, он отбросил его от себя, воскликнув:

— Это противно законам нашей страны и чести; сделать этого я не могу как король и дворянин...

— Только таким путем ты можешь спасти государство, — сказал Драгфи. — Когда все будет исполнено, мы поспешим в Офен, соберем сейм и утвердим твое постановление.

Людовик бросился на колени перед образом Спасителя и начал молиться:

— Просвети меня, Господи, я не могу взять на себя ответственность за это кровопролитие.

— Если ты боишься пролить эту кровь, то на твоей совести будут лежать потоки крови, которые польются в междоусобной войне; ты будешь отвечать за них перед Богом!

Король не двигался.

Архиепископ подошел к нему и положил руку на плечо:

— Как священник говорю тебе — подпиши; я прошу тебе этот грех.

Людовик встал, он был бледен, его лицо исказилось. Чалкан подвел его к столу и вложил перо в руку:

— Подписывай!

Король смотрел на приговор и не подписывал.

— Подписывай! — настаивал Драгфи.

— О, Боже, — пробормотал король, — о, Мария, спаси меня. Сюда, ко мне! — крикнул он.

— Подписывай! — угрожающе проговорил Чалкан.

— Не подписывай! — раздался звонкий голос.

Среди собрания стояла королева в черном бархатном платье, обшитом соболем; она обвела взглядом присутствующих, ее рука невольно ухватилась за кинжал.

— Мне кажется, что ты хочешь продать свою душу сатане, — проговорила Мария, поспешно подходя к королю. — Дай сюда эту бумагу!..

— Мне! — воскликнул Чалкан, выхватывая бумагу.

— Давай сюда! — крикнула королева, вырывая у него из рук бумагу и пробегаая ее глазами. — Ах вот уж до чего дошло! Вот до чего довел ты короля, служитель Бога! Это дело достойно Каина или Иуды!

Она изорвала приговор и бросила его к ногам Чалкана.

— Вот до чего дошло! — вне себя от гнева закричал архиепископ. — Решение государственного совета и воля короля безнаказанно нарушаются! Дела государства не касаются женщин, — добавил он, овладевая собой.

— Да, — ответила королева, — вы стремитесь сделать женщину своей рабыней, но я не позволю унижать себя. Я — ваша королева и хочу повелевать!

— Вы забываете об уважении к королю, вашему супругу, — ответил Чалкан.

— А вы — об уважении ко мне, — сказала королева. — Вы оттеснили меня от управления, стали сами вершить делами государства, и что же вышло? Ваше управление — преступление по отношению к Венгрии.

— Король не должен допускать, чтобы ты правила; сейм постановил отстранить тебя, — с улыбкой проговорил Чалкан.

— Произвол и насилие вырвали скипетр у меня из рук, — воскликнула королева, — но я силой верну его! Патриоты соединились, чтобы спасти Венгрию и восстановить ее могущество!

— Заговор? — воскликнул архиепископ. — Против короля и народа?

— Да, и я — его глава! — гордо проговорила королева.

— Королева! — воскликнули присутствующие.

— Разве я — королева? Со времени гатванского собрания только патриотка.

— Знаем мы этих патриотов! — воскликнул Драгфи. — Честолюбивые эгоисты! Неужели ты хочешь быть игрушкой в их руках, король Людовик, и рабом своей жены?

— Не слушай ее! — сказал Чалкан, становясь между Марией и королем.

— Ты должен выслушать меня, — с гневом проговорила королева.

Людювик закрыл лицо руками и молчал.

— Король не желает слушать вас! — закричал Чалкан.

— Выслушай меня! — умоляла Мария.

— Подумай о своей клятве! — воскликнул архиепископ.

— Хорошо же, — решительно проговорила Мария, — ты хочешь этого, архиепископ, так пусть решает сила!

Король сделал движение к супруге, однако Чалкан и Драгфи удержали его.

— Спаси меня! — воскликнул он.

— Я спасу тебя! — ответила она.

— Мятеж! Защищайте короля! — крикнул Чалкан.

Все обнажили сабли. Драгфи вышел и вернулся с несколькими солдатами.

— Арестуйте королеву! — приказал архиепископ.

— Остановись, Чалкан! — воскликнул король. — Она — моя жена.

Архиепископ оттолкнул его.

— Прочь! Я арестую тебя как государственную преступницу, — сказал он, обращаясь к Марии.

Королева отступила и презрительно засмеялась.

— Вы хотите кровопролития? Хорошо! — С этими словами она выхватила из-за пояса маленький пистолет и выстрелила в воздух.

Вдруг во все двери зала устремилась целая толпа «удальцов», в масках и с оружием в руках. В одну минуту они окружили короля, его советников и солдат.

— Вы в моих руках! — воскликнула королева, обращаясь к Чалкану.

— Сорвалось!.. — пробормотал тот.

— Сложите оружие, — приказала королева, — или же, клянусь, вы поплатитесь головой за каждую саблю.

Магнаты тотчас же сложили оружие к ее ногам.

— Только одного палатина не хватает, — продолжала Мария, обводя взором арестованных.

— Стань на колени, король Людювик, — горько проговорил архиепископ, — проси пощады, может быть, она дарует жизнь заодно и нам.

— Пусть проклинают меня народ и потомки, — воскликнул Людювик, бросаясь на колени перед Марией, — я принадлежу тебе. Делай с ними что хочешь.

Королева подняла его и обратилась к «удальцам»:

— Отведите их в башню замка!

— Кто посмеет дотронуться до меня, — с достоинством проговорил Чалкан, угрожающе подымая руку, — того постигнет кара церкви.

Королева выхватила кинжал и направилась к Чалкану.

— Она убьет меня! — закричал тот, в страхе отступая назад.

— Тогда сдавайся! — сказала Мария.

Архиепископ, сжав от гнева кулаки, преклонил колено. Часть «удальцов» окружила сановников и увела их.

Королева обратилась к другим, все они сняли маски; это были Баторий, Турцо, Саркани, Петр и Гавриил Перены. Только один, стоявший у двери, не снял маски. Мария сделала ему знак, и он удалился.

— Привет вам, — сказал король, — клянусь Богом вы — настоящие удалыцы.

— Король спасен, — сказала Мария. — Теперь отправимся в Офен спасать отечество, если еще возможно.

Она взяла короля под руку и сошла в сад, где уже стояли лошади. Королева вспрыгнула в седло и в сопровождении «удальцов» двинулась по дороге в Офен; в это время на башне Вышеграда пробило полночь. Впереди ехал Цетрик с охранной стражей, затем король и королева, за которыми следовал Баторий и остальные магнаты.

Когда они выехали из ворот Вышеграда, вдаль показался большой отряд. Королева приказала всем остановиться; «удальцы» выстроились по обеим сторонам дороги. Это была стража под предводительством Мароти, отправленная в Вышеград палатином.

— Кто здесь начальник? — спросила Мария при приближении отряда.

— Я, — ответил Мароти.

— Велите своим людям повернуть; мы отправляемся в Офен.

— Мне приказано прибыть в Вышеград, — упрямо ответил Мароти, — вперед!

— Остановитесь! — сказала королева. — Кто отдал вам этот приказ?

— Палатин, от имени короля, — ответил Мароти.

— От имени короля приказываю вам вернуться в Офен!

— Я могу исполнять приказания лишь архиепископа Чалкана.

— Кто повинется мятежнику, тот сам мятежник. Я арестую тебя, Мароти, как государственного изменника. Вы тоже мятежники? — спросила королева, обращаясь к солдатам.

— Да здравствует король, да здравствует Мария!.. — раздалось в ответ.

Мароти был связан, королева передала начальство полками Гавриилу Перену, и они с восторгом приветствовали своего прежнего командира. Затем Мария громким голосом отдала приказ:

— В Офен!

XXV

Проповедь Батория

После неудавшегося покушения на короля Матвей Перен и бывшая королевская наложница бежали к Заполии. Перед началом сейма воевода Заполия отправил их обоих в Офен на разведку.

Они пробрались туда переодетыми: наложница — в длинном камзоле и ермолке, с приклеенной бородой, изображала собой еврея, Матвей ее слугу. Они остановились в маленьком домике на берегу Дуная и ежедневно посылали воеводе гонца с известиями, которые были далеко не утешительны для Заполии. Вербочи все еще не вернулся из рудников, магнаты партии воеводы сидели в тюрьме, королева снова захватила власть в свои руки; могущество «удальцов» росло с каждым днем, в народе стало заметно движение.

Время открытия сейма приближалось. Сторонники Заполии, уверенные в успехе, собирались медленно, тогда как «удальцы» явились в полном составе, и Баторий усиленно привлекал в свою партию низших дворян.

Вечером 26 апреля 1526 года бывшая королевская фаворитка с нетерпением ожидала посла от воеводы. Она сидела одна в маленькой комнате с решетчатым окном. Наконец раздался знакомый стук. Фаворитка отперла дверь. Вошел Матвей Перен с гусаром от воеводы.

— Заполия в Санкт-Дионисе, — сказал Матвей, — завтра он может быть здесь.

— Воевода непременно должен быть здесь! — воскликнула наложница. — Завтра дворянство соберется в церкви Святого Иоанна, чтобы свергнуть Вербочи; если Заполия не придет, все погибнет. — Она вынула из-за пазухи письмо и, передав его гусару, сказала ему: — Скажи сейчас же к воеводе и передай ему это письмо; пусть он немедленно выезжает.

Старик взял письмо и золотой, который ему дала наложница, и поспешно вышел, чтобы исполнить ее приказание.

— Наши люди в сборе? — спросила она.

— Да; войска Заполии также приближаются; мы рассеем королевскую стражу, как стадо баранов.

Двадцать седьмого апреля дворянство собралось в церкви Св. Иоанна в Офене. На ступенях алтаря, отделенного железной решеткой, сидел воин в кольчуге и широком плаще и внимательно изучал бумагу, исписанную какими-то странными знаками. Из ризницы слышалось шуршание женского платья; воин поспешил спрятать бумагу.

— Заполия, — раздался позади него знакомый женский голос.

Он поднял голову и увидел перед собою бывшую фаворитку короля. Она положила ему руку на плечо, он же со странной улыбкой взглянул на нее.

Фаворитка была в роскошном белом платье, украшенном драгоценными камнями. Позади нее стоял Матвей в богатом доломане; рукоятка его сабли так и сияла от золота и камней.

— Вы, кажется, пришли сюда венчаться? — с язвительной усмешкой заметил воевода. — Слышишь, как они шумят?

— Они хотят сместить Вербочи и избрать нового короля.

Заполия равнодушно взглянул на фаворитку и презрительно воскликнул:

— Эти-то? Они способны только шуметь, но не действовать. Вот взгляни на это! — И он подал ей бумагу, которую читал до ее прихода.

Наложница посмотрела на нее.

— Что это?

— Изречения из корана. Читай!..

Фаворитка стала читать, потом вопросительно посмотрела на воеводу.

— Сулейман предлагает тебе корону Венгрии за союз с ним, — прошептала она. — Что же ты ответил?

— Я не Иуда, — сердито пробормотал Заполия.

В эту минуту из ризницы вышли два человека: Торок, один из ораторов Гатвана, и почтенный старец Вилани; он шел, опираясь на палку.

— Долой Вербочи! — донеслось из церкви.

— Странно, — покачал головой старик, — недавно они кричали: «Да здравствует Вербочи!», а теперь: «Долой!»

— Знаете, — ответил Торок, — я был его другом, мы вместе учились и все делили пополам. Но вспомните, зачем мы избрали его палатином? Для того, чтобы в стране царило право, а не магнаты и двор, и что же? Разве с тех пор стало лучше? Разве хоть что-нибудь сделано для страны? Между нами говоря, — добавил Торок, — чтобы действительно помочь Венгрии, надо избрать нового короля.

Старик с ужасом перекрестился и воскликнул:

— Господи Боже!

Затем они открыли решетку и вошли в церковь.

От главного входа пробирались сквозь толпу два человека; это были Баторий и Турцо. Баторий быстро взшел по лесенке, ведущей на кафедру, и приблизился к решетке.

— Сюда, друзья отечества! — воскликнул Турцо.

Люди устремились к кафедре.

— Все ли представители округов в сборе? — громко спросил Баторий. — Я хочу говорить с ними.

— Говори! — раздалось со всех сторон.

Наступила глубокая тишина.

В этот момент Заполия, оттолкнув королевскую фаворитку, взшел на верхнюю ступеньку и властно произнес:

— Не слушайте его!.. Кто за Заполию — ко мне!

Произошло большое смятение, со всех сторон стали тесниться дворяне, собираясь около воеводы.

Однако большинство осталось около кафедры.

— Говори, говори, Баторий! — раздались многочисленные голоса.

Баторий бросил на Заполию вызывающий, полный ненависти взгляд и произнес:

— Государство на краю пропасти; оно разорено глупостью и произволом. Разве наш король — тиран? Вовсе нет. Почему же

постановления сейма не выполняются? Властолюбивые партии, магнаты и прелаты стоят между королем и народом. Враги народа и свободы являются также врагами престола. Они хотят раздробить государство на мелкие княжества. Только одно может спасти теперь наше отечество: король должен управлять совместно со своим народом. Я и многие патриоты основали союз, чтобы возвратить свободу народу и восстановить могущество престола. Мы решили вернуть королю и дворянству их права и предлагаем вам присоединиться к нашему обществу, голосовать вместе с нами и в случае необходимости защищать священную свободу нашего сейма с оружием в руках.

Речь Батория вызвала сильное волнение.

— Мятеж! — раздавалось со стороны алтаря, где стояли приверженцы Заполни.

Толпа же около кафедры выражала свое одобрение Баторию и желание ознакомиться с уставом общества.

— Вот он, читайте! — сказал Баторий, бросая в толпу несколько листов бумаги.

Произошла свалка.

В эту минуту из дверей одного из боковых алтарей вышел Борнемиса и встал в тени колонны. Его лицо было бледно и задумчиво. Он окинул собрание испытующим взглядом. Старик Вилани тщетно старался начать речь. Наконец собрание немного успокоилось, так что можно было расслышать его слова.

— Вы хотите восстановить нашу свободу, — дрожащим голосом произнес старик. — Но ведь восстание — неподходящее средство для этого.

Многие выразили свое согласие.

— Я ручаюсь за короля, — проговорил Баторий, — он утвердил общество «удальцов» и согласен на ваши требования. Он протягивает вам руку примирения.

Партия воеводы зашикала и затопала, но громкие крики одобрения заглушили ее.

— Король не виноват, — продолжал Баторий, — я обвиняю палатина.

— Вербочи! Вербочи! — раздалось множество голосов.

— Он — предатель отечества! — воскликнул Баторий.

— Ты лжешь! — гневно воскликнул Заполня.

— Я докажу это, — продолжал Баторий.

— Вербочи, Вербочи! — раздалось со всех сторон. — Пусть он оправдывается.

Тут выступил Борнемиса.

— Палатин предал нас! — крикнул он.

Его слова вызвали страшный шум.

— Пусть он говорит! — кричала толпа.

— Вербочи сегодня ночью бежал, — продолжал Борнемиса, — и перешел на сторону турок.

Дворяне зашумели. Заполня пытался говорить, но его оттеснили и не хотели слушать.

— Долой Вербочи! Да погибнет Вербочи! — раздалось со всех сторон.

В эту минуту в церковь вошли король и королева.

— Дорогу королю! — крикнул Турцо и поспешил им навстречу.

Дворянство расступилось, образовался широкий проход. Баторий сошел с кафедры; даже Заполия приказал своим приверженцам посторониться и почтительно поклонился королеве. Поднявшись на ступени алтаря, Людовик обернулся к собранию и с чувством проговорил:

— К вам пришел не король, а патриот.

Дворяне ответили на эти слова громкими, восторженными кликами.

— Господь да благословит тебя, король, — сказал Вилани. — Я уже стар и много видел на своем веку, но мне не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь монарх так говорил со своим народом. Господь да благословит тебя!..

— Я пришел к вам, чтобы вместе обсудить, как спасти отечество, — продолжал Людовик. — Между вами и мной все время становились посторонние; мы не знали друг друга. О ваших проблемах и нуждах я узнавал только через них. Однако им не удалось окончательно разъединить нас. Я протягиваю вам свою руку и хочу отныне управлять страной совместно с представителями моего народа.

Собрание стало громко выражать свою радость.

— Ваша свобода, — продолжал король, — значит только на бумаге, я хочу осуществить ее на деле и охранять до самой своей смерти.

Он сошел со ступеней алтаря и, подойдя к распятию, положил на него руку.

— Клянусь! — торжественно произнес он.

— Аминь! — повторило собрание.

— Бог слышал тебя, король, — закончил Вилани.

— Если бы ты всегда говорил с нами так, — сердечно проговорил Торок, — то все было бы иначе. Государство было бы могущественно и счастливо. Пусть же отныне никто не становится больше между тобой и нами, тогда мы будем бороться с нашими врагами и отстоим отечество и свободу!

— Радуйтесь, радуйтесь! — воскликнул Заполия. — Пока вы нужны ему, он вам всего наобещает... Я говорю это прямо, — обратился он к Людовику, — как подобает мужчине. Ты хочешь заключить союз с ними против нас.

— Против тебя — да, — гордо произнесла королева.

Поднялся страшный шум.

— Долой Заполию! — раздавалось со всех сторон. — Да здравствуют король и королева!

Воеводе и его приверженцам пришлось отойти к ризнице.

— Все пропало, — прошипела над его ухом бывшая наложница.

Заполия снова выступил веред и, крикнув собранию: «Вы доводите меня до крайности, я вам припомню сегодняшний день», — с угрозой поднял руку и вышел.

Королева спустилась со ступеней алтаря, приветливо кивая друзьям. Вдруг она неожиданно очутилась перед Борнемисой; он молча опустился на колено. Мария побледнела и прислонилась к колонне. Быстро сняв с шеи образок Божией Матери, она надела его на шею Борнемисы и прошептала:

— Прощай!..

Дворяне между тем окружили короля.

— Мы просим тебя, — проговорил Торок, — убрать Вербочи, дай нам другого палатина!

— Хотите Батория? — громко спросил Людовик.

— Батория, Батория! — раздалось со всех сторон.

Король обратился к нему:

— Согласен ли ты теперь служить мне?

— О, мой король... — с чувством проговорил Баторий.

— Мы просим тебя назначить строгий суд над Вербочи и его сообщниками, — кричали дворяне.

— Теперь, когда народ и король примирились, никакие предатели и враги нам больше не страшны! — воскликнула Мария.

XXVI

Король един

Двадцать седьмого апреля все дворянство устремилось в Ракош; среди поля, под одиноким деревом был устроен деревянный помост.

Баторий взошел на него и прочел устав общества «удальцов», а затем сказал:

— Прежде всего мы хотим восстановить свободу совещаний на сейме, которая была ограничена магнатами. Мы достаточно сильны, чтобы оказать давление на собрание, но не желаем прибегать к подобным средствам. Мы предлагаем вам присоединиться к нашему союзу.

Затем дворяне приступили к обсуждению положения государства и предстоящей войны с турками.

Около полудня в экипаже, запряженном четверкой, прибыл Вербочи и остановился у дверей своего дома. Тут к нему подошел какой-то оборванец и подал записку. Вербочи с изумлением взглянул на оборванца и не спеша развернул ее.

«Все пропало, — прочел он, — ты смещен, твоя жизнь в опасности; беги в Трансильванию. Заполия».

Вербочи немедленно отправился в королевский замок; быстро вошел в кабинет королевы. Людовик сидел в это время за столом и писал, а Мария, стоя у окна, диктовала ему. Оба с удивлением посмотрели на вошедшего.

— Беспорядки в рудниках, — довольно развязно проговорил Вербочи, — мною подавлены; но я убедился, что государство может обходиться и без меня, а потому отказываюсь от своей должности.

Мария громко рассмеялась, а затем сухо проговорила:

— Ожидайте дома моих дальнейших приказаний!

Вербочи поклонился и поспешил удалиться.

Королева приказала позвать Батория и сказала ему:

— Вербочи здесь; что нам делать с ним?

— Если мы отдадим его под суд, он будет осужден, но я боюсь, что он убежит. Надо захватить его.

— Да, ты прав. Приказываю тебе сегодня же ночью окружить дом Вербочи и захватить его живым или мертвым.

Около полуночи люди Батория тихо подошли к дому Вербочи, но обыск ни к чему не привел — палатин успел бежать в Трансильванию, вместе с другими главарями гатванского собрания.

В ту же ночь к воротам Офена подошла толпа вооруженных крестьян и потребовала впустить их в город.

Баторий поспешил к королеве и, разбудив ее, озабоченно проговорил:

— Кажется, возвращаются времена Досцы!

Королева успокоила его и приказала, чтобы ей сейчас же оседлали лошадь. Через несколько минут она была готова и в сопровождении Цетрика и Батория поехала к городским воротам.

Оставив там своих спутников, она отправилась к прибывшим. Крестьяне, вооруженные топорами, цепами и косами, с восторгом приветствовали ее.

— Кто ваш начальник? — спросила она.

— Я, — ответил разбойник Мика, выступая вперед.

— Что вам надо?

— Мы пришли к тебе на помощь, против дворян, — ответил он.

— Благодарю вас, — ответила королева, — располагайтесь тут на ночлег, я пришлю вам съестных припасов, а завтра утром отправляйтесь домой; как только вы мне понадобится, я вас позову.

С этими словами королева повернула свою лошадь и, приветливо кивая крестьянам, уехала, сопровождаемая их радостными кликами.

— Восстание окончилось, — весело сказала Мария палатину, после чего отправила крестьянам хлеба, сала и несколько бочек вина.

На другое утро Мария снова отправилась в лагерь крестьян и щедро одарила их, после чего они разошлись по домам, призывая на королеву благословение Божие.

Дворянство собралось у Ракоша возбужденное предстоящей войной с Турцией и крестьянским движением. Прочитанный приказ короля о назначении палатином Батория был встречен одобрительно.

На следующий день дворяне появились перед королевским замком; Баторий выразил свою благодарность за назначение палатином

и прочел бумагу короля, в которой Вербочи приглашался в суд 3 мая; кроме того, король советовал не разорять его дома, так как в нем не было ничего, кроме вина и бумаг! Вино только разгорячит, а утрата бумаг могла иметь неприятные последствия.

Дворянство повиновалось.

После этого приступили к обсуждению стратегии защиты страны в случае войны с турками; еще никогда дворянство не высказывало такой готовности выставить войска и ассигновать деньги, как на этот раз.

После бурных прений было решено, что прелаты сами должны вести в поход свои отряды, а также, что часть церковных богатств должна быть предоставлена на защиту отечества.

На следующем собрании, 30 апреля, настроение уже значительно понизилось и воодушевление уменьшилось. Дворяне выбрали из своей среды сто депутатов и просили короля обсуждать дальнейшее с ними, остальных же отпустить домой.

Король сам появился на следующем заседании и просил дворян остаться еще на несколько дней; королева пожертвовала беднейшим из них значительные суммы.

Прелаты были приглашены в замок. Их приняли король и королева, возле них стоял папский уполномоченный Бурджио в парадной рясе кардинала. Он перечислил прелатам все благодеяния, которыми пользовалась в Венгрии церковь при короле Людовике и его отце, и сказал, что за это прелаты обязаны поддержать его интересы в сейме. Прелаты поблагодарили за доверие и высказали готовность служить их величествам по мере сил и возможности.

— Это красивые слова, — ответила королева, — надеюсь, дела ваши докажут, насколько они искренни. Я пожертвую всем, что составляет мою собственность, заложу свои драгоценности и даже готова лично вести вас в поход.

Прелаты еще раз подтвердили, что готовы сделать все, от них зависящее, после чего король милостиво отпустил их.

Между тем выборные дворянства совещались с магнатами о защите государства, и выработанные ими пункты были 2 мая представлены королем на утверждение. Король и королева приняли депутацию в замке. Предложения были прочитаны вслух. Последний пункт гласил:

«Королевская казна должна каждую четверть года проверяться комиссарами государственного совета».

Услышав это, королева покраснела до корней волос, возмущенная подобным недоверием, она взяла бумагу из рук докладчика и, выхватив перо у писаря, смело зачеркнула этот пункт, после чего написала вместо него:

«Unus rex, unus princeps»¹.

— Это нарушение наших прав! — воскликнул вспыльчивый Торок.

¹ «Король един, один господин».

— Это насилие, — сердито заметил другой.

— «Unus rex, unus princeps», — прочел вслух епископ Гросвардейнский, — вернее было бы: «Одна королева — одна госпожа».

Королева залилась смехом, палатин, депутаты и магнаты присоединились к ней, и собрание, удовлетворенное, разошлось.

На следующее утро на заседании король объявил постановление суда, осудившее Вербоchi как государственного изменника и конфисковавшее его имения. Дворяне одобрили приговор и повторили свое желание вернуться домой. Король предложил им выбрать уполномоченных и распустил сейм.

Настроение с каждым днем становилось все подавленное. Король заявил, что магнаты неоднократно просили его взять управление лично на себя, что он согласен, но правительству нужны прежде всего деньги, а потому он просит дворян передать военные налоги непосредственно его казначею, для того чтобы он мог защищать границы. Уполномоченные ответили жалобами на неудовлетворительное ведение денежных дел.

Был приглашен Черенцес, он должен был представить свои счета и договор с немецкими торговыми фирмами относительно сдачи в аренду рудников немцам.

— Черт возьми! — воскликнули депутаты. — Они платят только пятнадцать тысяч дукатов.

Одни бранили короля, другие — магнатов, разгорелся спор.

— Вы не правы, господа, обвиняя нынешнее правительство в ошибках прежнего, — сказал умный еврей.

Когда выработанные пункты были представлены на утверждение короля, среди них снова стоял параграф:

«Палатин, канцлер, казначей и судья должны участвовать в управлении».

Королева опять вычеркнула этот пункт и со всем присущим ей красноречием обратилась к дворянству, в конце концов ей удалось убедить уполномоченных.

Девятого мая депутаты в третий раз появились в замке со своими законоположениями. Епископ Гросвардейнский прочел их вслух:

«Король пользуется неограниченной властью во всех отраслях управления. Государственный казначей должен заботиться о доставлении сумм, нужных для защиты государства. Против тех, кто причиняет ущерб королевским доходам, назначается строжайшее расследование. Король является начальником армии; каждый военачальник должен выставить надлежащее количество солдат, — каждого пятого из мужчин своего округа. План военных действий вырабатывается королем совместно с опытными военачальниками. Главнокомандующий избирается. В случае необходимости конфискуется церковное имущество».

Когда чтение законоположений было окончено, выступил Виллами и сказал:

— Государство сделало все, чтобы король мог достичь внутреннего мира и защитить страну. Если тем не менее произойдет

какое-нибудь несчастье, то нельзя будет обвинять в нем государство.

Король с жаром ответил:

— Я готов сделать все, чтобы защитить страну и восстановить честь престола, но для этого нужны деньги, которых нет. Доходы, указанные сеймом, существуют большей частью только на бумаге. Мои руки связаны недостатком средств. Нельзя требовать от меня невозможного. Если с государством случится какая-нибудь беда, то это не моя вина.

XXVII

Похищение

После долгой и упорной борьбы королева победила; дворянство должно было смириться и сложить оружие. Внутренний мир был восстановлен, но 23 апреля султан Сулейман с армией в сто пятьдесят тысяч солдат и триста пушек выступил из Константинополя, чтобы покорить Венгрию. Королева неутомимо совещалась с магнатами и опытными в военном деле людьми и целыми днями работала, чтобы привлечь все силы страны для ее защиты.

Прежде всего недоставало денег.

Мария жертвовала всем, чем могла, но венгры не хотели раскошелиться. Она снова имела долгое совещание с Черенцесом, излагавшим ей безотрадное положение финансов. Он ушел от Марии уже ночью.

Окно было открыто, в него врывался теплый весенний воздух. Королева задумчиво сидела за столом, не сводя взора с лежавших перед ней бумаг, покрытых длинными рядами цифр.

Вдруг что-то влетело в окно и упало на пол.

Мария испугалась, но, оглянувшись, увидела знакомую стрелу и подняла ее; на этот раз, против обыкновения, записки не было.

Королева поспешила к окну, однако все было тихо. Она высунулась из окна и заметила, что кто-то шел по валу, потом трижды хлопнул в ладоши.

Мария махнула платком, неизвестный ответил ей тем же. Тогда королева в недоумении прошла несколько раз по комнате, а потом решительно заткнула за пояс кинжал, закуталась в плащ и пошла вниз.

Ее встретил незнакомец, как всегда, в черном плаще и с бархатной маской на лице. Мария подала ему руку, он горячо поцеловал ее и вдруг страстно и смело обнял и прижал к своей груди.

Королева сделала попытку освободиться, однако незнакомец пронзительно свистнул, и тотчас через стену перескочила толпа людей, тоже в масках.

В одну минуту Мария была окружена, связана и завернута в плащ; она пыталась кричать, но незнакомец засунул ей в рот платок и понес, взяв на руки.

Он быстро спустился со стены, его люди следовали за ним. Внизу стояли лошади; королеву посадили на одну из них, ее лицо было окутано густой вуалью. По обеим сторонам всадники держали поводья ее лошади. Сквозь густую вуаль она не могла видеть, куда ее везут, и заплакала от бессилия и гнева. Все ехали молча; вскоре Мария услышала плеск воды, очевидно, они подъехали к Дунаю; потом ее стали задевать ветви, значит, ехали по лесу. Наконец донеслись звуки голосов; королева стала внимательно прислушиваться.

Ее сняли с лошади, понесли и затем поставили на землю. Когда вуаль была снята с лица, Мария осмотрелась вокруг и увидела, что находилась в небольшой опрятной хижине. В комнате было только одно низенькое окно и одна узкая дверь; освещалась она лучиной. Двое в масках сняли с королевы веревки и вынули платок изо рта.

— Кругом нет ни души, — сказал один из них, — так что не кричите зря — все равно никто не услышит. Не пытайтесь также бежать; у двери и окна стоят часовые. Спокойной ночи! — И оба тотчас вышли.

Через несколько минут в комнату вошел незнакомец. Он остановился у двери и почтительно поклонился королеве.

Она грустно посмотрела на него и дрожащим голосом проговорила:

— Я не ожидала этого от тебя.

Он молча бросился к ее ногам.

— Что ж ты молчишь? — нетерпеливо спросила она. — Защищайся, если можешь!

Незнакомец продолжал молчать.

— Ты вздумал силой покорить мое сердце, которое я отдала тебе добровольно? Я безгранично доверяла тебе, и чем ты отплатил мне за это? Уходи!

Королева отвернулась и заплакала.

Тогда незнакомец вскочил и, подбежав к ней, страстно обнял ее; она ударила его по лицу, но он схватил ее и понес к постели. Мария защищалась с силой, которую придавали ей гнев и ненависть. Смех незнакомца звучал чуждо и безумно, страх ее возрастал, но она ничего не могла поделать, так как сильные руки сжимали ее, как тисками. Незнакомец бросил ее на постель и пошел к двери, чтобы запереть ее. Мария поднялась, но в тот же момент незнакомец подошел к ней и начал покрывать ее лицо безумными поцелуями. Она выхватила кинжал и хотела ударить мужчину в грудь, однако он заметил ее движение и успел схватить за руку, так что кинжад лишь поранил его запястье. Он обезоружил ее и, открыв дверь, позвал своих людей, после чего кратко приказал:

— Воды!

Королева, услышав его, поняла, что это вовсе не ее таинственный друг, и с напряженным вниманием стала рассматривать его фигуру. С каждым мгновением все больше убеждаясь, что она во власти чужого человека, королева решила скорее умереть, чем сдаться.

Принесли воду.

— Перевяжи мне руку! — спокойно проговорил незнакомец.

— Чем? — спросила Мария, устремляя на него пристальный взгляд.

— Своим платком.

Мария смыла кровь и, перевязывая рану, быстрым движением сорвала маску с лица незнакомца. Это был Матвей Перен.

— Ты! — с ужасом воскликнула она, отталкивая его от себя.

Матвей схватил ее дрожащую руку и умоляюще произнес:

— Не отталкивай меня!.. Я люблю тебя с того вечера, когда в первый раз увидел. Я тщетно боролся с этой страстью. Будь моей!

Королева покачала головой.

— Я теряю терпение, — воскликнул Матвей, — не серди меня, а то тебе придется раскаяться.

— Что ж, подойди и обними меня! — насмешливо проговорила королева.

Матвей с изумлением посмотрел на Марию и бросился к ней. Однако она в ту же минуту схватила с пола тяжелую дубовую скамейку для ног и ударила его по голове. Матвей упал, но тотчас же поднялся; кровь струилась по его лицу.

— Назад, или я убью тебя! — крикнула королева.

Матвей выхватил саблю и замахнулся на нее.

— Негодяй! — крикнула она, запуская в него скамейкой.

Удар пришелся по голове, и он как подкошенный упал на пол. Мария подошла к нему и увидела, что он еще дышит.

«Убить ли мне его?» — подумала она, становясь коленом ему на грудь и взяв в руки его саблю.

Но тут послышался лошадиный топот, глухие голоса, бряцание оружия; затем раздался выстрел, за ним другой, третий.

Королева прислушалась. Матвей пошевелинулся и хотел подняться, но Мария еще крепче прижала его коленом и холодно проговорила:

— Одно движение, и я убью тебя.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросила королева.

— «Удальцы», — ответил приятный мужской голос — голос ее верного друга!

— Ломайте дверь! — воскликнула Мария.

Дверь затрещала и разлетелась на куски. Королева была спасена.

— Слава Богу! — воскликнул ее спаситель. — Ты невредима. Где Матвей Перен?

— Вот, — ответила королева вставая.

Тут Матвей поднялся и хотел ударить пришедшего кинжалом в спину. Однако Мария заметила это и, выхватив из ножен кинжал своего спасителя, всадила его в грудь Матвея.

— Господи Иисусе! — воскликнул он, снова падая на пол. — Заполия хотел похитить тебя, — с трудом прохрипел умирающий, — но я опередил его, потому что люблю тебя.

Матвей не договорил, смерть заставила его замолкнуть навеки.

Королева опустила на колени и стала молиться, а затем, поднявшись, проговорила:

— Надо похоронить его.

Незнакомец позвал своих людей, они выкопали в лесу могилу и опустили в нее Матвея. Затем Мария вскочила на коня, на котором ее увез Матвей, и в сопровождении «удальцов» помчалась из леса.

Солнце пробивалось сквозь густую листву, освещало мшистую почву, лес благоухал. Выехав из леса, всадники направились по берегу Дуная; наконец вдалеке показались темные башни Офена.

Незнакомец остановился и сказал королеве:

— Теперь ты в безопасности; мои люди проводят тебя до городских ворот. Прощай!

— Прощай!

— Навсегда!

— Навсегда? — с испугом спросила королева. — Что ты хочешь сказать этим, мой друг?

— Кто-то открыл нашу тайну и воспользовался ею, — мягко проговорил он. — Теперь этот плащ и маска грозят тебе опасностью. Наша тайна должна погибнуть навеки... но и я погибну вместе с нею.

Королева сошла с лошади и, привязав ее к дереву, пошла в глубь леса. Незнакомец последовал за ней.

— Вот тут, под этим старым дубом, будет погребена наша тайна, мой таинственный друг, охранявший меня, как ангел хранитель! — сказала Мария.

Он опустился на колени и молча склонил голову.

— Борнемиса! — воскликнула королева, снимая его маску, а затем обняла его и, целуя еще раз, прошептала: — Борнемиса...

XXVIII

Измена

Была жаркая, душная ночь; на небе не сияло ни звездочки, только изредка ярко вспыхивала зарница. Повсюду царила мертвая тишина, и лишь волны Дуная шумели, разбиваясь о скалу, и качали челнок, в котором сидела темная фигура.

Вдруг издали донесся лошадиный топот. Одинокый всадник, подъехав к скале, остановил лошадь и свистнул. Из лодки послышался ответный свист.

Всадник соскочил и подошел к челноку.

— Это ты? — прошептал он.

— Привет тебе, король Заполия, — поднимаясь, ответила фигура в лодке.

Это была королевская фаворитка в костюме еврея, с двумя пистолетами за поясом.

Заполя привязал лошадь к старой иве и вошел в лодку. Фаворитка оттолкнула ее от берега, и они тихо поплыли к острову, лежавшему посредине Дуная.

— Он ждет нас? — спросил Заполия.

Наложница кивнула головой.

— Какие известия он принес?

— Королю — война, а тебе, если хочешь, — корона Венгрии.

— Я иду на все, — мрачно ответил воевода.

Лодка остановилась. Фаворитка схватила спускавшуюся над водой ветку и притянула челн к берегу. Воевода привязал ее и последовал за своей спутницей. Та привела его к холму, на котором рос вековой дуб; у его подножия виднелись поросшие мхом развалины древнего жертвенника. Воевода сел на камень, фаворитка опустилась у его ног.

— Здесь, — прошептала она.

Приближалась гроза. Молния сверкала все чаще, и уже были слышны отдаленные раскаты грома. Вдруг в ночной тишине ясно послышался плеск весел, и вскоре к острову причалила лодка, из которой вышло два человека.

Королевская фаворитка пошла им навстречу.

— Кто идет? — крикнул Заполия.

— Бедные евреи, — ответил знакомый голос, — мы хотим обделать маленькое дельце. Давайте торговаться, господин; у меня в мешке — венгерская корона.

— Вербочи! — с изумлением воскликнул воевода.

— Он самый!

Это был действительно Вербочи, сильно похудевший от поспешного бегства и волнений; в длинном еврейском кафтане и ермолке, изпод которой болтались длинные пейсы, он имел очень смешной вид. Его спутник был в дорожном кафтане, какие носят зажиточные евреи.

— Приветствую тебя от имени султана Сулеймана, который распределяет короны на земле, — проговорил спутник Вербочи. — Я — Абдаллах, его представитель.

— Что ты скажешь мне, Абдаллах? — спросил воевода, отвечая на поклон.

— Союз с владыкой мира, — гордо ответил Абдаллах, — и я уполномочен заключить его с тобой. Решайся; Вербочи передаст твой ответ султану.

— Что предлагает мне владыка мира? — спросил воевода.

— Венгрию, корону святого Стефана и свое покровительство на вечные времена, — ответил турок.

— А что он требует?

— Дани и поклонения.

— Никогда! — запальчиво воскликнул Заполия.

— Подумай!.. Ведь это — только форма, церемония, — сказал Вербочи.

— Нет, — твердо ответил воевода, — этого мало за унижение. Я никому не стану кланяться! Нет, я достаточно силен, чтобы своими руками завладеть Венгрией...

— Ты не сможешь, — спокойно перебил его Абдаллах, — иначе не послал бы ее к султану.

— Я смогу защитить Венгрию от султана, — возразил Заполия, — если соединюсь с армией Людовика.

— Султану прекрасно известны твои силы, — сказал турок, — поэтому он и предлагает тебе Венгрию, хотя бы и без дани; но он требует подчинения и союза против императора.

— Заполия, — прошептала фаворитка, — соглашайся; корона, слава, месть...

Воевода отвернулся и уставился мрачным взглядом на развалины жертвенника.

— Хорошо, — сказал он после продолжительного размышления, — но кто поручится мне за султана?

— Я! — воскликнула наложница.

— А за тебя?

— Моя ненависть! Когда я отдалась королю, то думала сделать его женой, а не наложницей. Я стремилась к короне так же, как и ты. Я пожертвовала всем и ничего не получила взамен. Я любила его и люблю до сих пор. Тебе — государство, а мне — король! Соглашайся на предложение султана, ему нужны не твои подчинение и зависимость, а союз с тобой. Прочти, что он пишет! — И она сделала знак Абдаллаху.

Тот подошел и передал Заполии письмо султана, вложенное в шелковый мешочек, сказав при этом:

— Мой повелитель задумал войну не ради твоего маленького государства; он хочет завладеть всем христианским миром. Король Франции из заключения¹ вызывает к нам о помощи против императора Запада; он тоже надеется на тебя; решайся!

— Я решил, — ответил Заполия.

— Ты не должен открыто переходить на нашу сторону, — продолжал турок, — наоборот, ты должен обещать королю Людовику свою помощь....

— Еще и это? Хорошо!

— Султан с двадцатью тысячами человек выступит против Венгрии, — продолжал Абдаллах, — ты отправишься с Людовиком в

¹ В битве при Павии Франциск I два раза был ранен, взят в плен и отвезен в Мадрид, где и пребывал долгое время в качестве военнопленного.

поход, но в решительный момент перейдешь на нашу сторону. Венгрия будет наша.

— Хорошо! — воскликнул Заполия. — Иди к султану, Вербочи, и передай ему, что я согласен заключить с ним союз и открыто перейду на его сторону, когда он подойдет к Офену.

Абдаллах поклонился ему и вместе с Вербочи отправился к своей лодке. Воевода посмотрел им вслед и пошел отвязывать свой челн. Раздался сильный удар грома и начался проливной дождь.

XXIX

Посланник в мешке

В эту же ночь королева стояла у окна офенского замка, глядя на разразившуюся грозу. У ее ног сидела Эрзабет и играла на лютне.

— Я увижу его сегодня! — вдруг проговорила Мария.

— Кого? — спросила молодая девушка.

— Борнемису. Я чувствую это.

В эту минуту вошел Цетрик.

— Борнемиса в приемной? — спокойно сказала королева.

— Да, — с изумлением проговорил Цетрик.

— Пусть войдет!

Борнемиса вошел и почтительно поклонился. Королева сделала знак, Эрзабет и Цетрик вышли. Мария спросила своего гостя:

— С какими вестями пришел ты, мой друг?

— Война и измена, — мрачно ответил Борнемиса. — Войска Сулеймана быстро приближаются; Заполия — изменник. Он ведет переговоры с турками и тянет руку к короне.

Королева встала и быстро заходила по комнате.

Борнемиса молча следил за ней взглядом, полным безнадежной тоски, и затем продолжал:

— Не одно это привело меня к тебе. Вооружение войск отбирает твои последние средства; ты нуждаешься в необходимом.

— Кто тебе сказал это? — гордо воскликнула Мария.

— Еврей, которому король заложил свое серебро, чтобы заказать тебе новые сапоги¹, — ответил Борнемиса.

— Да, друг мой, — с улыбкой ответила Мария, — король и королева Венгрии беднее самого последнего нищего.

Борнемиса молча опустил голову.

— Что с тобой?

— Я хотел бы обратиться к тебе с просьбой, но у меня не хватает духа, — ответил Борнемиса.

— Говори!

Он бросился на колени и промолвил:

¹ Исторический факт.

— Прими то, что я принес!.. Это немного, но это все, что есть у меня.

— Борнемиса! — воскликнула королева, отступая.

Тогда ее прекрасный гость, не говоря ни слова, поднялся с колен, подошел к двери и сделал знак. Вошли четверо слуг с тяжелыми мешками за спиной. Мария молча смотрела на них. Они принесли шестнадцать мешков и удалились. Королева развязала один из них, он был полон золотых монет.

— Ты продал свои земли, Борнемиса? — мягко спросила Мария.

Он молчал. Королева быстро подошла к Борнемисе, бросилась к нему на грудь и разрыдалась.

В эту минуту послышались шаги. Борнемиса опустился на колени, чтобы попрощаться. Вошел палатин Баторий и доложил королеве:

— Томарри прибыл!

— Иду, — ответила Мария и, обращаясь к Борнемисе, сказала: — Вы не должны покидать Офен без нашего разрешения. Прощайте!

Она протянула ему руку и, когда он горячо поцеловал ее, отправилась в кабинет короля. Людовик в волнении ходил по комнате, перед ним стоял монах Томарри.

За королевой следовали палатин, Турцо, Петр и Гавриил Перены.

— Что скажешь, Томарри? — спросила она.

— Мало и вместе с тем много, — ответил воинственный монах. — Султан подошел к Саве.

— Значит, война?

— Война не на живот, а на смерть, — спокойно проговорил Томарри. — Уполномоченный султана прибыл в Офен требовать дани, так как Сулейман прекрасно знает, что мы ее уплатить не можем.

— И не хотим, Томарри, — гордо проговорила Мария.

— Если мы откажемся заплатить дань, он объявит войну, — продолжал монах. — Кроме того, он прибыл с целью разузнать наши силы и ведет переговоры с изменниками.

— Довольно! — воскликнула королева. — Как обстоят наши денежные дела, казначей? В каком виде крепости, капитан?

— Денег у нас масса, — с горечью ответил Турцо, — но только на бумаге, кассы же пусты. Налоги, утвержденные сеймом, не поступают.

— Крепости, — добавил Томарри, — не имеют ни орудий, ни гарнизона, ни съестных припасов. Солдаты бегут, потому что не получают жалованья. Султан направляется к Петервардеину; я не могу защищать его, если не получу пушек и прежде всего денег. Вот как обстоят дела.

— Разве я не отдала приказа отправить пушки к Петервардеину? — быстро спросила королева.

— У нас нет денег, чтобы нанять корабли¹, — ответил Турцо.

— Кто сказал вам это? — живо проговорила Мария. — Деньги есть. Наймите корабли и заплатите жалованье солдатам; я дам вам нужную сумму.

Все с изумлением взглянули на королеву, которая никогда не терялась и всегда находила выход из затруднительного положения.

Совещание окончилось поздно ночью. На другое утро уполномоченный султана потребовал аудиенции; явился к королю и папский уполномоченный и заявил, что папа выразил согласие дать Венгрии субсидию, если король сам отправится в поход и магнаты пожертвуют на защиту отечества треть своих доходов.

Людовик написал письмо императору Карлу V и эрцгерцогу Фердинанду и просил их помощи против врагов христианства.

Тут выступил Баторий и изложил положение вещей.

— Уполномоченный Сулеймана, — в заключение сказал он, — прибыл сюда для того, чтобы объявить нам войну и предложить венгерскую корону Заполии. В армии султана около трехсот тысяч человек, без посторонней помощи мы не сможем оказать ему сопротивление. Заключи союз с Австрией, а Заполию вели повесить.

Магнаты согласились с ним.

— Нет, — воскликнула королева, — мы не станем карать измену произволом. Созовите суд, пусть он судит воеводу. Если его признают виновным, он будет казнен.

— Казни меня, — раздалось в ответ, и в комнату вошел Заполия, а за ним Борнемиса, который остановился у двери и не спускал с него взора. — Но вы не осмелитесь на это, — со смехом продолжал воевода, — потому что в тот самый час, когда упадет моя голова, против вас подымутся тысячи. Я пришел, чтобы предложить вам союз. Султан идет на нас, я соединю свою армию с вашей.

— Ты согласен во всем повиноваться нам? — спросила Мария.

— Тебе — да, — усмехнулся Заполия. — Лучше умереть, чем сдаться султану.

Цетрик доложил о прибытии турецкого уполномоченного.

— Мы готовы принять его, — проговорила Мария. — Останься, Заполия, чтобы слышать ответ, который мы дадим ему.

Через несколько минут уполномоченный был введен в тронный зал. Король в пурпуровой мантии стоял на троне, рядом с ним — Мария, магнаты в роскошных костюмах окружали их.

Турок вошел, гордо подняв голову в чалме с высоким султаном; его сопровождали четыре невольника.

— Ты не слишком торопился! — с насмешкой сказала ему Мария. — Твой повелитель чуть не перегнал тебя. Мы уже знаем, что ты пришел для того, чтобы объявить нам войну.

¹ Исторический факт

Уполномоченный с усмешкой взглянул на нее и спокойно ответил:

— Нет, Сулейман ведет войну с императором, а не с тобой; он объявляет тебе только, что пройдет через твою страну. Великий султан приказывает тебе принять его как подобает и снабдить войска всем необходимым. Если ты исполнишь его волю, он помилует тебя. Если же ослушаешься, то Сулейман сместит короля и поставит на его место другого, более покорного.

— Выслушай мой ответ! — величественно проговорила королева, а затем сделала знак.

Тотчас же в зал вошел палач со своими помощниками.

— Этого уполномоченного султана Сулеймана, — громко сказала Мария, — зашейте в мешок и бросьте в Дунай.

Абдаллах выхватил саблю, но помощники палача схватили его за руки, а стража окружила его невольников.

— Вот ответ, который я даю твоему повелителю, — сказала Мария. — Как он тебе нравится?

— Никак, — мрачно ответил турок, — да будет воля Аллаха!

Помощники палача связали Абдаллаху руки и ноги и повалили на землю; палач принес большой мешок, в который засунули турка.

— Ты еще жив, Абдаллах? — с жестоким смехом спросила королева, толкая ногой мешок.

Турок не двигался и молчал.

— Тащите его к Дунаю! — приказала королева. — Кто хочет посмотреть, как я учу плавать турецкого посланника, пусть идет за нами.

С этими словами она в сопровождении своих дам и магнатов оставила зал. Слух о необычайном происшествии быстро разнесся по городу; толпы любопытных устремились к Дунаю, громкими криками встречая палачей, тащивших мешок. Там, где Дунай омывал вал королевского замка, королева ожидала свою жертву. Борнемиса стоял в стороне и с легким содроганием смотрел на любимую женщину.

— Идут, идут!.. — закричала Эрзабет, от души смеясь,

— Идут!.. — повторила толпа, собравшаяся на берегу.

Палачи притащили осужденного и бросили его к ногам королевы.

— Ты жив? — спросила королева.

Ответа не было.

— Ты разучился говорить? — внасмешливо воскликнула Иола.

— Постой, еще заговоришь, — проговорила Мария, доставая длинную острую золотую шпильку и втыкая ее в мешок.

На ткани выступила кровь, затем послышался стон.

— Вот видите, он уже начинает говорить! — воскликнула Мария.

Окружавшие ее женщины пересмеивались.

Королева сделала знак палачам, те подняли мешок и, раскачав, бросили его в реку; он тяжело упал на воду, подтяв целую массу брызг. Толпа радостно закричала. Мешок, продержавшись недолго на поверхности, погрузился в воду, а затем на ней появились большие пузыри.

XXX

Окровенный меч

Через несколько дней после того, как королева «учила плавать» турецкого уполномоченного, прискакал гонец от Томарри с отчаянными депешами.

Королева прочитала и молча передала их своему супругу, который стал внимательно изучать их, а сама встала и начала ходить по комнате, но вдруг позвонила и велела пажу пригласить папского уполномоченного. Когда вошел барон Бурджио, она знаком удалила супруга.

Кардинал был воспитанный, образованный итальянец, весьма привлекательной наружности. Королева указала на стул, сама села напротив него и с достоинством произнесла:

— Наше положение ухудшается с каждым днем. Прочитайте эти письма, кардинал!

Бурджио прочел и с улыбкой проговорил:

— Томарри отказывается от командования армией; это — счастье: он храбрый солдат, но плохой полководец.

— Укажите мне другого, кардинал, — ответила Мария.

Бурджио пожал плечами.

— Да, у Венгрии нет полководца, — продолжала она. — Томарри хоть храбрый солдат, у нас и их мало. Мы послали Томарри в Петервардейн, а палатина в Эсег. Я заложила драгоценности, чтобы уплатить жалованье солдатам, тогда как никто не платит установленных податей. Мы жертвуем последним, дворяне же пируют и тратят деньги на женщин. Это — пропащий народ, кардинал, наше государство осуждено на гибель.

— Если вы так мрачно смотрите на положение дел, — ответил легат, — то почему не предоставите Венгрии ее судьбе?

— Потому что честь обязывает нас бороться до последней возможности! — воскликнула королева. — Потому что решается вопрос, кто одержит верх: султан или Австрия! Слушайте дальше! Королевский приказ призывает к оружию Богемию, однако ее дворянство так же бездейтельное, как и венгерское, откликнулись только граф Шлик и некоторые другие. И в такую-то минуту Томарри и другие коменданты пограничных крепостей отказываются от своих должностей! Хоть я и женщина, но готова сесть на лошадь и сама вести армию против турок. Но где эта армия? Дело идет не только о Венгрии, но обо всей христианской Европе, которой угро-

жает ислам. Если Венгрия падет, то по всей Европе потекут потоки крови. Папа должен привлечь к нам на помощь монархов всех христианских государств, объявить новый крестовый поход и разрешить нам воспользоваться средствами церкви!

Кардинал поднялся.

— Я преклоняюсь перед вами, королева, и готов исполнить все, что вы хотите. Я немедленно напишу святому отцу; он без сомнения разрешит воспользоваться церковным имуществом, так как эта война священна. Я сам отправлюсь к Томарри, отвезу ему денег и не вернусь до тех пор, пока не уговорю его снова взять на себя командование армией.

— Благодарю вас! — воскликнула Мария, взяв кардинала за руку. — Как мне отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали?

— Позвольте поцеловать вашу руку, — почтительно проговорил Бурджио, — и я буду вознагражден.

Королева вспыхнула. Бурджио наклонился и горячо поцеловал ее руку.

В тот же день он отправился к Томарри; благодаря привезенным мешкам с золотом, ему легко удалось убедить Томарри не отказываться от командования. Затем Бурджио поспешил на моравскую границу, где набрал солдат, и вернулся в Офен с папским разрешением воспользоваться церковным имуществом.

Король тотчас же назначил комиссаров, и те стали объезжать округа и забирать лишние церковные сосуды, которые были немедленно перечеканены в монеты.

Между тем передовые турецкие отряды подошли к небольшой крепости Св. Дмитрия. Двенадцатого июня 1526 года король Людовик издал постановление, чтобы все наличные войска государства 26 июля собрались в Тольне.

К эрцгерцогу Фердинанду был отправлен Надазди с просьбой о помощи. Борнемису Мария тайно отправила в Польшу, и там ему удалось склонить несколько влиятельных магнатов к выступлению в поход против турок. Он возвратился 19 июня и нашел королеву в полном отчаянии. Борнемиса бросился к ее ногам и умолял испробовать последнее средство: окровавленный меч.

В древние времена, когда стране угрожала какая-нибудь опасность, из двора во двор, из деревни в деревню носили окровавленный меч, призывающий к оружию весь народ.

— Обратись к народу! — с жаром воскликнул Борнемиса. — Он не оставит тебя!

Мария поспешила к государственному совету, и тот дал свое согласие.

— В путь, Борнемиса! — вскрикнула Мария. — Ты поедешь с окровавленным мечом, и моя душа будет сопутствовать тебе.

Через некоторое время по улицам Офена проехал всадник в черной одежде, высоко над головой держа окровавленный меч. Он медленно выехал из ворот города, никто не провожал его.

Вскоре Борнемиса прибыл на обширное поле, покрытое снопами пшеницы, и высоко поднял окровавленный меч; работавшие в поле крестьяне оставили свои серпы, многие встали на колени и молились.

— Отечество в опасности! — воскликнул Борнемиса. — Беритесь за оружие; сборный пункт в Тольне.

Затем Борнемиса поехал дальше и повсюду поднимал свой меч и восклицал:

— Отечество в опасности! К оружию! Сборный пункт в Тольне.

— Когда появляется окровавленный меч, — говорили старики, — значит, отечеству в самом деле грозит опасность, это — старый обычай, а старые обычаи священны.

Из каждой сотни крестьян по одному с косами, пиками, старыми саблями отправлялись к Тольне.

Надвигалась ночь. Борнемиса ехал все дальше. Наконец он достиг небольшой хижины, около которой паслось несколько лошадей.

— Вставайте! — крикнул он. — Отечество в опасности.

У дверей показалась растрепанная фигура разбойника Мики.

— Где сборное место? — спросил он.

— В Тольне.

— Хорошо, я соберу своих людей и соединюсь с вами.

В то время как Борнемиса ехал все дальше со своим окровавленным мечом, в Офене распространилось известие, что Сулейман перешел Драву.

Баторий получил приказ собрать войска в нижних округах, чтобы защитить переход через Саву и Эсseg, но дворяне не слушали его. «Моя армия состоит из меня и моего слуги, — написал палатин королю, — и мы вдвоем не можем защищать переправу через Драву»¹.

Томарри также получил от дворян ответ, что они не выступят, пока сам король не покажет им примера. Ему приходилось защищать Петервардейн с армией из пятисот всадников и тысячи человек пехоты.

Король послал приказ Заполии соединиться с Радулом, воеводой Валахии, и напасть на турок с тыла, тогда как он сам должен был идти навстречу Сулейману. Однако настало 2 июля, а в Тольне никого не было.

В Офен прибыли отдельные группы дворян в сопровождении вооруженных крестьян и богемские войска под начальством графа Шлика.

Палатин привез известие, что турки перешли Саву и Дунай и осадили Петервардейн.

Положение Людовика было ужасно. Турецкий флот, состоявший из трехсот корветов, поднялся вверх по Дунаю и начал обстреливать Петервардейн. Томарри после отчаянной борьбы должен был отступить к Бацу.

¹ Исторический документ.

В королевском замке царило страшное смятение. Королева почти не спала; однажды она только прилегла на диван, как прибыл гонец из Петервардейна, пробравшийся сквозь линию турок. Эрзабет на цыпочках вошла в кабинет. Мария открыла глаза и спросила:

— Что тебе?

— Гонец из Петервардейна.

— Веди его сюда! — сказала королева, быстро поднимаясь.

Вошел гонец, весь оборванный, забрызганный грязью.

— Что скажешь? — взволнованно спросила Мария.

— Петервардейн шлет тебе привет, — сказал посланный, опускаясь на колени, — гарнизон еще держится; если ты пришлешь подкрепление, то туркам не удастся взять его.

Королева взяла лист бумаги и, написав на нем несколько строк, запечатала и отдала гонцу.

— Пусть тебя накормят и напоят; отдохнув, отправишься к Заполии. Расскажи ему о положении Петервардейна и передай это письмо!

Эрзабет с испугом подошла королеве и спросила:

— Господи Боже, что вы написали Заполию?

— Приказ повернуть и идти к Тольне.

Гонец ушел, а Цетрик доложил, что в приемной ожидает Борнемиса.

Королева поспешила ему навстречу и заперла за собой дверь. Борнемиса молча подал ей запечатанное письмо.

— Что это? — спросила Мария.

— От Томарри королю. Прочитай!

Королева сломала печать и пробежала письмо. Томарри писал об ужасном положении государства, нелепом равнодушии дворян и необычайном могуществе султана. Он заклинал короля отказаться от напрасного сопротивления, просить султана о мире и заплатить дань.

— Малодушно и нечестно! — воскликнула королева, топнув ногой, а затем, быстро подойдя к свечке, поднесла к ней письмо; пламя в несколько мгновений поглотило его. Тогда королева сказала: — Король не должен подозревать о случившемся.

Борнемиса молча поклонился.

— Я отвечу Томарри, — продолжала Мария, — мы сегодня же покинем Офен и выступим против врага.

— Нет, — воскликнул молодой человек, — мы будем бороться за тебя, но ты не должна подвергать себя опасностям похода и сомнительному исходу сражения!

— Я хочу умереть около тебя.

— Моя жизнь принадлежит тебе, — с жаром проговорил Борнемиса, — а твоя — великому народу.

— Не говори мне больше об этом народе! Существуют великие мысли, но великих народов, как и великих людей, нет...

— Есть, — перебил ее Борнемиса, — я верю, что есть великие души, так как вижу перед собой одну из них.

Королева нежно положила ему руку на плечо.

— Ты не пойдешь на поле битвы, Мария? — сказал он.

— Нет.

Борнемиса с чувством поцеловал ее руку.

— А ты? — робко спросила она.

Он молчал.

— Ты хочешь умереть? — с ужасом проговорила Мария.

Он не ответил.

Тогда Мария молча подошла к столу и, взяв лежавший на нем шарф, мягко промолвила:

— Он был предназначен для короля в то время, когда я еще любила его. Возьми его! — И, повязав Борнемису шарф через плечо, она поцеловала его в лоб; затем позвонила. — Я ожидаю короля, — сказала она вошедшему на звонок Цетрику, — пошли за палатином, кардиналом и другими членами совета. Я хочу сейчас же видеть Гавриила Перена, потом мне надо поговорить с тобой. Скорей!

Через несколько минут вошел Перен.

— Как велика наша армия, находящаяся здесь? — спросила Мария.

— Кроме королевских полков, имеется около тысячи двухсот всадников, — ответил Перен.

— Считаю богемцев?

— Да. Потом две тысячи пятьсот человек, которых набрал Бурджио на моравской границе.

— Какая громадная армия! — с насмешкой проговорила Мария. — Отдайте всем приказ готовиться к выступлению. Через час мы отправимся.

Перен молча поклонился.

— Борнемиса, — продолжала королева, — у ворот находится несколько сот крестьян, которых собрал кровавый меч; я передаю тебе начальство над ними. — Она села за стол и, написав приказ, передала его Борнемисе. — Веди их в Тольну и собирай по дороге всех, кого можно, хотя я уверена, что все напрасно. Прощай!..

— Прощай!

Борнемиса быстро вышел, королева закрыла лицо руками и стояла так, пока не вошел Цетрик.

— Прикажи седлать лошадей, через час мы выезжаем из Офена! — сказала ему Мария.

Тут вошел король в сопровождении барона Бурджио, палатина Батория, Турцо, Петра Перена, графа Шлика и многих других магнатов.

— Что скажете? — спросил Людовик, целуя руку своей супруге.

— Очень немного, — ответила королева, — султан осадил Петервардейн. Без подкрепления крепость должна будет сдаться; нам нельзя терять время, если мы не хотим, чтобы неприятель

подошел к Офену. Я беру на себя начальство над армией, находящейся здесь, и выступаю против турок. Кто хочет отправиться со мной, должен скорей собираться, потому что я выезжаю через час.

— Это отчаянный шаг! — воскликнул Баторий.

— Что же нам остается делать? — ответила королева. — Народ покинул нас, дворяне желают выступить только тогда, когда двинется король. Кто дорожит жизнью, пусть остается дома. Мы развешиваем знамя государства: у кого еще осталась хоть искра чести, последует за ним.

— Мы все! — воскликнул палатин, и магнаты присоединились к нему.

— Мы все, — повторил король, — кроме тебя.

— Кроме меня? Почему же это? — воскликнула Мария.

— Позор, если мы допустим, чтобы женщина шла на верную смерть.

— Ты не должна делать этого, — подхватил палатин, — мы будем думать только о твоей безопасности, вместо того, чтобы храбро бороться и умереть геройской смертью.

Королева закрыла лицо руками.

— Господь будет судить нас за наши грехи, — торжественно проговорил Людовик, — я провел свою жизнь не как порядочный человек, зато хочу умереть им.

Людовик опустился на колени. Мария благословила его.

— Я должна остаться, — проговорила она, — да хранит тебя Бог!

— Вперед! — воскликнул король, поднимаясь. — За Венгрию и за Христа!

Час спустя двор замка был полон магнатами, лошадьми, гусарами и гайдуками. Перед замком выстроились королевские полки и пехота.

Наступил вечер, взошла луна, ярко освещая панцири и пики солдат.

Король медленно спустился с лестницы, за ним следовали палатин и Бурджио. Цетрик подвел лошадь, Людовик с тяжелым вздохом вскочил в седло, бросив тоскливый взгляд на окна Марии.

В эту минуту она сама вышла на двор в блестящей кольчуге и с маленьким шлемом на голове; за поясом у нее был небольшой меч.

Увидев Марию, магнаты вынули сабли из ножен и приветствовали ее громкими криками:

— Да здравствует королева!

Людовик соскочил с лошади и поспешил к ней.

— Ты все-таки едешь? — с упреком проговорил он.

— Только до Цепля, там я распрощаюсь с вами, — возразила королева.

— За это мы все благодарим тебя! — сказал Людовик.

Королева поехала рядом с супругом, за ней следовали Иола, Эрзабет, Цетрик и блестящая свита магнатов.

Король, обернувшись к старому замку, прошептал:

— Я больше никогда не увижу тебя!

Войска выстроились, раздался барабанный бой, колонны двинулись; по улицам стоял народ; развевались знамена, весело звучала музыка, однако король ехал опустив голову и был страшно бледен. На острове Цепль королева попрощалась. Она нежно обняла супруга и поцеловала его. Людовик прищипорил лошадь и не оглядываясь помчался вперед.

— Прощай, Цетрик, — сказала Эрзабет, — я люблю тебя; если ты вернешься, то я буду твоей женой, если же не сулит этого Бог — пойду в монастырь.

Скоро облако пыли скрыло всадников из глаз. Королева в сопровождении своих дам, Турцо и епископа Весприна поехала обратно; никто не говорил ни слова. Иола молча плакала.

Король несколько дней ожидал подкрепления в Эрде, наконец к нему присоединился Андрей Баторий со своими людьми. Никто больше не явился.

В Пентеле Людовик нашел вестника от Заполии, доложившего, что воевода не знает, что делать, получая приказы, противоречащие один другому, и просит определенных указаний. Король послал ему приказ идти день и ночь, чтобы нагнать его.

Не успел гонец уехать, как к королю подлетел венгерский дворянин, весь в пыли, и, запыхавшись, проговорил:

— Петервардейн взят турками. Гарнизон мужественно защищался в течение двенадцати дней.

Людовик тотчас же разослал вестников во все стороны: к венгерскому дворянству, богемским вспомогательным отрядам и эрцгерцогу Фердинанду.

Второй гонец к вечеру принес известие, что султан двинулся к Эсегу.

Король направился в Тольну, где его ожидали папские солдаты и несколько тысяч венгерцев.

Графы Шлик прибыли с богемцами в Вену, где получили известие от Людовика, что он вынужден дать сражение и просит их прибыть как можно скорей «ради Бога и христианства». Они поспешили к нему, приказав своим войскам следовать за ними.

В Тольне к королю присоединились тысяча двести человек пехоты и триста всадников во главе с Заполией, Ганнибал привел тысячу триста папских солдат, поляк Лев Гноенский — полторы тысячи всадников, набранных Бурджио.

Людовик решил подождать дальнейших подкреплений и приказал палатину двинуться к Эсегу и защищать переправу через Дунай. Магнаты заявили, что пойдут только под начальством короля, и не последовали за палатином.

— Я вижу, — гневно воскликнул Людовик, — что все сваливают на меня желание спасти свою кожу. Чтобы никто больше

не искал предлога для извинения своей трусости, я выступаю завтра сам¹.

На другой день король повел свою армию в Бату, где к нему присоединился Томарри. Военный совет избрал Томарри и Заполию полководцами; Людовик утвердил этот выбор.

Четырнадцатого августа в венгерской армии насчитывалось до двадцати тысяч человек и восемь пушек.

Брадариц умолял короля остановиться и не идти дальше, но напрасно. К вечеру прибыл Борнемиса с несколькими тысячами вооруженных крестьян. Магнаты требовали, чтобы их вели против турок; Людовик дал знак трубить выступление и повел венгерскую армию в Могач.

XXXI

Султан Сулейман

Воевода Трансильвании в тот же день направился к Сеидину и расположился лагерем на западе от города. Его армия состояла из сорока тысяч прекрасно вооруженных солдат; к нему присоединилась большая часть венгерского дворянства.

Ночью Заполия принимал в своей палатке бывшую фаворитку короля. Она явилась от Сулеймана.

— Султан приветствует тебя, — сказала она, — он двинулся к Дунаю и ждет от тебя, что в решительный момент ты нападешь на венгерскую армию с тыла. Сулейман сам может разбить Людовика наголову, но он хочет захватить его живым и сделать своим невольником.

Заполия дико расхохотался, а затем холодно проговорил:

— Это против уговора; не султан, а ты хочешь, чтобы я захватил Людовика живым и передал тебе. Ты хочешь, чтобы он стал твоим невольником.

— Он и так будет моим невольником, я сделаюсь фавориткой султана, — сухо ответила наложница. — Согласен ли ты исполнить требование Сулеймана?

Заполия подошел к карте, разложенной на столе, и стал внимательно рассматривать ее.

— Подумай, — продолжала фаворитка, — сегодня судьба Венгрии находится в твоих руках, а завтра все может измениться.

Заполия большими шагами прошелся по палатке, затем подошел к выходу и, позвав одного из своих верных старых гусар, приказал ему:

— Отправляйся немедленно в Могач и передай королю, чтобы он не давал сражения без меня!.. Понял?

Гусар поклонился, покинул палатку и, отвязав свою лошадь, вскочил на нее и скрылся из вида.

¹ Исторические слова

Королевская фаворитка сделала движение по направлению к выходу, однако Заполия крикнул ей:

— Стой! Ты не двинешься с места; эту ночь ты проведешь здесь, в этой палатке. А завтра вернешься к султану и скажешь, что я советую ему напасть на короля, пока я еще не соединился с ним. Поняла?

Сулейман между тем взял Эсseg и зажег его со всех сторон. Двадцать второго августа его громадная армия переправилась через Драву и, разрушая все на своем пути, пошла к северу вдоль берегов Дуная.

Бывшая фаворитка Людовика встретила султана близ Дапота. Его палатка была раскинута на холме.

Дежурный ага отказался впустить фаворитку, однако она настаивала:

— Мне надо немедленно видеть султана.

— Он сердит и может убить тебя, — ответил ага.

В эту минуту «владыка мира» позвал агу, и тот, вернувшись, выпустил фаворитку.

Султан лежал на красных шелковых подушках, как герой из «Тысячи одной ночи».

— Приветствую тебя, — проговорил он, — моя душа томится без женщины. Я болен и дам сражение, чтобы видеть потоки крови... море крови. Нет, раньше я должен поправиться, потому что я болен. Сбрось с себя эти одежды и явись ко мне в платье женщины!

Фаворитка быстро вышла из палатки и через некоторое время вернулась в широком черном плаще. Она сбросила его, и султан вскрикнул от восторга.

Красивая женщина стояла перед ним в роскошном турецком костюме. Ее волосы были перевиты нитями жемчуга, на них красовалась расшитая золотом шапочка.

— Как ты красива! — воскликнул султан. — Подойди ко мне, я хочу посмотреть, умеешь ли ты целовать.

Наложница опустила на колени. Султан с жадностью прильнул к ее губам.

— Завтра ты дашь сражение? — прошептала наложница.

Султан покачал головой.

— Ну, значит, послезавтра.

— Нет, — ответил Сулейман, — только тогда, когда я досыта нацелуюсь.

На землю снова спустилась ночь. Глубокая тишина царила в лагере турок. Голова Сулеймана покоилась на груди фаворитки Людовика.

— Не целуй меня больше! — проговорил он. — Довольно!..

— В таком случае завтра ты дашь решительное сражение венгерцам.

— А затем ты последуешь за мной в Стамбул?

— Я только тогда буду твоей возлюбленной, когда король Людовик станет твоим невольником, — проговорила наложница вскакивая.

— Он будет твоим невольником! — воскликнул Сулейман. — Клянусь, бородой пророка!..

— Тогда вставай и садись на лошадь! — с жаром проговорила фаворитка. — Надевай панцирь и веди своих солдат в бой! Скорей в Могач!

XXXII

Военный совет

Венгерцы расположились под Могачем двумя большими группами; среди одной из них возвышалась палатка короля; центром другой являлась палатка Томарри.

Гонец Заполии принес известие, что он идет к королю, и просит его не предпринимать до его прибытия никаких решительных шагов. Франджипани также просил подождать его с пятнадцатью тысячами кроатов.

В ночь с 26-го на 27 августа Людовик послал канцлера Брадарича к магнатам с этими известиями. Однако они бурно требовали, чтобы их вели против турок.

— Победа за нами! — кричали одни.

— Самые храбрые турки уже пали! — кричали другие.

— Из нашего короля хотят сделать монаха, — заявил Торок.

Томарри, не желавший делить свою власть с Заполией, настаивал, чтобы не ждать его.

Ночью к палатке короля прискакал Подманицкий.

— Султан двинулся вперед, — доложил он.

Зазвучали трубы, палатки были сняты, и король двинулся к Могачу, чтобы соединиться с Томарри. Утром состоялся военный совет. Это было блестящее собрание. По правую руку короля сидел Томарри, налево — бан Батани, Петр Перен, Стефан Шлик, Тарчай, поляк Тренка и Драфи. А напротив них — венгерские, польские и богемские магнаты. У входа в палатку стояли Борнемиса, Цетрик и Гавриил Перен.

Король открыл военный совет, повторив сообщение о приближении Заполии с сорока тысячами человек и Франджипани с пятнадцатью тысячами богемских и силезских войск. Он советовал медленно отступить к северу по берегу Дуная, избегая сражения и выжидая подкрепления.

Опытные богемцы и поляки, Петр Перен и Тарчай, не раз воевавшие с турками, вполне согласились с Людовиком. Однако магнаты, до тех пор воевавшие только языком, бурно требовали сражения.

Поднялись ожесточенные споры и крики.

— Магьяры еще никогда не бежали от турок! — кричал Драфи.

— Победа несомненна! — восклицал Батани.

— Нам не нужно иностранцев, — шумел третий, — мы победим и без них.

Людовик обратился к Томарри и спросил его мнения.

— Я стою за битву, — спокойно проговорил тот, — было бы опасно для нас разделять победу с божественными и немцами и опасно для короля делить ее с Заполией.

— Как велика наша армия? — спросил король.

— Около двадцати шести тысяч.

— А армия неприятеля?

— Триста тысяч человек и триста пушек, но из них способны вступить в бой с мадьярами лишь тысяч тридцать.

— Подумайте, господа, — сказал Тарчай, — насколько турецкая армия сильнее нашей, не говоря уже об артиллерии; она в одну минуту разнесет нас в прах.

Томарри рассмеялся.

— Я же говорю вам, — высокомерно произнес он, — что турецкие орудия не причинят нам никакого вреда, так как их обслуживают христиане, которые при атаке нашей кавалерии немедленно перейдут на нашу сторону.

— Откуда вы это знаете? — спросил граф Шлик.

— От перебежчиков, — ответил Томарри.

— Сражение, сражение! — закричали магнаты.

— Вы забываете, что короля нельзя подвергать случайностям битвы, — заметил палатин, молчавший до тех пор.

— На голоса! — воскликнул король.

В эту минуту вошли два епископа; один из них держал в руках окровавленную голову ребенка, другой — женскую руку.

— Посмотрите, — сказал первый из них, — как турки зверствуют. Разбейте их!..

— Если вы не дадите им сражения, мы все должны будем погибнуть¹.

Король взял голову ребенка и долго смотрел на нее.

— Я подаю голос за сражение! — воскликнул он. — Кто еще?

Собрание почти единогласно закричало:

— Сражение, сражение!

Палатин грустно опустил голову.

— Когда же мы дадим его? — спросил Шлик. — Подождем хотя бы до прибытия моих людей.

— Не больше двух дней, — сказал король.

— Значит, двадцать девятого августа, в день усекновения главы Иоанна Крестителя, — проговорил Томарри.

Борнемиса бросил многозначительный взгляд на Цетрика.

Король объявил, что военный совет окончен, и собрание молча разошлось.

Король долго сидел понурившись, Цетрик с участием смотрел на него. Вдруг Людовик поднял голову:

¹ Вся сцена исторически верна

— Через два дня в Венгрии, может быть, не будет больше короля.

Венгерские войска стояли в болотистой равнине близ Могача; здесь же Томарри предполагал дать султану сражение. Борнемиса тщетно предлагал ему занять соседние холмы. По Дунаю были привезены орудия, подходили небольшие подкрепления; накануне сражения в венгерской армии насчитывалось двадцать шесть тысяч человек при восьмидесяти пушках.

Петр Перен предложил поставить короля с небольшим отрядом вне поля сражения, но его не стали слушать.

Палатин умолял магнатов послать на поле битвы кого-нибудь другого в костюме короля, но дворяне ограничились тем, что вывели трех храбрых человек для его защиты.

Наступила ночь. Все небо было усеяно звездами, на земле тоже виднелись повсюду яркие огоньки; то был турецкий лагерь, раскинутый султаном в двух милях от Могача.

XXXIII

Могач

Солнце еще не взошло, когда в лагере венгерцев послышался первый звук трубы. Король первым был готов к битве и стоял у своей палатки. К нему подошел старший повар с вопросом, где приготовить обед.

— Бог знает, где мы сегодня будем обедать, — с грустной улыбкой проговорил Людовик.

Лагерь шумел, как море; солдаты снимали палатки, седлали лошадей и готовились к выступлению.

Было чудное летнее утро; лошади стучали копытами о землю и весело ржали; высоко в воздухе носились жаворонки. Войска медленно выступили из лагеря и заняли позицию, выстроившись между Беркабахом и Могачем. Томарри стоял в центре первого отряда, — впереди расположились богемцы и монахи, также выступившие в поход. Правым крылом командовал бан Батани, левым, расположенным по Дунаю, — Перен. Позади первого отряда замерли, готовые к бою, восемьдесят пушек. За ними выстроился второй отряд, под начальством Шлика и Тренка. Их прикрывали гусары. Резерв состоял из тысячи прекрасно вооруженных всадников, среди которых находились король, палатин и многие магнаты.

Цетрик, Борнемиса и Гавриил Перен держались около короля, чтобы защитить его, в чем они поклялись друг другу. Мужественный старец Вилани находился в первых рядах, близ Томарри.

Восемь часов простояла венгерская армия в полном боевом порядке, без еды и отдыха.

Около полудня с правого фланга за холмами показались вершины пик. Томарри прискакал к королю.

— Султан собирается обойти нас и напасть с тыла, — взволнованно проговорил он, — я прошу ваше величество подать сигнал к наступлению.

Турки выступили ранним утром, но, увидев холмы незанятыми, заподозрили ловушку и стали очень осторожно продвигаться вперед. Вот их конница показалась на холмах, за ней следовала пехота, длинной колонной спускаясь в равнину. Султан ехал во главе батальона янычар. Рядом с ним на белоснежной лошади — бывшая фаворитка Людовика; у нее за поясом блестел ятаган, а к седлу была прикреплена короткая пика.

Достигнув вершины холмов, Сулейман сошел с лошади; около него было поставлено знамя пророка; он стал молча рассматривать расположение неприятельской армии; его окружили аги и паши, ожидая приказаний.

— Балибег, — сказал султан, — ты под прикрытием этого холма подойдешь к неприятелю с тыла.

— Там есть церковь, — прошептала фаворитка, — вели поставить рядом орудия и обстреливать долину. Я поведу Балибега.

— Хорошо, — мрачно ответил султан.

Фаворитка-изменница пришпорила лошадь и поскакала вперед, за ней следовал Балибег с пятьюдесятью тысячами всадников.

— Аллах, Аллах! — раздавалось со стороны турок. — Это султан приказал наступать!

Людовик, увидев темные массы турок, побледнел как полотно.

Вперед подвигалась румелийская армия, имея сто пятьдесят пушек, за нею следовала анатолийская и султан со своими янычарами. Румелийские всадники с громкими криками «Аллах!» бросились вперед, держа в зубах свои кривые сабли.

Томарри отправил для прикрытия короля Раская Торока и Киллая и подал знак к наступлению.

С криками «Иисус! Иисус!» первые колонны венгерцев, под начальством Томарри и Петра Перена, бросились на турок. Тяжеловооруженные всадники смяли легкую турецкую кавалерию и бросились на пехоту. Румелийская армия отступила и устремилаась с холма вниз.

Однако Сулейман спокойно смотрел на это смятение.

— Дай знак Балибегу, повелитель! — просил Олим-паша.

Но султан даже бровью не повел.

В это время Андрей Баторий поспешил к королю и, задыхаясь, сообщил:

— Победа за нами, враг бежит... Идите вперед!..

Король повел вторую колонну.

На холмах уже раздавались возгласы «Иисус!», первые взводы гусар уже достигли турецких пушек, как вдруг раздался оглушительный залп трехсот турецких орудий, и густой дым окутал

ряды венгров и турок. Венгерцы были смяты и отступили к долине Нярад, продолжая, тем не менее, отвечать на турецкие выстрелы.

Стрельба из орудий продолжалась около часа, производя опустошения в рядах пехоты.

Фаворитка-изменница с Балибегом находилась в это время на высоком холме, спускавшемся в долину крутым обрывом. Раздвинув густые ветви деревьев, росших над обрывом, она могла ясно видеть все, что совершается в ущелье. Она видела, как Гавриил Перен привел королю подкрепление, как Людовик снял шлем и вытирал лицо, с которого градом струился пот, как он бросился вперед, а за ним последовали богемские отряды.

— Теперь время, — воскликнула изменница, — нападём на них с тыла!

Балибег указал на орудия, стоявшие у церкви.

— Посмотри туда, — сказал он.

Фаворитка увидела дым и огонь сотни орудий; ядра с большой силой падали в расположения венгерцев, производя среди них страшное опустошение.

Между тем Людовик уже достиг линии орудий; к нему бросились турецкие стрелки. Однако он отчаянно защищался. Около него стоял Борнемиса, раздавая направо и налево сабельные удары. Наконец он схватил лошадь короля за повод и вывел ее из толпы сражающихся.

— Вперед, Балибег, — нетерпеливо проговорила фаворитка Людовика, — пока они не добрались до прикрытия!

— Еще не время, — спокойно ответил турок.

Людовик, выйдя из сражения, вновь собирал своих людей в одном из ущелий; к нему подскакал Томарри.

— Король, — уже издали закричал он, — если бы даже ты стоял на высокой горе, то не мог бы обозреть всех врагов... Но не пугайся... Все в руках Божьих. Позаботься о своей безопасности.

На лице короля показалась насмешливая улыбка.

— Вперед, за мной! — воскликнул он, прищпорив лошадь.

— Иисус! Иисус! — снова раздалось в воздухе, и венгерская кавалерия помчалась вперед на неприятельские батареи.

Турецкая пехота была смята, турки отступили под защиту орудий, около которых уже раздавался воинственный клич беглецов. Король в сопровождении Цетрика, Борнемисы и нескольких всадников мчался вперед к знамени пророка. Битва переросла в рукопашную. Гавриил Перен был тяжело ранен и вынесен с поля сражения своими гусарами. Однако численный перевес турок начал сказываться, и турецкое «Аллах» уже заглушало «Иисус» венгров.

Король поскакал назад за последними резервами.

— Скорей, Балибег! — воскликнула фаворитка. — Скорей!

Балибег покачал головой.

— Чего ты ждешь? — спросила она.

— Сигнала.

Венгерская армия медленно отступила, и орудия турок встретили приближающийся резерв оглушительным залпом. Томарри был убит, Борнемиса тяжело ранен. Венгерцы пришли в смятение и бросились бежать.

— Теперь пора, — сказал Балибег, — увидев в голубом небе взвившуюся ракету.

Высоко подняв свою кривую саблю, он бросился вперед со своими всадниками и устремился на венгров. Фаворитка Людовика, размахивая ятаганом, неслась рядом с ним.

Венгерская армия была окружена со всех сторон, отовсюду слышался возглас «Аллах!». Балибег гнал венгров к Дунаю, и там тонули тысячи.

В пылу сражения Борнемиса потерял из виду короля, с несколькими гусарами бросился в Дунай и благополучно достиг противоположного берега. Петр Перен и Баторий собрали оставшихся гусар, повели их в долину Наги-Ниярад и с величайшим трудом пробились сквозь линию неприятеля. Цетрик и поляк Тренка всеми силами старались спасти короля. Но в это время фаворитка-изменница, издали различившая Людовика своими зоркими глазами, помчалась за ним в сопровождении отряда спагов.

— Захватите его живым! — кричала она.

Король, услышав эти слова, повернул голову.

Дунай был совсем близко, Цетрик бросился в воду, Людовик последовал за ним и уже почти достиг другого берега, круто спускавшегося к реке. Король с отчаянием вонзал шпоры в бока лошади, но животное выбилось из сил и тонуло, увлекая за собой короля, — тяжелое вооружение стесняло его движения и неумолимо тащило ко дну...

Фаворитка бросилась за Людовиком в воду, но тут в ее грудь вонзилась стрела, и она, обливаясь кровью, упала на руки спага.

Цетрик тщетно старался спасти короля. Турки приближались со всех сторон, и он был вынужден оставить труп Людовика.

Наступила темнота. Черные тучи заволокли небо, блеснула молния и загредел гром; пошел крупный дождь. Поле битвы превратилось в озеро. Турки грабили убитых и собирали оставленные венграми повозки и орудия.

К ночи буря прошла, на небе засверкали звезды, султан медленно направился к Дунаю. Его лошадь подошла к берегу и, испугавшись трупа, бросилась в сторону. Это была та, которую он искал.

Сулейман медленно сошел с лошади и осторожно вынул стрелу из груди фаворитки Людовика. Затем приложил руку к ее сердцу, оно уже не билось; он поцеловал ее губы, холодные, как лед. Позвав нескольких арнаутов, султан велел выкопать могилу и сам похоронил в ней бывшую королевскую наложницу.

Жалкие остатки венгерской армии, уцелевшие после битвы, переправились на другой берег Дуная и спешили к северу. Каждый думал о своем спасении; любовь к отечеству, чувство чести и чело-веколюбия были забыты. Беглецы стремились только добраться до леса или какого-нибудь защищенного места, чтобы скрыться от преследования турок.

Борнемиса поклялся первым достичь Офена и принести короле-ве известие о гибели короля. Не обращая внимания на свою рану, он мчался день и ночь, не останавливаясь и не отдыхая. Его сопро-вождало пятеро гусар. Они поехали окольными путями, чтобы из-бежать турок, которые следовали за бегущими, сжигая и уничтожая все на своем пути.

Близ Офена Борнемиса встретил разбойника Мику; его сопро-вождали около пятидесяти крестьян на лошадях.

— Откуда у вас лошади? — спросил Борнемиса.

— Мы взяли их у магнатов.

Борнемиса молчал.

— Ты вел нас в бой, — продолжал Мика, — мы снова отдаемся в твоё распоряжение. Веди нас, куда хочешь!..

— Вы согласны беспрекословно повиноваться мне?

— До самой смерти! — ответили все.

— Хорошо! Тогда поспешим в Офен спасти королеву.

Маленький отряд снова отправился в путь. На рассвете вдали показались башни города.

Борнемиса медленно въехал во двор королевского замка. Мария только что задремала после целого ряда бессонных ночей. Вдруг ей показалось сквозь сон, что кто-то вошел в комнату. Она вскочила и увидела Эрзабет.

— Прибыл гонец.

— Из Могача? — воскликнула королева и поспешила ему на-встречу.

В эту минуту в дверях показался Борнемиса; он был бледен как полотно, голова и руки перевязаны; одежда покрыта пылью и кровью.

— Сражение проиграно! — воскликнула королева.

Борнемиса молча кивнул головой.

— А король, мой супруг?

Борнемиса молчал.

Мария вскрикнула, прижала руку к груди и упала навзничь. Эрзабет и Иола бросились к ней, другие побежали за врачом.

Королева лежала как мертвая. Борнемиса опустил на колени и взял ее руки; они были холодны как лед. Подоспевшие врачи стали применять все известные им средства. Наконец из груди королевы вырвался глубокий вздох и она открыла глаза, но затем

снова закрыла их. Ее отнесли в постель. Когда Мария пришла в себя, ее первым словом было:

— Борнемиса...

Его привели к постели королевы; она молча протянула ему руку.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Ничего, только тут болит, — сказала она, указывая на сердце. — Вы ранены? — озабоченно продолжала Мария. — Я сейчас посмотрю и перевяжу ваши раны.

С этими словами она поднялась с постели, приказала принести бинты и, обмыв раны Борнемисы, ловко перевязала их. Затем велела ему подробно рассказать ей ход битвы и спокойно выслушала все.

Иола и Эрзабет не смели обратиться с вопросом к Борнемисе, да он ничего и не знал о Гаврииле Перене и Цетрике.

В эту минуту в комнату вошел Мика.

— Что такое? — воскликнула Мария. — Новое несчастье? Говори, мы готовы ко всему.

— К городу приближаются гусары воеводы Заполии, — ответил Мика.

— А с юга надвигаются турки, — добавил Борнемиса. — Ваше величество, вы не должны дольше оставаться здесь.

— Лучше умереть, чем попасть в руки Заполии, — ответила Мария. — Собирайтесь скорее, мы отправимся в Прессбург.

Придворные слуги начали поспешно собирать все, что можно было захватить с собой. Все население Офена пришло в движение. К вечеру королева двинулась в путь в сопровождении своего двора, епископа Салага и Турцо; улицы города были запружены беглецами, их повозками и телегами.

Королеве и ее свите с громадным усилием удалось пробраться сквозь толпу, и они рысью помчались вдоль берега Дуная по направлению к Прессбургу. Вещи были свалены на барки, которые медленно поплыли вверх по реке.

Однако быстрая езда вредно отразилась на королеве, она стала жаловаться на боли, и около полуночи ее караван вынужден был остановиться в какой-то заброшенной усадьбе. Но Марии не долго пришлось отдыхать. Около усадьбы появились какие-то подозрительные всадники.

— Воевода напал на наш след, — взволнованно воскликнул Борнемиса, — его гусары нагоняют нас! Двинемся скорей дальше!..

Королева села на лошадь, остальные последовали ее примеру. Однако не успели они двинуться, как их нагнал отряд неизвестных всадников.

Турцо поехал им навстречу. Начальник отряда спросил, кого он сопровождает.

— Мою жену и дочерей, — ответил Турцо.

— Ты лжешь! — воскликнул незнакомец. — Это королева и ее дамы. Хорошая добыча для Заполии! — И с этими словами он

столкнул Турцо с лошади, а его люди бросились на свиту королевы.

— Скорей, мчитесь во весь дух! — воскликнул Борнемиса, обнажая саблю. — Я попытаюсь задержать их. Спасайтесь!

Королева покачала головой и выхватила из-за пояса кинжал. Борнемиса умчался; после непродолжительной, но жестокой схватки гусары Заполии отступили. Королева поспешила вперед, ее лошадь перескочила через труп начальника неприятельского отряда, но около него на руках Мики лежал Борнемиса. Мария быстро соскочила с лошади и бросилась к нему.

Борнемиса протянул к ней руки; он уже не мог говорить, но его глаза ясно выражали: «Я люблю тебя и умираю за тебя».

Кровь струилась из глубокой раны на груди Борнемисы и окрасила горностаи плаща королевы. Эрзабет и Йола опустились на колени, мужчины сняли шапки. Борнемиса испустил глубокий вздох и умер. Королева без сознания упала на него...

Турцо, которого Мика освободил, подал знак, королеву подняли и положили на носилки. Шествие медленно двинулось в путь.

Только один человек остался с покойным и похоронил его, и этот один был разбойник.

XXXV

Король Заполия

Вечером после сражения при Могаче Заполия в сопровождении нескольких всадников подъезжал к полю битвы. Он мрачно сидел в легком экипаже, закутавшись в плащ.

Топот приближавшейся лошади вывел его из раздумья. Он остановился и позвал всадника, собиравшегося промчаться мимо.

— Ты из Могача, друг? — спросил воевода.

— Мы потерпели полное поражение и потеряли пушки; король убит! — крикнул беглец и, прищипорив коня, поскакал дальше.

— Король убит... — вполголоса повторил Заполия. — Вперед! — крикнул он своим людям.

Ему навстречу стали попадаться другие беглецы; все они единодушно подтверждали известие о смерти короля.

Тогда Заполия повернул и поспешил в Сегедин, где стоял его лагерь, и собрал своих приверженцев.

— Венгерская армия разбита наголову, король убит, — холодно проговорил он, — отечество беззащитно; враг сжигает наши города и забирает в плен население. Напоминаю вам о вашей обязанности; вы должны избрать нового короля. Остановите свой выбор на человеке, который может держать в руках не только скипетр, но и меч, и который сумеет спасти Венгрию и защитить вас.

— Да здравствует Заполия! Король Заполия! — раздалось в ответ.

Заполия в тот же вечер выступил со своей армией в Токай, где и укрепился. Со всех сторон к нему устремились дворяне, ища защиты от турок, грабивших и разорявших окрестности. Заполия щедро раздавал деньги своим приверженцам, число их ежедневно росло, и наконец на общем собрании они провозгласили его королем.

Магнаты избрали депутацию, которая поспешила навстречу султану, чтобы он утвердил этот выбор.

На следующий день после сражения султан поехал осматривать поле битвы. Венгры оставили здесь около двадцати тысяч убитых, среди которых было больше пятисот знатных магнатов. Победители захватили восемьдесят пушек и около четырех тысяч пленных.

В то время как Сулейман совещался со своими начальниками, турецкая кавалерия отправилась грабить местность и в несколько дней совершенно разгромила берега Дуная и Рааба.

Третьего сентября султан издал приказ уничтожить всех пленных. Они были собраны на поле битвы и убиты. Головы семи епископов, двадцати восьми магнатов и сотни дворян насадили на колья вокруг палатки Сулеймана.

После этой резни турецкая армия медленно направилась к Офену, сжигая и уничтожая все на своем пути,

В отчаянии женщины брались за оружие, следуя примеру своих мужей, и, собираясь в укрепленных местах и крепостях, защищались до последней возможности.

Близ Марота, среди холмов, укрепилось около двадцати тысяч венгров; их предводителем был разбойник Мика. Они долго героически защищались от нападавших турок; когда же съестные припасы кончились и не было больше надежды на спасение, они решили сделать вылазку и умереть в бою. Произошла ужасная, кровопролитная схватка, окончившаяся только со смертью последнего венгра.

Десятого сентября 1526 года Сулейман разбил свой лагерь недалеко от венгерской столицы. Ему были торжественно поднесены ключи Офена; он милостиво принял их и приказал пощадить город.

На другой день Сулейман торжественно вступил в Офен во главе своей громадной армии и расположился в королевском замке.

Он занял флигель, в котором жил король Людовик, и с любопытством рассматривал незнакомую ему обстановку, статуи и роскошную библиотеку. Он приказал нагрузить все это на корабли и отправить в Белград, откуда статуи и книги были перевезены впоследствии в Константинополь.

Однажды султану вздумалось осмотреть комнаты королевы; его сопровождали переводчик и старый управляющий замка. В тронном зале Сулейману бросился в глаза портрет красивого молодого человека в королевской мантии, и он спросил, кто это.

— Наш король Людовик II, — со слезами на глазах ответил старик-управляющий.

Сулейман долго рассматривал своего противника; затем, обернувшись, он увидел портрет величественной женщины, красота которой приковала его взоры.

— А это? — воскликнул он.

— Наша королева.

— Она еще жива?

— Да, — ответил управляющий.

— Где она?

— В Прессбурге.

Султан облокотился на подоконник и не мог отвести взор от портрета. Затем он приказал отнести его к себе в спальню.

Там он лег на диван и продолжал любоваться портретом. Вдруг лицо прекрасной королевы осветилось кроваво-красным заревом. Султан подбежал к окну. Весь город был в огне. Вне себя от гнева, он велел позвать своих аг.

— Ведь я приказал пощадить город.

— Это арнауты, повелитель, — ответили аги, — воры и разбойники, с которыми никто не может справиться.

— Посмотрим! — воскликнул султан. — Пусть подадут мне лошадь.

Несколько минут спустя Сулейман повел своих янычар к пылающему городу, который, несмотря на строгое запрещение, был подожжен в двух местах.

Султан встретил своего великого визиря, который прилагал все усилия, чтобы потушить пламя.

— Где горит? — спросил Сулейман. — Кто поджег?

— Вот они, — сказал визирь, указывая на семерых связанных арнаутов.

— Бросьте их в огонь! — спокойно приказал султан.

Его распоряжение немедленно было исполнено; затем султан велел своим солдатам тушить огонь, но все усилия оказались тщетными.

На следующее утро весь Офен, кроме замка и нескольких прилегающих к нему улиц, представлял собой груды обуглившихся развалин.

В Прессбурге, в королевском замке Мария, бледная и утомленная, читала соболезнующее письмо, присланное ей великим реформатором Мартином Лютером. Эрзабет сидела около нее с работой; Иола листала книгу. Вошел паж и доложил о прибытии посланного от султана. Мария приказала ввести его.

Посланный Сулеймана, хитрый армянин, осторожно вошел в комнату и бросил недоверчивый взгляд на обеих женщин.

Королева удалила их.

— Венгерский сейм в Токае избрал королем Ивана Заполю, — начал армянин.

— Я знаю, — ответила Мария.

— Султан Сулейман... — продолжал он.

— Утвердил его, — перебила королева.
— Нет еще, — ответил армянин, — повелитель правоверных видел тебя и...

— Это ложь! Где он мог меня видеть?

— На портрете, оставшемся в замке. Портрет висит теперь в спальне султана; ты понравилась ему, и он желает видеть тебя; ты можешь спокойно возвращаться в свою столицу. Султан не утвердил Заполию, а отдаст государство тебе и будет охранять тебя. Ты станешь жить в роскошном дворце. Он требует немедленного ответа.

— Скажи ему, — ответила Мария, — что Европа, несмотря на его победы, — не рынок рабов и что меня купить нельзя.

С этими словами Мария вышла из комнаты.

Сулейман молча принял ответ королевы и отправился в Пешт. Там он встретился с депутацией венгерских магнатов, скромно просивших его утвердить их выбор. Султан милостиво выслушал их и утвердил за Заполией престол Венгрии.

Через несколько дней он получил известие о восстании в азиатских провинциях и заговоре в Константинополе. Пробыв две недели в Офене, он отправился в обратный путь.

Турецкая армия, разрушая и уничтожая все на своем пути, медленно двинулась к югу. Десятого октября 1526 года Сулейман покинул Венгрию, уводя с собой триста тысяч пленников.

XXXVI

Выборы короля

Между тем в Прессбурге вокруг вдовствующей королевы собралась лучшая часть венгерской нации; все храбрецы, уцелевшие после битвы при Могаче, поспешили к ее двору.

Гавриил Перен спасся чудом, пробравшись через горы, и так неожиданно прибыл в Прессбург, что Иола от радости упала в обморок.

Однажды вечером, когда Эрзабет отправлялась в церковь, из темного коридора замка выступила какая-то фигура и заслонила ей дорогу.

— Цетрик! — воскликнула молодая девушка, бросаясь ему на шею.

На ее крик выбежали королева и Иола. Мария ввела его в свою комнату; он был первым, кто мог рассказать ей все подробности смерти короля.

Сильно действовало на королеву свидание с палатином Баторием; оба залились слезами и долго были не в состоянии вымолвить ни слова.

— Венгрия погибла, — наконец произнес палатин, — и мы одни виноваты в ее гибели.

— Неправда, — с чувством возразила королева, — мы боролись, трудились и страдали за эту страну. Я не считаю ее погибшей.

— Она сама погубила себя, — мрачно продолжал палатин, — и теперь в довершение своего позора выбрала королем предателя и изменника.

— Разве сейм в Токае — вся страна? Разве кучка магнатов — все венгерское дворянство? — воскликнула Мария. — Нет!

Баторий покачал седой головой и грустно проговорил:

— Венгрия не может больше существовать, конец нашей свободе!

— Конечно, Баторий, — ответила Мария, — но зачем же предоставлять ее туркам? Не лучше ли соединиться с другой могущественной страной, которая будет защищать ее?

Палатин с изумлением взглянул на нее.

— Ты думаешь об Австрии? — тихо сказал он.

— Да.

— Ты теперь — правительница: созови сейм; мы постараемся сделать все, что возможно!

Королева в тот же день написала приказ, созывающий сейм на 25 ноября в Коморне.

Однажды королева призвала Цетрика и сказала ему:

— Исполни мою просьбу, Цетрик; поезжай в Могач и постарайся разыскать тело короля.

Цетрик знал, что король утонул — это случилось на его глазах, — но не посмел ослушаться королеву.

На другой же день он покинул Прессбург; один доехал до Рааба, а оттуда его сопровождал капитан Сарфи с десятью гусарами.

Когда они добрались до поля битвы, Цетрик указал им место, где погиб король.

На берегу Дуная лежало много трупов лошадей и солдат. Во время своих усердных поисков они увидели среди сломанного оружия и непогребенных тел свежую могилу. Цетрик стал разрывать ее и узнал хорошо сохранившееся тело короля. Они положили труп Людовика в привезенный с собой гроб и отвезли его в стольный Белград, где он был похоронен в усыпальнице венгерских королей.

Между тем Заполия прислал к королеве своего уполномоченного с предложением как можно скорее собрать сейм и передал письмо, в котором просил у Марии ее руки.

— Сейм назначен на двадцать пятое ноября, — ответила королева, а письмо Заполии оставила без ответа.

Посланный вернулся к Заполии и доложил ему, что Мария хочет, чтобы королем был избран ее брат.

Заполия решил действовать быстро и энергично. Прежде всего он собрал своих приверженцев в Токае, и ему удалось привлечь на

свою сторону Петра Перена, обещав тому назначить его воеводой Трансильвании.

Его партия ежедневно увеличивалась. Вербочи, который должен был сделаться канцлером, разъезжал из одного округа в другой, произносил зажигательные речи и советовал не доверять иностранцам. Уверившись в успехе, Заполия пятого ноября созвал сейм в стольном Белграде.

Королева тщетно взывала к дворянству, чтобы оно подождало законного сейма, большая его часть устремилась в стольный Белград.

Девятого ноября Людовик II был похоронен, а на другой день Заполия избран королем и коронован епископом Нейтры.

Эрцгерцог Фердинанд только что вернулся из похода в Италию и был избран богемцами королем. Когда Заполия занял Коморн, королева созвала сейм на шестнадцатое декабря в Прессбурге.

Эрцгерцог обнародовал манифест, в котором обещал сохранить свободу Венгрии. Многие магнаты открыто перешли на его сторону, и в Прессбурге собралось много дворян.

Накануне сейма к Марии вошел Цетрик и доложил о приходе таинственного посетителя, который согласен открыться только королеве.

— Пусть войдет, — сказала Мария, — только будь поблизости.

Несколько минут спустя в комнату вошел Заполия и тотчас опустился на одно колено.

— Что тебе надо здесь, Заполия? — побледнев, спросила королева.

— Тебя, Мария; я прошу твоей руки.

Королева сделала отрицательное движение.

— Ты меня не любишь... — начал Заполия.

— Я ненавижу тебя, — с жаром воскликнула Мария.

— Я не прошу твоей любви, — ответил Заполия, подымаясь, — я теперь — законный король Венгрии и прошу тебя разделить со мной престол.

— Я никогда не соглашусь быть женой человека, предавшего моего мужа, — воскликнула Мария.

Заполия с грустью посмотрел на нее, затем схватил ее руку и, крепко сжав, воскликнул:

— Прощай!

— Прощай.

На следующий день дворянство собралось в королевском замке. Мария открыла сейм и обвинила Заполию в измене и предательстве, а дворян — в бездействии.

— Предлагаю вам по вашей совести и разуму избрать нового короля, — закончила она. — Собери голоса, палатин!

Глубокая тишина царила в зале, пока собирали голоса.

— Кто избран? — спросила королева.

— Единогласно: эрцгерцог Фердинанд Австрийский, — ответил Баторий.

Мария управляла некоторое время вместо своего брата, а затем удалилась в Линц.

Для этой выдающейся женщины Эразм Роттердамский, имевший в то время большое влияние на Европу, написал свою книгу «О вдове».

Деятельная натура королевы искала теперь удовлетворения в науках, и она неутомимо пополняла свои знания. Она жила очень уединенно, но ее дом был открыт для каждого; все выдающиеся люди того времени считали своим долгом посетить ее.

У нее была небольшая, но прекрасно подобранная библиотека и собрание лучших картин.

Эрзабет сделалась женой Цетрика. Они, а также Иола со своим мужем не покидали королевы.

Мария вела переписку с множеством выдающихся людей своего времени и ежедневно получала массу писем со всех концов Европы; одни из них изобличали деловой почерк чиновника, другие были написаны мелкими буквами ученого, третьи — неумелой рукой военного.

Эта деятельность возвратила характеру Марии полное спокойствие, и она не выказывала ни малейшего желания изменить свою жизнь; на все просьбы братьев принять участие в управлении Венгрии она отвечала отказом.

Самые могущественные князья Европы просили ее руки, и братья прилагали все усилия, чтобы склонить ее принять предложение кого-либо из них. Одним из претендентов на руку Марии был граф Пфальцский, Фридрих.

Еще будучи юношей, он влюбился в сестру Марии Элеонору, и та вполне разделяла его чувства. Карл V, узнав об их отношениях, поспешил прекратить их и выдал Элеонору замуж за Эммануила Португальского, а после его смерти — за французского короля Франциска I.

Прошло много лет; пылкий юноша превратился в мужчину, имя которого произносилось с уважением. Он случайно попал в Линц и, конечно, воспользовался случаем навестить сестру Элеонору.

Мария приняла его очень приветливо и показала ему большое участие. Ее красота и блестящий ум поразили Фридриха и разбудили бывшие воспоминания. Прощаясь с Марией, он серьезно спросил ее, думает ли она выйти замуж.

— Никогда! — решительно ответила прекрасная вдова.

Через несколько дней Карл V получил письмо от Фридриха, в котором тот просил поддержать его предложение Марии. Оба брата очень сочувственно отнеслись к этому, но королева нашла в брачном договоре, составленном Фридрихом, предлог, чтобы отклонить его предложение.

Наступила зима; снег покрыл улицы и крыши Линца. Мария сидела у камина.

Вдруг со двора донеслись звуки мандолины и мягкого мужского голоса, певшего песнь: «Любовь живет с любовью».

Она позвонила. Появились Эрзабет и Йола.

— Позовите певца, пусть он докончит свою песнь здесь.

Певец вошел и остановился у двери.

— Вы сами сложили эту песнь? — спросила королева.

— Нет, ваше величество, это — народная песня о венгерском короле Людовике и его супруге Марии¹.

— Народ поет о нас? — с волнением воскликнула королева.

— Эта песнь поется во всей Германии. Я выучил ее для вас и пришел, чтобы спеть ее вам.

Королева вынула кошелек. Певец сделал отрицательное движение и схватил Марию за руку. Королева подавила крик и удалила своих дам. Певец быстро сбросил плащ и бросился к ее ногам. Это был граф Фридрих Пфальцский.

— Еще раз умоляю вас, — воскликнул он, — не отталкивайте меня!

Мария покачала головой, граф поднялся. Она взяла со стола несколько распечатанных писем и подала ему.

— Прочитайте!

— Сейчас?

— Да.

Фридрих прочел письма братьев Марии, в которых они настаивали, чтобы она приняла его предложение, а затем молча сложил их.

— Вы довольны? — спросила Мария.

— Нет!.. Как можете вы находить затруднение в брачном договоре? Напишите его сами, я подпишу не читая.

— Мне очень жаль, но дело не в договоре.

— Теперь я понимаю вас, — ответил Фридрих после паузы.

— Еще не совсем, — возразила Мария, открывая скрытую обоими дверь.

Фридрих последовал за ней. Они вошли в маленькую комнату, обитую черным сукном; окон в ней не было. Дверь закрылась, и они оказались как бы похороненными в большом гробу. Воздух был холодный и сырой, словно могильный, так что Фридрих содрогнулся. Королева зажгла факел, и он осветил красноватым светом черный занавес, ниспадавший до пола.

Королева отдернула его, и факел осветил портрет красивого молодого человека; Фридрих вопросительно взглянул на королеву. Она указала на раму, на ней стояло: «Ludovicus Rex»².

Тогда Фридрих еще раз бросил грустный взгляд на прекрасную вдову и на портрет Людовика II, а затем, опустившись на одно колено, поцеловал руку Марии и быстро вышел из комнаты.

¹ Исторический факт

² Король Людовик

Мария потушила факел и вышла из этого мрачного зала, под окном прозвучали еще раз последние прощальные звуки мандолины.

Мария открыла шкатулочку из черного дерева, в которой хранились небольшие полуразорванные лоскутки бумаги. Местами слезы гордой женщины смыли буквы, но она знала их наизусть.

Это были письма Борнемисы. Она прижала их к губам, потом раскрыла Новый завет и прочла:

«Любовь переносит все; она верит во все, и терпит все. Любовь никогда не кончается. Вера, надежда и любовь вечны, но любовь — самая великая из них».

Ч. Майор

**В РАСЦВЕТЕ
РЫЦАРСТВА**

У нас, Каскоденов, много родовой гордости. Конечно, многим людям это может показаться лишь пустым тщеславием, ну, да ведь так смотрят на вещи обыкновенно те, у кого нет в роду достойных гордости предков. Каскодены имеют право обладать родовой гордостью, потому что знают наверняка, кто и чем были их предки. Мы ведь ведем свой род по прямой мужской линии от времен самого Вильгельма Завоевателя¹. В этом роду было четырнадцать баронов (этот титул отпал вместе со смертью Карла I), двенадцать рыцарей ордена Подвязки и сорок семь рыцарей ордена Бани и других. Один из Каскоденов отличился в боях при великом нормандце и получил в награду богатые английские поместья, а сверх того и красавицу-саксонку в жены. Один из Каскоденов был сенешалом при Вильгельме Рыжем, другой принадлежал к числу тех храбрых баронов, которые вынудили у Иоанна Безземельного² великую хартию свободы, третий играл выдающуюся роль в совете Генриха V. Точно так же большую роль играл Аджолика Каскоден в качестве члена парламента слабоголовых.

В эпоху Эдуарда IV³ один из Каскоденов опустился до ремесла, хотя это и было ремесло самого почтенного и почетного сорта. Он был ювелиром, а ведь этот цех, как известно, принадлежал к гильдии банкиров и давал возможность народу, королю и дворянству разделяться со своими деньгами. Из заслуживающих доверия источников мы почерпываем известие о скандале, разыгравшемся из-за интрижки короля Эдуарда с женой ювелира. Отсюда мы можем усмотреть, что Каскодены в мещанстве остались верны дворянским традициям своей семьи неизменно греться в лучах благоволения государя.

Этот Каскоден-ремесленник был достаточно хитер, чтобы превратить в источник дохода то, что другие сочли бы несчастьем. Он не мог помешать королю расточать улыбки его красавице-жене, зато мог перечеканить эти улыбки в звонкую монету. Так со здра-

¹ Вильгельм Завоеватель был английским королем с 1066 года по 1087 г.

² Иоанн Безземельный (1199—1216 гг.) был вынужден даровать Англии конституцию (1215 г.).

³ Эдуард IV царствовал с 1461 по 1483 г.

вым смыслом и поступил Каскоден, оставив зато своему наследнику блестящее состояние, которого хватило до четырнадцатого поколения. Как редко подобные состояния переживают даже второе поколение! События, о которых будет идти речь далее, разыгрались тогда, когда состояние было еще во владении третьего поколения.

У Каскоденов уже давно утвердился обычай записывать все выдающиеся события своей личной жизни и окружавшего их общества. Конечно, эти воспоминания никогда не опубликовывались нами, потому что нельзя же отдавать свои семейные тайны в жертву общественному любопытству. Однако нет ни малейших оснований замалчивать такие эпизоды, которые отнюдь не заключали в себе семейных тайн Каскоденов и никоим образом не могли задеть нашу фамильную честь. Вот почему я решил опубликовать отрывки из этих воспоминаний. Из записок моего предка и тезки, сэра Эдвина Каскодена, внука ювелира и танцмейстера при дворе Генриха VIII, я выбрал для начала историю Чарльза Брендона и Марии Тюдор.

Предоставим же теперь слово самому сэру Эдвину!

I

Это было весной 1509 года, когда его величество король Генрих VIII взшел на трон Англии и предложил мне занять почетный пост руководителя королевскими развлечениями при своем пышном дворе.

С этой должностью почти или, вернее, вовсе не было связано никакого вознаграждения, но благодаря дедушке-ювелиру я был обеспечен крупным состоянием и мог не заботиться об этой стороне вопроса: я с восторгом довольствовался почетностью своей должности. Это назначение давало мне возможность находиться в близком соприкосновении со всем королевским двором, не исключая и первых женщин страны — самого лучшего общества для мужчины, так как женщины облагораживают его дух возвышенными мыслями и пробуждают его сердце к чистым стремлениям. Это был пост, достойный любого дворянина в стране.

Я провел четыре-пять лет на этом посту, когда пришло известие, что в Суффолке состоялась кровавая дуэль. Говорили, что в поединке уцелел только один из четырех дуэлянтов; в сущности, уцелели двое, но состояние другого было ужаснее смерти.

Первым из уцелевших был сын сэра Уильяма Брендона, а вторым — некий сэр Адам Джудсон. Рассказывали, что юный Брендон и его старший брат, только что вернувшись с войны на материке, встретили в одном из ипсвичских кабачков сэра Джудсона, и тот выиграл у них значительную сумму денег. Несмотря на свою молодость — старшему брату было двадцать шесть лет, младшему, Чарльзу, двадцать четыре, — братья стяжали на войне громкую славу и крупное состояние. Было слишком тяжело одним ударом проиг-

рать в кости то, что досталось с таким тяжелым трудом. Однако Брендоны были достаточно умны, чтобы с достоинством примириться с неудачей. Но вдруг однажды стало известно, что Джудсон попросту плутовал в игре. Брендоны подождали, пока им не удалось проверить это, а потом, на следующее утро, состоялась дуэль, следствием которой было столько несчастий.

Про этого Джудсона знали очень немного. Он был шотландским дворянином, слыл опаснейшим забиякой своего времени и любил хвастать, что, дравшись восемьдесят семь раз на дуэли, убил семьдесят пять противников. Сцепиться с ним значило пойти на верную смерть.

Однако это не испугало Брендонов. Я передаю здесь историю этой дуэли в том виде, как узнал ее впоследствии от Чарльза.

Джон, как старший брат, отстаивал свое право драться первым. Братья отправились в назначенный час с отцом к месту поединка, где их уже ждал Джудсон с секундантами.

Было туманное мартовское утро. При самом начале боя стало ясно, что старший Брендон превосходит своего противника в силе и ловкости. Однако после нескольких ударов клинок Джона согнулся и сломался по самую рукоятку. Джудсон со спокойной, злорадной, победоносной улыбкой нацелился прямо в сердце противника и пронзил его своей шпагой; не довольствуясь этим, в дикой кровожадности злодей еще повертел клинком в ране!

Тогда сэр Уильям сейчас же обнажил оружие и стал на место павшего сына, чтобы отомстить за него. Но и его шпага сломалась при ударе, который должен был быть смертельным, и отец пал так же, как сын!

Теперь черед пришел юному Чарльзу. Бесстрашно глядя в глаза верной смерти, Чарльз двинулся на врага. Он отлично сознавал, что Джудсон слабее в бою, чем он, как был слабее его брата и отца, но рука этого человека несла с собою смерть, несмотря ни на что!

Неудачный поворот Джудсона дал юному Брендону возможность нанести противнику смертельный удар, но и тут опять клинок согнулся, не проникнув вглубь. Только теперь оружие не сломалось, и Чарльз понял: у Джудсона под рубашкой была кольчуга!

Теперь Брендон был уверен в своей победе, он знал, что подлый убийца связан в своих движениях, и именно на этом построил свою дальнейшую тактику. Не нападая, ограничиваясь защитой, Чарльз стал ждать, пока Джудсон устанет; тогда-то он отомстит за брата и отца и убьет Джудсона так, как ему заблагорассудится!

В самом деле, его противник начал дышать все тяжелее и тяжелее, наносимые им удары все слабели.

— Молодой человек! — воскликнул он. — Я хотел бы пощадить тебя! С меня уже довольно убитых членов твоей семьи! Вложи меч в ножны, помиримся!

Брендон ответил:

— Трус! Ты погиб с той минуты, как твои силы ослабели! Если ты попытаешься бежать, я положу тебя на месте, как собаку! Я не

стану ломать оружие о твою кольчугу, а подожду, пока ты не упадешь от истощения! Ну, нападай, собака!

Джудсон был бледен от усталости, и его хриплое дыхание прерывисто вырывалось из груди, когда он пытался увильнуть от ударов, немилосердно сыпавшихся на него. Наконец Брендону удалось ловко выбить у Джудсона оружие из рук. Джудсон сначала сделал попытку спастись бегством, но сейчас же повернулся снова к противнику и упал на колени, умоляя пощадить его.

Вместо ответа стальной клинок Брендона молнией прорезал воздух и рассек острием лицо Джудсона. Этим ударом шотландец был ослеплен и обезображен на всю жизнь; смерть в сравнении с такой местью была бы милосердием!

Дуэль вызвала сенсацию во всем королевстве, потому что слава Джудсона как дуэлянта была хорошо известна. При дворе много говорили об этом происшествии, и таким образом Чарльз Брендон стал сразу предметом оживленных толков. Интерес к нему возрос еще более, когда лучшие рыцари, вернувшиеся с войны, стали превозносить его отвагу и искусство.

У Чарльза был при дворе дядя, сэр Томас Брендон, шталмейстер короля. Сэр Томас счел момент удобным, чтобы представить племянника ко двору. Генрих дал свое согласие, и Чарльз Брендон, руководимый десницей судьбы, прибыл в Лондон.

II

Мы все были уверены, что юный Брендон скоро добьется благоволения короля. Какие отличия и почести могли ожидать героя, нельзя было представить себе заранее, так как, широко пользуясь неограниченностью своей власти, король раздавал чины и должности как ему заблагорассудится. Бывало, король, придя в восхищение от мускулатуры простого солдата, оказывал ему честь, избирая его своим товарищем по турнирному бою. Остроумие и находчивость Генрих VIII тоже чрезвычайно ценил, и счастливчик, одаренный этими качествами, получал выдающую придворную должность, удерживавшую его в непосредственной близости к королю. Я тоже был одарен природным остроумием и потому могу льстить себя надеждой, что в кругу королевских собутыльников бывал не на последнем счету.

Король благоволил ко мне по разным причинам. Во-первых, я не брал ни полушки из его кассы; во-вторых, я отличался хорошими манерами, которые — смею утверждать это, не боясь показаться хвастуном — были гораздо тоньше и приятнее, тем у большинства английского общества того времени.

Столица Франции была центром образованности и воспитанности, и я поставил себе за правило ежегодно проводить там несколько недель. Этому-то я и обязан своей придворной должностью. Правда, король был очень привязан к моему брату, баронету, но

брат никогда не мог простить мне, что отец обеспечил мне изрядный доход, а не завещал всего состояния целиком перворожденному, чтобы сделать меня зависимым от его милости. Я был мал ростом и не мог меряться с рослыми мужами в воинских играх. Зато — говорю об этом совершенно открыто, да и кто не стал бы хвалиться этим? — на мою долю доставалась не одна сладкая улыбка, не один пламенный взгляд красавицы, по которой тщетно страдал иной прославленный турнирный боец.

О прибытии Брендона в Лондон мне стало известно не сразу. В то время мы все находились в Гринвиче, тогда как король ссорился в Вестминстере с парламентом, заседавшим по вопросу об ассигнованиях на новые субсидии.

Принцесса Мэри, любимая сестра короля, гостила в Виндзоре, у своей сестры Маргариты Шотландской. В то время ей было восемнадцать лет, и она как раз собиралась развернуться из очаровательнейшего бутона в дивный цветок.

В дни, когда Брендон был представлен королю, произошел турнир, устроенный Генрихом в ознаменование одного из парламентских постановлений, благоприятных для его королевских финансов. Король приготовил для этого турнира специальный сюрприз.

На турнир была приглашена королева со своими дамами, да и принцесса Мэри должна была прибыть из Виндзора, чтобы затем отправиться с королем и всем двором в Гринвич.

Не могу не привести здесь описание этого турнира, запечатленного всеми летописцами того времени.

В назначенный день королева со своими дамами отправилась на турнирный плац. Послышались звуки фанфар, и появилось большое количество рыцарей и дворян, одетых в драгоценные парчовые и пурпурные наряды, усеянные драгоценными камнями, и ведущих на поводу богато оседланных коней. За ними следовали оруженосцы в кирпично-красном и желтом шелке при ярко-красных чулках и желтых шапочках. Затем появился король под балдахином из золота и расшитом пурпуром бархата. За ним следовали три боевых сотоварища короля, каждый тоже под балдахином. Следом ехало двенадцать пажей в разноцветных костюмах; чепраки их коней были богато расшиты шелками в цвет одежды пажей.

Когда все это общество собралось на турнирном плаце, на арену выехал неизвестный рыцарь в развевающемся одеянии из пурпурного атласа. С изящным поклоном рыцарь передал королеве прошение, в котором молил о разрешении принять участие в турнире в ее честь. Его просьба была милостиво удовлетворена. Тогда рыцарь скинул наружный костюм и оказался в полном боевом снаряжении. Раздались призывы герольдов, и вскоре земля задрожала под копытами лошадей. Было бы трудно перечислить все военные игры, происходившие в этот день. Король был в великолепном расположении духа. Он и неизвестный рыцарь стяжали первые призы этого дня.

Так повествует об этом турнире летописец.

Когда королева дала неизвестному разрешение биться в ее честь и он прищпорил своего коня, в дамских ложах раздались громкие аплодисменты, так как даже блестящее появление на арене самого короля не могло затмить прекрасный вид и благородную осанку неизвестного. Волосы рыцаря ниспадали темными волнистыми прядями со лба на плечи, как в то время было в моде во Франции. У него были темно-синие глаза, а лицо, хоть и обветренное и загорелое, могло вызвать зависть любой девушки своей нежностью. Он не носил бороды, и его благородный профиль с изящно очерченным носом свидетельствовал о кротости, доброте, храбрости и силе.

Я стоял около королевы, и она сказала мне:

— Кто этот прекрасный незнакомец, так изящно испросивший наше разрешение на бой?

— Не могу сообщить вашему величеству никаких сведений. Я тоже вижу его в первый раз, и мне кажется, что это — прекрасный рыцарь, какого я когда-либо встречал!

— Это бесспорно так! — ответила королева. — Нам очень хотелось бы познакомиться с ним. Что скажут на это мои дамы?

Ответом королеве был общий ропот одобрения. Обещав сообщить после турнира все, что мне удастся узнать относительно неизвестного рыцаря, я удалился.

Принцессу Мэри тоже заинтересовал этот рыцарь, и она обратилась ко мне за сведениями. Когда же я не смог дать ей таковых, она спросила короля:

— Братец, скажи, кто твой новый боевой сотоварищ?

— Это — секрет, красавица-сестренка! — пошутил Генрих. — Но ты, без сомнения, скоро все разузнаешь и уж наверняка влюбишься в него! Императоры и короли тщетно добивались твоего благоволения, а если я был их ходатаем, то недоступная крошка отказывала уж во что бы то ни стало! Неизвестный рыцарь, способный вызвать нелестное королевское мнение, необыкновенно выростет в твоих глазах. Но берегись!

— А разве неизвестный кажется тебе неподходящим? — спросила Мэри с лукавой улыбкой и сверкающими глазенками.

— Разумеется, нет! — ответил король.

— Ну, тогда я сейчас же влюблюсь в него! Мне даже кажется, что я уже начинаю любить его!

— О, в этом я не сомневался ни минуты! Если бы я предназначал его для тебя, то, будь он самим Аполлоном, ты все-таки не захотела бы его!

— Не соблаговолите ли вы сказать мне по крайней мере, какого он звания? — продолжала Мэри поддразнивающим тоном.

— Да никакого! Это — простой солдат без титула, даже не рыцарь, по крайней мере не английский. Кажется, он принадлежит к какому-то испанскому или немецкому рыцарскому ордену!

— Не герцог, не граф, даже не барон и не рыцарь? — улыбаясь, промолвила принцесса. — Теперь он и в самом деле начинает интересоваться меня!

- Похоже на то. Но оставь меня в покое!
- Примет он сегодня вечером участие в танцах?
- Ну конечно, нет! — ответил король.

Празднество закончилось банкетом и танцами.

На следующее утро все мы, кроме принцессы Мэри, отправились в Гринвич. Через день после этого я вернулся в Лондон и навестил канцлера Вольсея, чтобы взять у него для чтения одну книгу. Там мистер Кавендиш, секретарь Вольсея, представил мне прекрасного незнакомца, который оказался самим Чарльзом Брендоном, героем кровавой дуэли в Суффолке. По нежному виду юноши трудно было предположить в нем такого героя, если бы пламенный взгляд не выдавал, что в его душе отвага и храбрость уживались с кротостью.

Мы оба сразу почувствовали какое-то родство душ, верный предвестник истинной дружбы. Общность вкусов, среди которых любовь к чтению образовала между нами особенно сильную духовную связь, быстро сделала нас друзьями. И Брендон тоже пришел к Кавендишу затем, чтобы выбрать в его богатой библиотеке несколько книг и взять их на время с собою в Гринвич.

Прибыв туда, мы разыскивали дядю Брендона, шталмейстера. Тот пригласил племянника поселиться у него, однако Чарльз предпочел стать моим гостем.

На следующий день Брендон был назначен капитаном королевской гвардии и должен был быть всегда наготове принять приказание своего царственного повелителя, а следовательно, жить в замке. Чарльз постарался устроиться так, чтобы быть моим соседом. Наши спальни выходили в третью, которую мы использовали в качестве общей приемной.

Здесь мы проводили часы нашего досуга за приятной болтовней и перечитыванием вслух лучших мест из книг. Мы говорили обо всем, что волновало наши сердца, и делились всеми секретами и тайными мечтами. Так, Брендон поверил мне свою мечту добыть столько денег, чтобы можно было избавить отцовское имение от долгов. Все движимое имущество Чарльз предоставил своим младшим сестрам, так как для раздела оно казалось ему слишком ничтожным. Он хотел лишь выполнить эту задачу и потом направиться через море в Новую Испанию¹. Путешествия вокруг света великого Колумба были известны ему из книг, и будущее рисовалось в радужных красках перед его глазами. Казалось, что счастье уже улыбается Чарльзу. Но у роз имеются шипы.

III

К этому времени принцесса Мэри развилась в идеальную красавицу. Ее кожа была нежна, как бархат: розоватый снег, пронизанный горячей кровью, подобно нежным, озаренным розоватым

¹ Америку.

отсветом лепесткам розы-центифолии. Ее волосы были мягки как шелк, и казались почти золотыми. Она была среднего роста и обладала формами, которым могла позавидовать сама Венера. Крошечные ручки и ножки казались созданными с единственной целью — очаровывать мужчин, которые все без исключения лежали у ее ног. Но самым привлекательным в принцессе были сверкающие, темно-карие глаза, переливчатым блеском горевшие из-под густых черных ресниц. Мягкий, звучный голос Мэри был богат вкрадчивыми интонациями, придававшими ему чарующую силу, если только, что тоже было не в редкость, этот голос не дрожал бешеным гневом. Вкрадчивой искательностью Мэри могла бы добиться всего чего угодно, и она отлично сознавала свою силу. Но просьбам принцесса отводила лишь самое последнее место, потому что, обладая темпераментом королевского рода Тюдоров, предпочитала приказывать во всех случаях, когда это было возможно.

Такова была эта царственная девушка, пред чарами которой вскоре и не устоял мой друг Брендон.

Мэри прибыла в Гринвич лишь через несколько дней после турнира, а тем временем Брендон устроился при дворе. Его служба отнимала не так уж много времени, и мы могли уделять дружеским разговорам целые часы. В этих разговорах немалое место занимала леди Мэри. Я рассказывал Брендону, что знаю принцессу с двенадцатилетнего возраста, что она всегда относится ко мне с большой сердечностью и что однажды я истолковал ее симпатию совершенно иначе, чем было на самом деле. Я, тщеславный болван, начал питать смелые надежды! Подобно всем тем, кого мощно притягивал к себе этот очаровательный магнит, я окончательно потерял голову и совершил бесконечную глупость, признавшись принцессе в любви!

Принцесса, в первый момент облекшаяся в броню царственной надменности, положила затем гнев на милость и сказала:

— Оставьте же мне хоть одного доброго друга, сэр Эдвин, прошу вас! Я ставлю вас слишком высоко и потому не хочу потерять. Не будьте одним из тех дураков, которые возгораются ко мне подобной страстью или вбивают себе в голову, будто они влюблены. Любовь женщины нельзя вымолить, мужчина должен явиться завоевателем. Так давайте же останемся добрыми друзьями, и поклянитесь мне никогда больше не говорить об этой любви!

Я поклялся и, замечу здесь, действительно сдержал свою клятву.

— Если же вы ощущаете непреодолимую потребность любить, — продолжала принцесса, — то рекомендую вам леди Джен Болингброк. Она красива, достойна любви, относится к вам с уважением, и со временем...

Но при этих словах леди Джен выскочила из-за занавесок, притаившись за которыми, она слышала все, и закрыла рукой рот своей повелительнице, чтобы заставить ее замолчать. В то же время она крикнула:

— Не верьте ничему этому, сэр Эдвин, или я никогда не скажу вам ни одного доброго слова!

В ее словах чувствовалось столь пылкое признание, что я ответил:

— Конечно, принцесса ошиблась, так как я недостоин такого счастья.

Из этого ответа легко усмотреть, что я уже начал ухаживать за Джен, не успев как следует остыть от преклонения пред Мэри. Для раны, нанесенной отверженной любовью, лучшим целебным средством является новая любовь, и мне сразу стало ясно, что хорошенькая, изящная Джен — приятнейшее противоядие от пережитой горячки!

Но добиться благосклонности Джен было не так легко, как рисовала мне моя самонадеянность. Мне приходилось быть сначала очень сдержанным, так как Джен слышала мое любовное признание принцессе, и нужно было сначала изгладить впечатление от него и уверить Джен, будто моя любовь к принцессе Мэри была просто самообманом.

С той поры прошло около года. Рассказывая Брендону о происшедшем, я старался смягчать действительность, чтобы выставить себя в возможно лучшем свете. Точно так же, говоря о Джен, я намекал на такую интимность, которой между нами еще не было.

Когда стало известно, что принцесса приезжает в Гринвич, Брендон спросил меня:

— Да что это за удивительная Мэри, из-за которой поднимается такая суетня? Получено известие, что она сегодня прибудет, и весь двор словно сошел с ума. Повсюду только и слышишь: «Мэри едет! Мэри едет! Мэри! Мэри!» Говорят, что герцог Букингемский без памяти влюблен в нее, но ведь, насколько мне известно, он женат и годится Мэри в отцы?

Я подтвердил это.

Тогда Брендон продолжал:

— Мужчина, способный надеть такие глупости из-за женщины, позорно слаб. Что за ничтожные создания — эти ваши придворные!

— Подожди, пока ты сам увидишь эту Мэри!.. Тогда и ты станешь одним из этих «ничтожных созданий»! — шутливо заметил я. — Самое большее — могу дать тебе целый час на то, чтобы влюбиться в Мэри по уши, тогда как обыкновенному смертному достаточно на это одной шестидесятой части этого времени. Ты видишь, я возлагаю громадные надежды на твою стойкость!

— Чепуха! — возразил Брендон. — Неужели ты думаешь, что я оставил свой разум в Суффолке? Разве я не знаю, что Мэри — сестра короля и что ее домогаются императоры и короли! Я мог бы с равным успехом влюбиться в мерцающую звезду! А кроме того, я держу свое сердце в узде. Ты же принял меня за глупца, за бедного, недалекого парня, вроде... ну, вроде вот этих придворных!

Нет уж, не ставь меня на одну доску с ними, Каскоден, если хочешь оставаться моим другом!

Наконец, к великому торжеству всего двора, приехала принцесса Мэри, и я активно старался познакомить ее с Бренденом. При моих дружественных отношениях с принцессой это было нетрудно. Конечно, Брендон не принадлежал к аристократии, он не был даже английским рыцарем, тогда как я был и тем и другим. Но тем не менее Чарльз происходил из очень древнего рода, которым Англия могла по праву гордиться, да и родственные узы связывали его с благороднейшими семьями Лондона. Помимо того, при тогдашнем дворе этикет соблюдался не особенно строго. Нередко бывало, что кто-нибудь из королевских друзей не только не имел по рождению права принимать участие в придворных развлечениях, но даже еще не был официально представлен их величеством, и тем не менее дело долго обходилось без этого формального штемпеля. Таким образом, и я не видел ничего невозможного в дружеском знакомстве Брендона с принцессой Мэри.

Их встреча состоялась скорее, чем я ожидал, но едва не приняла очень дурного оборота.

Это случилось на второе утро после прибытия принцессы Мэри в Гринвич. Мы с Бренденом бродили по дворцовому парку, как вдруг нам навстречу попала Джэн. Я воспользовался случаем познакомить моих лучших друзей.

— Добрый день, мастер¹ Брендон! — сказала леди Джэн и подала моему другу свою маленькую беленькую ручку. — Я очень много слышала о вас от сэра Эдвина, но уже начала бояться, что буду лишена возможности познакомиться с вами. Надеюсь, что теперь я буду иметь возможность часто видеть вас и смогу представить вас своей повелительнице!

При этом леди Джэн злорадна сверкнула глазами, словно желая сказать: «Еще один, у которого вскоре голова будет не на месте».

Обменявшись еще несколькими фразами, мы расстались, причем Джэн убежала, сообщив, что принцесса ждет ее в другой части парка.

Вскоре после этого мы приблизились к беседке у мраморной пристани, где королева с частью дам поджидала остальное общество для поездки по реке. Заметив нас, королева послала меня за королем. Затем она спросила, не видел ли кто-нибудь принцессы Мэри, и Брендон сообщил ей, что леди Джэн только что упомянула, что принцесса находится на другом конце сада. Тогда ее величество попросила Брендона разыскать принцессу и передать ей, что ее ждут.

Брендон сейчас же отправился в указанную сторону и вскоре застал под тенистым дубом целый рой молодых девушек, сплетавших венки из весенних цветов. Чарльз никогда еще не видел прин-

¹ Обращение к лицу, не имеющему сана и звания

цессы; несмотря на это, он узнал ее с первого взгляда. Да и то сказать: ее нельзя было не заметить среди тысяч.

Однако из какого-то непонятого упрямого чувства противоречия Бренден не пожелал выказать это. Все, что он слышал о чудесной власти принцессы над мужскими сердцами, о добровольном рабстве, с которым все они кидались к ее ногам, преисполнило его душу желанием подразнить ее. Поэтому, приблизившись к группе молодых девушек, он грациозно снял шляпу и спросил с изящным поклоном, при котором локоны упали ему на лицо:

— Не имею ли я чести встретить среди дам принцессу Мэри? Я должен от имени и по поручению ее величества передать, что ее величество ожидает ее высочество!

Не поднимая головы, Мэри ответила:

— Разве принцесса Мэри имеет такое ничтожное значение при дворе, что какой-нибудь капитан гвардии не может узнать ее?

С молниеносной быстротой последовал ответ:

— Не могу сказать, какое значение имеет принцесса Мэри при дворе, да и в число моих обязанностей не входит устанавливать это. Но я уверен, что принцессы здесь нет, потому что иначе у нее, без сомнения, нашелся бы более любезный ответ для посланного самой королевой.

Сказав это, Чарльз собрался уйти прочь, и все дамы, не исключая Джен, подробно рассказывавшей мне потом об этом инциденте, ждали, что вот-вот разразится гроза, которая уже загоралась во взорах Мэри.

Действительно, принцесса вскочила и крикнула:

— Наглец! Принцесса Мэри — я, и если у вас имеется поручение, то передайте его и ступайте своей дорогой!

Чем страстнее становился тон принцессы, тем хладнокровнее делался Брендон. Почти повернувшись спиной к принцессе, Чарльз сказал Джен:

— Не соблаговолите ли вы передать ее высочеству, что ее величество королева ожидает ее высочество у мраморной лестницы?

— Не к чему повторять мне это, Джен! У меня у самой имеются уши, чтобы слышать! — крикнула Мэри, а затем, обратившись к Брендону, продолжала: — Если вашей наглости покажется удобным принять поручение от такой ничтожной особы, как сестра вашего короля, то прошу вас передать королеве, что я сейчас приду.

Брендон снова обратился к Джен, сказав с поклоном:

— Я просил бы еще вашу честь передать ее высочеству, что искренне сожалею, если провинился в невежливости. Как мог я узнать принцессу Мэри, раз мне не выпало счастья быть озаренным сиянием ее высокомилоственного присутствия? Подумав немного, ее высочество, наверное, признает, что из нас двоих не я был невежлив и нелюбезен!

Поклонившись еще раз, Чарльз быстро ушел.

— Наглец! — крикнули некоторые дамы.

— Он заслуживает позорной казни! — произнесла другая.

— Ничего подобного! — возразила умная и храбрая леди Джен. — По-моему, не права леди Мэри! Не мог же он ни с того, ни с сего узнать ее!

— Джен права! — согласилась принцесса, раздражение которой улеглось так же быстро, как и вспыхнуло. — Я сама заслужила это, потому что действовала не подумав. Он поступил как мужчина и защищался как мужчина. В первый раз я встретила вполне настоящего мужчину. Ты, Джен, как будто знаешь его. Кто он? Расскажи нам! Королева может подождать.

Тогда Джен рассказала о страшном поединке Брендона с Джудсоном, о его храбрости и приключениях на войне, о великодушном даре сестрам.

— Кроме того, — прибавила она, — сэр Эдвин уверяет, что Брендон — самый начитанный человек при дворе и самый храбрый и честный рыцарь во всем христианском мире!

Вслед за этим дамы направились к мраморной лестнице, и случай привел Брендона встретиться с ними. Чарльз хотел быстро юркнуть в сторону, но принцесса Мэри приказала Джен позвать его. Несмотря на некоторое сопротивление юноши, Джен все-таки привела его к принцессе и сказала:

— Вот, леди Мэри, представляю вам мастера Брендона. Если он хоть чем-нибудь обидел вас, то он смиреннейше просит о прощении!

В сущности, такая просьба не входила в планы Брендона, но он не стал противоречить Джен, и награда не заставила себя ждать.

— Не мастер Брендон должен просить о прощении, — ответила принцесса, — я одна была не права и краснею при воспоминании о том, что наговорила. Простите мне, сэр, и давайте познакомимся снова! — И она, подойдя к Брендону, протянула ему руку.

Он рыцарски поцеловал ее, опустившись на одно колено, а затем сказал:

— Вам, ваше высочество, можно спокойно оскорблять людей, раз у вас такая прелестная манера примиряться! Мне приходилось слышать, что сознание своей неправоты равно любезности!

Сказав это, Чарльз так пытливо посмотрел в глаза Мэри, что она невольно опустила их.

— Ах, — покраснев и мило улыбаясь, воскликнула она, — благодарю вас; вот это — истинный комплимент, не то что все эти лстыивые речи. Мы собираемся идти к королеве, не проводите ли вы нас, сэр?

Они пошли рука об руку, сопровождаемые толпой смеявшихся и перешептывавшихся девушек.

— Наверное, и вы ненавидите лстыивые комплименты? — сказала Мэри.

— Не могу сказать, чтобы когда-нибудь их выпадало много на мою долю! — ответил Брендон с совершенно серьезным лицом, хотя и с трудом сдерживая улыбку.

— О, неужели нет? Ну, так понравилось ли бы вам, если бы вам каждодневно твердили, что Аполлон — горбатый урод в сравнении с вами, а Эндимион прикрыл бы свое лицо, увидев ваше, и так далее?

— Право, не знаю, но мне кажется, что это понравилось бы мне... в устах некоторых особ! — ответил Чарльз с невиннейшей физиономией.

Это звучало чересчур интимно после такого короткого знакомства и заставило принцессу с изумлением взглянуть на своего спутника, но невинное выражение его лица обезоружило ее.

— Ну, я не хотела бы довести дело до этого! — ответила Мэри, смеясь и искоса поглядывая на Брендона. — Но я сделаю вам более лестный комплимент, искренне поблагодарив за урок, который вы мне дали. О, вы не можете себе представить, как трудно быть принцессой, оставаясь в то же время доброй!

Лоб леди Мэри покрылся угрюмыми складками, и тихий вздох вырвался из ее груди.

— Это, конечно, очень трудно, если решительно все восхваляют нас даже за наши недостатки! — согласился Брендон и смело продолжал: — Сознаваться в своих недостатках всегда неприятно, но стоит нам только мужественно пойти на это, и мы вскоре справимся с самыми дурными сторонами своего характера. Искренне стремиться к добру — почти то же самое, что творить добро!

— О! — возразила принцесса. — Но что в действительности хорошо и что дурно? Часто мы не в состоянии сразу разобраться в этом, а когда озираемся на содеянное, то иной раз уже бывает слишком поздно!

— Чтобы легко разобраться в этом, существует очень простое правило, — ответил Брендон. — Помните одно: все, что делает других несчастливymi, — плохо, а что делает их счастливее — хорошо. Как безошибочно пользоваться этим правилом, я не сумею вам сказать. Нужно только пытаться следовать ему, и если даже иной раз вы и промахнетесь, то само стремление творить добро будет добродетелью.

Мэри опустила голову и в глубокой задумчивости пошла дальше.

— Мне уже не раз говорили это, — сказала она затем, — только ничего не помогает. Зло слишком глубоко засело во мне.

— Прошу извинить меня, ваше высочество, но в вас самих нет никакого зла, оно лишь заронено в вашу душу другими! Ваше сердце чисто и прекрасно, или я неправильно сужу о вас!

— Мне кажется, мастер Брендон, что вы — самый тонкий льстец на свете! — сказала Мэри, покачав головой. — Меня засыпали похвалами всякого рода, но никто еще не доходил до того, чтобы назвать меня доброй. Может быть, люди думают, что это для меня неважно, а ведь на самом деле быть доброй — мое высшее желание. Красива я или нет, это — дело Божьих рук, но быть

доброй — личная заслуга. Хотела бы я знать, действительно ли во мне заложено истинное добро и правильно ли вы оценили меня? — Вдруг принцесса с каким-то испугом взглянула на Брендона и резко спросила: — Или вы только посмеялись надо мной?

— Я твердо уверен, что не ошибся в своей оценке вашего характера! — ответил Чарльз. — У вас дивные наклонности к добру. В конце концов все будет зависеть от человека, за которого вы выйдете замуж: он может сделать из вас или ангела, или прямую противоположность его!

Снова лицо Мэри отразило изумление, когда она ответила:

— Кажется, вы правы, особенно в отношении «противоположности». А самое скверное — то, что я никогда не смогу сама выбрать себе мужа, так как рано или поздно мне придется подчиниться тому, кто заплатит брату за меня наивысшую цену!

— Да сохранит вас от этого Господь! — почтительно сказал Брендон.

Так как разговор стал слишком серьезным, то принцесса Мэри поспешила изменить его направление на более веселое и сказала со вздохом:

— Надеюсь, что вы не ошиблись, приписывая мне склонность к добру, только подождите, пока вы не узнаете меня поближе!

— Я твердо уверен, что мне не придется ждать слишком долго!

— О нет!.. Но вот и королева!

IV

Я от души смеялся, когда Джен рассказала мне о словесном турнире между Брендонем и принцессой Мэри. Меня это столкновение нисколько не удивило, так как я достаточно знал своего хладнокровного друга и был уверен, что заносчивость Мэри встретит у него надлежащий отпор; но это была злосчастная победа, и то, чего не могли добиться красота и веселость принцессы Мэри, сделало ее искреннее признание своих недостатков. И Брендон тоже подпал под ее чары, его судьба отныне была предрешена!

Джен спала с принцессой Мэри в одной комнате. Вечером в день встречи с Брендонем принцесса прижалась к подруге и стыдливо шепнула ей:

— Что тебе известно об этом Брендоне? Расскажи мне все! Он интересует меня, и мне кажется, что я стану лучше, если встречу больше таких людей, как он. Но он дерзок, как никто другой. Он говорит все, что ему заблагорассудится, и, несмотря на всю свою обходительность, обращается со мною, словно с ребенком!

Джен рассказывала, пока обе девушки не заснули.

Когда Джен сообщила мне обо всем этом, я сильно испугался: вернейшая дорога к сердцу женщины — убедить ее в том, что ее ведут к самосовершенству и пробуждают в ее сердце честнейшие

склонности и движения! Было бы печально, если бы сам Брендон влюбился в принцессу, взаимная любовь только привела бы Чарльза на плаху и навсегда разбила сердце Мэри!

Через несколько дней после этого я встретил принцессу в покоях королевы. Мэри поманила меня к себе и сказала:

— Недавно я встретилась с вашим другом, капитаном Брендонном. Рассказывал он вам об этом?

— Нет, — ответил я. — Джен сообщила мне о вашей встрече, но Брендон не сказал ни слова.

И в самом деле Чарльз ни словом не обмолвился об этой встрече, я же хотел обождать, долго ли станет он отмалчиваться. При всем дворе не нашлось бы ни одного человека, способного упустить случай похвастать победой в споре с принцессой Мэри!

— Вот как? — с некоторым раздражением сказала Мэри. — Может быть, он считает, что это — такой пустяк, о котором и говорить не стоит? У меня произошел с ним небольшой словесный турнир, в котором, говоря по правде, я не только потерпела поражение, но еще должна была сознаться в этом! Что вы думаете о своем новом друге? Он в самом деле не хвастал, что одержал надо мной верх? Мне кажется, что молчание говорит в его пользу! — И принцесса Мэри, отнюдь не рассерженная своим поражением, откинула голову, звонко рассмеялась и захлопала в ладоши.

— Что я думаю о своем новом друге? — повторил я ее вопрос.

Этим для меня открылась тема, на которую я мог говорить долго и подробно. Сначала я хотел быть кратким, но, к своему собственному удивлению, встретил в принцессе такую внимательную слушательницу, что моя речь оказалась очень пространной.

— Ваш друг имеет в вас пламенного ходатая, сэр Эдвин! — сказала принцесса.

— Это правда, — согласился я, — но ведь что ни говори о нем, ничто не будет преувеличением! — Я знал, что принцесса имеет громадное влияние на короля, и решил обеспечить судьбу Брендона вовремя сказанным словом. — Я уверен, что король осчастливит его своей милостью, и надеюсь, что вы найдете случай замолвить за Брендона словечко его величеству!

— Да что же я могла бы сделать для него? — воскликнула Мэри, которая была очень тонким политиком. — Король раздал все, что мог, а теперь, когда война кончилась, являются сотни людей, желающих получить еще что-нибудь. Громадные сокровища моего отца растрочены, дарить больше нечего. Разве вот только это: после смерти последнего герцога Суффолкского освободились титул и, соответственно, поместья. Может быть, король и наградит тем и другим вашего героя, если только вы сумеете выставить своего друга в таких же привлекательных чертах, как мне! Но спросите об этом короля сами! — смеясь, закончила она свою шутку.

— Для заслуг Брендона всякая награда окажется слишком малой! — ответил я, подхватывая шутку.

— Значит, решено! — шутиливо сказала Мэри. — Отныне нет более «капитана Брендона», а существует «Чарльз Брендон, герцог Суффолкский»! Как это нравится вам, сэр Каскоден?

— По-моему, это звучит очень хорошо, — ответил я.

— В самом деле, даже королевская корона была бы в ваших глазах слишком незначительной для вашего друга, ненасытный вы этакий! Такую интересную личность мы непременно должны удержать при дворе, и я позабочусь, чтобы его сейчас же представили королеве. Танцует ли он? Едва ли! Военные упражнения вряд ли оставили ему свободное время для этого! Затем, мне интересно было бы знать, играет ли он в карты, то есть я хочу сказать — как играем мы, дамы. Вы говорили, что Брендон долго жил во Франции, где была изобретена карточная игра, но ни минуты не сомневаюсь, что он, одним мановением руки ниспровергающий целые армии, с величайшим презрением взирает на такое глупое занятие.

— Право, не знаю, танцует ли он и играет ли в карты, — ответил я, — но готов держать любое пари, что Чарльз — мастер в том и другом!

— Ставлю десять крон! — поспешно сказала принцесса Мэри, очень любившая биться об заклад.

— По рукам! — ответил я.

— Мы испытаем его завтра вечером у меня, — продолжала принцесса. — Приведите его ко мне, но молчите об этом. Джен будет там со своей лютней, что, насколько мне известно, не отпугнет вас. Мы встретимся вчетвером: вы с Джен и новый герцог Суффолкский со мною. О, это будет так забавно, что я просто не дождусь этого!

Необычность затеи придавала ей в глазах Мэри особую прелесть, а пари еще усугубляло интерес. Правда, принцесса время от времени принимала у себя молодежь, — но не в таком, как теперь, интимном составе из двух пар, потому что король с королевой обращали большое внимание на соблюдение внешних форм, может быть, для того, чтобы прикрывать ими серьезные грешки.

На следующий вечер я повел Брендона обходным — чтобы никого не встретить — путем к принцессе; мы дурашливо громко постучались в дверь. Нам открыла леди Джен, принцесса тоже стояла у порога. Я уже посвятил Брендона в шуточный разговор о титуле герцога Суффолкского, и теперь, входя, сказал:

— Милостивые государыни, его светлость герцог Суффолкский!

Девушки скрестили руки на груди и присели в глубоком церемонном реверансе, приветствуя Чарльза:

— Добрый вечер, ваша светлость!

Ответный поклон Брендона был так же глубок и церемонен. Когда же, подражая покойному герцогу, Чарльз надулся и сделал

несколько шагов по комнате старчески заплетающейся походкой, принцесса и Джен покатались со смеху, так что сразу создалось непринужденное настроение.

— Садитесь! — скомандовала принцесса. — Будем сегодня без всяких церемоний! Никто не знает, что мы собрались здесь. Или вы проболтались, сэр Эдвин?

— Как вы могли подумать! — воскликнул я.

Мэри пытливо посмотрела на Брендона и продолжала:

— За вас я совершенно спокойна, вы не выдадите ничего! Я ведь знаю, как молчаливы вы оказались в другом деле. Наверное, вы не ожидали приглашения после того, как недавно я была так неприветлива с вами. Вас очень поразило это приглашение?

— Осмелюсь заметить, что после нашей первой встречи меня уже ничто не может поразить из того, что благоугодно будет сделать вашему высочеству! — улыбаясь, ответил Чарльз.

— Вот как? — сказала Мэри, удивленно вскинув брови. — Посмотрим! Но, пока еще вечер не кончился, мы рассчитываем услышать от вас проповедь, мистер Брендон. Джен нуждается в ней не менее меня!

— Этому я не верю, — возразил Брендон, посмотрев на Джен таким ласковым взглядом, который показался мне, ревнивцу, крайне подозрительным.

Снова Мэри подняла брови и сказала:

— В самом деле? Вы не верите? Ну, мне вы не очень-то льстите, мастер Брендон!

Мой друг лишь церемонно поклонился.

Наступило молчание. Наконец Мэри спросила:

— Что мы предпримем? Не предложит ли кто-нибудь из вас чего-либо интересного?

Джен сидела с такой неподвижной физиономией, что можно было подумать, будто она неспособна ни на какую злую проделку. Но люди, имеющие невинный вид, — как раз самые опасные. Вот и она, словно случайно, сказала:

— Не желаете ли потанцевать? Я поиграла бы вам! — И взялась за лютню.

— О, это было бы чудесно! Мастер Брендон, не хотите ли потанцевать со мною? — спросила принцесса, шаловливо засмеявшись.

Мы с Джен тоже развеселились, а вместе с нами наконец и Брендон, который не подозревал, что этот смех относится к нему.

За шутками он позабыл ответить на приглашение принцессы, и Мэри, во что бы то ни стало хотевшая теперь же разрешить пари, снова переспросила его.

— О! Прошу простить меня! Конечно! — ответил Брендон вскочив и стал около Мэри, готовый к танцу.

Принцесса, кажется, поняла, что она проиграла пари.

Взявшись за руки, он и Мэри сделали несколько шагов и стали в позицию. Никогда не забуду я этого момента, как они стояли рядом! Мэри сияла красотой и грацией, представляя в своей юной свежести облик истинной Венеры, а Брендон соединял в себе Аполлона и Геркулеса одновременно, так что оба они взаимно дополняли друг друга, создавая граничившую с совершенством гармонию. Затем они вступили в танец: шаг вперед, шаг назад, поклоны — все в идеальном ритме.

— Можно ли найти лучшую парочку? — тихо спросил я Джен, сидевшую возле меня.

— Невозможно! — ответила она, продолжал играть, и, как это ни странно, ее ответ опять задел мою ревность.

Мэри и Брендон продолжали танцевать даже тогда, когда Джен устала играть, — так увлеклась принцесса удовольствием, и вместе с тем не переставали болтать и смеяться.

— Играете ли вы в «триумф»? — спросила Мэри среди танца.

— О да! — к моей величайшей радости ответил Брендон, и принцесса кинула мне через плечо выразительный взгляд: пари было окончательно выиграно мною.

— Мало того, — продолжал Брендон, — я знаю еще новую карточную игру, которая гораздо интереснее, чем «триумф».

— Вот чудесно! — воскликнула Мэри. — Это вполне вознаграждает меня за потерянные десять крон. Я уже давно жажду научиться новой игре, только здесь никто не знает. Во Франции, как говорят, карточные игры очень в моде, и вы, наверное, научились там. Ну, а новые французские танцы вы знаете? Говорят, они восхитительны!

— О да, я знаю их! — ответил Брендон.

— Но вы бесподобны! Покажите мне их сейчас же. Ну-с, господин танцмейстер, что вы скажете на то, что ваш друг вытесняет вас на вашем собственном поприще?

— Меня это только радует! — ответил я.

— Если леди Джен будет так добра и сыграет быструю мелодию в три четверти, то я научу леди Мэри новому танцу!

Джен снова заиграла в указанном ей такте. Брендон медленно подошел к принцессе, взял ее за правую руку левой, а правой обнял за талию.

Но Мэри испуганно отскочила назад. Это рассердило Брендона, и он тут же заметил:

— Мне казалось, что вы хотели познакомиться с новым танцем?

— Да, я хотела, но не знала, что его танцуют так, — ответила принцесса с полунедоверчивой, полумолящей о прощении улыбкой.

— О! — ответил Брендон и сделал вид, что хочет уйти.

— Неужели... и в самом деле... вот так... рукой за... талию?.. — смущенно промолвила принцесса.

— Но как же мог бы я позволить себе в ином случае подобную фамильярность? — ответил Брендон с улыбкой.

Заметив эту улыбку, принцесса сказала:

— Боюсь, что скромность не числится среди ваших достоинств, по-видимому, вы — чрезвычайно дерзкий субъект!

— Вы несправедливы ко мне, — ответил Брендон. — Уверяю вас, я — сама скромность, и мне очень больно, что вы думаете обо мне иначе.

— Да вы, кажется, смеетесь надо мною, над моим жеманством, как вы это, конечно, называете? — перебила его принцесса. — Это ли не дерзость с вашей стороны?

Мэри предпочла бы показаться недалекой, чем прослыть жеманной!

Теперь Брендон не мог больше сдержаться и залился громким смехом.

Принцесса сверкнула глазами, топнула ногой и крикнула:

— Сударь, это переходит все границы! Я не намерена ни секунды долее терпеть вашу наглость!

Я думал, что она сейчас же прогонит Чарльза, но этого не случилось. Теперь должно было решиться, кто же из них двоих возьмет окончательный верх.

— Как? — спросил Брендон. — Значит, я хорош лишь для того, чтобы служить предметом издевательств? Я должен был помочь выиграть пари, в основу которого было положено убеждение в моей светской невоспитанности, а теперь, когда пари кончилось в мою пользу, я даже не смею смеяться? Ну уж, говоря по правде, я имел основание чувствовать себя обиженным, но, как видите, нисколько не обижаюсь!

— Каскоден, вы проболтались? — крикнула Мэри.

— Он не проронил ни звука! — вмешался Брендон. — Но нужно быть круглым идиотом, чтобы не понять вашего замечания относительно десяти крон. Ну, так будем квиты и начнем сначала!

Принцесса с величайшей неохотой должна была признать себя побежденной и сказала:

— Хорошо, но я остаюсь при своем мнении, что вы чрезвычайно дерзки, хотя на этот раз и прощаю вас! В конце концов, это вовсе не плохое свойство, и оно еще ни разу не повредило мужчине в глазах женщины. Боюсь, что женщинам оно нравится, даже если они и сердятся за дерзость!

Сказав это, Мэри решительно подошла к Брендону и с заалевшими щечками приготовилась танцевать новый танец.

Она снова несколько испугалась, когда Чарльз обнял ее. Ведь для нее это было первое прикосновение мужчины! Сначала принцесса была пуглива и смущена, но вскоре освоилась с новым положением, выказала себя понятливой участницей и с нескрываемым удовольствием кружилась по комнате.

Когда танец кончился, Мэри, с разгоряченным лицом и сверкающими глазами, упала на стул и воскликнула:

— Новый танец восхитителен, Джен! Словно летишь по воздуху. Но что бы сказал король, и особенно королева? Она упала бы в обморок от ужаса... Но это так прекрасно! — Затем принцесса прибавила, в таком смущении, в каком я ее еще никогда не видел: — То есть, я хочу сказать, танец великолепен, если можно самой выбирать себе партнера.

Эти слова только ухудшили положение вещей и дали Брендону основание спросить принцессу с почтительным поклоном:

— Значит, в таком случае смею ли я надеяться?..

— О да, смеете! Я без стеснения говорю, что танцевать с вами было восхитительно. Ну-с, довольны теперь вы, «сама скромность»? Джен, просто нельзя даже предвидеть, чего еще мы можем дождаться здесь!

Принцесса сказала это крайне резко, так как Брендон держал себя непринужденно и свободно, чего Мэри не привыкла видеть со стороны окружавших ее людей.

— Ваше высочество изволили потребовать от нас, чтобы на этот вечер мы оставили всякие формальные церемонии, — сказал Брендон. — Если я зашел дальше, чем вам бы хотелось, то прошу извинить мой проступок, вызванный желанием доставить вам удовольствие. Впредь вы гарантированы от малейшего оскорбления.

Этими словами Чарльз достаточно ясно выразил, насколько ему безразлично, нравится ли он или нет такому капризному созданию.

Мэри промолчала. Мы поговорили еще некоторое время о том о сем, тогда как Мэри сидела с выражением надменного достоинства. Затем перешли к картам, и во время игры обычная веселость принцессы снова взяла верх. Однако Брендон оставался непоколебимо холодным; он был чрезвычайно вежлив и почтителен с дамами, но радостное настроение, возникшее вначале благодаря его непринужденному веселью, теперь бесповоротно исчезло.

— Фу, как это скучно! — сказала Мэри через некоторое время. — Ваша игра несравненно менее интересна, чем новый танец. Сделайте что-нибудь, чтобы я посмеялась, мастер Брендон!

— Боюсь, что вам придется позвать кого-нибудь другого, если вы хотите смеяться, — ответил Чарльз. — Я не могу понравиться вам во всем, а потому предпочитаю остаться тем, кто, кажется, вам более по душе!

— Это звучит почти так, как будто вы хотите понравиться мне! — насмешливо сказала принцесса, сверкнув глазами; по-видимому, у нее на устах было еще одно бестактное замечание, но она вовремя подавила желание высказать его и продолжала: — Королева вечно говорит мне о необходимости поддерживать на высоте мое «королевское достоинство», как она выражается, и, быть может, она права. Но, скажу откровенно: королевское достоинство — отвратительнейшее наказание! Простите меня, и в будущем, когда мы опять, как сегодня, будем вместе, я прошу вас всех троих обра-

щаться со мною как с равной. Вы еще раз дали мне хороший урок, сэр, и с этой минуты вы — мой друг, если хотите. И пока вы будете достойны...

Мэри протянула Брендону руку, и он, низко склонившись, долгим, сердечным поцелуем принял к ее руке.

В те времена обычай целовать руку был еще внове в Англии и существовал почти исключительно при официальных королевских приемах. Принцесса была удивлена, но, восхитительно зарумянившись, не помешала Чарльзу удержать ее руку дольше, чем это было необходимо.

После того как мы еще некоторое время поиграли в карты, я высказал сожаление, что мы с Джен не можем потанцевать, так как нет музыки.

— Если дамы разрешат, я поиграю, — сказал Чарльз и, взяв лютню леди Джен, принялся играть и напевать веселые песенки, какие не часто услышишь в Англии.

Затем он выразил желание поучить Джен новому танцу; это сейчас же погрузило меня в ревнивое волнение, потому что я не хотел, чтобы он так танцевал с Джен. Но, к моему величайшему облегчению, она ответила:

— Только не сегодня. Быть может, как-нибудь потом сэр Эдвин научит меня, ведь это — его призвание!

Это было первым знаком благоволения, полученным мною от Джен!

Затем принцесса и Джен спели несколько песенок, потом и я пел, а по просьбе Мэри — Брендон. Мы пели дуэтами, квартетом и соло, и все песенки были прелестны, так как выливались из сердца юности, богатой благословенной небесами радостью. Затем мы принялись болтать, и Мэри вместе с Джен заставили Брендона рассказать о своих поездках и приключениях.

Хотя Чарльзу было всего двадцать пять лет, но он чрезвычайно много знал, посещая университеты Барселоны, Саламанки и Парижа. Он говорил по-немецки, по-французски и по-испански, а также был знаком с литературой всех этих языков.

О себе он рассказал, что еще шестнадцати лет покинул родину в качестве дядиною оруженосца, чтобы сражаться во Франции. Позднее он попал на голландскую службу, затем в плен к испанцам, к которым и поступил на службу, так как ему было решительно все равно, где сражаться, лишь бы только иметь случай совершать подвиги да зарабатывать хоть малую толику. Он рассказал, как попал в рабство к маврам в Гренаде, откуда спасся отчаянно смелым бегством. Свой длинный рассказ Чарльз закончил жалобой на то, что нынче вынужден скучать в замке.

Вдруг Мэри необдуманно попросила:

— О, мастер Брендон, расскажите нам о своем поединке с Джудсоном!

Джен сморщила лоб и посмотрела на принцессу, приложив палец к губам.

— Боюсь, что буду не в состоянии сделать это, ваше высочество, — ответил Брендон, после чего встал и, подойдя к окну и повернувшись к нам спиной, стал всматриваться в ночную тьму.

Принцесса поняла, что она наделала, и ее глаза стали влажными. Через несколько минут томительного молчания она тихо подошла к окну и сказала, положив руку на руку Брендона:

— Сэр, простите меня, я должна была подумать... Но, верьте, я не хотела причинить вам боль!

— Ах, миледи, это было просто необдуманное слово, которое не нуждается в прощении! Но вы даете мне новое доказательство доброты своего сердца, и я благодарю вас от души. Мне нужно было только немного времени, чтобы отделаться от мыслей о том ужасном дне!

После чего они вместе вернулись в комнату. Я стал рассказывать разные смешные истории, чтобы развеселить Брендона. Но заинтересовать принцессу Мэри мне не удалось; она сидела в явном нетерпении, наконец вскочила и, покрасневшись, попросила Брендона еще раз станцевать с нею.

— С удовольствием, — ответил Чарльз, взяв ее за руку. — Новый танец?

— Да, новый танец!

Они снова начали танцевать.

Было уже далеко за полночь, когда Мэри наполнила два кубка вином, пригубила из каждого и подала их Брендону и мне. Затем она заплатила мне проигранные десять крон и отпустила нас.

Пред тем как идти спать, Брендон сказал мне:

— Боже мой, до чего она хороша! Но ты не прав, Каскоден, я все еще могу благодарить Господа за то, что не влюбился в нее. Если бы это случилось со мною, я кинулся бы на свой меч!

Я готов был сказать ему, что принцесса отличила его так, как никого еще, но счел за лучшее промолчать. Несчастье вскоре должно было прийти само собою!

V

Через несколько дней после этого Брендону была дана формальная аудиенция у королевской четы. Благодаря этому он получил, так сказать, «все права гражданства» при дворе, что мне было весьма приятно, так как теперь не приходилось опасаться придворных пересудов относительно нашей интимной вечеринки у принцессы Мэри.

Приглашения королевской четы относились обычно ко всему придворному штату без исключений, но у леди Мэри часто бывали маленькие собрания, на которые приглашался лишь самый изысканный круг и которые носили менее церемонный ха-

рактер. Разумеется, все просто домогались приглашения на эти собрания.

Однажды днем мне принесли официальное приглашение от леди Мэри пожаловать к ней вечером на маленькое празднество. К приглашению была приложена отдельная записочка Брендону, собственноручно написанная принцессой. Вот это в самом деле было исключительным отличием!

Но на Чарльза, по-видимому, она не произвела особого впечатления, потому что, когда я передал ему записку, он небрежно прочитал ее и отложил в сторону.

Брендон поблагодарил принцессу особым письмом — дерзость, от которой у меня почти захватило дыхание. Да и принцессу вначале испугала эта смелость, грозившая вконец уничтожить ее «королевское достоинство». Тем не менее она не уничтожила ответное послание Брендона, забралась в свою личную комнату, еще раз перечла письмо и спрятала его в письменный стол. Но вскоре Мэри снова достала бумажку, еще раз перечла и, подумав, спрятала ее в карман. Через некоторое время опять вытащила ее на свет Божий и опять перечитала. После этого принцесса расстегнула пуговку лифа и спрятала письмо за пазуху. Мэри была так увлечена этим, что даже не заметила Джен, спокойно сидевшую у окна, когда же обернулась и заметила подругу, то рассердилась настолько, что вытащила письмо, бросила на пол, наступила на него ногой и почти в ярости крикнула:

— Как ты осмеливаешься подсматривать за мною? Ты исподтишка выслеживаешь меня, я должна осматривать каждый уголок, не шпионишь ли ты за мною!

— Я не шпионила, леди Мэри! — сказала Джен.

— Не возражай мне! Я знаю, что ты шпионила, и желаю, чтобы отныне ты не вела себя тихоней, слышишь? Кашляй, пой или делай что-нибудь, но чтобы я слышала тебя!

Джен подняла с пола письмо и подала его своей повелительнице. Та отбросила его и закатила Джен здоровенную оплеуху. Джен выбежала вон, а принцесса с бешенством заперла за нею дверь. Но, должно быть, принцесса потом снова сунула письмо к себе на грудь; по крайней мере вечером, когда Джен, с которой Мэри не сказала больше ни слова, пришла одевать ее к танцам, записка выпала из-за корсажа. Обе девушки залились веселым смехом, Джен поцеловала голенькое плечо Мэри, принцесса поцеловала Джен в лоб, и они опять стали друзьями.

Что касается Брендона, то ему приглашение на вечер к принцессе стоило ссоры с влиятельнейшим аристократом Англии.

Маленькие собрания принцессы Мэри происходили зимой почти еженедельно и обыкновенно объединяли одних и тех же приглашенных, которые встречали новичков крайне недружелюбно. Кроме того, как это ни странно, даже и неприглашенные часто пускались на всякие штуки, чтобы проникнуть на вечер принцессы. Во избежание последнего у дверей ставили двух алебардистов.

С Брендоном случилось, так, что стражи, никогда не выдавшие его здесь, преградили ему дорогу. Но Чарльз попросту отбросил часовых в стороны.

Поблизости стоял герцог Букингемский, видевший это. Он принадлежал к числу тех самонадеянных, надменных людей, которые частенько совершают какую-нибудь неловкость. Поэтому он поспешил засвидетельствовать свою преданность принцессе и стал на дороге, говоря Чарльзу:

— Сэр, вам следует уйти отсюда! Вы не на турнирной арене и попали сюда, очевидно, по ошибке!

— Милорду Букингему угодно и сегодня, по обыкновению, строить из себя осла! — улыбаясь, ответил Брендон и свернул в сторону, направляясь к Мэри.

Принцесса все видела и слышала, но, вместо того чтобы прийти герцогу на помощь, весело смеялась.

Ответ Брендона взбесил герцога Букингемского. Он бросился на Чарльза, обнажил меч и вне себя крикнул:

— Клянусь небом, еще один шаг — и я проколю тебя насквозь!

Я был свидетелем этого инцидента, но события разыгрались с такой быстротой, что я не успел вспомнить.словно молния, меч Брендона вылетел из ножен, и вслед за этим оружие герцога Букингемского взметнулось к потолку. Затем с непостижимой быстротой Брендон снова сунул свой меч в ножны и поймал за рукоятку меч герцога.

— Милорд изволили уронить свой меч! — сказал он с явной иронией и, ткнув острием в пол, продолжал: — Я хочу затупить кончик, чтобы вы, Боже упаси, не порезались!

Последовал единодушный взрыв смеха, хохотал даже сам король.

Принцесса Мэри тоже рассмеялась и сказала герцогу Букингемскому:

— Милорд, что это за манера встречать так моих гостей? Кто поручил вам сторожить дверь? В следующий раз нам придется вычеркнуть ваше имя из списка приглашенных, пока вы не усвоите хороших манер! — Это было таким жестоким ударом для герцога, что он не произнес ни слова в ответ. А принцесса продолжала, обращаясь к Чарльзу: — Мастер Брендон, я очень рада видеть вас у себя и сожалею, что наш друг Букингем так жаждет вашей крови!

Затем она повела Чарльза к королю и королеве, после чего вместе с ним продолжала обход комнаты.

Знакомство Брендона с гостями состоялось.

Затем Мэри еще раз коснулась сцены, разыгравшейся при входе; она сказала Чарльзу:

— Я пришла бы вам на помощь, если бы не была уверена, что вы сами отделаете герцога. Это было лучше маскарадного игрища и доставило мне большое удовольствие. Я ведь совершенно не выношу герцога!

Интимные собрания у принцессы Мэри никогда не открывались самим королем, а королева, будучи значительно старше своего супруга¹, вообще чуждалась этих развлечений. Поэтому Мэри сама открывала свои балы. Быть при этом ее кавалером считалось величайшей честью, и просто смешно, сколько людей старалось попасться ей на глаза, чтобы их заметили и выбрали. Что касается Брендона, то он отошел в угол комнаты и погрузился в разговор с канцлером Вольсеем, который очень любил его, и мастером Кавендишем, невысоким человечком, большим чудачком, отличающимся ученостью, добротой и горячей привязанностью к принцессе.

Однако настало время открыть бал, и с хор, где помещался оркестр, я мог видеть принцессу Мэри, ходившую среди гостей, вероятно, отыскивая партнера. Наконец она увидела Брендона.

Я с самого начала предчувствовал, что принцесса изберет Чарльза для открытия бала, и заранее сожалел об этом, так как такое отличие неминуемо должно было восстановить против него всю знать. Конечно, я оказался прав, так как Мэри сейчас же подошла к моему другу, и я услышал, как она сказала:

— Мастер Брендон, не угодно ли вам танцевать со мною?

Но представьте себе мое изумление, когда я обратился к дирижеру, чтобы назначить танец, а дирижер ответил мне:

— Мастер, на первый танец мы уже получили распоряжение лично от ее высочества!

Теперь представьте мое двойное изумление, даже ужас, когда оркестр заиграл мелодию нового танца, которому принцессу научил Брендон. Я увидел, как вопросительно посмотрел Чарльз на Мэри, и как она рассмеялась, утвердительно кивнув ему головой. В следующий момент она уже летела, словно нимфа, в объятиях Брендона по залу. Это было прелестное зрелище, и ропот восхищения и удивления приветствовал парочку. Раздались даже аплодисменты, в которых принял участие сам король.

Но вскоре на хорах появилась герцогиня Кентская, первая статс-дама королевы, и передала приказание ее величества сейчас же перестать играть. Музыка смолкла.

— Сэр! — раздраженно сказала мне принцесса, когда я по ее вызову подошел к ней. — Разве музыканты устали, что перестали играть, прежде чем мы кончили танец?

За меня ответила королева:

¹ Речь идет о Екатерине Арагонской, первой супруге Генриха VIII. Для упрочения союза Англии с Испанией отец, Фердинанд Католик, выдал ее за старшего сына Генриха VII, Артура, принца Уэльского, а после смерти — за следующего брата, Генриха VIII. Этот брак, совершенно немыслимый по каноническим законам, был заключен с разрешения папы. Впоследствии Генрих VIII придрался к неканоничности брака, чтобы развестись с Екатериной и, когда папа не признал этого развода, порвал с католицизмом. Екатерина, некрасивая, угрюмая и ханжа, была на шесть лет старше мужа, так что в описываемое время ей было около сорока лет, а Генриху — тридцать четыре.

— Я приказала музыке замолчать, так как не потерплю долее таких непристойных зрелищ!

Мэри сверкнула глазами и, вспыхнув гневом, крикнула:

— Если вашему величеству не нравятся наше поведение и танцы, то вы можете удалиться к себе, когда вам заблагорассудится. В присутствии вашего величества охота к удовольствиям пропадает сама собою!

Королева подскочила к супругу, весело наблюдавшему за инцидентом, и сердито сказала:

— Неужели вы, ваше величество, допустите, чтобы меня до такой степени оскорбляли в вашем присутствии?

— Вы сами ввязались в историю, ну и выпутывайтесь, как знаете! — ответил ей король. — Я вам постоянно твержу, чтобы вы остерегались Мэри: у нее острые коготки!

Генриху VIII надоела угрюмая ворчливость Екатерины еще до того, как он женился на ней. Только благодаря своему испанскому золоту она имела второго супруга из дома Тюдоров!

— Разве я не могу на своих балах слушать музыку и танцевать по собственному усмотрению? — спросила Мэри брата.

— Можешь, сестричка, можешь, — ответил король и обратился к Брендону: — Продолжайте, мастер, мы тоже желаем научиться этому танцу!

Теперь решительно все хотели научиться новому танцу, и даже сам король попросил Брендона показать ему па. Король очень быстро усвоил их и выводил фигуры с неуклюжей грацией ученого медведя.

Дамы вначале несколько стеснялись и старались держаться от кавалеров возможно дальше, но тем не менее Мэри ввела новую моду, и все последовали ее примеру. Я тоже успел заранее поупражняться в этом танце, так что теперь мне представился случай поучить даже Джен. Поэтому я отправился к избраннице своего сердца, чтобы пригласить ее на танец. Однако она ответила:

— Благодарю вас, сэр Эдвин, здесь найдутся другие, которые больше стремятся к этому! — Когда же она продолжала отказываться при моих повторных просьбах и увидела, что я рассержен, то шепнула мне в виде извинения: — Я не могла бы танцевать этот танец с вами на глазах у всех.

Через несколько минут мы очутились одни в соседней комнате, и я предложил Джен попробовать здесь.

Упрямица была загнана в тупик, однако все же покачала головой и ответила:

— Но как же, если я не хочу?

— Миледи, теперь уже вам придется просить меня об этом! — воскликнул я, потеряв терпение, и, насупившись, проводил Джен обратно в зал.

Весь вечер был посвящен упражнению в новом танце. Когда мы собрались уходить, Мэри сказала Брендону:

— Вы доставили королю большое удовольствие этим новым развлечением. Он спросил меня, где я выучилась танцу, я сказала, что вы показали его Каскодену, а Каскоден — мне!

— Но ведь это не так! — воскликнул Чарльз. — Разве не лучше было бы сказать правду его величеству?

Мэри слегка покраснела и ответила:

— Чем же я виновата? Если король Генрих узнает, что мы провели такой славный вечерок в моих покоях, то очень рассердится, и... и... пожалуй, вы пострадаете из-за этого. Теперь научите короля новой карточной игре, и тогда ваша карьера сделана. Недавно он выписал несколько ломбардцев, которые показали ему новые карточные игры, но ваша наверняка понравится ему больше всех других! — Вдруг принцесса с какой-то торопливой резкостью прибавила: — Я не танцевала нового танца ни с кем, кроме вас, а вы, по-видимому, даже не заметили этого!

И она скрылась, прежде чем Чарльз успел поблагодарить ее.

VI

Принцесса отлично знала своего венценосного братца, утверждая, что новое развлечение или новый роскошный покрой платья будет скорее вознаграждено им, чем выигранная битва. Позднее верным путем к его благосклонности был хороший совет, как отделаться от надоевшей супруги и раздобыть себе новую. Впрочем, это был в то же время очень опасный путь, как испытал на себе канцлер Вольсей, звезда которого закатилась вместе с несчастной Анной Болейн.

Брендон понял намек принцессы и сумел намекнуть королю, что знает новые французские игры. Вследствие этого его призвали от службы к королевскому карточному столу. Брендон был достаточно умен, чтобы постоянно давать королю выигрывать, иначе новая игра слишком скоро вышла бы из моды.

Игра, показанная Чарльзом, занимала Генриха днем и ночью в течение трех недель; он упивался ею до пресыщения потому что вообще никогда не умел умерять свои страсти. Таким образом, мы видели Брендона очень редко, и принцесса Мэри рассказывала, зачем она упомянула о картах. Она тоже с удовольствием позабавилась бы новой игрой, но желания короля шли в первую очередь.

Однажды его высочеству взбрело в голову выстроить в Виндзоре новую часовенку; он взял с собою небольшую свиту, в которой, кроме Мэри, были Брендон, Джен и я, и мы отправились в Лондон. Переночевав там, мы в ясное, чудное июньское утро отправились верхом на лошадях в Виндзор.

Мэри и Джен ехали бок о бок. Я был сердит на Джен и потому умышленно не приближался к ней, Брендон же, видимо без всякого умысла, предоставил это случаю и ехал рядом с Кавендишем и со мною.

Вскоре я заметил, что принцесса Мэри все время оборачивается в нашу сторону, словно опасаясь грозы с этой части горизонта. Я надеялся, что и Джен заподозрит дождь, но ее шея словно окаменела, и моя милая ни разу не обернулась. Мы проехали около трех миль, как вдруг принцесса осадилла лошадь и повернулась в седле. Я слышал, что она что-то сказала, только не разобрал, что именно.

В следующую минуту кто-то крикнул:

— Мастер Брендон к ее высочеству!

Чарльз выехал вперед, я следовал за ним. Когда мы приблизились к девушкам, Мэри сказала:

— Кажется, у меня подпруга ослабла!

Брендон сейчас же спешился, а все остальные стали вокруг. Осмотрев подпругу, Чарльз сказал:

— Миледи, подпруга затянута так сильно, как только может выдержать лошадь!

— Она ослабла, говорю я! — с некоторым раздражением воскликнула принцесса, упорно стоя на своем. — Я чувствую это по седлу! — Затем, с раздражением обернувшись к окружающим, она прикрикнула: — Ну, все непременно должны ротозейничать здесь, словно остолопы? Поезжайте дальше, мы справимся и без такого количества праздных свидетелей!

Следуя недвусмысленному намеку, все отправились далее, в то время как я держал под уздцы лошадь Чарльза, продолжавшего исследовать подпругу.

Тем временем Мэри наклонилась через шею лошади и спросила моего друга:

— Надеюсь, вы разрешили с Кавендишем все текущие философские проблемы, которые вас так интересуют?

— Отнюдь нет! — улыбаясь, ответил Брендон.

— Но вы были так углублены в свой разговор. Должно быть, вы говорили о важных материях?

— Нет, — ответил Брендон, — но подпруга все же не ослабла!

— Может быть, это только показалось мне, — небрежно ответила принцесса.

Я взглянул на Джен, в глазах которой играли плутовские огоньки, и вручил Брендону поводья его лошади. Громко рассмеявшись, Джен сказала:

— Эдвин, мне кажется, что и моя подпруга ослабла!

— Как у леди Мэри? — с улыбкою спросил я.

— Да, — ответила Джен, весело смеясь.

— Тогда останьтесь со мною, — попросил я.

Принцесса посмотрела на нас и, полусмеясь-полудосадуя, сказала:

— Вы, без сомнения, считаете себя чрезвычайно остроумными?

— Еще бы! — раздраженно ответила Джен и, выразительно показывая головой на принцессу, ехавшую с Брендонем впереди, тихонько прибавила: — Авось, она теперь будет довольна!

— Значит, вы хотите, чтобы я ехал с вами? — спросил я.

— Да!
— Почему?
— Потому что хочу!
— А почему вы недавно не захотели танцевать со мною?
— Потому что не хотела!
— Коротко и неясно, — сказал я, — но для девушки — вполне убедительно!

После довольно продолжительного молчания Джен начала:

— Танцевать с вами тот танец и ехать здесь рядом с вами — совершенно разные вещи! Новому танцу я не захотела учиться потому, что не стану танцевать его ни с кем, кроме вас, а пока даже и с вами не стану!

Эти слова преисполнили меня горячей радостью; в устах моей стыдливой Джен они были весьма многозначительны. Теперь я знал, что она расположена ко мне и в один прекрасный день станет моей. Но я тут же убедился, что этого вожделенного момента мне придется добиваться очень долго.

— Джен, вы ведь знаете, что мое сердце полно любовью к вам! — сказал я.

— Разве мир собирается разлететься вдребезги? — воскликнула Джен с вызывающей улыбкой.

Тут я с ужасом вспомнил, что, объясняясь Мэри в любви, заявил: «Скорее мир разлетится вдребезги, чем я...» — и так далее. Джен подслушивала и теперь, как бывало уже много раз, положила предел моему стремлению излить ей свою любовь.

— Я чрезвычайно озабочена! — снова заговорила она через некоторое время.

— В чем дело? — участливо спросил я.

— Да в моей повелительнице! Я никогда еще не видала, чтобы она проявила к кому-нибудь столько интереса, как к вашему другу Брендону. Не скажу, чтобы она уже была влюблена в него, но серьезно боюсь, что этого не избежать. Она не привыкла отказывать себе в чем-либо, и ей не приходится даже в голову, что это возможно. Мэри уверена, что все, чего она желает, принадлежит ей по божественному праву. До сих пор ей и не надо было бороться с самой собою, но теперь это необходимо. Я хотела бы, чтобы ваш друг очутился на другом конце земли, да и принцесса сама чувствует, что лучше держаться от него подальше, пока не поздно. Но она не может отказать себе в удовольствии быть с ним вместе, и я просто не знаю, что из всего этого выйдет. Вы только посмотрите, как она счастлива! Пока мы ехали с ней вдвоем, она была чрезвычайно угнетена, но вот она придумала свою маленькую хитрость и... Я вообще удивлена, к чему бы ей подыскивать предлог, а попросту не потребовать к себе Брендона. Ну, а вы не знаете, как обстоит дело с его чувствами?

— Нет, — ответил я, — но мне кажется, что его сердце еще не затронуто. Он сам говорил мне, что никогда не дойдет до глупости

влюбиться в сестру короля. Если существует на свете рассудительный мужчина, то это — Чарльз!

— Да, ваш друг Брендон не похож на других! — ответила Джен. — Он наговорил принцессе кучу умных вещей, прочитал ей мораль и обратил ее внимание на некоторые недостатки. Хотела бы я видеть, кому другому позволила бы она это! Но от Брендона она с радостью выслушает что угодно и даже утверждает, что он внушает ей высшие, лучшие чувства. Однако до сих пор он ничем не проявлял своей любви.

— Может быть, оно и лучше; это могло бы излечить ее!

— О, нет, нет, теперь уже нет! Сразу — может быть. Я боюсь, что, если он будет молчать и дальше, Мэри сама возьмется за дело. Она ведь — принцесса, ей придется первой заговорить, или из всего этого ничего не выйдет!

Затем Джен рассказала мне историю с письмом Брендона и о всяких других мелочах, свидетельствовавших слишком ясно, куда подул ветер.

Все, что я услышал, очень взволновало меня, так как подтвердило мои собственные предчувствия. Но эта тень не могла омрачить ликования в моем сердце, и поездка верхом в Виндзор стала счастливейшим днем моей жизни. Да и Джен тоже отбросила от себя заботы и принялась весело болтать и смеяться.

Впереди нас ехали принцесса и Брендон. Время от времени до нас долетал звук ее голоса, она то пела, то смеялась. Бедная Мэри! Дни твоей беззаботной радости были уже сочтены!

Мы доехали до Виндзора в превосходнейшем настроении. По прибытии многие представители родовитейших английских семей, как, например, оба Говарда, герцог Букингемский, Сеймур и прочие, должны были отступить перед незнатным Чарльзом Брендонном, которому на долю выпала рыцарская честь помочь сойти с седла принцессе Мэри. Чарльз сделал это очень изящно и грациозно; Мэри была слишком легкой для его сильных рук, и он опустил ее на землю осторожно, словно ребенка.

Мы пробыли в Виндзоре четыре дня. В течение этого времени многих из присутствующих король возвел в сан рыцаря; это отличие выпало бы также и на долю Брендона, если бы герцог Букингемский не сумел ловко преподнести Генриху историю с ослабевшей подругой и не возбудил этим подозрений короля. С того момента Генрих непрестанно следил ревнивым взором за Брендонном. Ведь сестра Мэри была для короля сильнейшим дипломатическим орудием, и если ей суждено полюбить и выйти замуж, то лишь к его личной пользе!

Брендон и Мэри виделись очень часто во время этого краткого пребывания в Виндзоре: у принцессы вечно был наготове какой-нибудь план, чтобы вместе провести время. Как ни приятно было это Брендону, он недоумевал и тревожился от перемены обращения с ним самого короля. Я мог бы в двух словах разъяснить Чарльзу его недоумение, но мне жаль было смущать его непри-

нужденность в обращении с принцессой. Конечно, королю было безразлично, если бы какой-нибудь Брендон без ума влюбился в его сестру, но что она сама начала отличать какого-то Брендона, это далеко не все равно, и рано или поздно счастливчику не миновать расплаты.

Перед нашим возвращением в Гринвич король собственноручно осмотрел седельную подпругу у сестриной лошади.

VII

Однажды при дворе распространился слух, что престарелый король Франции Людовик XII, супруга которого Анна только что умерла, посватался за принцессу Мэри. Это и открыло Брендону глаза и заставило его понять, с каким опасным огнем играл он до сих пор. Ему впервые стало ясно, что, помимо его воли, почти помимо его ведения, принцесса стала ему необыкновенно дорога. Теперь он воочию увидел опасность и стал отчаянно бороться, чтобы сбросить обольстительные чары.

Я с тревогой думал о будущем. В сердце принцессы Мэри проснулась любовь — в первый раз и со всей необузданностью. Правда, пока еще это не была истинная страсть, но все же это была любовь — любовь чистая и ясная, как восходящее солнце! Но так как принцесса была капризна, как апрельский день, то нельзя было заранее определить, когда этому солнцу заблагорассудится закатиться!

Мэри едва ли отдавала себе достаточно ясный отчет в силе своего чувства. Брендон интересовал ее, ей было приятно с ним, и она искала разные способы встречаться с ним как можно чаще. Только и всего! Однако, когда Брендон стал всеми силами избегать этих свиданий, она обиделась и замкнулась в холодной сдержанности. Но, так как на Брендона эта перемена обращения не произвела ни малейшего впечатления, она опять принялась осаждать его.

Уже почти две недели они не виделись; Мэри становилась все беспокойнее. И вот судьбе было угодно, чтобы, гуляя вместе с Джен в лесу, она натолкнулась на Брендона.

Чарльз медленно шел по дорожке, читая книгу, когда они настигли его. Джен рассказывала мне потом, что обращение принцессы с Чарльзом было очень странным: сначала она осыпала его язвительными замечаниями; когда же Брендон попытался уйти от них, Мэрри сделалась воплощением любезности и стала придумывать тысячи способов, как бы хоть на минутку остаться с Чарльзом наедине. То надо было отыскать редкий цветок, то найти четырехлистный клевер, то разыскать в лесу особенно романтическое место. Джен не сразу поняла, чего добивается ее повелительница, и шла за нею, пока принцесса не рассердилась и не воскликнула:

— Да Бога ради, Джен, не следуй за нами по пятам! Ты вечно торчишь у меня под рукой, а тебе ведь известно, как легко эта рука вдруг загорается желанием размахнуться в твою сторону!

Обиженная этим оскорблением, Джен повернула назад.

Как рассказывал потом Чарльз, Мэри не стала терять время даром и немедленно обратилась к Брендону:

— Ну-с, сударь, теперь вы должны сказать мне правду! Почему вы постоянно отклоняете мои приглашения и так упорно стараетесь держаться подальше от меня? Сначала я хотела попросту предоставить вам идти своим путем, но нет... нет, я не хочу! Только без отговорок! Вы ведь неспособны на малейшую ложь даже по отношению к женщине! Ну, это — уже заправский комплимент, не правда ли? — Мэри рассмеялась нервным смешком и продолжала с поникшей головой: — Скажите, может быть, сестра короля для вас недостаточно знатна?

— Служба всецело занимает мои вечера...

— Это неправда! — перебила его Мэри, достаточно знавшая службу в лейб-гвардии. — Лучше скажите мне без всяких обиняков, что вам не нравится наше общество.

— Бога ради, леди Мэри, только не это! — воскликнул Брендон. — Я не могу допустить, чтобы вы думали что-нибудь до такой степени не соответствующее истине!

— Тогда выкладывайте эту истину!

— Не могу, не хочу и, прошу вас, не спрашивайте далее! Оставьте меня или позвольте мне уйти, я отказываюсь от дальнейших ответов! — мрачно сказал Чарльз, делая над собою величайшее усилие, чтобы сдержать пламенные слова, вырывавшиеся у него из сердца.

Мэри не почувствовала страданий его сердца и воскликнула в величайшем изумлении:

— Оставить вас? Да так ли я слышала? Я никогда не думала, что меня, дочь и сестру короля, осмелится прогнать какой-то... какой-то...

— Ваше высочество! — воскликнул Брендон... но принцесса была уже далеко.

Чарльз не сделал ни малейшей попытки последовать за нею, чтобы объяснить девушке все; он считал за лучшее, чтобы она чувствовала себя обиженной, как ни мучительно была ему эта мысль.

Сидя на камне, Брендон долго-долго смотрел вслед Мэри и желал лишь одного, чтобы его поглотила земля. В первый раз он почувствовал, как любит эту девушку; именно теперь, когда она ушла, оскорбленная им, она была ему дороже, чем когда-либо. И Чарльзу стало ясно, что скоро настанет время, когда он отбросит прочь всякую осторожность и попытается завоевать ее.

Конечно, стоит только королю провести о безумном дерзновении Брендона, как он, бедный юноша, сложит голову на плахе, а если ему и посчастливится удержать голову при себе, то сама Мэри не захочет и не сможет выйти за него замуж, как бы ни любила

его. Расстояние между ними было слишком велико, и принцесса слишком хорошо сознавала, что положение обязывает. Ему оставалось лишь одно: уйти прочь отсюда, и в нем тут же созрело решение уехать за море с первым же кораблем.

То, что истинная причина дерзкого поведения Брендона, — любовь, не пришло в голову Мэри. Она была серьезно рассержена, и Джен пришлось теперь чаще, чем обыкновенно, чувствовать на себе тяжесть ее руки. И я тоже испытал на себе ее дурное настроение, как это, разумеется, случилось бы и с Брендоном, попадись он ей на глаза. Никто не мог ужиться теперь с Мэри; даже король избегал ее, а королева почти не осмеливалась заговорить с нею. Мэри не сообщила Джен причину своей злости, а заявила только, что ненавидит Брендона всеми силами души. Но уже через несколько дней сердце снова взяло верх над злостью, и желание увидеть Брендона победило жажду оскорбить его как можно больнее.

Но Чарльз сам не мог выносить долее такого положения вещей. Узнав, что через три недели из Бристоля уходит корабль в Новую Испанию, он решил отказаться от службы при дворе и уехать в Новый Свет. Я рассказал об этом Джен, и она, конечно, передала принцессе.

Бедная Мэри! Теперь дело дошло до вздохов! Последние остатки раздражения против Брендона исчезли перед страхом потерять его. Принцесса заперлась в своей комнате и сидела одна, пока не пришла Джен, чтобы раздеть ее ко сну. Но она застала Мэри уже в кровати; принцесса закуталась в одеяло с головой и как будто спала. Тогда и Джен отправилась на покой. Обычно они с Мэри спали на одной кровати, но во время дурного настроения Мэри Джен спала у себя. Некоторое время все было тихо; вдруг Джен услышала вздох, затем всхлипывание.

— Что с тобою, дорогая Мэри? — спросила она.

— Ничего.

— Прийти мне к тебе?

— Да.

Тогда Джен пришла к принцессе и нежно обняла ее за шею.

— Когда он едет? — шепнула Мэри и призналась этим вопросом во всем.

— Не знаю, — ответила Джен, — но, прежде чем ехать, он захочет еще раз увидеться с тобою!

— Ты в самом деле так думаешь?

— Я знаю это!

С этим утешением и уснула всхлипывавшая Мэри.

Несколько дней принцесса была довольно спокойна; только Джен заметила, что она постоянно находится в ожидании...

Наконец Мэри и Брендону пришлось встретиться, и произошло это так. К королевской спальне примыкала роскошно обставленная комната с собранием избранных книг. Однажды Брендон зашел сюда, выбрал себе книгу и уселся в нише, полускрытой занавеской. Вдоль стены шла скамейка с мягким сиденьем. Через маленькое

шестиугольное окно проникал свет. Брендон недолго просидел там, как вдруг вошла Мэри. Уж не знаю, провела ли она о присутствии здесь Чарльза, но факт тот, что они оказались здесь вместе и что она, увидев его, подошла к нему, прежде чем он успел заметить ее присутствие.

Брендон в тот же миг вскочил и, почтительно поклонившись принцессе, собрался уходить.

— Мастер Брендон, вам совершенно ни к чему уходить. Я не хочу прогонять вас. Если здесь не хватает места для нас обоих, то лучше я уйду. Я не хочу мешать вам! — Мэри произнесла все это дрожащим, взволнованным голосом и сделала движение, чтобы вернуться и уйти.

— Леди Мэри, как можете вы говорить так! Вы знаете.... вы должны знать... о, молю вас!..

Тогда Мэри, взяв Чарльза за руку и притянув его на скамейку возле себя, продолжала:

— Дело в том... я не знаю... но мне хотелось бы узнать... Я хотела бы, чтобы вы сели около меня и рассказали... Тогда я, пожалуй, примирюсь с вами, хотя в последний раз вы обошлись со мною так плохо! Ну, что вы скажете на это?

Слова принцессы сопровождались нервным смехом, доказывавшим, что на сердце у нее было далеко не так светло и хорошо, как она хотела показать словами. Бедный Брендон! Должно быть, с ним случилось в первый раз, что он не мог выговорить ни слова в ответ на обращенную к нему речь и остался в беспомощном молчании!

Мэри скорее овладела собою — ведь женщинам это дается легче, чем нам! — и продолжала:

— Не буду говорить вам о вашем поведении в лесу, хотя это очень дурно с вашей стороны так скверно обойтись со мною. Ну, разве я не добрая?

Принцесса посмотрела на Чарльза чарующим взором пламенных глаз, которым любовь придавала двойную прелесть. Нет, наверное, она была осведомлена о пребывании Брендона в этой комнате, так как ее туалет отличался особой изысканностью. И вся она была так прелестна, так бесконечно очаровательна, что, как рассказывал мне потом Брендон, он, внимая звукам ее голоса, думал, нельзя ли ему каким-нибудь необычным образом сбежать — ну, хоть выпрыгнуть в окно, например! Но это было невозможно, и Чарльз прибег к единственному оружию, которое ему еще оставалось: молчанию! Однако и это оружие скоро было выбито из его рук.

После недолгой паузы Мэри полушута продолжала:

— Однако ответьте же мне! Вы должны относиться ко мне хотя бы с такой же долей вежливости, как и по отношению к женщине самого простого звания!

— О, если бы вы были ею!..

— Да, если бы! Но раз я — не простого звания, то тут уж ничего не поделаешь. А отвечать мне вы должны!

— Да ведь на это нет ответа, нет! Ах, дорогая леди... умоляю вас... о, разве вы не видите?

— Да, да! Но все же ответьте на мой вопрос. Разве я не добра к вам больше, чем вы заслуживаете?

— О, да, да, в тысячу раз больше! Вы всегда были так добры, так милостивы, так снисходительны ко мне! Я могу только благодарить вас от всего сердца! — ответил Чарльз, не решаясь взглянуть на принцессу.

Мэри сразу овладела положением. В тот же момент к ней вернулась ее обычная шутливая непринужденность.

— Как мы стали скромны! — воскликнула она. — Да куда же девалась наша хваленая смелость? Я была добра? И всегда? Неужели в первый раз, когда я увидела вас, тоже была добра к вам? Я снисходительна? Это слово вы не смеете употреблять между нами!

— Нет, — ответил Брендон, который тоже начал овладевать собою, — нет, не могу сказать, чтобы в первый раз вы были особенно добры! Как вы тогда вспыхнули! И это вышло так неожиданно, что от изумления я просто растерялся и Бог знает что наговорил!

Оба засмеялись при воспоминании о первой встрече.

— Нет, не могу сказать также, чтобы при этом вы выказали чрезвычайную доброту, но зато потом, когда леди Джен снова позвала меня к вам, вы были очень добры, так добры, как только можете!

— Значит, вы нетребовательны, если называете это добротой, — улыбаясь, ответила Мэри. — Я могу быть еще гораздо добрее, если только постараюсь. Оно, — и Мэри положила руку на сердце, — сегодня просто переполнено добротой!

— Боюсь, что вам лучше стать снова злой, позвольте честно предупредить вас! — сурово заметил Брендон, чувствовавший, что силы его тают.

Не обращая внимания на это предупреждение, Мэри продолжала после краткой паузы:

— Теперь мы переменились ролями. Обидчиком стали вы!

— Обидчиком? О, вы просто не хотите признать, что я руководжусь лучшими намерениями! Во всяком случае, для меня было бы лучше очутиться на другом конце земли!

— Вот относительно этого я как раз и хотела спросить вас. Джен говорила мне, что вы собираетесь уехать в Новую Испанию?

Мэри умышленно поспешила переменить тему, так как сама начала чувствовать, какой опасный оборот принимает их разговор. В то время принцесса Мэри считалась бесспорной наследницей английского трона, так как брак Генриха VIII оставался бездетным (Мария Тюдор, впоследствии получившая прозвище «Кровавой», родилась только через год — в 1516 году). Следовательно, как бы пламенны ни были ее чувства к Брендону, Мэри понимала, что дело не должно, не может дойти у них до объяснения в любви. И все-таки она не могла побороть в себе страсть быть рядом с Чарль-

зом, слышать его голос. Было так восхитительно находиться у самого края бездны сладчайшей радости и блаженства, но через этот край она не смела переступить! Кто она и кто — он? Мэри лучше всякого другого сознавала разделявшую их пропасть.

Брендон ответил на вопрос принцессы:

— Я еще не знаю наверняка, уеду ли. Я предложил свои услуги кораблю, который отплывает недели через три из Бристоля, и мне кажется, что уехать следует.

— О, в самом деле? Вы это серьезно? — Мэри почувствовала болезненный укол в сердце, но в то же время не могла не испытать некоторого облегчения при мысли, что решение Брендона избавит ее от искушения.

— Мне кажется, нельзя сомневаться в серьезности моего намерения, — ответил Брендон. — Я охотно остался бы в Англии, пока не будет погашен долг, лежащий на отцовском наследстве, чтобы обеспечить моих братьев и сестер. Но я должен ехать и надеюсь добыть там, в Новом Свете, деньги.

Мэри кинула на Брендона сверкающий взгляд и спросила:

— А как велики эти долги? Позвольте мне дать вам деньги, у меня их больше, чем надо. Скажите, сколько нужно, возьмите у меня деньги. Ну, говорите скорее!

— Вот оно! Вы опять — сама доброта! Искренне благодарю вас! — Говоря это, Брендон с такой любовью посмотрел Мэри в глаза, что она не смогла вынести его взгляда. Опять положение становилось опасным, но, быстро овладев собой, Брендон продолжал в поддразнивающим тоне: — Значит, вы хотите заплатить долги моего отца, чтобы у меня не было больше предлога оставаться здесь долее? Пожалуй, в сущности вы вовсе не так уж добры!

— Нет, нет, вы сами это отлично знаете! Но все-таки позвольте мне заплатить долги! Сколько? Сейчас же скажите, приказываю вам!

— Нет, леди Мэри, я не могу!

— Пожалуйста скажите! Если я не смею приказывать, то буду просить, и теперь я знаю, что вы это сделаете. Ведь не заставите же вы меня вторично просить?

Мэри подседа поближе к Чарльзу и заискивающе положила свою ладонь на его руку. Следуя непроизвольному влечению, Чарльз взял ее руку, поднес к своим губам и запечатлел на ней долгий пламенный поцелуй, в значении которого она не могла ошибиться.

Мэри испугалась, и на короткий миг принцесса снова взяла в ней верх.

— Мастер Брендон! — крикнула она и отдернула руку.

Чарльз отодвинулся. Он ничего не ответил. Отвернувшись, он смотрел из окна на реку.

Так сидели они оба в молчании.

Мэри поняла, что означало то почтительное движение, с которым Чарльз отпустил руку и отодвинулся. Некоторое время она

смотрела на него ласковым взором, затем протянула руку Чарльзу и тихо сказала:

— Вот она, если вы хотите ее!

— Хочу?

О, это было уже чересчур! Теперь Брендону уже мало было руки, он хотел иметь все, все! Он вдруг схватил принцессу в свои объятия с такой необузданностью, что она испугалась.

— Прошу вас, оставьте меня! Не теперь, жальтесь, Чарльз... о, не надо... не надо... Матерь Божия, прости мне!

Но тут женская стыдливость Мэри уступила бурному натиску его страсти, она упала к нему на грудь, обвила своими белыми руками Чарльза за шею и стала целовать его. Высокорожденная, знатная принцесса платила дань слепому божку, как самые простые девушки из народа, словно вовсе не кровь пятидесяти королей сделала ее губы такими алыми и сладкими!

Брендон держал некоторое время девушку в своих объятиях, а затем упал пред нею ниц и спрятал свое лицо в ее коленях.

— Да помажет мне Небо! — воскликнул он.

Мэри провела рукой по его волосам, ласково откинула волосы с его лба и нежно шепнула:

— Да поможет Небо нам обоим, потому что я люблю вас!

Чарльз вскочил и бросился вон со страстным криком:

— Пустите, пустите меня... молю вас!

Мэри последовала за ним до двери. Когда Чарльз обернулся, то увидел, что она стояла, закрыв лицо руками.

Брендон вернулся и сказал:

— О, я не хотел заходить так далеко, и если бы вы сами не подтолкнули меня, то никогда... — Но тут Чарльз вдруг вспомнил, с каким презрением относился он всегда к Адаму за то, что тот старался свалить всю вину на Еву, и продолжал: — Нет, это — неправда! Виноват я один! Я уже давно должен был уехать.

Взор Мэри был прикован к полу, слезы неудержимо лились из ее глаз по разгоряченным поцелуями щекам.

— Никто не виноват, ни вы, ни я, — пробормотала она.

— Нет, нет, тут нет вины, это — судьба. Я не такой, как другие мужчины; я никогда не смогу пережить это!

— О, я слишком хорошо знаю, что вы не похожи на остальных мужчин. Да ведь и я... тоже... не похожа на других девушек?

— О, еще бы! Такой женщины нет нигде во всем громадном, необъятном свете.

И они снова упали в объятия друг друга.

Так прошло несколько мгновений. Наконец, опустив глаза, Мэри как будто о чем-то задумалась; Брендон слишком хорошо знал выражение ее лица и сразу понял, что она чем-то недовольна.

— Вы хотите сказать что-то? — спросил он.

— Я — нет! — ответила она с особым ударением.

— Значит, это я должен сказать что-то?

Мэри медленно кивнула.

— Что же? Объясните мне, и я скажу то, что нужно.

— Разве вам не понравилось слышать от меня, что я... вас... люблю?

— О, вы сами знаете! Но... но... вы хотите слышать это и от меня также?

Мэри быстро кивнула несколько раз головой, ее длинные черные ресницы приподнялись, и из-под них сверкнули блестящие страстью глаза.

— Этого совершенно не нужно, — произнес Брендон, — но я охотно скажу вам: «Я люблю вас»!

Мэри прижалась к Чарльзу и спрятала лицо у него на груди.

— Ну, я сказал. А где награда? — спросил он.

Прекрасное лицо принцессы обернулось к нему, и... посыпалась награда за наградой.

— Но это хуже, чем безумие! — крикнул наконец Брендон, почти грубо отталкивая от себя девушку. — Мы ведь никогда, никогда не можем принадлежать друг другу!

— Нет, — ответила Мэри и с отчаянием трянула головой, слезы снова брызнули из ее глаз, — нет, никогда!

Упав на колени, Чарльз еще раз приник к ее рукам, а затем вскочил и опрометью кинулся к двери. Слова Мэри наглядно показали ему непроходимую пропасть, которая сверху казалась еще глубже, чем снизу. Оставалось одно: спастись бегством!

Вернувшись в свою комнату, Чарльз принялся метаться взад и вперед в страшном волнении.

— Дурак, дурак! — вопил он. — Зачем я взвалил себе на всю жизнь такую смертную муку? Зачем я прибыл к этому двору? О, Боже, сжался надо мной, сжался надо мной! — И Брендон кинулся на кровать, закрыв лицо руками, все его тело содрогалось в конвульсивных рыданиях.

Брендон боролся с собою, стараясь внушить себе твердое решение немедленно уехать в Бристоль, чтобы там подождать отплытия судна. Быть может, в Новой Испании он сможет хоть отчасти возродиться к радостям жизни!

К сожалению, Чарльз не мог исполнить это намерение из-за турнира в Ричмонде, где ему непременно надо было присутствовать. Тем не менее он не хотел выходить из своей комнаты, чтобы не видеться с девушкой, сводившей его с ума. Ему казалось, что гораздо лучше и умнее уехать, не простившись с нею.

«Если я еще раз увижу ее, то решусь на самоубийство!» — сказал он себе.

Я слышал, как всю ночь напролет Брендон метался на кровати, а утром он был бледен и имел очень несчастный вид. Его намерение уехать, не увидавшись с Мэри, было теперь крепче, чем когда либо. Однако Провидение и судьба решили иначе.

VIII

Сначала Мэри вздыхала, не видя Брендона, потом начала плакать, а в конце концов стала раздражаться. Правда, рассудок подсказывал ей, что так будет лучше, но страстное желание видеть Брендона становилось все настоятельнее. Даже сознание разделявшей их пропасти притуплялось у нее, и, как справедливо говорила Джен, неудовлетворенное желание Мэри стало мукой для окружающих ее лиц.

Вечером третьего дня Мэри послала за Брендонем, но Чарльз ответил коротенькой запиской с отказом. Мэри пришла в страшное неистовство. Она не подумала, что Брендон настолько знал себя, чтобы не быть уверенным в полном крушении своих твердых намерений, если ему придется снова встретиться с искушением. Он знал, что, стоит ему еще раз увидеть Мэри, и он не уедет в Новую Испанию, а останется в Англии, чтобы безнадежно любить и в результате сложить свою голову на плахе. Уже теперь ему нужно было призывать всю свою волю, чтобы не отказаться от плана отправиться за море. Брендон был на границе самообладания и, умея разбираться в самом себе, отдавал себе отчет в том, чего не следует делать.

Зато принцесса Мэри, никогда не занимавшаяся мудрым самопознанием, не могла оценить мотивы Брендона и пришла в необузданную ярость от его ответа. Злость и уязвленное самолюбие заслонили в этот момент любовь; она непрестанно твердила себе: «Я ненавижу этого негодяя! О, стоит только мне вспомнить, как далеко я зашла!» — и при этом слезы раскаяния и стыда градом лились из ее глаз.

До тех пор, пока Мэри была уверена, что подарила свою любовь человеку, который платил ей той же страстью, она была рада и горда содеянным, но теперь стала сомневаться и сочла себя обманутой. Ей казалось совершенно ясным, что никакая сила не могла бы удерживать Брендона вдаль от нее, если бы он питал к ней те же чувства, что и сама она. Поэтому она в конце концов пришла к убеждению, что Чарльз просто пренебрег ею. Воспоминание, что ей пришлось просить его признаться ей в любви, и мысль, что все авансы были сделаны ею самой, усиливали ее подозрения, и она, без сомнения, считала, что ни с одной женщиной во всем мире никогда не поступали так скверно, как с нею.

А ко всему этому переговоры о браке Мэри с престарелым королем Людовиком XII получили огласку при дворе. Разумеется, сама Мэри даже и не спрашивали, по-видимому, на этот раз Генрих решил поступить по всей строгости; по крайней мере при дворе открыто говорили, что теперь просьбы и ухищрения Мэри останутся безрезультатными, и это опасение начала разделять и она сама.

Принцессе была ненавистна даже мысль об этом браке, но она ни с кем, кроме Джен, не делилась своими чувствами, приберегая силы к решительному моменту. В первый раз за всю свою жизнь

Мэри была вырвана из обычной беззаботности и поставлена лицом к лицу с тяжелыми заботами. И самым невыносимым во всем этом была неизвестность!

Около этого времени в Биллингсет-уорде, самом мерзком квартале Лондона, поселился астролог и предсказатель Груш, стяжавший широкую известность несколькими прорицаниями, чудесным образом сбывшимися буквально. Побывать у этого Груша было уже давно заветной мечтой Мэри. Ее интерес к кудеснику подогревался главным образом тем, что король Генрих VIII крайне сурово относился к посещениям аристократией Груша, и, например, леди Честерфильд и леди Ормонт, представительницам весьма почтенных семей, был безжалостно закрыт доступ ко двору, как только стало известно, что они украдкой ходили пытаться свою судьбу.

То, о чем прежде мечтала Мэри только из любопытства, стало теперь для нее насущнейшей необходимостью. Действительно, ей было крайне важно узнать, удастся ли отговорить своего брата-короля от его брачных проектов и как ей взяться за это дело, чтобы склонить его отказаться от мысли видеть ее французской королевой. Но еще важнее было для нее, пожалуй, узнать об истинных чувствах Брендона. И Мэри решила тайно навестить Груша.

Я узнал это от Джен, которая, встретившись со мной однажды утром, сказала с сильно озабоченным лицом, что она с Мэри отправляются в Лондон за покупками, остановятся в Бридуэль-хаузе и вечером отправятся к Грушу в Биллингсет. Мэри вбила себе это в голову, и Джен не могла отговорить ее.

Двор оставался в Гринвиче, в Бридуэле никого не было, и потому Мэри думала, что, переодевшись, они легко смогут выполнить свое намерение. Между тем даже для мужчины было немалой смелостью отправиться после наступления темноты и без спутников даже по лучшим кварталам Лондона, не говоря уже о Биллингсете, этом гнезде мошенников и головорезов. Но Мэри не отдавала себе отчета в опасности и, как всегда, не желала слышать никаких увещаний. Она пригрозила Джен жестокой местью, если та выдаст ее секрет, и Джен от страха чувствовала себя совсем несчастной. Но, несмотря на страх перед Мэри, она все же попросила меня тоже отправиться в Лондон и, без ведома принцессы, пойти на некотором расстоянии следом за ними во время их путешествия к Грушу. Однако я не мог исполнить эту просьбу, так как должен был в этот вечер присутствовать на балу в честь французского посольства, явившегося для переговоров по поводу брачного проекта. Мэри категорически отказалась явиться на этот бал, и ее своевольное упрямство очень раздосадовало короля.

Однако я предложил Джен послать вместо себя Брендона, который больше подходил к роли защитника, а кроме того, предложил, чтобы Чарльз взял с собой еще кого-нибудь. Но Джен из опасения гнева Мэри и слышать не захотела о последнем, так что мы уговорились, что Брендон отправится один.

Джен успела перед отъездом стовориться с Бренденом, и было решено, что Чарльз притаится у ворот, через которые девушки выйдут из Бридуэля. Мэри собиралась отправиться с наступлением сумерек и вернуться еще до ночи.

Так Брендон и сделал. С наступлением темноты он спрятался за группу вековых деревьев и стал ждать. Ввиду того, что лондонские горожане не исполняли закона, предписывавшего зажигать огни у домов, было темно, хоть глаза выколи. Вдруг Брендон различил в слабом свете угасавших сумерек герцога Букингемского, вышедшего из ворот вместе с одной из прислужниц принцессы.

— Да, ваша светлость, — сказала служанка, — вот через эти ворота они и собирались уйти. Если вы спрячетесь, то можете выследить их. Только я не знаю, куда они хотят идти; я лишь случайно услышала, что с наступлением сумерек они тайком выйдут из дворца. — И, сказав это, девушка шмыгнула обратно.

Вскоре показались девушки, одетые в короткие юбки и шапочки продавщиц апельсинов. Герцог Букингемский последовал за ними, а Брендон — за герцогом. Девушки вышли через маленькую дверцу в стене и быстро зашагали через Флит-дич, затем по Леджетхилл, мимо собора Святого Павла; затем они повернули к реке, взяли направление на Беннет-хилл, влево по Таймс-стрит, далее через мост, пока не пришли в Фиш-стрит-хилл, где они завернули в аллею, которая вела в Каст-чип, до дома Груша.

Со стороны принцессы было просто геройством направиться этим путем, что доказывало, какой решимостью было полно ее сердце. Не говоря уже о действительной опасности, в этих местах могло повстречаться многое, что было способно отпугнуть женщину. Джен непрерывно хныкала, но Мэри оставалась непоколебимой. На пути им встречались громадные грязные лужи, в которых можно было утонуть. Брендон зачастую сомневался, не потерял ли он следа девушек, так как по временам они совершенно исчезали из вида, а ему еще нужно было не спускать глаз с герцога Букингемского.

Так дошли они до дома Груша. Узнав, куда именно шли девушки, герцог удалился, а Брендон остался ждать их.

Прошло немало времени, пока девушки вышли от прорицателя и направились обратно. На обратном пути Мэри очень скоро заметила, что кто-то следует за ними по пятам, и сильно испугалась. Теперь, когда цель ее рискованного путешествия была достигнута, уже не существовало острого побудительного мотива, прищипоривавшего прежде ее мужество.

— Джен, кто-то преследует нас! — шепнула Мэри.

— Да, — ответила Джен с таким равнодушием, которое сильно удивило Мэри, знавшую, какая трусиха ее подруга.

— О, если бы только я последовала твоему совету и никогда не ходила в это ужасное место, где я вдобавок еще наслушалась самых отвратительных вещей! — воскликнула она. — Удастся ли нам живыми добраться до дома!

Девушки ускорили шаги, но преследователь не отставал от них. Страх принцессы все возрастал, она судорожно ухватила Джен за руку и прошептала:

— Мы погибли! Я отдала бы все, что имею, за... мастера Брендона!

В этот момент Брендон казался принцессе лучшим защитником на свете.

Это, разумеется, показалось Джен самым благоприятным моментом, она сказала: «Да это и есть мастер Брендон! Если мы подождем минутку, он нагонит нас!» — И окликнула Брендона.

Сообщение Джен произвело на Мэри двойное действие. Дело в том, что «прорицания» Груша усилили ее подозрения в лживости Брендона, и теперь, вместе с чувством извращения от большой опасности, она почувствовала глубокий стыд, что Чарльз посвящен в ту самую тайну, которую она хотела скрыть именно от него. Поэтому, разозлившись, она крикнула:

— Джен Болингброк! За такое злоупотребление моим доверием я выгоню тебя прочь, как только мы вернемся в Гринвич!

Брендон, следуя зову Джен, поспешил к напуганным девушкам, будучи уверен в самом теплом приеме. Но слова, которыми его встретила принцесса, просто огорошили его:

— Мастер Брендон, ваша наглость будет дорого стоить вам! Мы не желаем вашего общества. Не путайтесь в наши дела; мы находим, что вам впору разобраться в своих собственных!

И это приходилось слышать от девушки, которая еще неделю тому назад дарила его своей любовью! Бедный Брендон!

Джен горько заплакала.

— Простите мне, — сказала она, обращаясь к Чарльзу, — я не виновата! Только что она сама сказала, что...

Но в этот момент рука Мэри шлепнула Джен по губам, и она, рыдая, замолкла.

Девушки направились к Каст-чип и быстро зашагали далее в этом направлении. Несмотря на оскорбление, нанесенное ему, Брендон продолжал следовать за ними. Они как раз заворачивали за угол дома маленькой улочки, тянувшейся между рыбными лавками, когда мимо Брендона проехало четыре всадника, очевидно, посланные герцогом Букингемским вдогонку.

Брендон услышал возгласы ужаса и, завернув в свой черед в улочку, увидел, что двое всадников спешили, чтобы задержать девушек. Страх подгонял их. Так как они были в коротких юбках, то могли свободно бежать, преследуемые двумя негодьями.

Брендон кинулся вдогонку. Два всадника, оставшиеся верхом, старались предостеречь своих товарищей, но уже в следующее мгновение один из преследователей рухнул на землю, пораженный мечом Брендона. Второй обернулся, но тоже упал сраженным, не успев вымолвить ни звука. Девушки остановились. Мэри поскользнулась и упала, но сейчас же вскочила на ноги, и обе они прислонились к стене, представляя собой картину воплощенного ужаса.

Брендон кинулся к девушкам, но оба всадника уже устремились к нему и напали на него, оставаясь в седлах. Брендону приходилось напрягать всю свою ловкость, чтобы оберегать девушек от копыт вздымавшихся на дыбы коней и не быть самому изрубленным в куски. Нечто вроде контрфорса в стене давало Чарльзу маленькое преимущество. Он толкнул девушек за этот выступ и прикрыл их своей спиной. Так он встретил превосходящего силой неприятеля с обнаженным мечом. По счастью, в этом месте сразу мог нападать только один всадник, и в темноте нападавший попал мечом по стене, так что брызнул сноп искр. Это была счастливая случайность, так как иначе, наверное, наша история здесь и закончилась бы. Брендон ударил мечом лошадь, конь откинулся назад, опрокинулся и смял под собою всадника. Крик боли упавшего заставил его спутника кинуться к нему, и Брендон воспользовался этим, чтобы скрыться вместе с девушками. Однако ему удалось рассмотреть в упавшем всаднике герцога Букингемского, у которого с лица свалилась маска. Однако Чарльз рассказал об этом лишь много-много времени спустя, и его молчание чуть не погубило его. К каким роковым последствиям может повести не сказанное вовремя слово!

Девушки были полумертвыми от страха, и, чтобы как-нибудь продвинуться вперед, Брендону пришлось нести принцессу, помогая в то же время и Джен, пока они не оказались вне опасности. Джен скоро оправилась, но Мэри даже и не думала переменить положение: она склонила голову на плечо Брендону с видом полного удовлетворения.

Через несколько минут Джен сказала:

— Надо торопиться, миледи, время не терпит! Мы скоро дойдем до Фишмонгерс-холл, где в это время, наверное, попадутся прохожие!

Мэри ничего не ответила, но в этот момент Брендон пошатнулся и чуть не упал; она шепнула ему:

— Простите, о, простите! Я готова вынести любую епитимию, какую вы наложите на меня, и чувствую себя недостойной выговорить ваше имя! Я обязана вам своей жизнью и еще, больше... о, в тысячу раз больше!

С этими словами принцесса обвила рукою шею Чарльза и только тут заметила, что он ранен. Слезы брызнули у нее из глаз, когда она выскользнула из его объятий на землю. Она пошла рядом с ним и вдруг, схватив его руку, поднесла ее к своим губам.

Через полчаса Брендон расстался с девушками у ворот Бридуэля, перешел через мост, взял на постоялом дворе оставленную им лошадь и поскакал обратно в Гринвич.

Так окончилась авантюра Мэри с походом к прорицателю. Она проклинала себя на чем свет стоит за то, что вообще поддалась своей прихоти. Гадание прорицателя совсем не соответствовало желаниям и надеждам принцессы. Груш сказал девушке, что у нее много поклонников, среди которых имеется один низкого происхождения, а чтобы сделать гадание интереснее, назвал последнего

«фальшивым». Затем, чтобы польстить ей, он прибавил, что она скоро выйдет замуж за богатого и знатного господина.

Всю ночь напролет Мэри плакала и стенала; посещение Груша только усилило страдание ее сердца и сделало ее еще более несчастной!

IX

Казалось, что в этот вечер королевский бал никогда не кончится — так восхищены были французы нашими стройными, белокурыми красавицами. Поэтому я должен был сдерживать свою жажду поскорее увидеть Брендона и узнать от него об исходе приключения.

Когда наконец под утро я поспешил в наши комнаты, то застал Брендона лежащим на кровати. Он был так истощен кровотечением, что даже не в силах был раздеться. Я сейчас же послал за цирюльником, и тот снял с Чарльза кольчугу и перевязал раны. После этого Брендон впал в глубокий сон, а я сидел у его ложа весь день и всю следующую ночь. Очнувшись, Брендон рассказал мне все, за исключением участия герцога Букингемского в ночном деле. Кроме того, он просил меня никому не говорить о ранении, чтобы скрыть причину его.

Я увидел принцессу в послеобеденное время и ждал, что она осведомится о здоровье своего защитника. Он, вступившийся за нее в минуту величайшей опасности и столько перенесший, заслуживал хоть некоторого участия и заботы. Но Мэри ничего же спросила о Брендоне и, как я заметил, тщательно избегала встречи со мной. На следующее утро она уехала с Джен в Скотленд-палас, ни звуком не заикнувшись о Брендоне.

Насколько я понял, Мэри проведала кое-какие новости относительно брачных переговоров и боялась, что брат, узнав о ее проделке и в особенности о злосчастном исходе всего мероприятия, во что бы то ни стало постарается отослать ее во Францию. Страшная участь висела над головой Мэри, и теперь, озираясь назад и принимая все это во внимание, я понимаю, что все прочее должно было отступить для нее на задний план.

На следующую ночь я проснулся от стука в дверь. Открыв, я увидел судейского в сопровождении четырех вооруженных стражников. Судейский осведомился, не проживает ли здесь некий Чарльз Брендон, и, когда я ответил утвердительно, потребовал вызвать его. Я ответил, что Брендон по нездоровью прикован к постели, но в ответ на это судейский потребовал, чтобы я провел его в комнату «некоего» Брендона.

Так как всякое сопротивление было бы бесполезным, то я разбудил Чарльза и провел судейского в его комнату. Здесь судейский прочитал приказ об аресте Чарльза Брендона, обвиняемого в убийстве двух лондонских горожан. Около трупов нашли шляпу Брен-

дона, и власти получили из высших сфер подтверждение, что виновным действительно является Брендон. Без сомнения, этими «высшими сферами» был герцог Букингемский!

Хотя Брендон был так слаб, что почти не мог шевельнуть рукой, все-таки приходилось следовать приказу. Я предложил сейчас же отправиться к королю, так как знал, что тот простит его, если я расскажу ему все. Но Брендон попросил судейского оставить нас на минутку одних и сказал:

— Прошу тебя, оставь это, Каскоден! Если ты расскажешь о случившемся королю, то я отрекись ото всего! На всем свете существует только одна особа, которая смеет рассказать о событиях той ночи, и, если она не сделает этого, значит, надо молчать обо всем. Я знаю, что Мэри в конце концов разъяснит все, и мне не хотелось бы обидеть ее хотя бы минутным сомнением в этом. Ты ее не знаешь; порой она кажется эгоисткой, но на самом деле у нее очень доброе сердце. Я вверяю свою жизнь ей, и если ты проронишь хоть слово, то натворишь больше бед, чем сможешь искупить всей жизнью. Поэтому настоятельно прошу тебя никому ничего не говорить. Если принцесса не захочет освободить меня... Но об этом нечего и думать. У нее золотое сердце!

Я не хотел разрушать веру Брендона, а потому не сказал ему ни слова об отъезде девушек.

Принесли конные носилки, и мы все вместе двинулись в путь. Брендона отправили в Ньюгет, который был в то время самой ужасной тюрьмой Лондона и служил для заключения тяжчайших преступников. Здесь Брендона кинули в подземную сырую камеру, сквозь старые стены которой непрерывно просачивалась вода. Окон не было, по стенам, сплошь заросшим плесенью, и по полу ползали всевозможные насекомые; ни кровати, ни стула, ни охапки соломы — можно ли было представить себе более ужасное место заключения?

При слабом свете фонаря тюремного сторожа я мог осмотреть камеру, пока туда втаскивали Брендона, и подумал, что, проводи я хоть одну-единственную ночь в такой обстановке, то сошел бы с ума. Поэтому я принялся просить сторожа сделать что-нибудь для Брендона, пытался подкупить его, но все было напрасно: сторожа были подкуплены уже раньше!

Хотя это ничем не могло помочь Брендону, но все-таки я счел долгом простоять всю ночь до утра под проливным дождем перед тюрьмой, где томился мой несчастный друг. Я должен был придумать что-либо для его спасения! Разве он не пострадал за Джен так же, как и за Мэри? Было бы верхом неблагодарности с моей стороны, если бы я не попытался прийти к нему на помощь и хоть как-то поддержать Брендона.

Как только на следующее утро распахнулись ворота тюрьмы, я снова начал осаждать сторожа бурными просьбами перевести Брендона в лучшую камеру; но он ответил, что с некоторого времени преступления такого рода слишком участились в Лондоне, а потому

виновные не могут рассчитывать на какое-либо снисхождение и заслуживают тягчайшего наказания. Напрасно пытался я втолковать ему, что истина будет разъяснена в тот же день и Брендона неминуемо освободят!

— Ладно, ладно! — невозмутимо ответил сторож. — Никто из тех, кто попадает к нам, никогда не бывает виноват и каждый из них может доказать свою невиновность. Тем не менее почти всех их вешают или четвертуют!

Я прождал в Ньюгете до девяти часов. Уходя оттуда, я столкнулся с герцогом Букингемским и Джонсоном, его стряпчим, как раз направлявшимся в тюрьму.

Тогда я поспешил в Гринвич и, узнав, что девушки еще в Скотленд-паласе, сейчас же поскакал туда.

Оставшись наедине с Мэри и Джен, я рассказал им об аресте Брендона по обвинению в убийстве и о том, что он лежит в ужасной камере, изнуренный ранами и потерей крови. Девушки были очень взволнованы моим рассказом, но мне бросилось в глаза, что Мэри совершенно не была изумлена.

— Как вы думаете, он объяснит причину, заставившую его обнажить оружие? — спросила принцесса.

— Я знаю, что он не сделает этого, — ответил я, — но знаю также, что он уверен в вашем заступничестве!

И, говоря это, я твердо посмотрел ей в глаза.

— Ну конечно, мы придем к нему на помощь, — сказала Джен. — Мы сейчас же отправимся к королю!

Мэри не присоединилась к уверениям Джен, а продолжала сидеть с задумчивым видом. В глазах ее блестели слезы.

Когда мы настойчиво приступили к Мэри, заставляя ее высказаться относительно этого плана, она сказала:

— Мне кажется, так нужно, я не вижу другого выхода. Но... Матерь Божья, помоги мне!

Девушки поспешно собрались, и мы отправились обратно в Гринвич. По дороге я остановился у Ньюгета, чтобы порадовать Брендона вестью о его близком освобождении, но, к величайшему моему разочарованию, мне не позволили повидаться с ним. Тем не менее, будучи убежден, что освобождение Брендона — дело лишь нескольких часов, я быстро поскакал дальше и вскоре нагнал девушек.

После того как я долго прождал, что Мэри поговорит с королем, я снова отправился к ней, желая узнать о результатах ее ходатайства. Каково же было мое возмущение, когда я узнал, что принцесса даже не видала короля, так как должна была заняться своим туалетом и пообедать.

— Господи Боже, ваше высочество! Разве я не сказал вам, что человек, спасший вашу жизнь и честь, покрытый ранами, полученными в то время, как защищал вас, лежит в темной, грязной, мрачной тюрьме на холодном каменном полу? Разве я не сказал вам, что вокруг него кишат насекомые и что над ним висит тяжелое

обвинение, грозящее смертной казнью? И вы находите время для туалета и еды? Да скажите же, ради всех святых, из какого материала создано ваше сердце, Мэри Тюдор? Если бы Брендон промешкал только одну-единственную секунду и не кинулся один против четырех противников, что было бы теперь с вами? Подумайте об этом, принцесса, подумайте!

Я сам испугался своей смелости, но Мэри отнеслась к моей речи очень спокойно и ответила грустно и медленно:

— Вы правы, я сейчас же пойду, я сама себя презираю за эту эгоистическую небрежность. Другого пути нет. Так должно быть, а чего мне это будет стоить — дело второстепенное.

— И я пойду с вами! — заявил я.

— Не могу поставить вам в вину, что вы сомневаетесь во мне, но только теперь вы увидите, что я сейчас же иду к королю!

— А я пойду с вами, леди Мэри! — упрямо повторил я.

Принцесса улыбнулась моему упорству и, взяв меня под руку, сказала:

— Пойдем!

Мы отправились к королю, и вот тут-то улыбка сбежала с лица Мэри, имевшей такой вид, будто ее ведут на казнь. Мэри просто посерела от страха перед объяснением!

Король как раз был занят энергичными переговорами с французским послом. Опасаясь какого-нибудь бурного взрыва со стороны сестры, он отказался принять ее, но, разумеется, это только укрепило решение Мэри; она уселась в приемной и заявила, что не сдвинется с места, пока не увидится с королем. Вскоре явился паж, искавший меня по всему дворцу, чтобы передать мне желание короля немедленно видеть меня. Я отправился в королевский кабинет, оставив Мэри одну в грусти и унынии.

При моем появлении король воскликнул:

— Где вы пропадаете, сэр Эдвин? Я чуть не до смерти загонял добрую дюжину пажей в погоне за вами! Вы должны сейчас же собраться в путь и отправиться в Париж с посольством к его величеству королю Людовику. Собирайтесь быстрее, потому что через час посольство отправляется.

Мог ли служебный приказ явиться более не вовремя? Я пришел в полное замешательство и отправился в приемную, чтобы рассказать о случившемся принцессе. Но она уже ушла. Я обошел в ее апартаменты, но Мэри не было и там, как не было также и в покоях королевы. Я исколесил все старое здание дворца вдоль и поперек, не встретив ни принцессы, ни Джен.

Король сообщил мне, что мое посольство должно оставаться в тайне и что я не смею никому, а менее всех — принцессе Мэри рассказывать о своей командировке. Так как приказания короля нельзя было ослушаться, я почувствовать даже некоторое облегчение при мысли, что мне не придется изворачиваться, объясняя Мэри или Джен причины, в силу которых я должен исчезнуть на некоторое время и не смогу видаться с ними.

Итак, надо было скорее укладываться и ехать в Париж. Я пытался успокоить себя уверенностью, что Мэри во что бы то ни стало объяснится с королем и избавит Брендона еще до ночи от страшного заключения, но какое-то тайное предчувствие твердило мне, что дело не обойдется так просто.

Перед отъездом я успел написать Мэри и Джен по письму, в которых кратко извещал обеих девушек, что по непредвиденным обстоятельствам должен временно покинуть Лондон. В письме к принцессе я сделал следующую приписку:

«Я отдаю в Ваши руки судьбу человека, которому мы все так обязаны, и твердо рассчитываю, что Вы исполните свой долг по отношению к нему».

Я пробыл в отсутствии около месяца, и так как даже Джен не знала, где я, то я не получал, да и не ждал писем. Король приказал мне молчать, и если я смею хвалиться хоть единой добродетелью, то это — верностью данному обещанию!

Все это время я не мог отделаться от мыслей, что Мэри недостаточно настойчиво вступится за Брендона. Я был твердо убежден, что слухи о брачных намерениях французского короля в значительной степени парализуют ее твердость, но утешал себя сознанием, что там была Джен, чудная, самоотверженная Джен, и в тех случаях, когда принцесса начнет колебаться, Джен не оставит ее в покое.

Однако, вернувшись в Лондон, я застал Брендона все в том же ужасном положении. Во время моего отсутствия суд над Брендоном уже состоялся, и Чарльз был присужден к казни через повешение, утопление и четвертование, которая должна была состояться в самом непродолжительном времени.

Я узнал следующее. Утром после рокового события в Биллингсете цирюльник, перевязывавший раны Брендону, был вызван, чтобы полечить поврежденное колено его светлости герцогу Букингемскому. Во время этого занятия цирюльник рассказывал герцогу разные разности и между прочим сообщил, что прошлой ночью ему пришлось перевязывать девять больших и малых ран мастеру Брендону, другу короля. Это дало возможность установить личность спасителя девушек, до того лишь подозреваемую герцогом. Только много позже узнал я, как использовал благородный лорд возможность отплатить за унижение на балу у леди Мэри.

Сначала он отправился в Ньюгет, и именно его указаниям был обязан Брендон тем, что его бросили в самую ужасную из лондонских тюрем. Затем он поспешил в Гринвич, зная, что король, узнав об аресте Брендона, сейчас же предпримет шаги для освобождения друга. Когда герцог переступил порог королевской комнаты, Генрих крикнул ему:

— Милорд, вы пришли удивительно кстати! Такой испытанный друг, как вы, может быть чрезвычайно полезен нам в это утро.

Наш друг Брендон арестован за то, что убил прошлой ночью в Биллингсгете двух мужчин. Наверное, здесь допущена какая-нибудь ошибка, и добрейший шериф захватил не того, кого следует. Но ошибся ли шериф, или нет — мы желаем выручить Брендона из тюрьмы и полагаемся на вашу помощь в этом деле.

Герцог Букингемский заявил, что бесконечно счастлив служить своему королю, и сейчас же отправился в Лондон к лорду-мэру. После обеда он вернулся и получил частную аудиенцию у короля.

— Во исполнение желания вашего величества я хотел сейчас же распорядиться освободить Брендона, но, ознакомившись с положением вещей, счел необходимым первоначально еще раз выслушать мнение вашего величества, — сказал герцог. — Боюсь, что не может быть сомнения в виновности Брендона. Он шел с двумя девушками, из-за которых поссорился с прохожими, и в результате этой ссоры двое были убиты им. Этот крайне неприятный случай привел горожан в сильное возмущение, так как убийства мирных граждан участились в последнее время. Я подумал, не будет ли разумнее при таких обстоятельствах не идти наперекор горожанам и оставить мастера Брендона под арестом, особенно принимая во внимание тот факт, что вашему величеству придется вскоре обратиться к городу с предложением назначить приданое леди Мэри. Когда приданое будет получено, мы можем спокойно сыграть с горожанами эту штуку!

— Мы уже теперь сыграем штуку с благородными горожанами Лондона и, несмотря на это, заставим их раскошелиться на приданое, — ответил король. — Я желаю, чтобы Брендон был немедленно освобожден, и ожидаю от вас сообщения об исполнении моего желания, милорд!

Герцог почувствовал, что на этот раз возможность мести врагу ускользает от него, но он был очень упорен в злобе и не хотел складывать оружие. Уходя от короля, он увидел леди Мэри в приемной и подошел к ней. Сначала принцесса рассердилась, увидев человека, которого так ненавидела, но тут же ей пришло в голову, что она могла бы использовать влияние герцога на граждан и власти Лондона, а так как была уверена во всемогуществе своей улыбки, то и решила спасти Брендона, не выдавая своей тайны.

К величайшему изумлению герцога, Мэри приветливо улыбнулась, выразила удовольствие видеть его и сказала:

— Милорд, в последнее время вы совсем забыли нас и почти не показывались! Что нового?

— Я, право, не знаю ничего такого, что было бы интересно вашему высочеству. Благоволите по крайней мере принять за новость, что я изучил у Каскодена новый французский танец и надеюсь танцевать его на следующем балу с прекраснейшей женщиной мира!

— С удовольствием, милорд, — приветливо ответила Мэри, но, не будь герцог тщеславным фатишкой, это неожиданное благоволение показалось бы ему подозрительным.

Однако он не заподозрил никакой хитрости и даже успокоился, увидев, что Мэри, очевидно, не знает, кто напал на нее в Биллингсгете. Он расплылся в улыбке, восхищенный любезностью принцессы, и они, посмеиваясь, пошли по комнатам.

Между тем Мэри только ждала удобного случая, чтобы, не возбуждая подозрения герцога, заговорить об интересующем ее деле. Случай представился принцессе, когда герцог высказал удивление, что застал Мэри в приемной короля.

— Я жду его величество, — ответила принцесса, — Брендон, друг нашего Каскодена, арестован в Лондоне из-за какой-то уличной ссоры, и сэр Эдвин и леди Джен осаждают меня просьбами добиться его освобождения. Но, быть может, я смею просить об этом вместо короля вашу светлость, так как вы пользуетесь в Лондоне властью и влиянием не меньшим, чем его величество, и я просила бы вас как можно быстрее принять меры к освобождению Брендона.

Герцог Букингемский немедленно изъявил свое согласие, заметив при этом, что только воля ее высочества может принудить его заступиться за такую неприятную личность, как Брендон.

— Боюсь однако, — прибавил он, — что освобождение Брендона должно совершиться в полной тайне. Лондонцы требуют на этот раз строжайшей справедливости, так как уже немало виновных избежало наказания благодаря заступничеству двора. Лучше всего дать Брендону возможность совершить побег. Он может пожить некоторое время где-нибудь в провинции и обождать, пока все забудется и королевское помилование окончательно избавит его от суда.

— Помилование? Да что вы только говорите, милорд? Ведь Брендон не сделал ничего такого, что вызывало бы необходимость в помиловании. Его, скорее, следовало бы наградить! — воскликнула принцесса, но тотчас же спохватилась и поспешно добавила: — Конечно, если я правильно осведомлена. Как я слышала, Брендон вступился за двух женщин.

— Кто сказал вам об этом? — спросил герцог.

Мэри после некоторого замешательства ответила:

— Сэр Эдвин Каскоден. Кажется, ему сообщил об этом сам Брендон.

Герцог обещал сейчас же отправиться в Лондон, чтобы подготовить все для бегства Брендона, за что и был награжден очаровательной улыбкой.

Мэри облегченно перевела дух. Ей не пришло в голову, что она вручила судьбу Брендона его злейшему врагу, и, как это часто случается, совершив свой самый неразумный шаг, она была уверена, что поступила умнее всего.

Затем, раздумывая о дальнейшей судьбе Брендона, Мэри пришла к убеждению, что Чарльзу лучше всего спрятаться после бегства где-нибудь поблизости от Виндзора. Тогда они смогут ежедневно видеться. Мэри написала Брендону письмо, после чего они с Джен отправились в Виндзор.

Повинуясь приказанию короля, желая заслужит благоволение обожаемой Мэри и намереваясь в то же время удалить от двора своего личного врага и соперника, герцог действительно собирался инсценировать бегство Брендона из тюрьмы. Однако, прибыв в Ньюгет, он изменил план действий.

Письмо принцессы Мэри было передано ее пажом сторожу, а тот вручил его непосредственно герцогу. И вот, приказав сторожу отправить письмо прямо к королю, герцог помчался в Гринвич. Здесь он разыграл сцену гнева и досады на городских властей, препятствующих освобождению Брендона и требующих королевского приказа за печатью и подписью. В то время как король, тоже возмущенный и разгневанный, уже собирался дать такой приказ, явился посланный из Ньюгета и вручил королю письмо принцессы Мэри. Генрих прочел его вслух:

«Мастеру Чарльзу Брендону. Мой привет прежде всего! Вскоре Вы будете освобождены, быть может, даже раньше, чем это послание попадет в Ваши руки. Во всяком случае я не оставлю Вас надолго в тюрьме. Я сейчас же еду в Виндзор, где надеюсь свидеться с вами. Мэри».

— Что это значит? — с изумлением воскликнул король. — Моя сестра пишет мастеру Брендону? Милорд Букингем, не кажется ли вам это подозрительным? Мы оставим этого человека в Ньюгете, предоставив лондонцам расправиться с ним по-своему!

На следующий день герцог Букингемский отправился в Виндзор и сообщил Мэри, что, как он слышал, Брендон удачно бежал и отправился в Новую Испанию.

Мэри поблагодарила герцога...

Но с тех пор у нее уже ни для кого не было улыбки. Она осталась в Виндзоре, всецело отдаваясь своему горю. По временам ею овладевала настоящая злость на Брендона, который не повидался с нею перед отъездом, но тут же слезы смягчали ее досаду, и Мэри испытывала даже некоторую радость от сознания, что Брендон потому и скрылся, что слишком любит ее.

После того как Брендон так геройски вел себя в Биллингсгете, вся эта история предстала пред нею в ином свете. Она по-прежнему отдавала себе отчет в громадной пропасти, разделявшей их, но только с тем различием, что теперь, уже она смотрела на него снизу вверх. Прежде он был просто Чарльзом Брендонем, а она — принцессой Мэри; теперь она, конечно, оставалась принцессой, но он сделался для нее полубогом. Обыкновенный смертный не мог быть так умен, благороден и храбр. Порою Мэри ночи напролет лежала рядом с Джен и, подавляя рыдания, шептала ей о возлюбленном своего сердца, о его мужественной красоте и совершенстве. Она утверждала, что теперь ей нечего уже более ждать от жизни, что путь к счастью навсегда закрылся для нее и что оставшиеся годы будут полны лишь ожиданием конца... Но потом вдруг она прониклась радостной уверенностью, что все еще обойдется. Ведь говорил же Брендон, что в Новой Испании бесстрашному человеку

открыты широкие возможности, и конечно, он, лучший и храбрейший из людей, быстро добьется известности и богатства, чтобы вернуться в Англию и откупить любимую девушку у короля за миллионы фунтов стерлингов! О, Мэри готова была ждать и ждать его!

Так и текла жизнь Мэри в Виндзоре среди отчаянья и розовых мечтаний. А тем временем Брендона судили и приговорили к смертной казни за то, что он спас сестре короля более чем жизнь — ее честь!

Х

Так обстояли дела по моем возвращении. Какими горькими упреками осыпал я себя за то, что уехал, не освободив Брендона из его ужасного положения! Я сам не понимал, как это я мог положиться в таком важном деле на двух девчонок, из которых одна была изменчива, словно ветер, а другая — совершенно бессильна!

Да, Брендон поступил бы совершенно иначе, если бы я оказался на его месте; он освободил бы меня или взял бы приступом лондонские укрепления.

Теперь я уже не стал мешкать и не подумал полагаться на какую-нибудь леди Джен или принцессу Мэри, а решил немедленно отправиться к королю и сказать ему все, пусть даже им обоим, Мэри и Джен, придется из-за этого выйти замуж за французского короля или же за самого черта! Я хотел как можно скорее исправить свою ошибку, спасти Брендона, а потом высказать в лицо обоим девчонкам, что я о них думаю!

Я застал короля за обедом и, разумеется, не был допущен к нему. Так как я был не в таком настроении, чтобы позволить чему бы то ни было встать мне поперек пути, то, к всеобщему ужасу, оттолкнул часовых и, ворвавшись к королю, бросился пред ним на колени.

— Справедливости, король! — воскликнул я так, что мой возглас услышали все придворные. — Справедливости для обиженного и наиблагороднейшего человека на свете! Чарльз Брендон, бывший друг вашего величества, брошен в самую страшную, мрачную тюрьму и приговорен к смертной казни за то, что якобы убил двух людей в Биллингсгете. Но... — Тут слезы потоком брызнули из моих глаз, однако я заставил себя рассказать королю все, что уже известно читателю, о посещении принцессой Мэри прорицателя. — И вот этот-то человек, — воскликнул я затем, — присужден к смертной казни! Но я слишком хорошо знаю сердце вашего величества и потому уверен в немедленном освобождении Брендона. Подумайте, король, он спас царственную честь вашей сестры, которую вы так любите, и так ужасно пострадал за свою храбрость и благородство. В день, когда я должен был поспешно выехать во Францию, леди Мэри обещала мне все сказать вам и освободить от

наказания человека, оказавшего ей неоценимую услугу. Но она — женщина и, следовательно, рождена для измены!

Король улыбнулся моей горячности и произнес:

— Да что вы такое говорите, сэр Эдвин? Мне известно о том, что Брендон приговорен к смертной казни, но если дело обстоит так, как доказано на суде, если он действительно убил двоих граждан, то я не могу вмешиваться в правосудие, которого вправе требовать мой добрый народ. Вместе с тем все то, что вы рассказываете про мою сестру, — сущая нелепость. Наверное, вы придумали все это из любви к своему другу, чтобы спасти его. Остерегитесь, друг мой, произносить такие речи в следующий раз! Если бы дело обстояло так, как вы говорите, то сам Брендон сослался бы на это во время следствия!

— Клянусь, ваше величество, что все, сказанное мною, — сама истина, и что леди Мэри и леди Джен подтвердят каждое мое слово! Брендон не хотел давать объяснения, чтобы не подвергать риску доброе имя спасенной принцессы: вашему величеству известно, что к прорицателю Грушу ходят не только для гаданий. Брендон предпочел лучше умереть, чем подвергнуть нареканиям имя столь любимой вами особы. Но похоже на то, что эти дамы, так обязанные Брендону, готовы скорее дать ему умереть, чем отвечать за последствия собственной глупости. Умоляю ваше величество поспешить... нельзя более терять время! Вы не можете спокойно продолжать обедать, пока этот человек, который так честно послужил вам, не выйдет оправданным из тюрьмы. Пойдемте, ваше величество, пойдемте сейчас же, и пусть все, что я имею, мое богатство, моя жизнь, моя честь — все принадлежит вашему величеству!

На минуту король задумался, не выпуская ножа из рук, а затем произнес:

— Каскоден, сколько я вас знаю, я никогда еще не уличал вас во лжи. Вы не велики ростом, но чувством чести не уступите и Голиафу. Мне кажется, что вы говорите правду, а потому я сейчас же отправлюсь и освобожу Чарльза Брендона. А моя сестрица пусть отныне наслаждается жизнью во Франции под покровительством своего престарелого обожателя, короля Людовика. Я не могу лучше наказать ее! Эта история только укрепляет мое решение, и теперь меня не обманешь лестью! Сэр Томас Брендон, приготовьте моих лошадей, я отправлюсь к лорду-мэру, затем к милорду архиепископу Линкольнскому, чтобы договор с французами был немедленно подписан. Объявите во всеуслышание, что принцесса Мэри через месяц станет королевой Франции!

Последние слова короля были обращены к придворным, и еще до вечера новость облетела весь Лондон.

Не дожидаясь приглашения, я последовал за королем, твердо решив не полагаться ни на кого, пока Брендон не будет освобожден. После того как мы переехали через Лондонский мост и завернули на Лоуер-Темз-стрит, король от Фиш-стрит-хилл направился по Грес-черч-стрит к Бишопгету. Он заявил, что остановится у герцо-

гини Корнуэллской поест пудинга и затем направится к канцлеру Вольсею.

Я отлично знал, что стоит королю попасть к Вольсею, как там начнутся пьянство и кутеж, прерываемые страстными политическими спорами. Тогда Генрих пробудет у Вольсея всю ночь, а Брендон по-прежнему будет томиться в своей темнице. Я готов был перевернуть небо и землю, чтобы не допустить этого, и, смело подъехав к королю, обратился к нему, обнажив голову:

— Ваше величество дали мне свое королевское слово прежде всего отправиться к лорду-мэру. За все те годы, которые я имею честь служить у вас, великодушного государя и могущественного короля, это — первая просьба, с которой я решился обратиться к вам, и теперь я заклинаю вас вашей собственной честью исполнить свою обязанность как дворянина и короля!

Это была смелая речь, но в данный момент мне было совершенно безразлично, приятны ли мои слова, или нет.

Король вытаращил на меня глаза и сказал:

— Каскоден, вы увязались за мною, словно репейник; но вы правы, я забыл свое обещание. Вы помешали мне обедать, и мой желудок громко зывал к одному из лакомых пудингов герцогини Корнуэллской. Вы прекрасный друг в нужде! Я хотел бы тоже иметь такого!

— У вашего величества имеются два друга, которых я знаю: один — смиренно скачет рядом с вами, а другой — томится в худшей из всех темниц!

Король поскакал в Гильд-холл, чтобы без дальнейшего промедления навестить лорда-мэра. Когда я по приказанию короля рассказал историю защиты Брендоном принцессы, лорд-мэр высказал радостную готовность освободить моего друга и все же усомнился в правдоподобности моего сообщения. Тогда я предложил посадить меня самого в тюрьму и даже высказал готовность полатиться жизнью, если мое показание даст возможность виновному скрыться от суда, а принцесса и ее фрейлина не подтвердят достоверности моего рассказа. Однако лорд-мэр не принял моего поручительства и попросил короля немедленно написать приказ об освобождении Брендона. Заполучив этот приказ и захватив с собою судейского чиновника, я понесся в Ньюгет, а Генрих отправился к Вольсею, чтобы там окончательно решить судьбу Мэри.

Брендона вывели из темницы в цепях и кандалах. Войдя в комнату и увидев меня, он воскликнул:

— Каскоден, это ты? Я думал, что меня ведут на казнь, и радовался окончанию своих мук. Но мне кажется, что ты не станешь помогать палачам, хотя ты и не помешал мне почти сгнить здесь!

При виде Брендона я не смог сдержать слезы.

— Твои упреки справедливы, — воскликнул я, — но я не так виноват, как ты думаешь. В день твоего ареста король отправил меня во Францию, и я должен был немедленно уехать. Ах, почему

я уехал, не сделав всего для твоего освобождения! Но ты сам приказал мне молчать, да и я положился на... обещание других!

— Так я и думал. Ты не виноват ни в чем, прошу тебя только никогда не говорить об этом!

Брендона почти невозможно было узнать, — так он был грязен, худ и истощен. Я поспешил отмыть и переодеть его, насколько это было возможно в Ньюгете, и затем отвез в Гринвич, где сразу же уложил его в постель.

— О, эта кровать — предвкушение рая, — сказал Брендон, вытягиваясь на своем ложе.

Это была такая жалостная картина, что я едва подавил рыдания.

Но вскоре овладел собою и поспешил послать за неким арапом, торговавшим оружием и отличавшимся большой ученостью. К нему относились враждебно, как к чужестранцу, но мы с Брендоном уважали его за доброту и ценили его жизненный опыт. Арап был сведущ во врачевании восточными средствами и сейчас же приготовил Брендону успокоительное питье, погрузившее несчастного в сладкий сон. Затем арап обмыл Брендона укрепляющими жидкостями, пошептал над ним таинственные слова, сопровождая их какими-то знаками. Благодаря лекарствам и заклинаниям Брендон чувствовал себя на следующее утро гораздо лучше. Хотя ему было еще далеко до полного выздоровления.

XI

Только через неделю я смог отправиться в Виндзор, чтобы высказать девчонкам свое возмущение. Теперь в Виндзоре был также сам король с Вольсеем и Лонгвилем, чтобы предложить принцессе по всей форме честь стать королевой Франции.

Брак Мэри должен был стать истинной жертвой с ее стороны. Людовик XII был старик, да еще француз, с французскими воззрениями на мораль, а кроме того тут были еще обстоятельства, о которых я не стану упоминать. Скажу только, что Мэри с равным успехом могла выйти замуж за прокаженного. Чему же было удивляться, если Мэри, которая была посвящена в тайну, с отчаянием и страстностью противилась этим брачным планам?

Виндзор расположен в восьми милях от Лондона и был в те времена населен очень мало. Новости проникали туда медленно, а вследствие этого случилось так, что Мэри узнала о подписании брачного договора лишь незадолго перед тем, как ей доложили о прибытии короля и французского посланника, собиравшихся формально просить ее руки для короля Людовика.

Король со своей свитой, к которой примкнул и я, намеревался известить принцессу Мэри о высокой чести, оказанной ей престарелым Людовиком XII. Однако это было нелегко сделать, так как Мэри забаррикадировалась в своей спальне и отказывалась принять

посольство. Король нагнулся к замочной скважине, чтобы заставить юную строптивницу выйти из своего убежища; мы ясно слышали, что он снизошел даже до униженных просьб, и это немало потешило нас. Затем его величество пришел в ярость и пригрозил взломать дверь, но прекрасная осажденная упорно пребывала в глубоком молчании, давая королю таким образом полное основание привести свою угрозу в исполнение. Он был взбешен до последней степени и призывал всех нас в свидетели того, как он принудит эту «упрямую ведьму» к повиновению; увы! он очевидно не сознавал в полной мере грандиозности этой задачи.

Дверь вскоре взломали, и король первый вошел в комнату, а за ним — Лонгвиль, Вольсей и все остальные. Но мы шествовали навстречу позорнейшему поражению, которое когда либо постигало осаждающее войско, потому что наш «враг» отличался хитростью и находчивостью.

Мы застали Джен сидящей в углу, напуганной до полусмерти всем этим шумом и скандалом, ее же повелительница лежала в кровати, повернувшись лицом к стене, причем ее платье беспорядочно валялось посредине комнаты.

Не поворачивая головы, Мэри крикнула:

— Иди, иди, братец Генрих, милости просим! Пусть войдут и твои друзья также, я готова принять их, хотя и не в полном параде, как видишь! — С этими словами она взмахнула голой рукой, и герцог Лонгвиль испуганно отступил назад. Затем, по-прежнему не отворачиваясь от стены, Мэри продолжала: — Сейчас я встану... и приму вас без всяких церемоний.

Одеяло зашевелилось, и это вывело Генриха из себя. Не зная, что делать, он испуганно завопил:

— Лежи на месте, ведьма!

— Не будь так нетерпелив, братец, — последовал ответ, — я сию минуточку вскочу с кровати!

Крик Джен всполошил всех. Она кинулась к королю со словами:

— Умоляю ваше величество удалиться, потому что принцесса способна сделать то, что говорит, и выскочить голой перед всеми! Она вне себя! Умоляю, уйдите, я попытаюсь успокоить ее как-нибудь и привести вниз в зал!

— О нет, Джен Болингброк, — послышалось из кровати, — я приму здесь своих гостей, которые так любезно вломились в мое помещение!

Не знаю, исполнила ли бы Мэри свою угрозу, но она сделала порывистое движение, и Генрих, достаточно хорошо знавший свою сестрицу, выгнал нас всех из комнаты и повел свой разбитый в пух и прах отряд вниз по лестнице. Он сыпал проклятиями и клялся всеми святыми, что Мэри станет женой Людовика или умрет.

Старый Вольсей отвел его в сторону, и могущественный король вместе с великим государственным человеком принялись обдумывать, как бы им перехитрить несчастную девушку. Затем Генрих грубо рассмеялся и приказал нам следовать за ним в Лондон.

Мы сели на лошадей и поехали, но, как только замок скрылся из виду, король кликнул меня; мы с ним, Лонгвилем и Вольсеем отправились другой дорогой обратно в Виндзор и въехали боковыми воротами во двор замка, оставаясь незамеченными. Через час принцесса, предполагая, что все уехали, спустилась вниз и вошла в комнату, где мы уже ожидали ее.

Это была недостойная проделка, и я презираю тех, кто придумал ее. Первой мыслью Мэри было кинуться вспять, но по своей натуре она была очень мало приспособлена к отступлению. Ах, что за мужчина вышел бы из нее! И как прекрасна была она! После первого момента замешательства она гордо вскинула голову и медленно направилась в противоположный конец комнаты, напевая какую-то песенку.

Король полугорделиво-полушутливо улыбнулся, а французский посол явно обомлел от красоты принцессы. Генрих и Лонгвиль шепотом обменялись парой слов, затем герцог достал из бокового кармана большой футляр направился к Мэри.

Принцесса взяла со стола книгу, уселась на стуле и застыла на месте, словно статуя. Взяв в руки футляр, Лонгвиль подошел к Мэри, склонился в низком реверансе и сказал на ломаном английском языке:

— Разрешите, все милостивейшая принцесса, поднести вам от имени моего повелителя это маленькое доказательство его восхищения и любви.

Сказав это, он еще раз поклонился и протянул Мэри открытый футляр, очевидно, желая прельстить ее видом чудно сверкавшего бриллиантового ожерелья.

Принцесса кинула на ожерелье язвительный взгляд из-под полуопущенных ресниц, спокойно взяла его и, швырнув бедному Лонгвилю в лицо, воскликнула:

— Вот мой ответ! Ступайте и скажите своему старому идиоту, что я отвергаю его домогательства и ненавижу его, ненавижу, ненавижу! — Тут слезы бурным потоком хлынули из ее глаз, и Мэри обратилась к канцлеру: — Вольсей, ты — подлая собака! Это твоя проделка; у других не хватило бы мозгов придумать ее! Как все вы должны гордиться тем, что сумели перехитрить бедную девушку с разбитым сердцем! Но берегись, Вольсей, мы еще поквитаемся с тобой, или я не буду сама собой!

Даже для самых крепких женских нервов существует известная граница, за которой помочь могут только слезы. До этого предела и дошло состояние Мэри. Выпустив в Вольсея свою стрелу, она быстро выбежала из комнаты.

Король просто неистовствовал от бешенства.

— Клянусь всемогущим Богом, — кричал он, — эта девчонка выйдет замуж за Людовика Французского или я запорю ее до смерти!

Король, Лонгвиль и Вольсей вернулись в Лондон; я же остался, в надежде, что мне все-таки удастся повидаться с девушками. И

действительно, вскоре пришел паж, который провел меня в комнату принцессы.

— О, сэр Эдвин, — всхлипывая, сказала Мэри, — была ли какая-нибудь девушка в таком ужасном положении, как я теперь? Брат приговаривает меня к смерти! Разве он не видит, что я не выдержу больше двух дней в этом браке? А все мои друзья, кроме Джен, покинули меня!

— Вы знаете, что я не оставлю вас, — сказала Джен.

Стараясь сдерживать накипавшие слезы, принцесса продолжала:

— И Брендон тоже... Ведь я не видела его после свидания в читальной комнате, за исключением лишь того ужасного вечера в Лондоне, когда я была так напугана, что не могла выговорить ни слова.

— Как вы могли рассчитывать повидаться с Бренденом, — ледяным тоном возразил я, — если он томился во мраке темницы, с часа на час ожидая казни, так как вы из пустого эгоизма не позаботились спасти его, хотя он из-за вас мог лишиться жизни?

Глаза принцессы расширились и с искренним изумлением остановились на мне.

— Да, леди Мэри, — продолжал я, — никогда не подумал бы, что вы способны оставить Брендона в таком ужасном положении!

— Отец Небесный! — воскликнула Мэри. — Что за сказку придумали вы, чтобы мучить меня? Разве еще недостаточно? Скажите, что вы солгали, или я вырву ваш подлый язык!

— Я не солгал, принцесса, все это — правда и позор для вас!

Мэри характерным для нее движением взметнула вверх руки, упала на постель и буквально затряслась в бесслезной судороге: плакать она не могла. Джен подбежала к ней, пытаясь успокоить принцессу. Но в следующий момент Мэри вскочила и крикнула:

— Мастер Брендон приговорен к смерти, а вы и я сидим здесь, болтаем, плачем и скулим? Нет, нет, нам нужно сейчас же пойти к королю! Пойдем пешком, сэр Эдвин, я должна что-нибудь делать, а Джен нагонит нас с лошадьми. Я не стану менять туалет. Принеси мне шляпу, Джен, первую попавшуюся! — Джен подала шляпу и перчатки, а Мэри, схватив их, продолжала говорить: — Я сейчас же поговорю с королем и расскажу ему правду! Я сделаю все, я готова даже выйти замуж за эту французскую мерзость или хоть за сорок других королей. Мне все равно, лишь бы что-нибудь сделать для спасения Брендона! О, стоит мне подумать, что он все это время сидел в тюрьме...

Тут у Мэри хлынули градом слезы, и я смог заговорить. Удержав ее за руку, я сказал:

— Теперь уже ничего не нужно. Вы опоздали!

Отчаяние исказило прекрасные черты принцессы.

Я медленно продолжал:

— Я только что исходатайствовал освобождение Брендона. Я сделал то, что давно должны были сделать вы, и теперь Брендон находится в нашей гринвичской комнате.

Несколько мгновений принцесса Мэри смотрела на меня каким-то тупым взглядом, а затем смертельно побледнела, схватила за сердце и прислонилась к дверям.

После короткого молчания она сказала:

— Эдвин Каскоден, глупец! Почему вы сразу не сказали мне этого? Я уже думала, что лишусь разума или что у меня разорвется сердце!

— Если бы вы дали мне возможность открыть рот, я уже давно сказал бы вам это! — ответил я и продолжал с последними остатками негодования: — Но страдания, которые вы испытали, я не ставлю ни во что. Вы заслужили еще и не того. Даже не знаю, чем вы можете оправдать свое поведение!

Мэри бессильно опустила на стул.

— Вы правы, ничто не извиняет меня. Я — самое себялюбивое, неблагодарное, легкомысленное создание на свете! — И, сказав это, Мэри закрыла лицо руками.

— Выйдите на минутку, Эдвин, и подождите, пока я не позову вас, — сказала мне Джен. — Нам еще нужно будет поговорить с вами!

По возвращении я нашел Мэри уже более спокойной. Опустив глаза, она, в амазонке, сидела на кровати.

— Вы правы, сэр Эдвин, — начала она, — мне нет никаких извинений, но все же я объясню вам, как это вышло! — И Мэри рассказала мне о своих переговорах с герцогом Букингемским и лживых обещаниях этого «благородного» лорда.

Затем она осведомилась о состоянии Брендона, и я рассказал ей все, до мельчайших печальных подробностей.

Я уже собирался уходить, но вдруг принцесса обратилась ко мне:

— Пожалуйста передайте мастеру Брендону, что я хотела бы поговорить с ним. Если бы он взял на себя труд навестить меня...

— Боюсь, что он не захочет, — сказал я. — Брендона гораздо больше, чем тяжелые условия заключения, поразило ваше равнодушие к его судьбе. Он ведь питал к вам неограниченное доверие! При своем аресте он ни в коем случае не хотел позволить мне рассказать обо всем королю, так как был уверен, что вы сами вступитесь за него. Вы ведь, по его словам, — чистое золото!

— О, неужели он и в самом деле сказал это? — спросила Мэри, и мечтательная улыбка появилась на ее лице.

— Его вера в вас была бесконечна, и тем ужаснее для него разочарование. Он уедет за океан, как только оправится настолько, что его здоровье позволит выдержать переезд.

Это согнало с лица Мэри последние остатки краски, и она, заикаясь, крикнула:

— Ну, так ... расскажите... ему... что я вам... Может быть...

— Не смею обещать вам, леди Мэри, потому что когда я недавно назвал ваше имя, он запретил мне когда-либо делать это в его присутствии!

— Неужели дело дошло до этого? А на допросе он совершенно умолчал о причинах, заставивших его убить горожан? И он сделал это лишь потому, что даже ценой своего спасения не хотел компрометировать меня? Что за благородная душа! — Мэри встала; теперь в ее глазах уже не было слез, лицо выражало твердую решимость. — Ну, тогда я сама отправлюсь к нему, что бы там ни было! Я должна добиться его прощения!

Вскоре после этого мы быстрым галопом неслись по дороге к Лондону. Не останавливаясь в городе, мы проехали дальше, в Гринвич. Всю дорогу мы молчали, и только Мэри лишь однажды тихо проронила:

— Я никогда не выйду за французского короля, никогда!

В это время король Генрих находился в Лондоне, так как хотел принудить город выплатить в виде приданого леди Мэри сумму в пятьсот тысяч крон, и в Гринвиче почти никого не оставалось.

Прибыв туда, девушки отправились в апартаменты принцессы, а я — в нашу общую комнату, где нашел Брендона за чтением. Я собирался предупредить его о визите, но при взгляде на него вся моя решимость пропала, и я промолчал.

XII

Прошло немного времени, затем в дверь постучали, и в комнату вошли Мэри и Джен. Брендон заметил их появление еще у самой двери, но не показал вида и даже не поднял головы от книги. Уже темно; только у окна, где сидел Чарльз, было еще довольно светло. Мэри поколебалась мгновение, затем подошла к Брендону и сказала:

— Мастер Брендон, я пришла не затем, чтобы оправдываться — о, для меня нет оправданий! — а для того, чтобы рассказать вам все как было!

Брендон встал, отметил ногтем место в книге, на котором остановился, и сказал:

— Ваше высочество бесконечно добры и оказываете мне величайшую честь, но так как наши пути слишком расходятся, то, по моему мнению, было бы лучше, если бы вы воздержались от неразумного посещения. Столь высокая особа не может обращаться с речью к такому субъекту, как я, с величайшим трудом избегшему виселицы!

— О, не говорите так, дайте мне рассказать вам все! Я хорошо знаю, что вам было слишком больно думать обо мне так дурно... после... Ну, да вы знаете, что произошло между нами!

— Да, после того, что произошло между нами, это было особенно трудно перенести, — ответил Брендон. — Если вы способны дарить поцелуи... — при этих словах Мэри вся зарделась, — чело- веку, который вам совершенно безразличен, настолько безразличен, что вы готовы дать ему умереть, как собаке, тогда как одно-един-

ственное ваше слово могло спасти ему жизнь, на каком основании он может думать, что только он один и пользовался этими лестными знаками вашего расположения?

Мэри очень быстро воспользовалась тем, что Брендон был явно несправедлив к ней.

— Вы знаете, что это — неправда, и поступаете нечестно по отношению не только ко мне, но и к самому себе, потому что сами отлично знаете, что никакой другой мужчина не может похвастать хотя бы ничтожнейшим знаком моего расположения. Легкомыслие не принадлежит к числу моих недостатков. Да ведь и вовсе не это выводит вас из себя, потому что вы сами уверены во мне... да, боюсь, что слишком уверены! Быть может, это как раз и унижает меня в ваших глазах. Очевидно, вы не очень-то высоко цените то, что я могу дать вам, так как с того момента вы тщательно избегали моей близости. Не толкуйте мне, что это происходило из-за осторожности и доводов разума! Если бы тоска говорила в вас так же мощно, как во мне, то никакой разум не мог удержать вас вдали от меня! — Мэри печально поникла головой и помолчала. Затем она твердо продолжала: — Никакой мужчина не имеет права говорить так с женщиной, от которой он получил доказательства ее симпатии. Можете ли вы понять, что должна была я испытать при том первом своем поцелуе? Если бы я могла распоряжаться всеми коронами мира, я отдала бы их вам тогда. Этот драгоценный дар — поцелуй — я дала вам добровольно, с радостным сердцем, а вы придаете ему так мало ценности? Неужели вы хотите унижить меня в своем сердце вследствие того самого поступка, которым я так гордилась?

Мэри с ожиданием посмотрела на него. Брендон не разжимал плотно стиснутых губ и упрямо смотрел в книгу, потому что чувствовал, как он смягчается. Красота Мэри, никогда еще не сиявшая таким ослепительным светом, как в этот миг самоотречения и самоунижения, и теперь одерживала победу. Делай ошибки, но будь красив, и ты получишь прощение! Женщина, подобная Мэри, всегда имеет отпускную всем своим грехам!

В первый раз теперь я начинал понимать поразительную силу этой девушки, и уже не удивлялся, что она могла водить за нос даже короля, этого властнейшего, непреклоннейшего человека в мире. Она придавала совершенно особое, непередаваемое выражение произносимым словам, да и с чисто женской тактикой ухитрилась превратить Брендона в виноватого лишь потому, что он отчасти был неправ.

Мэри принялась рассказывать ему, как все это произошло, но Брендон продолжал пребывать в упрямом молчании, делая вид, будто лишь вежливо ожидает, когда она уйдет.

В течение некоторого времени принцесса ожидала возражений и замечаний Брендона; когда же убедилась, что их не последует, ее глаза наполнились слезами, и она разразилась страстной речью:

— Удостоите меня по крайней мере признанием, что вы доверяете моему рассказу! Я прошу лишь вашего доверия. Я не солгала бы перед вами даже тени мысли, не сделала бы этого даже ради вашей любви и прощения, как ни дорожу вами. Вы видите, я откровенно признаюсь, как дорожу вашей любовью. И если то, что я делаю теперь, — позор для меня, а то, что я сделала, было преступно, то все, это — по велению глупого сердца. Ваши слова значат для меня гораздо больше, чем вы можете себе представить. Не питай я полного доверия к вашей любви, меня не было бы здесь. Слишком жестоко с вашей стороны затапывать в грязь чистейшие и лучшие чувства женщины. Мы гордимся способностью отдаваться без остатка, это — наше священное право дарить богатства нашего сердца тому, кого мы любим!

Как плавно текли слова из ее уст! Ну, уж это должно было тронуть Брендона. Наверное, он и сам почувствовал, что искусственная стена его негодования нужна ему, только потому что иначе его крепость быстро пала бы и он сдался!

Теперь заговорил и Брендон:

— Вы поступили удивительно разумно, обратившись за советом и помощью к герцогу Букингемскому, и дело станет еще интереснее, если я скажу вам, что ведь именно герцог и напал тогда на вас! Я не упускал его из виду все время, пока он преследовал вас от Бридуэльских ворот, и сразу узнал его, когда в бою с него упала маска. Все ваши шаги были удивительно разумны, как я посмотрю!

— О Боже, могла ли я подозревать это! Ну, герцог поплатится головой за такую выходку! Но ведь, обращаясь к нему за помощью, я чувствовала себя просто бедной, сбитой с толку девчонкой... я так боялась... ваши раны... Поверьте, я больше страдала от них, чем вы. А потом этот ужасный брак!словно жалкая рабыня, я должна была продана этому старому чудовищу. Никакой мужчина не может представить себе ужас женщины, для которой красота становится проклятием и низводит ее до степени простого товара... — Мэри с трудом подавила приступ слез. — Я как-нибудь свыклась бы с мыслью об этом ужасном браке, у многих принцесс подобная судьба, но... после того дня, когда вы... Ах, словно искра пробежала по мне от вашего прикосновения, и эта искра, попав в сердце, вызвала такой пожар... — Тут слезы неудержимым потоком хлынули из глаз принцессы; она протянула руки к Брендону и, глубоко вздыхая, продолжала: — Я хотела вас, только вас в супруги и не могла освоиться с мучительной мыслью, что должна потерять вас и принадлежать другому. Я не могла уже отказаться от вас, после того как... было поздно, слишком поздно, мы зашли слишком далеко! — Брендон кинулся к Мэри и хотел прижать ее к своему сердцу, но она отстранила его и продолжала: — Теперь вы понимаете, что я не оставила бы вас в том ужасном месте, если бы знала об этом. Нет, не оставила, даже в том случае, если бы ваша свобода стоила мне жизни!

— Я знаю, знаю это... О, я никогда не буду сомневаться в вас. Теперь пришел мой черед просить у вас прощения!

— Нет, нет, простите только вы мне, это — все, о чем я прошу! — И с этими словами Мэри склонила головку на грудь Брендону.

— Пойдем в коридор, Эдвин! — сказала мне Джен.

Когда через некоторое время мы вернулись, Мэри и Брендон сидели у окна на скамейке. Увидев нас, они встали и пошли нам навстречу, взявшись за руки.

Посмотрев Брендону в глаза, Мэри спросила:

— Сказать им?

— Как вам угодно, миледи!

Мэри было угодно, и по ее настоянию Брендон произнес:

— Мы — я и эта женщина, руку которой я держу в своей, поклялись перед милосердным Богом стать мужем и женой, если это счастье суждено нам!

— Нет, нет! — перебила его Мэри. — Без всяких условий, так должно быть, возможно это или нет; ничто не сможет помешать нам!

С этими словами Мэри поцеловала Джен и протянула мне руку, потому что в этот момент готова была обласкать всех.

Тогда Брендон обратился к нам:

— Что же остается сказать мне, раз особа такого высокого сана хочет оказать мне честь стать моей женой?

— Любите ее, и только ее одну, от всего сердца и всю жизнь. Я уверена, что это — все, чего она хочет! — воскликнула Джен.

— Джен, да ты — истинный Соломон! — сказала Мэри со своей прежней радостной улыбкой. — Уж не дать ли и мне такой же совет кое-кому другому? — Она лукаво посмотрела на Джен и на меня.

— Не знаю, — смущенно ответила Джен. — Но если вы так высоко цените мою мудрость, то хочу уделить вам еще кое-что от ее плодов. Мне кажется, что теперь нам время уйти!

— Нет, Джен, ты снова стала дурочкой! Я еще не хочу уходить! — И Мэри уселась рядом с Брендоном и вступила с ним в милую для них обоих беседу.

Вскоре Чарльз сказал принцессе:

— Мне кажется, что Джен права и что для вас будет лучше не оставаться здесь долее, хотя я и хотел бы, чтобы вы вечно были около меня!

Мэри выказала готовность сейчас же повиноваться своему милему и, вставая со скамьи и взяв его руки в свои, прошептала:

— Ну, скажи «Мэри»! Как люблю я слышать это имя из твоих уст!

Мы с Джен пошли вперед, и по дороге она сказала мне:

— Теперь готовьтесь к беде. Она скоро грянет, и я больше всего боюсь за Брендона. Он выдержал честную борьбу против Мэри и самого себя. Немудрено, что она так любит его!

Тут я почувствовал укол ревности и воскликнул:

— Джен, да разве и вы способны полюбить его?

— Совершенно безразлично, Эдвин, на что я способна и на что нет. В данный момент, по крайней мере, не собираюсь, и с вас этого вполне достаточно!

Тон голоса и выражение сказали мне гораздо больше самих слов; коридор, по которому мы шли, был почти темен и... и... Ну, словом, я всегда рассматривал этот момент как упущенный мною счастливый случай!

XIII

Брачный договор был подписан, и брак Людовика Валуа с Марией Тюдор считался вопросом решенным. Все, чего не хватало, было согласие невесты; но, разумеется, это представляло собою обстоятельство крайне незначительное, потому что принцессы на выданье в глазах политики являются лишь товаром и должны соглашаться на все, что порешит глава царственной семьи. Поэтому, хотя согласие Мэри значилось исключительно на бумаге, но оно принималось как нечто безусловное.

Искусный кавалер Вольсей со своим вкрадчивым обхождением и кошачьими ужимками был избран Генрихом в качестве самого подходящего парламентаря; однако и ему пришлось потерпеть полное поражение, как мне потом смеясь рассказывала Джен. Вольсей навестил принцессу частным образом и открыл компанию тем, что принялся восхвалять ее красоту. Однако на это Мэри возразила:

— Да, да, милорд, я знаю, как я красива, никто лучше меня не знает, чего стоят мои волосы, глаза, губы, брови и прочее. Лучшее оставьте это, благородный лорд, все равно ничего не поможет. Так или иначе, а моего согласия на брак с этим старым французским греховодником вы не добьетесь. Но почему мой братец, великий и могущественный король Генрих, сам не явился сюда?

— Мне кажется, он побоялся. Впрочем, говоря по правде, и я взялся за это дело не без страха, — посмеиваясь ответил Вольсей и продолжал: — Его величество не мог бы придумать для меня более неприятного поручения. Вы, наверное, воображаете, будто я стою за этот брак, но на самом деле это не так! — твердо заявил он, хотя... это была величайшая ложь, когда-либо исходившая из уст дипломата. — Я принужден соглашаться с планами короля. Он вбил себе в голову этот брачный союз, с тех пор как Лонгвиль упомянул о желательности его.

— Значит, эта мумия с кошачьими глазами первая завела речь о браке? — зло воскликнула Мэри.

— Да, и если вы станете французской королевой, то будете в состоянии с лихвой отплатить ему за это!

— Действительно, уже из-за этого одного мне следовало бы согласиться!

— Говоря по секрету, я нахожу, что, в сущности, преступление принуждать такую девушку, как вы, выходить замуж за человека вроде Людовика Французского. Но как нам избежать этого?

Этим «нам» хитрый Вольсей очень ловко устанавливал союз и общность планов с Мэри.

— Как нам избежать этого? — возразила Мэри. — Не беспокойтесь, милорд, уж я покажу вам как!

— Дорогая принцесса, вы не знаете его величества нашего короля! Вы не можете долее противиться этому браку. По-моему, король готов даже арестовать вас и посадить на хлеб и воду, лишь бы вынудить ваше согласие. Поэтому вам было бы разумнее дать его добровольно, потому что тогда вы могли бы выговорить себе кое-что. Могу я откровенно говорить в присутствии леди Болингброк?

— У меня нет секретов от Джен! — ответила принцесса.

— Ну, хорошо! Людовик стар и очень слаб; он не проживет долго. Быть может, выказав готовность повиноваться своему царственному брату, вы сможете вырвать у него обещание, что при втором браке вам будет предоставлена полная свобода выбора. Таким образом вы получите то, чего иначе никогда не добьетесь.

— Но откуда вы знаете, чего я вообще хочу добиться, Вольсей?

— Мне ничего не известно. Я знаю только, что женщина не всегда может держать свое сердце в узде, и порой ее выбор падает на такого мужчину, который по рождению стоит много ниже ее, хотя по величию души и благородству мыслей мог бы померяться с любым высокородным. Может быть, и существует такой мужчина, ради которого никакая жертва не покажется слишком большой!

Намек Вольсея был слишком ясен, чтобы не быть понятым, и взор Мэри засверкал радостью.

Вольсей сообразил, что уже одержал победу, и, чтобы довершить свое торжество, сказал:

— Людовик XII не проживет и года. Разрешите мне передать королю ваше согласие, и я ручаюсь за его обещание относительно второго брака.

Радость сейчас же померкла во взоре Мэри, и на ее челе показались признаки близкой бури.

— Вы хотите передать своему повелителю мое решение, Вольсей? — холодно промолвила принцесса. — Ну, так передайте ему следующее: «Я предпочту, чтобы сам король вместе со всем королевством провалился в ад, но согласия на этот брак не дам. Это — мой ответ ныне и присно и вовеки веков!» До свидания, милорд Вольсей!

Сказав это, Мэри с высоко поднятой головой вышла из комнаты, представляя собою воплощенную картину твердой, непреклонной решимости.

Джен кинулась за принцессой и сказала ей:

— Разве вы не могли послать брату более мягкий ответ? Я уверена, что вы сумели бы и теперь тронуть его сердце, если бы только заставили себя хоть немного потрудиться ради этого. Ведь во всей этой несчастной истории вы еще ни разу не сделали попытки к подобному шагу.

— Ты права, Джен, я сейчас же пойду к Генриху!

Мэри обождала, пока король остался один у себя, и отправилась к нему.

Входя в комнату, она сказала:

— Милый брат, сегодня утром я от излишней горячности послала тебе с Вольсеем необдуманный ответ. Я пришла просить твоего прощения!

— О, сестреночка, я знал, что ты одумаешься! Вот ты и стала опять пай-деткой!

— Не истолковывай ложно моих слов! Я прошу у тебя прощения лишь за резкую форму, в которую облекла свой ответ. Что же касается самого брака, то я хотела сказать, что исполнение твоего намерения будет стоить мне жизни. Я не в силах буду перенести это замужество! О, брат, ты не можешь постигнуть, не в состоянии понять чувства женщины!

Генрих пришел в ярость и среди проклятий и ругательств приказал сестре немедленно удалиться вон и не показываться ему больше на глаза, пока она не даст своего согласия на брак. Мэри пошла к выходу, но по дороге еще раз обернулась и крикнула:

— Никогда! Слышишь? Никогда!

Несмотря на это, при дворе начались деятельные приготовления к свадьбе. Деньги на приданое принцессы были ассигнованы городом Лондоном, засуетились ювелиры, модистки и портные. Но Мэри все еще не теряла мужества и продолжала настойчиво бороться.

Когда к ней явилась королева с шелковой материей и изящными туалетами, чтобы обсудить вопрос о ее гардеробе в качестве приданого, что искони для каждой женщины кажется наиболее важным вопросом, принцесса категорически отказалась высказаться относительно этого. Когда же королева стала настаивать, чтобы Мэри примерила одно из платьев, принцесса разодрала его в клочки и приказала Екатерине немедленно убраться из ее комнаты.

Генрих командировал Вольсея и герцога Букингемского с официальным сообщением к принцессе, что тринадцатого августа назначено совершение обряда бракосочетания, во время которого с Мэри будет «обвенчан» Лонгвиль в качестве представителя Людовика. Но принцесса не дала им договорить до конца и двинулась на послов с явным намерением выцарапать им глаза.

Узнав от Мэри, что герцог тоже сделал попытку склонить ее к браку с Людовиком, Брендон однажды встал герцогу на пути и попытался вызвать его на поединок, считая это единственной воз-

возможностью свести с ним старые счеты. Но герцог Букингемский уже испытал на себе силу брендоновских ударов, да и судьба Джудсона отнюдь не улыбалась ему. Поэтому он постарался уклониться от поединка. Однако это взорвало Чарльза.

— Так как вы, милорд, уже дважды давали мне возможность скрестить с вами оружие, то окажите мне эту честь и в третий раз и будьте добры указать, где мои друзья могут найти секундантов вашей светлости! — настаивал он.

— Нет ни малейшей необходимости решать поединком такой незначительный вопрос! — ответил герцог. — В тот раз вы с честью вышли из положения, и если я не имею к вам никаких претензий, то у вас их и вовсе быть не должно. Во всяком случае, я был тогда не прав, но ведь я не знал, что сама принцесса пригласила вас на бал!

— Вашей светлости благоугодно играть со мной в прятки, — ответил Брендон. — Дело идет вовсе не о том случае. Вы, конечно, правы, потому что раз вы довольны исходом нашего столкновения, то мне и подавно не пристало обижаться. Но ваша светлость соизволили именем короля приказать смотрителю ньюгетской тюрьмы запрятать меня в самую гнусную подземную нору. Вы устроили так, что день суда надо мной остался в тайне, чтобы те, кто мог бы ходатайствовать за мое освобождение, не сделали этого. Вы дали обещание леди Мэри добиться моего освобождения и помешали ей обратиться с этой просьбой к его величеству; затем вы уведомили ее, будто все сделано так, как было обещано, и что я скрылся в Новую Испанию. По этим причинам, милорд, я объявляю вас лжецом, трусом и клятвопреступником и требую от вас удовлетворения, которое вы как мужчина обязаны дать мне за смертельное оскорбление. Если же вы не примете вызова, то, клянусь, я все равно убью вас!

— Мне равным счетом наплевать на вашу болтовню, но в ответ на воображаемые обвинения могу сказать, что я сделал для вашего освобождения все, что мог. Тюремный смотритель дал мне обещание помочь вам бежать. Но вслед за этим было обнаружено какое-то адресованное вам письмо, которое смотритель отправил прямо в руки короля. Ознакомившись с содержанием этого письма, король приказал усилить тюремный надзор за вами, и это не станет отрицать сам его величество.

Брендон стал в тупик, совершенно не понимая, о каком письме могла идти речь. Но, когда герцог собрался уходить, он удержал его:

— Одну минуту, ваша светлость! Я готов принять за чистую правду все, что вы сейчас сказали, потому что у меня нет возможности опровергнуть ваши утверждения. Но нам нужно разъяснить еще одну историю. В тот вечер вы напали на меня в Биллингсгете и пытались убить. Этого вы не можете отрицать. Я наблюдал за вами, когда вы следовали за дамами по дороге к Грушу, да и во время схватки с вашего лица свалилась маска. Кроме того, уликой

является ваше поврежденное колено, ушибленное при падении с лошади и заставляющее вас хромать до сих пор. Надеюсь, вы выкажете себя по отношению ко мне джентльменом? Или, быть может, предпочтете, чтобы я рассказал королю и всему миру эту историю? До сих пор я молчал, так как считал своим личным правом расквитаться с вами!

Герцог Букингемский побледнел, но остался при своем и воскликнул:

— Я не выхожу на поединок со всяким сбродом и ничуть не боюсь вашего вранья!

Очевидно, он предполагал, что принцессе и Джен неизвестно, кто напал на них, но случаю было угодно вскоре же убедить его в противоположном.

После разговора с герцогом Брендон отправился со мной гулять в лес, и там мы «случайно» встретились с Мэри и Джен. И вот во время прогулки мы нос к носу столкнулись с герцогом Букингемским и его стряпчим Джонсоном. Наверное, они забрались в этот глухой уголок, чтобы в уединении обсудить создавшееся положение.

Мэри, увидев герцога, гневно крикнула ему:

— Милорд, вы плохо послужили мне! Ваш поступок будет стоить вам головы! Подумайте об этом, когда очутитесь на эшафоте!

Герцог раскрыл рот, пытаясь объяснить что-то, но Мэри указала ему на дорогу и воскликнула:

— Ступайте прочь, или я попрошу мистера Брендона проучить вас своим мечом! Выступить одному против двоих покажется ему детской забавой, после того как в Биллингсгете ему пришлось отбиваться против посланных вами четверых. Прочь!

Эта выходка Мэри увеличила число наших врагов еще на одного человека — Джонсон, зарабатывавший свой хлеб всякими каверзами, дал герцогу Букингемскому совет, благодаря которому тот нанес нам полное поражение.

Случилось все так: благородный лорд немедленно отправился к королю и с видом глубоко оскорбленного человека сообщил ему об обвинениях Брендона, встретивших сочувствие у принцессы Мэри. Брендона сейчас же вызвали к королю, и тот заставил его повторить обвинение.

Брендон так и сделал, но герцог Букингемский сослался на всю свою прислугу, которая могла подтвердить, будто он в указываемое время присутствовал на богослужении. Так как Брендон не мог утвердительно и категорически сказать, что обе девушки видели и опознали герцога, то обвинение, высказанное им, оказалось беспочвенным. Кроме того, из обстоятельств дела было видно, что Мэри горячо заступает за Брендона, а к тому же герцог сумел ловко вернуть, что только что встретил принцессу с Брендоном в самом глухом месте леса. Это усилило подозрения короля, и он начал видеть в лице Брендона главную помеху браку Мэри с французским королем.

В припадке гнева король приказал Чарльзу покинуть двор, прибавив, что только оказанная принцессе важная услуга избавляет его от позорной казни. Так герцог Букингемский снова восторжествовал над человеком, осмелившимся затронуть его самолюбие.

XIV

Признанный и глубокий эгоист, король Генрих VIII, в сущности, не любил никого, кроме самого себя. Но нечто вроде симпатии вызывало в его сердце восхищением кем-нибудь. Брендон восхищал и поражал короля всем своим обликом истинного рыцаря, а потому уже в самом непродолжительном времени Генрих смягчил свой приговор. Узнав, что Брендон собирается искать счастья за морем и таким образом сойдет с пути Мэри в самом непродолжительном времени, король разрешил ему жить у меня в квартире по-прежнему вплоть до своего отъезда.

Однако тучи все еще сгущались над нашими головами. Неизвестно как при дворе узнали о наших встречах в апартаментах принцессы Мэри, а так как среди придворных всегда найдется достаточное количество завистников и сплетников, то об этом было доложено королеве.

В один прекрасный день Джен вызвали к королеве, и та поставила ей прямой вопрос. Джен принадлежала к числу тех редких при дворе особ, которые держались весьма оригинального взгляда, будто правда только для того и существует, чтобы говорить ее; поэтому она откровенно рассказала обо всем. Екатерина Арагонская была известная ханжа; сначала она чуть не упала в обморок от ужаса, а затем побежала к королю и нажаловалась ему, изобразив в его глазах пустую девичью шалость в виде преступно легкомысленного поведения.

Король пришел в ярость, вызвал всех нас четверых к себе и приказал Джен, Брендону и мне немедленно покинуть двор. Однако Мэри призвала на помощь всю обольстительность своих манер и улыбок и быстро убедила брата, что его супруга сделала из мухи слона и что дело вовсе не так серьезно. Генрих ни в грош не ставил Екатерину, а кроме того был рад, что Мэри, наконец-то заговорила с ним, так как со времени их разговора после посещения Вольсея принцесса не разжимала рта и не отвечала брату ни на один вопрос. Поэтому он смягчился и отменил приказ об изгнании, но строго приказал, чтобы встречи более не устраивались.

Оставшись затем наедине с Мэри, Генрих рассказал об истории с ее письмом к Брендону в тюрьму и попрекнул вульгарной симпатией к человеку низкого происхождения. Принцесса в тот же день известила Брендона об этом, и Чарльз понял, что его прекрасный сон кончился навсегда.

Он ответил принцессе, тоже письменно, что в самом непродолжительном времени отправится за море. Но все же перед окончательной разлукой хотел бы еще раз повидаться с нею.

Мэри была не из тех, кто долго обдумывает решение. Поэтому еще до наступления темноты отправилась к Брендону в комнату. Сначала она хотела, чтобы я ушел и дал им поговорить наедине, но Брендон удержал меня:

— Нет, нет, Каскоден, пожалуйста останься! Будет плохо, если принцессу застанут тут, у нас, но если к тому же наедине со мной, то это еще до наступления утренней зари приведет меня на эшафот. Опасность и так достаточно велика, потому что за нами наверняка следят.

Мы прошли к оконной нише и уселись там.

— Я не могу более терпеть это! — воскликнула Мэри. — Я сегодня же вечером пойду к брату-королю и скажу ему, что умру, если он разлучит меня с вами. Он любит меня, и я могу сделать с ним все, что захочу. Я знаю, мне нетрудно будет добиться его согласия на наш... наш... брак... О, я отлично знаю, как приступить к этому! Я усядусь к нему на колени, поглажу его по волосам, поцелую, а потом начну говорить, как он красив и как вздыхают по нему придворные красавицы. Ах, почему я раньше не сделала этого!

Мэри была прелестна в сознании своего непобедимого очарования, но Брендон не потерял головы, так как на карту была поставлена жизнь.

— Мэри, разве вы хотите видеть меня завтра мертвым? — спросил он.

— Что это пришло вам в голову? Почему вы ставите такой ужасный вопрос?

— Попробуйте исполнить только что нарисованный вами план, и я не сомневаюсь, что король не станет ждать со своей мстью даже до утра. Меня нынче же в полночь разбудят и убьют тут же, во дворе!

— О нет! Ничего подобного не случится! Я знаю, какое влияние имею на Генриха!

— В таком случае лучше уж я сейчас же прошусь с вами, и пусть полночь застанет меня как можно дальше от дворца! Я могу обождать с отъездом еще немного лишь в том случае, если вы поклянетесь не ходить к королю и помнить, что от малейшего слова, сорвавшегося у вас с языка, зависит моя жизнь. Если вы не обещаете мне этого, я должен сейчас же бежать.

— Обещаю! — вполголоса проронила Мэри, поникнув головой и расставаясь снова со всеми надеждами.

Через несколько минут она спросила Брендона, с каким кораблем собирается он отбыть в Новую Испанию.

— Мы отплываем приблизительно через две недели из Бристоля на судне «Королевский слуга».

— Сколько пассажиров берет с собой корабль? Среди них имеются женщины?

— Нет, никакая женщина не сможет вынести переезд через океан, да и вообще на такие суда, полуторговые-полупиратские,

женщин никогда не берут. Моряки суеверны; они утверждают, что женщина на борту приносит несчастье.

— Дурачье! — воскликнула Мэри.

Брендон продолжал:

— На корабле будет около сотни людей, если капитану удастся завербовать столько.

— А как можно попасть на судно?

— Записавшись у его капитана, старого морского волка, по имени Бредхерст, в Бристоле. Я уже сделал это Но почему вы спрашиваете?

— О, мне просто хотелось знать!

И мы заговорили о всякой всячине.

Но вдруг Мэри перебила нас:

— Я все время думала об этом и теперь знаю, что мне делать, а вам не следует отговаривать меня. Я хочу отправиться с вами в Новую Испанию! Это будет превосходно, гораздо интереснее, чем скучная жизнь дома.

— Это невозможно, — заявил Брендон, лицо которого просветлело при таком новом доказательстве любви Мэри. — Прежде всего, как бы крепки и сильны вы ни были, вы не в состоянии перенести переезд.

— Нет, в состоянии, и вы не смеете отговаривать меня лишь на этом основании! Лучше переносить самые страшные бедствия, чем терпеть муки последних недель. Да что со мной только будет, если вы уедете, а я стану женой Людовика? Подумайте об этом, Чарльз Брендон, подумайте! Я — жена Людовика! Да если переезд через океан даже убьет меня, то не все ли равно, каким образом умереть, и не лучше ли умереть рядом с тем, с кем даже и смерть не страшна?

Однако Брендон не сдавался.

— Но ведь я же сказал вам, что женщин на судно не берут! Да и как могли бы вы скрыться бегством? К чему строить воздушные замки!

— О, нет, это вполне возможно! Я просто отправлюсь в качестве мужчины. Я уже все продумала до мелочей. Завтра же отправлю в Бристоль большую сумму денег и потребую отдельную каюту для юного дворянина, собирающегося инкогнито отправиться в Новую Испанию и предполагающего явиться на борт судна в самый последний момент. Я куплю себе вооружение и мужской костюм, а вы с Каскодемом научите меня носить его! — Тут она очаровательно покраснела и продолжала после минутного замешательства: — Само бегство мы устроим следующим образом. Вы уедете отсюда, и за мной уже не станут следить. Я же отправлюсь к своей сестре в Берклей-кестль, а оттуда сбегу прямо в Бристоль.

Брендон задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, осуществим ли этот план. Если бы бегство удалось, мы построили бы себе прелестное гнездышко где-нибудь

среди зеленых холмов и зажили бы вдаль от всего света, в своем собственном маленьком раю! Что за дивный сон!

— Нет, нет, это не сон, — решительно перебила его Мэри. — Он станет действительностью! Как дивно мы проживем! Я уже вижу отсюда наш домик, спрятавшийся между холмами за купами тенистых деревьев, среди виноградных лоз и цветов. О, я просто не могу дожидаться. Да и кто захочет жить в мрачном дворце, когда грезится рай около вас!

Брендон закрыл лицо руками, а затем сказал:

— Я думаю только о вашем счастье. Как бы суров ни был переезд, как бы тяжело ни пришлось вам за океаном, но это все же лучше, чем жизнь с Людовиком Французским. Если вы хотите ехать, я готов взять вас с собой, даже под угрозой гибели для меня. У нас достаточно времени, чтобы тщательно обсудить все, так что мы всегда можем отказаться от этого намерения, если вы передумаете.

Мэри схватила руку Брендона, и слезы заструились у нее по щекам. Но на этот раз это были слезы радости.

XV

Я должен был обратить в деньги часть мэриных драгоценностей. Теперь она уже жалела, что не приняла от Лонгвиля бриллиантов Людовика, которые могли бы значительно увеличить ее казну. Тем не менее я довел эту казну до довольно значительной суммы, тайно прибавив большую часть своих собственных денег. По просьбе Мэри я послал некоторую сумму капитану Бредхерсту в Бристоль, а остальное вручил Брендону.

Вскоре из Бристоля пришел благоприятный ответ, в котором «юному дворянину» обещивалась отдельная каюта. Теперь надо было позаботиться об экипировке Мэри. Джен сняла с нее мерку, а я вручил своему портному эту мерку и материал. Хитро подмигнув мне, портной сказал:

— Сэр Эдвин, этот мужчина должен иметь изумительнейшую фигуру на свете, судя по этой мерке!

— Не заботьтесь о том, что вас не касается! Если вы дорожите собственной выгодой, держите язык на привязи и беритесь за работу! — ответил ему я.

Время летело быстро. Оставалось уже немного дней до того момента, когда корабль «Королевский слуга» должен был выйти в море. Платье для Мэри было уже готово, и принцессу немало забавляли упражнения, имевшие целью приучить ее носить костюм. Мэри переодевалась с ног до головы и шеголяла так перед Джен. Но этого ей вскоре показалось мало, она решила предстать передо мной с Брендонем, а потому однажды накинула поверх камзола плащ и отправилась в сопровождении плачущей Джен на нашу половину.

Заперев за девушками дверь, я с любопытством посмотрел на Мэри, которая, скинув плащ, смущенно остановилась посреди комнаты в изящном и богатом наряде знатного дворянина. Она была дивно хороша в этом костюме, но... но кто же мог быть так наивен, чтобы и в самом деле принять ее за мужчину? Женственность слишком явно сквозила в каждой складке ее платья, в каждой линии ее форм, в каждом ее движении. Одни перья еще не делают птицы, и мужской костюм Мэри отнюдь не мог обеспечить ей вид мужчины.

Под нашими взглядами Мэри смушалась все больше и больше и наконец спросила:

— Ну, что же вы молчите? Разве что-нибудь не в порядке?

— Все в порядке, — ответил Брендон, улыбаясь против воли. — Все очень хорошо, уверяю вас! Вы — само совершенство, то есть в смысле женщины, потому что если вы воображаете, что хоть чуточку похожи на мужчину, то жестоко ошибаетесь!

— Но как это возможно? — спросила Мэри в комическом замешательстве. — Разве на мне не мужской камзол, не мужская шляпа? Почему же я не могу быть похожей на мужчину?

— Да хотя бы потому, — ответил Брендон, — что ваша ножка мала даже для мальчика! Вам никогда не удастся стать похожей на мужчину, упражняйся вы в ношении костюма хоть до Страшного суда!

Мэри разразилась плачем и сетованиями, но в конце концов высказала твердую решимость рискнуть во что бы то ни стало, так что мы стали судить да рядить, как замаскировать слишком уж явные признаки принадлежности принцессы к слабому, но прекрасному полу. В конце концов мы решили, что высокие сапоги и плащ несколько скроют ее женственность.

Затем мы приступили к обсуждению последних деталей плана побега. Надо было обдумать все мелочи, потому что для Брендона неуспех был равносителен смерти: этой выходки король Генрих не простил бы никому!

Обдумав все, что было возможно, девушки простились и ушли. Мэри сердечно поцеловала Брендона, и я хотел принудить Джен последовать примеру ее повелительницы, но она осталась холодна и неприступна.

На следующий день Брендон получил прощальную аудиенцию у королевской четы, распростился со своими друзьями и отправился в Бристоль. Могу заверить, что король не выказал особенного огорчения из-за отъезда Брендона!

XVI

Через несколько дней после отъезда Брендона Мэри с согласия короля пригласила небольшой кружок кавалеров и дам для увеселительной поездки в Виндзор, пользуясь стоявшей в то время чудной погодой.

Под вечер дня, назначенного для бегства, Мэри предложила отправиться на соколиную охоту. К принцессе присоединились трое мужчин и три дамы. Конечно, Мэри двинулась в том направлении, которое вело ее к встрече с Брендоном в условленном месте.

Несколько раз я умышленно обращался к ней с предупреждением, указывая на упорный дождь и надвигающуюся темноту. Но никого из ничего не подозревавших остальных спутников не удивило, что известная своим своенравием принцесса отнюдь не склонна была внять голосу благоразумия. Конечно, Мэри сумела устроить так, что в нужный момент мы опередили с нею остальных на порядочное расстояние.

— Момент настал, — сказала мне принцесса. — Постарайтесь минут на пять отвлечь остальных, и я буду в полной безопасности. Прощайте, Эдвин! Вы и Джен — единственные люди, с которыми мне жаль расставаться. Я люблю вас, как брата и сестру, и если мы устроимся в Новой Испании как следует, то вы приедете к нам. Ну, Эдвин, теперь я скажу вам еще одно: не давайте Джен долго водить вас за нос! Она любит вас, — так она сама сказала мне. Прощайте, друг мой! Поцелуйте Джен от меня тысячу раз!

Сказав это, Мэри бешеным галопом помчалась прочь.

Я подождал немного и, кинувшись к остальному обществу, объяснил, что принцесса увлеклась охотой за цаплями и скрылась из моих глаз. Мы поспешили на поиски, причем я, разумеется, навел всех на неправильный след. Мы изъездили всю местность вдоль и поперек, но не обнаружили ни малейшего следа принцессы. Тогда один из мужчин поехал провожать дам домой, мы же остальные всю ночь напролет провели в поисках.

Трудно описать, какой переполох поднялся на следующий день в замке! В конце концов все решили, что исчезновение принцессы — дело рук банды разбойников, которых в то время было очень много в этой местности.

Что тут было делать? Прежде всего мы послали королю доклад о случившемся и остались ждать, не прикажет ли он содрать с нас живых кожу с тела. Затем был командирован конный воинский отряд на новые поиски Мэри. Так как всем было известно, что я малоопытен в военном деле и что всю прошлую ночь я провел в поисках принцессы под дождем, то никто не считал подозрительным, что я воздержался от участия в этих новых поисках. Зато все остальные примкнули к отряду. Я же решил воспользоваться свиданием с Джен наедине, чтобы исполнить поручение леди Мэри.

Только тысяча поцелуев! Я хотел бы, чтобы их был целый миллион, и готов был добросовестно передать их все до последнего. Я был уверен, что Джен пожелает узнать от меня подробности бегства Мэри, и послал ей записку, приглашая прогуляться по саду.

Что это была за сказочная прогулка! Как бесконечно богат человек, имеющий подобные воспоминания! Обращение Джен со мной резко изменилось, и казалось, будто она готова была робко и

смушенно уцепиться за меня, как за последнее утешение во всех своих страданиях.

Сообщив ей все подробности бегства Мэри и высказав уверенность, что принцесса теперь уже находится на дороге к раю своих грез, я счел благовременным замолвить словечко также и за самого себя. Поэтому непринужденно высказал Джен все, что чувствовал и желал.

— О, сэр Эдвин, — ответила девушка, — будем сейчас думать исключительно о моей повелительнице и о тех заботах, которыми она теперь полна!

— Нет, нет, Джен, принцесса теперь отрешилась от всех забот. Разве она не добилась всего, к чему влекло ее ее сердце? Займемся лучше устройством нашего собственного рая, раз мы помогли принцессе и Брендону обрести их!

Затем я хотел приступить к передаче поручения Мэри, но Джен отскочила от меня и заявила, что немедленно вернется домой, если я буду продолжать в том же духе. Все мои просьбы не привели ни к чему. Наконец я рассердился и, не спрашивая уже о разрешении, передал Джен поручение Мэри или по крайней мере значительную часть его. Затем я спросил, что предполагает Джен делать далее.

Бедная маленькая Джен! Она воображала, что стала несчастной на всю жизнь. Расстроенная и плачущая, опустила она на скамейку, говоря, что не знает, куда ей теперь деваться, раз даже я, ее единственный друг, так обращаюсь с ней.

— Куда вам деваться, Джен? — подхватил я. — Но откуда, ко мне грудь! Знайте, что отныне я не намерен позволять вам долее играть со мной и предполагаю обращаться таким образом с вами всю вашу жизнь. Я знаю, что вы любите меня. Вы много раз давали мне понять это, а ведь вы не способны на ложь. Кроме того, мне сказала сама принцесса, что вы признались ей в этом!

— Этого она наверняка не сделала!

— Разве вы не говорили ей этого? Я знаю, вы говорите только правду; ну, так отвечайте, Джен!

Моя милая кивнула головой и пробормотала, не опуская рук от лица:

— Ну, да... конечно...

Тогда я немедленно же приступил к передаче остатка поручения Мэри, не встречая теперь уже сопротивления со стороны Джен. Таким образом моя голубка была наконец-то побеждена после долгой борьбы!

Я спросил Джен, когда мы поженимся, но она не хотела ничего слышать об этом, пока не будет знать, что Мэри в безопасности. Затем мы пошли обратно в замок. На прощанье Джен смушенно шепнула мне:

— Я рада, что наконец призналась вам, Эдвин; рада, что это уже миновало!

По-видимому Джен очень боялась объяснения, но и я тоже был доволен, очень доволен!

Когда принцесса помчалась прочь от меня, ночь уже вступила в свои права. Ввиду того, что шел дождь, темнота наступила очень быстро, и скоро всю местность окутал тот зловещий мрак, когда ведьмы любят приступать к своим воздушным экспедициям и все злые духи выходят на волю для своих проделок.

Копыта лошади Мэри так громко шлепали по лужам, что принцессе казалось, что шум ее бегства достигает до самого Лондона. Ветер пронзительно завывал, уныло перекликались совы, потоки дождя забирались под платье всюду, куда только могли. Мэри, не привыкшую к таким эскападам, вдруг все более и более стал одолевать страх.

Хорошо еще, что Брендон ждал ее неподалеку. Но даже рядом с любимым человеком эта ночная поездка осталась в памяти Мэри как один бесконечный кошмар. Впоследствии принцесса не могла без смеха вспомнить, с какой жадностью накинулась она в грязной мрачной таверне на черствый хлеб и пожелтевший старый сыр. Но она была голодна, усталость буквально разламывала все ее юное тело. Тем не менее, после краткого отдыха она в полночь бодро двинулась дальше, и первые лучи утренней зари застали их с Брендонном перед самым Бристолем. Тут они отправились в гостиницу, позавтракали, к величайшему удовольствию Мэри, и затем отправились на борт корабля «Королевский слуга». Казалось, что смелый до нелепости план обещал, вопреки всякому правдоподобию, все-таки осуществиться, и Мэри была счастлива до глубины души.

Конечно, нашим путникам прежде всего нужны были отдых и покой. Поэтому Мэри поспешила пройти в каюту, да и Брендон отправился на розыски своей койки. Оба они оплатили переезд, хотя и считались завербованными и, таким образом, принадлежали к команде корабля. Но ведь от них не ждали матросской работы, они должны были лишь оказать содействие в случае битвы.

Они прибыли на борт корабля около семи часов утра, и Брендон надеялся, что к тому времени, когда они выспятся, судно уже пройдет Бристольский канал. Но ветер, отчаянно вывший перед тем всю ночь напролет, вдруг окончательно спал в тот момент, когда был нужен. Настал полдень, а корабль все еще грелся в гавани под лучами яркого солнца. Капитан уверял, что к закату ветер обязательно поднимется, но солнце зашло, а паруса продолжали беспомощно болтаться, как тряпки. Брендон знал, что всякая дальнейшая отсрочка должна означать полную неудачу, потому что наверняка Генрих сразу же, не без помощи хитрого Вольсея, угадал истину. Его тревога все усиливалась.

Он спустился к Мэри в каюту и с замирающим от страха сердцем думал о том, что ей придется выйти на палубу. Нельзя было продолжать упорно оставаться в своей каюте, где она сидела с самого утра, но в то же время появление сразу выдадо бы ее и все было бы кончено.

С первого взгляда на Мэри Брендон еще раз убедился, что ее инкогнито, несомненно, сразу раскроется. Во всем ее внешнем виде не было ничего мужского, все выдавало в ней женщину. В конце концов Чарльз с отчаянием сказал:

— Ты никого не обманешь своим переодеванием. Что же нам делать? Лучше всего тебе будет под предлогом недомогания остаться в каюте, пока мы не выйдем в открытое море, а там я уже все открою капитану!

Не успел Брендон договорить, как в дверь постучали и раздалась команда:

— Все на палубу для осмотра!

Брендон сейчас же направился к капитану и сообщил ему относительно своего юного спутника:

— Милорд занемог и просил освободить его от осмотра!

— Занемог? Ну, так ему лучше будет как можно скорее сойти с корабля! Я верну его деньги, потому что мы не можем делать из корабля больницу! — ответил Бредхерст и, обращаясь к одному из судовых офицеров, приказал: — Распорядитесь, чтобы милорд сейчас покинул корабль!

Это было хуже всего, и Брендон поспешил сказать, что дело, может быть, не слишком плохо и что он постарается уговорить лорда показаться на палубе.

Он вернулся к Мэри, помог ей прицепить шпагу, и они поднялись на палубу.

Впоследствии Брендон не раз говорил, что ему было трудно удержаться от слез при виде того, как Мэри тщетно старалась придать себе мужскую осанку. Должно быть, и в самом деле это была забавная картина, когда принцесса поднималась по лестнице вслед за Брендоном: ее шпага постоянно путалась между ног, а сапоги чуть не сваливались. Во всяком случае, ее вид был настолько странен, что матросы, встречавшиеся им на пути, при взгляде на Мэри бросали работу и застывали на месте с раскрытыми ртами.

Увидев Чарльза и Мэри, капитан подошел к ним.

— Надеюсь, что вашему сиятельству стало лучше? — спросил он, а затем, внимательно осмотрев Мэри с ног до головы, прибавил: — Но я нахожу, что вы — само здоровье! Сколько вам лет?

— Четырнадцать! — поспешно ответила Мэри.

— Четырнадцать? — повторил Бредхерст. — Ну, так мне кажется, что вы прольете не много крови. Вы больше похожи на хорошенькую девчонку, чем на воина!

Общество, находившееся на палубе и состоявшее из профессиональных искателей приключений, расхохоталось от этих слов капитана. Большинство уже успело порядком напиться, и Мэри было не по себе под наглыми, бесцеремонными взглядами.

Вдруг один из них подошел к Мэри и со скабрезным замечанием ударил ее по плечу так, что девушка упала на колени. Брендон кинулся на оскорбителя, схватил его за шиворот и столкнул с лестницы. Но в это время какой-то пьяница крикнул: «Да ведь это

девчонка!» — и, прежде чем Брендон мог помешать ему, схватил Мэри за камзол и одним движением отодрал рукав. Он махнул по воздуху своим трофеем, но в тот же момент этот трофей упал на палубу вместе с рукою, отсеченной Брендоном по локоть.

Несколько приятелей раненого кинулось на Чарльза, Мэри разразилась рыданиями, что окончательно выдало ее.

Поднялся ожесточенный рукопашный бой, в котором многие приняли сторону Брендона. Но капитан быстро положил конец свалке и увел Брендона с Мэри к себе в каюту для допроса. Там, разразившись проклятиями, он крикнул:

— Совершенно очевидно, что вы привели на борт переодетую девчонку, ну, так и убирайтесь с нею восвояси! Посмотрите сами, что вы наделали всего за несколько минут, которые пробыли на палубе! Да ведь наш корабль погиб бы еще раньше, чем добрался бы до конца канала!

— Я не виновата, — всхлипывая ответила Мэри, — я ничего не сделала. Но эти бестии, — крикнула она, сверкая глазами, — поплатятся мне за все! Они меня еще попомнят! Или, по вашему, капитан Брендон не должен был вступить, когда этот негодяй оторвал у меня рукав?

— Капитан Брендон, говорите вы? — спросил Бредхерст и сорвал с себя шапочку.

— Да, — ответил тот, — я по важным причинам записался под ненастоящим именем, и вы, конечно, не откажетесь соблюсти мою тайну!

— Если не ошибаюсь, вы — сэр Чарльз Брендон, друг короля?

— Да.

— Тогда я должен просить у вас извинения за тот прием, который вы у нас встретили. Для меня было бы крайне важно, чтобы с нами отправился такой испытанный, храбрый рыцарь, как Чарльз Брендон, и я надеюсь, что сцена на палубе не отпугнет вас. Что же касается этой дамы, то ее мы никак не можем оставить. Не говоря уже о том, что женщина всегда приносит несчастье, из-за нее взбунтуются все мои матросы!

Брендон понял, что их предприятие с позором провалилось. Он накинул на Мэри плащ, и они сошли с корабля, провожаемые криками и ироническими возгласами команды. Что за положение для принцессы крови!

С корабля вся эта история перекинулась в гавань и вскоре стала известна также и в гостинице, куда отправились Брендон и Мэри и куда Бредхерст послал их багаж вместе с честно возвращенной проездной платой.

Мэри снова оделась в женское платье и позвала к себе в комнату Брендона. Когда он явился, она, заперев дверь, положила ему свою голову на грудь и прошептала:

— Когда мы уезжали с корабля, я думала, что не бывает худшего горя и несчастья. Но теперь я считаю, что для меня возможно еще большее горе, которого я не перенесу!

— Что же именно угнетает тебя? — спросил Брендон.

— О, я подумала о том ненавистном браке и о том, что я потеряю тебя, а затем... я подумала, что и ты... когда-нибудь... можешь назвать своей другую. Я готова умереть от одной мысли об этом, и ты должен поклясться мне...

— Я охотно клянусь тебе, что никогда не назову своей другую женщину, — ответил Брендон, обнимая принцессу. — Во всем мире для меня существует только одна.

Мэри стала на цыпочки и протянула Чарльзу губки для поцелуя, сказав:

— Даю тебе то же самое обещание! Как страдал ты, должно быть, при мысли, что я выйду замуж за другого!

Брендон не проронил ни слова, хотя был уверен, что теперь ему уже не миновать плахи. Конечно, он мог бы убежать из Англии на судне «Королевский слуга», потому что вскоре после того, как они сошли с корабля, задул ветер, и из окон гостиницы они могли видеть исчезающие вдали паруса. Но Брендон не мог покинуть Мэри в таком положении и твердо решил проводить ее обратно в Лондон.

XVIII

В полночь того же дня гостиницу окружил отряд вооруженных людей, которые арестовали Брендона и отвезли его в Лондон — прямо в Тауэр. Мэри узнала обо всем только на следующее утро, когда ей сообщили о повелении короля вернуться в Гринвич.

Теперь с Брендоном уже не церемонились. Приговор к смертной казни был подписан королем, палач уже точил свой топор, и Мэри даже не подозревала об этом.

Вечером следующего дня, после прибытия принцессы в Гринвич, ее позвали к королю. Генрих сидел с Лонгвилем и некоторыми придворными за карточной игрой. Мэри встретили любопытные взгляды всех присутствовавших. Но здесь она находилась у себя дома, и уже ничей взор не мог смутить ее, а потому, не обращая ни на кого внимания, она направилась прямо к королю.

Генрих избавил ее от труда говорить первой. Он был сильно раздражен и встретил сестру словами:

— Как, бессовестная потаскушка, ты решаешься, словно ни в чем не бывало, показаться мне на глаза?

Мэри была оскорблена в своей гордости.

— Замолчи! — крикнула она и с пылающим взглядом подошла вплотную к королю, так что тот почти с испугом отшатнулся от разгневанной сестры. — Ты оскорбляешь меня и хочешь, чтобы я видела в тебе брата? Да ведь существуют слова, за которые даже мать может возненавидеть своего первенца, и ты сказал одно из них! Ответь, чем я заслужила такое обращение? Я ждала, что ты заговоришь о моем непослушании, но, несмотря на то что в послед-

нее время я и потеряла всякую веру в тебя, как в короля и человека, надеялась, что в тебе окажется хоть искра братских чувств.

Это больно задело Генриха, потому что в это время уже начали открыто говорить, что он сдал Вольсею все государственные дела, а сам проводит время в забавах.

— Да разве бегство в мужском платье, шатанье по гостиницам в обществе простого капитана гвардии не оправдывает и не подтверждает моих обвинений? — крикнул он, но тотчас же по искреннему изумлению сестры понял сам свою неправоту.

Один момент в комнате царила глубокая тишина, а затем зазвонел возмущенный голос принцессы:

— Конечно, весьма возможно, что необдуманный шаг может стоить мне доброго имени, но я не виновна и не сделала ничего дурного. А если вы мне не верите, то спросите Брендона!

Услышав это, король разразился громким хохотом, который был, разумеется, подхвачен также всеми придворными.

— Смейтесь сколько хотите, но Брендон не солгал бы даже за твою королевскую корону, брат! — крикнула Мэри. — А много ли среди всей этой челяди, смеющейся лишь потому, что смеется король, найдется таких, о ком можно сказать то же самое?

Генрих знал, что Мэри права, и насмешливо посмотрел на придворных.

Между тем принцесса продолжала:

— Я говорю сухую правду. Мое доверие к Брендону так глубоко, что мне даже в голову не приходила мысль о возможности обесчещенья. Я знала, что он любит и уважает меня, я доверилась ему и не обманулась в своем доверии! — Затем, опустив глаза, она прибавила: — В одном отношении ты, пожалуй, прав: меня спасла его порядочность, а не моя собственная!

— Послезавтра в Тауэр-гиле мы публично объявим ему свою благодарность за это! — сказал король, с присущей ему осторожностью объявляя сестре о предстоявшей казни Брендона.

— Как? — крикнула Мэри с выражением несказанного ужаса во взоре. — Чарльз Брендон... вы... его убьют?

— По-видимому, так, — ответил Генрих. — Насколько мне известно, после отделения головы от туловища и четвертования последнего человек не выживает! Послезавтра мы возьмем тебя с собой в Лондон, и ты сама убедишься в этом!

Мэри пыталась сказать что-то, но долго слова не шли у нее с языка. Наконец она промолвила:

— Вы не смеете убить его, он не виновен! Выгони эту челядь за дверь, и я скажу тебе все.

Король приказал, чтобы все, за исключением Вольсея, Джен и меня, вышли из комнаты.

Тогда Мэри продолжала:

— Брат Генрих, этот человек не виновен ни в чем, я одна виновата... виновата в том, что он полюбил меня, виновата, что он хотел убежать со мной. С первого взгляда в моем сердце

разгорелось такое непреодолимое влечение к Брендону, которое я не могла победить. Брендон честно боролся, старался отрезвить, охладить меня, однако я завлекала его все дальше и дальше. Он любил меня, но, сознавая разделявшую нас пропасть, отталкивал меня. Однажды он даже прогнал меня. О, теперь я знаю, как дорого стоила ему эта напускная суровость! Но я ничего не могла поделать с собой, и однажды, застав Брендона в читальне, сама бросилась к нему на шею и объяснилась в любви. Когда он был освобожден из Ньюгета, я опять тайно отправилась к нему и снова, как нищенка — подающая, стала вымаливать его любовь! Он хотел тайно сбежать от меня в Новую Испанию, я же уговорила его взять меня с собой. Мне пришлось долго молить его об этом, пока он не согласился. Но скажи мне, Генрих, найдется ли еще хоть один человек на свете, который смог бы так долго отвергать мою любовь?

— Нет, такого не найдется, клянусь небом! — воскликнул Вольсей, который был очень расположен к Брендону и готов был спасти ему жизнь, лишь бы только Чарльз не мешал его политическим планам.

— Ты вела себя очень глупо, — произнес Генрих, несколько смягченный. — Ты оказала неповиновение своему брату и королю, поставила на карту свое доброе имя и, по всей вероятности, еще вызовешь недоразумение между Францией и Англией. Если Людовик после всего случившегося не пожелает взять тебя в жены, мне придется оружием заставить его сделать это. Но не странно ли, что Брендон мог возыметь на тебя такое влияние? Вольсей, здесь, наверное, не обошлось без колдовства!

— Да, ваше величество, — произнес Вольсей. — Наверняка дело не обошлось без колдовства и властных чар — чар сверкающих женских глазок, розовых щечек и всего того, что пленяет нас в женщине! Но только сам Брендон стал жертвой этих могущественных чар. Достаточно вашему величеству посмотреть на свою сестру, чтобы убедиться, насколько Брендон был бессилен против этого колдовства!

— Ну конечно, он ничего не мог поделать, — без стеснения повторила Мэри. — Брендон совершенно ни при чем!

Генрих рассмеялся этой наивной самоуверенности сестры и увел Вольсея в оконную нишу, где они принялись шепотом обсуждать что-то. Вскоре они вернулись на прежнее место, и король сделал Мэри следующее предложение:

— Если я обещаю тебе, сестренка, подарить Брендону жизнь, согласишься ли ты без скандала, как подобает порядочной девушке, выйти замуж за Людовика Французского?

Мэри громко вскрикнула:

— Да, да, с радостью! Я сделаю все, что ты прикажешь!

— Ну, так ладно, его жизнь будет пощажена!

Генрих осклабился с довольным видом, свидетельствующим о том, что он считал этот момент высшим проявлением и доказатель-

ством своего добросердечия и великодушия. Бедная Мэри! Двум могущественным королям и их великим министрам удалось наконец победить девушку!

Джен повела принцессу в ее комнату, а король приказал объявить Лонгвилю и остальным, что игра продолжается. Вольсей подошел к Генриху и спросил, не прикажет ли его величество немедленно изготовить указ о помиловании Брендона. Король согласился, но приказал все-таки не выпускать Чарльза из Тауэра, пока Мэри не выедет во Францию.

XIX

Мэри хотела сейчас же известить Брендона обо всем, но Тауэр был уже заперт, и потому пришлось ждать утра. На следующий день, снабженный объемистым письмом Мэри к узнику, я перед открытием тюрьмы уже находился возле Тауэра.

Брендон с восторгом принялся за чтение письма, однако сразу же заметил, что принцесса не упоминает ни слова о том, какой ценой она добилась его помилования, и прямо спросил меня:

— Она обещала выйти замуж за французского короля и этой ценой купила мою жизнь?

— Не думаю, — уклончиво ответил я. — Я видел принцессу только мельком и ничего не слышал об этом.

— Ты обходишь мой вопрос, Эдвин!

— Но я ничего не знаю!

— Эдвин Каскоден, ты — или дуралей, или лгун!

— Ну, так скажем «лгун»! — покорно ответил я.

Брендон дал мне не менее объемистое письмо к Мэри, в котором между прочим написал, что угадал все, но что был бесконечно рад узнать о своем помиловании от нее первой.

Брендон рассчитывал, что его сейчас же отпустят на свободу; однако ему заявили, что некоторое время он должен будет оставаться в Тауэре, в почетном заключении. Тогда Чарльз сказал мне:

— По-видимому, меня боятся освободить, пока Мэри не уедет во Францию. Король Генрих льстит мне, считая меня очень опасным!

Конечно, Мэри ответила Брендону весьма отчаянным письмом, в котором уверяла, что иной ценой она не могла бы добиться помилования. Тем не менее она заявляла, что ее клятва остается в силе: замуж она выйдет, но принадлежать не будет никому, кроме Брендона.

Однако вскоре Мэри опять стала делать попытки отговорить как-нибудь Генриха от его брачного проекта. Король не отличался светлым умом, Мэри же была редкой умницей. Она знала, как тает всегда ее царственный брат от ее ласк и кокетства, а потому снова выдвинула весь арсенал своих чар.

Часто навещая Генриха и разыгрывая из себя бесконечно любящую сестру, Мэри стала жаловаться, какой мукой будет для нее жизнь со старым развратным французом. Правда, она согласилась на этот брак, но ведь она дала это согласие только из любви к своему доброму брату, хотя и чувствует, что поплатится жизнью за свою покладистость.

— Бедный Людовик! — рассмеялся король. — Что только ему придется вынести! Он воображает, что сделал хорошее дело, однако да сохранит его Господь, когда ему придется познакомиться с шипами этой розы! Ведь ты, сестреночка, уж позаботишься, чтобы у него не было недостатка в огорчениях?

— Я сделаю для этого все, что в моих силах! — серьезно ответила принцесса.

— В этом не усомнится сам черт! И ты сумеешь, сумеешь! — подтвердил Генрих, от души смеясь над западней, в которую, не ведая того, попадет старый селадон.

Недели две Мэри выдерживала комедию любви и послушания, а затем перешла к открытому нападению. Она выбрала удобный момент, когда ее брат был в благодушном расположении духа, и только этим объясняется его милостивый ответ.

— Вот оно наконец! Значит, моя сестричка желает во что бы то ни стало Брендона, а не Людовика, хотя и готова повиноваться своему милому, доброму брату? Ну-с, так мы поймаем ее на слове! Будь добра принять к сведению, что так или иначе, а во Францию ты отправишься. Ты обещала добровольно сделать это, если я пощажу Брендону жизнь, и я заявляю тебе теперь, что, если услышу от тебя еще хоть одну жалобу, этот молодчик будет немедленно казнен, а ты все же отправишься во Францию!

— Хорошо, я поеду во Францию, еще раз обещаю тебе это. Ты не услышишь больше ни одной жалобы, если дашь свое королевское слово, что Брендону ничего не сделают!

— В тот самый день, когда ты отплывешь во Францию, Брендон выйдет на свободу и займет свое прежнее место при дворе. Я люблю его, как веселого компаньона, и сам уверен теперь, что во всем была виновата ты, а не он.

— Я одна виновата и одна должна поплатиться за все! — подтвердила Мэри, с трудом удерживая слезы.

Должно быть, король пожаловался Вольсею на то, что Мэри не оставляет мысли как-нибудь избежать брака; по крайней мере, вечером того же дня Вольсей пожелал видеть меня и сказал мне:

— Милейший Каскоден, я знаю, что на вас можно положиться, в особенности если то, что я собираюсь доверить вам, касается счастья вашего друга. Прошу вас только никогда не связывать моего имени с тем предложением, которое я вам сделаю, и выдать подсказываемую вам мысль за свою собственную! — Я поспешил уверить его в том, что он может быть спокоен за мою скромность. Тогда хитроумный канцлер продолжал: — Так слушайте! Людо-

вик Французский — конченный человек. Сам король Генрих, по-видимому, не знает, что его будущему зятю едва ли прожить больше полугода. Внушите принцессе, что ей никогда не отговорить своего брата от этого брачного проекта. Поэтому она должна постараться превратить печальную необходимость в дело добровольной добродетели. Это поможет ей выторговать у Генриха кое-что к своей выгоде, а именно: обещание свободного выбора при втором браке.

— Милорд, — сказал я, быстро соизнав всю важность этой мысли, — нет никакого чуда, что вы правите всей страной. У вас не только великий разум, но и полное любви сердце!

— Благодарю вас, сэр Эдвин, — ответил канцлер. — Надеюсь, что и то и другое мне удастся всегда употреблять с пользой для вас и ваших друзей!

Конечно, я поспешил сообщить Мэри эту идею и посоветовал ей обратиться к королю с просьбой в присутствии Вольсея. Так она и сделала, и, по настоянию канцлера, Генрих дал Мэри требуемое разрешение.

Теперь Мэри снова излила свое сердце в объемистом послании к Брендону. Однако мне было довольно затруднительно вручить это письмо ему. Лонгвиль усиленно сторожил соперника своего государя и вечно досаждал Генриху с жалобами на непрекращающийся обмен письмами. Король каждый раз давал обещание положить этому конец, но на самом деле не принимал никаких мер. Договор был заключен, Мэри дала свое согласие, до остального ему не было никакого дела. Поэтому караулить взялся сам Лонгвиль.

Мне пришлось уехать на несколько дней из Лондона. Возвратившись, я застал Брендона в Тауэре веселым, словно жаворонок.

— Ты видел ее? — спросил я.

— Кого «ее»? — равнодушно спросил Брендон, словно на всем свете для него не была только одна «она»!

— Да, разумеется, принцессу!

— С того времени, как мы расстались в Бристоле, — нет!

Это была явная ложь — для Брендона нечто необычное. Но, долго быть, у него были основания лгать мне.

У Чарльза на лице появилось какое-то странное выражение, которого я никак не мог разгадать. Вдруг он стал рассеянно чертить что-то на клочке бумаги, валявшемся на столе, и я прочел слова: «Будь осторожен!» Теперь я понял: за нами наблюдают.

И Мэри, встреченная мною во дворце, сияла радостью не меньше Брендона. Что же значило все это? Могло быть лишь одно объяснение: они виделись и выработали новый план. Но что они задумали, я никак не был в состоянии догадаться. Впрочем, непонятно уже то, каким путем могли они свидеться: как Брендона в Тауэре, так и Мэри во дворце стерегли днем и ночью!

Я решил обратиться за разъяснениями к Джен, которая была настолько же грустна, насколько весела Мэри. На мой вопрос, виделись ли принцесса и Брендон, она озабоченно ответила:

— Не знаю. Вчера мы были в Лондоне и на обратном пути остановились в Бридуэль-хаузе, где застали короля и Вольсея. Принцесса вышла из комнаты, сказав, что вскоре вернется, а вслед за нею вышел и Вольсей, оставив меня наедине с королем. Мэри вернулась только через полчаса и возможно, в это время повидалась с Брендонном.

Сказав это, Джен медленно поникла головою на мое плечо и принялась жалобно плакать.

— Что случилось? — испуганно спросил я.

— Я не могу и не смею сказать вам! — ответила девушка.

— Но вы должны, должны!

Я так настойчиво стал уговаривать Джен, что в конце концов она, хотя и с трудом, произнесла:

— Король!

— Король? Что такое? Господи Боже! Джен, да рассказывайте же!

Я уже заметил, что с некоторого времени король стал преследовать жадными взглядами мою маленькую хорошенькую Джен. Его величество Генрих VIII вообще любил привлекательные женские личики!

— Он хотел поцеловать меня, — вздыхая, стала рассказывать Джен. — Все время, пока Вольсей отсутствовал, он был очень настойчив. Может быть, мною и воспользовались лишь для того, чтобы отвлечь внимание короля, пока Брендон будет с Мэри. Но, если это так, то сама Мэри, верно, ничего не знала!

— А что вы сделали?

— Я оттолкнула короля, обнажила этот кинжал и крикнула, что если он приблизится ко мне еще хоть на один шаг, то я пронжу себе сердце. Тогда он обозвал меня дурой.

— А сколько времени продолжается все это? — спросил я.

— Вот уже несколько недель. Но прежде мне всегда удавалось вывернуться. С некоторого времени король стал смелее, и как раз в этот день я купила себе кинжал! — ответила мне Джен, а затем, вложив свою руку в мою, смущенно пролепетала: — Если хочешь, давай поженимся до поездки во Францию!

Джен была рада, что могла укрыться от Генриха ко мне, я же просто счастлив оказаться для нее меньшим из двух зол.

Виделись ли действительно наши друзья в тот день, я не могу сказать с уверенностью, потому что ни Брендон, ни Мэри никогда впоследствии не говорили об этом ни слова. Но, судя по их просветленным лицам, я могу с уверенностью предположить, что эти свидания действительно происходили под покровительством Вольсея, вероятно, взявшего с них обоих слово, что они никогда и никому не упомянут об этом.

Тринадцатого августа 1514 года Мэри Тюдор была обвенчана с Людовиком Валуа, которого на церемонии заменял его представитель, герцог Лонгвиль.

Должно быть, ни одна невеста в мире не затягивала так своей поездки к жениху, как это делала Мэри Тюдор. Она не только не торопилась, а даже мешкала, где это только было возможно. Впрочем, могу сказать, что она действительно чувствовала себя очень плохо; ей даже два раза в течение путешествия пришлось слезь в постель, так как она заболела сильным нервным расстройством от бесконечных слез, непрерывно проливаемых ею в пути.

К тому же и переезд из Дувра в Кале был крайне тяжел. Корабль, на котором ехала Мэри, бурей загнало в Булонь, и она высадилась. Отдохнув в Булони, Мэри двинулась дальше к Аббевилю, где предполагалась торжественная встреча французским королем своей невесты.

Не доезжая мили до Аббевиля, мы встретились с Людовиком XII. Увидев эту развалину, ясно прочитав на челе супруга печать близкой смерти, Мэри несколько оживилась. Теперь она была уверена, что старый муж непременно станет воском в ее руках.

Завидев нас, Людовик поехал навстречу, но Мэри галопом пронеслась мимо него, уполномочив меня обратиться к его величеству с просьбой не быть таким бурным в проявлении своих чувств, потому что она, Мэри, очень робка и застенчива.

Французские придворные были скандализированы в наивысшей степени, но сам Людовик только ослабил, показав желтые остатки зубов, и сказал мне:

— О, благородная дичь стоит всяких хлопот! Передайте ее величеству, что я жду ее в Аббевиле.

Дряхлый король выехал навстречу невесте верхом, чтобы казаться как можно бодрее, но обратно его пришлось увести в носилках, потому что верховая езда совершенно обессилила его.

Вскоре Мэри обвенчалась с Людовиком, но, хотя брак был заключен по всей законной форме, его женой она все таки не стала.

Итак, на голове Мэри засверкала корона. Казалось, что она поднимается все выше и выше над Брендоном, увеличивая пропасть между собою и им, но сердцем она все ближе и ближе прикидала к своему милему. Сначала она сильно тревожилась, не получая вестей об освобождении Брендона, но наконец запоздавшее в пути письмо пришло, и к Мэри опять вернулись утраченные ясность и веселье. Вообще могу сказать, что брак с дряхлым, больным королем, которого Мэри порою не видала по целым дням, совершенно не угнетал ее.

Таким образом, тучки рассеялись, и мы с Джен могли заняться своими собственными делами. Я напомнил ей о ее словах, сказанных мне перед отъездом из Англии, и, смущенно опустив голову, она ответила:

— Я... готова, если... вы хотите!

Так был решен вопрос о нашей свадьбе, и она состоялась в маленькой дворцовой часовне. Свидетелями бракосочетания были королева Мэри и два человека ее свиты, в присутствии которых священник соединил меня с Джен неразрывными узами. Поздравляя нас, Мэри надела на шею моей женушки бриллиантовое ожерелье, стоившее добрых десять тысяч фунтов.

Освоившись с жизнью в Париже, Мэри быстро взялась за исполнение обещания, данного Генриху, и вскоре Людовику пришлось очень солоно от молодой и красивой жены.

С первых дней Людовик выказывал перед Мэри восторг и поклонение, она же отвечала супругу холодностью и высокомерием. Когда бы Людовик ни пожелал видеть ее, молодая королева не находила возможным принять супруга. То и дело она представлялась больной или вдруг накидывалась на Людовика, со слезами обвиняя его в том, что он безбожно тиранит ее, беззащитную женщину, и угрожая обратиться к брату Генриху за помощью и защитой. Однажды она заставила короля целое утро продежурить у ее двери, сама же вылезла из окна и уехала со мною кататься верхом. Вернувшись обратно, опять через окно, она накинулась на бедного старикашку с упреками, что он продержал ее целое утро взаперти в ее комнате. Конечно, старикашке пришлось униженно молить ее о прощении!

По английскому обычаю, обед королевы Мэри происходил поздно вечером; она заставляла больного короля наедаться на ночь самыми неудобоваримыми, тяжелыми кушаньями и непрерывно подливала ему вина, пока Людовик не валился под стол. Это забавное зрелище доставляло немало удовольствия всему двору.

Однажды Мэри взяла с собою супруга на прогулку верхом в такой холодный день, что Людовик все время зяб и трясся, и слезы текли по его заострившемуся носу, застывая и повисая на кончике сосульками.

Поведение Мэри было возмутительно, но она оправдывалась тем, что это — необходимая самозащита. Она заранее заявила Лонгвиллю, что не желает Людовика в мужа, и если Франция все же настояла и принудила ее к этому, то она, Мэри, будет бороться и защищаться всеми доступными ей средствами.

Конечно, все видели и понимали, чего добивается Мэри, нарочно принуждая Людовика к опасному для его возраста и здоровья режиму. Но никто даже не пытался обратить внимание Людовика на интригу. Со старым, дряхлым королем не считались, все видели, что он доживает последние дни, и взоры придворных были обращены на новое светило — на юного герцога Франциска, племянника и наследника короля. Так как это «светило» явно воспыало к Мэри, то среди придворных нашлось немало добровольных пособников, помогавших королеве постоянно выставлять своего супруга на потеху и разрушать его слабое здоровье.

Однако в этом «пыланье» герцога Франциска мы с Джен усматривали немалую опасность. Мэри уж слишком вскружила ему го-

лову, слишком легкомысленно играла с сердцем герцога Валуа, а ведь юный наследник был смел, решителен, самонадеян и считал себя неотразимым! Поэтому легко могло случиться, что после смерти короля Людовика король Франциск пойдет на все, чтобы удержать Мэри при своем дворе и сделать ее своей фавориткой. Тут уже ей труднее будет отвертеться! И вот, обсудив положение, мы с Джен решили напомнить королеве о существовании Чарльза Брендона.

— Эх вы, хитрецы! — смеясь ответила она нам. — Да ведь герцог Франциск — почти такой же болван, как и братец Генрих! — Затем у Мэри вдруг навернулись слезы на глазах, и, судорожно хватая меня за руку, она продолжала: — Неужели вы так плохо знаете меня? Я отдала бы свою жизнь, если бы могла в этот момент опуститься на колени перед Чарльзом Брендоном! Неужели вы не понимаете, что женщина, имеющая такую любовь в сердце, какую испытываю я, ограждена от всех других! Моя любовь — самый верный и надежный оплот!

— Да, но герцог Франциск — опасный субъект, — заметил я, — и мне от души жаль видеть вас постоянно в таком скверной обществе!

— Конечно, герцог — плохой человек, но здесь, во Франции, по-видимому, существует своя мода на нравственность. Однако ко мне ничего не пристанет!

— О нет, легко может пристать! Нельзя ходить в дом, где имеется больной оспой, потому что заболевают не от желанья или нежеланья, а от заразы, — возразил я. — Здесь же — опасность нравственной заразы!

— Но неужели у меня недостаточно чистая и здоровая натура, чтобы я могла противостоять любой нравственной заразе, сэр Эдвин? Скажите откровенно! Если во мне нет этой добродетели, значит, во мне нет ничего хорошего, потому что у меня ведь много других недостатков!

— Нет, государыня, вы — чистейшая из женщин, олицетворение всего, что заставляет мужчину падать ниц перед нею! — пламенно ответил я, припадая на одно колено и почтительно целуя руку Мэри. — Но... осторожность нужна и вам!

Как показало будущее, я был прав в своих опасениях. Однако мне не пришлось присутствовать при дальнейшем развитии этой истории, не считая разве ее развязки. Вскоре я и Джен получили разрешение вернуться в Англию и сейчас же принялись за сборы.

На прощанье Мэри вручила мне письмо к Брендону. Размеры и вес этого послания заставили меня воскликнуть:

— Ваше величество, не лучше ли будет мне заказать для этого маленького письмеца специальный сундук?

Смеясь сквозь слезы, королева сказала:

— Я знаю человека, которому это письмо ни в коем случае не покажется слишком длинным! До свидания, друзья!

Так мы расстались с Мэри, оставив ее среди чужих с одной только англичанкой — маленькой семилетней девочкой Анной Болейн!

XXI

По возвращении в Англию я поселил Джен в Суффолке, у ее дяди лорда Болингброка, потому что решил по возможности не показывать своей женушки королю Генриху. Затем я отправился в Лондон с двоякой целью: повидать Брендона и подать в отставку, сложив полномочия придворного.

Когда я сообщил королю о своей женитьбе, он пришел в сильную ярость из-за того, что мы не соизволили спросить его согласия. По счастью, у Джен не было ни поместий, ни состояния, так как и то и другое было украдено у нее еще в детстве отцом Генриха; поэтому королю только и осталось, что отвести душу ворчанием и бранью. Затем я просил уволить меня от исполнения придворных обязанностей. Генрих согласился не сразу, но я настоял на своем и ушел от него уже свободным человеком.

Я отправился к Брендону и застал его в нашем старом помещении. Как начальник королевской гвардии и друг короля, он мог располагать несравненно более роскошными и удобными апартаментами, но предпочел оставаться там, где протекла весна его любви.

Брендон был очень рад видеть меня и еще более рад внушительному письму от Мэри. В этом письме Мэри сообщала между прочим, что дофин Франции, герцог Валуа, смертельно влюбился в нее и преследует ее своей любовью. Пока старый король жив, ей, Мэри, ничто не может грозить, тем более, что герцог Франциск Валуа женат на дочери короля Клавдии; но со смертью Людовика дело может принять более опасный оборот. Поэтому Брендон должен быть готов в любой момент, по первому знаку Мэри, поспешить к ней на выручку; от его решительности может зависеть вся дальнейшая судьба их обоих.

Это письмо было вручено мною приблизительно в середине декабря, а уже через две недели прибыл гонец из Парижа, привезший следующее послание Мэри:

«Мастер Чарльз Брендон! Дорогой друг, приветствую тебя! Время не ждет. Король умрет еще до восхода солнца. Подумай о том, что я уже писала тебе. Правда, у меня имеется слово Генриха предоставить мне свободу выбора при втором браке, но не будем полагаться на вторичное разрешение. Лучше, если ты сейчас же сделаешь меня своей женой. Не говорю больше ничего. Приезжай как можно скорей! Мэри».

Едва ли нужно прибавлять, что мы с Брендоном немедленно кинулись в Париж. Под предлогом навестить меня Чарльз приехал в Ипсвич, а оттуда мы отправились под парусами.

Король Людовик умер еще до того, как послание Мэри прибыло в Лондон. Он скончался под Новый год. Когда мы приехали в Париж, на троне восседал уже Франциск I. Мои дурные предположения всецело оправдались. Не успел старый король закрыть глаза, как молодой явился к Мэри с объяснениями в любви. Он, через три дня после смерти Людовика, предлагал развестись с Клавдией и сделать Мэри своей королевой.

Каково же было его изумление, когда Мэри решительно отклонила это лестное предложение.

— Да понимаете ли вы сами, от чего вы отказываетесь? — крикнул он. — Я хочу сделать вас королевой над пятнадцатью миллионами славнейших на земле подданных, а вы собираетесь отклонить мой подарок.

— Да, ваше величество, я отклоняю это и с полным сознанием! Я — королева Франции и без вашей помощи, хотя за эту честь не дала бы даже гроша медного! Быть английской принцессой куда почетнее! Что же касается любви, в которой вы мне признаетесь, то вам лучше подарить ее своей верной жене, потому что для меня эта любовь — ничто. Мое сердце уже отдано другому, и я заранее заручилась согласием брата располагать своим сердцем по собственному выбору.

— Другому? Так назовите мне его имя, чтобы я мог пронзить этого человека своим мечом!

— Ну нет, это вам не удастся, даже если бы вы были так храбры и сильны, как воображаете! В сравнении с избранником моего сердца вы — просто мальчишка!

Франциск пришел в ярость и приказал сторожить Мэри, чтобы она не могла убежать, а сам решил использовать все средства, лишь бы удержать ее при своем дворе. С этой целью он надумал обвенчать ее со своим слабоумным двоюродным братом, графом Савойским. Для осуществления этого плана он послал курьера к Генриху VIII с заявлением, что, в случае бракосочетания Мэри с графом Савойским, он согласен выплатить обратно ее приданое в размере четырехсот тысяч крон и помочь Генриху добиться императорской короны после смерти Максимилиана. Далее он предлагал укрепить за Генрихом все его французские владения, отказавшись от своих личных притязаний на них.

Нечего и говорить, что Генриху было бы достаточно и половины предложенного, чтобы нарушить данное сестре обещание. Поэтому он торопился послать в Париж посольство, чтобы поскорее принять предлагаемые условия и закрепить их.

Франциск и Генрих действовали быстро, но и Мэри тоже не дремала. Она привлекла себе в союзницы королеву Клавдию, которой, конечно, было на руку, чтобы Мэри как можно скорее очутилась за пределами Франции. И вот с ее помощью в той самой маленькой часовенке, где венчались мы с Джен, состоялось бракосочетание Мэри и Брендона.

Перед венчанием Мэри с хитрой улыбкой посмотрела на своего жениха, а затем распустила волосы, и они пышным каскадом упали на ее плечи. Увидев это, Брендон упал на колени и благоговейно поцеловал подол платья Мэри¹.

Итак, наконец-то Мэри была обвенчана с тем самым человеком, ради спасения жизни которого она вышла замуж за французского короля. Теперь оставалось только самое важное: укрыться от гнева и мести короля Франциска.

Но это было не так уж трудно. Мы с Брендоном тщательно обдумали и приготовили план бегства. После венчания мы немедленно сели верхом на лошадей и помчались к Дьепу, где нас уже ожидало готовое к отплытию судно. Мы не боялись погони, так как королева Клавдия предварительно распустила слухи, будто Мэри тяжело больна и не встает с постели.

Мы благополучно добрались до Дьепа. Все нам благоприятствовало, даже ветер. Однако возможность бури все еще не была исключена — по крайней мере со стороны Генриха, который едва ли мог так легко помириться с крушением своих планов!

Конечно, самой Мэри ничего не грозило, но Брендон? Вдруг Генрих обрушит на него всю тяжесть своего гнева?

Считаясь с этой возможностью, мы решили, что Чарльз отправится на маленький островок у Суффолка, где и будет ждать решения своей участи. Впрочем, если Генрих окажется непоколебимым в своем гневе, то можно будет снова оснастить корабль, снабдить его всем необходимым и двинуться за океан, в Новую Испанию!

Правда, мы с трудом могли представить себе, как сможет избалованная Мэри жить при тех скромных ресурсах, которые останутся им в случае королевской немилости. Но самое важное было достигнуто, в остальном же приходилось положиться на судьбу!

Прибыв в Лондон, Мэри отправилась к королю. Конечно, я постарался, чтобы при их свидании присутствовал Вольсей. Генрих, ничего не подозревая, встретил сестру с большой радостью и несколько раз поцеловал ее в обе щеки, а затем спросил:

— Что тебе, в сущности, понадобилось здесь? Разве Людовика уже похоронили?

— Этого я, по правде сказать, не знаю, — ответила Мэри. — Да и не интересовалась этим вопросом. Я вышла за него замуж лишь на срок его земной жизни и не собиралась продлить брак хоть на одно мгновение больше. Поэтому и уехала, а его подданные могут похоронить его или сделать из него чучело — как им будет угодно!

Затем Мэри принялась рассказывать о домогательствах Франциска, о его угрозах, о том, как он осмелился запретить ее, английскую

¹ По обычаям того времени, только девственницы шли к венцу с распущенными волосами. Как венчаемая вторично, Мэри не должна была делать это; но своим жестом она хотела показать Брендону, что ее первый брак оставался фиктивным.

принцессу крови, под замок, заставляя выйти замуж за патентованного идиота. Однако о том, что Франциск предлагал развестись с Клавдией и жениться на ней, Мэри, она умолчала, отлично понимая, что Генрих может счесть это предложение слишком заманчивым.

Мэри сумела изобразить оскорбительное поведение Франциска в таких выпуклых очертаниях и ярких красках, что Генрих сильно разгневался на молодого короля Франции и громко воскликнул:

— Собака, подлая собака! Как? Он осмелился обращаться так с моей сестрой, первой принцессой Англии, французской королевой! Я проучу этого пса так, что он взвоет, кланусь своей короной!

История показывает, что эту клятву Генрих сдержал не более, чем все остальные.

Затем Мэри стала рассказывать о том, как к ней на помощь прибыл я и как с помощью королевы Клавдии ей удалось обвенчаться втихомолку с Бренденом, а потом сбежать из Франции.

— Господи Боже! — загремел Генрих. — Да будь у меня еще одна такая сестра, я повесился бы, кланусь всеми святыми! Обвенчалась с Бренденом? Дура, идиотка! Что это значит? Обвенчалась с Бренденом! Ты сведешь меня с ума! Достаточно, чтобы в Англии завелась еще одна такая женщина, как ты, и все проклятое королевство полетит ко всем чертям! Обвенчалась с Бренденом без моего согласия!

— Нет, нет, дорогой братец, — мягко ответила Мэри, любовно прижимаясь к громадной фигуре короля. — Неужели ты думаешь, что я способна на нечто подобное? Но ты, должно быть, забыл, что четыре месяца тому назад дал мне свое согласие на этот брак! Ты сам знаешь, что без него я никогда не решилась бы на такой отчаянный шаг!

— Еще бы! Не решилась! Да ты, кажется, сделаешь все, что только захочешь! Ад и дьяволы!

— Ну, милый братец, в таком случае я призываю милорда Вольсея в свидетели, что вот в этой самой комнате, почти на этом же самом месте, ты обещал мне, что после смерти Людовика я буду вправе выйти замуж по собственному выбору. Основываясь на этом, я вошла с Бренденом в маленькую часовню, распустила волосы, нас обвенчали, и теперь никакая сила на земле не может разлучить нас!

Генрих с изумлением посмотрел на сестру и затем разразился громким хохотом.

— Так ты венчалась с Бренденом, распустив волосы? — воскликнул он, даваясь от хохота и хватаясь за бока. — Ну, матушка, тебе, видно, и вправду сам черт не брат! Бедный Людовик! Вот это я называю славной шуткой! Значит, ты жарила его на медленном огне? Ручаюсь, что он с удовольствием умер! Наверное, ты порядком отравила ему остаток дней?

— Ну, — пожимая плечами, отозвалась Мэри, — ведь он хотел во что бы то ни стало иметь королевой меня!

— Бедный Брендон! Каково-то придется теперь ему! Ей Богу, мне его даже жалко!

— О, это — совсем другое дело, — ответила Мэри, вся просветлев при имени Брендона.

Между тем Генрих обратился к Вольсею:

— Слышали вы что-нибудь подобное, милорд? Что же теперь делать?

Вольсей сказал в ответ несколько смягчающих слов, и они подействовали на короля как масло на разбушевавшиеся волны, так что Мэри в душе пожалела, что некогда назвала его «проклятой собакой».

Помолчав немного, Генрих спросил:

— Где Брендон? В сущности, он отличный компаньон, и раз мы тут уже ничего не можем изменить, значит, надо помириться. Брендон найдет в тебе свое наказание и без нас! Скажи ему, чтобы он явился ко мне, — наверное, ты припрятала его где-нибудь! А там посмотрим, что можно для него сделать!

— Что ты хочешь сделать для него, братец? — поспешно спросила Мэри, торопясь использовать милостивое расположение духа короля.

— Об этом, пожалуйста, не беспокойся! — сурово ответил Генрих, но Мэри стала ластиться к нему, и он продолжал: — Ну, чего ты хочешь? Говори! Лучше уж я заранее откажусь от сопротивления, потому что ты все равно добьешься того, чего захочешь! Ну, говори!

— Не мог ли бы ты сделать его герцогом Суффолкским?

— А! Ну, что же, я думаю, что мог бы. Что вы скажете, милорд Вольсей?

Канцлер заявил, что считает это пожалование Брендона самым лучшим и подходящим.

— Ну, пусть так и будет! — решил Генрих и обратился к сестре: — Но теперь я иду на охоту и не желаю слышать больше ни слова от тебя, иначе ты своими лживыми улыбочками оттягаешь у меня в пользу Брендона добрую половину моего королевства! — Он повернулся, собираясь уйти из комнаты, но на пороге остановился и спросил: — Мэри, не мог бы твой муж прибыть сюда к будущему воскресенью? Я устраиваю турнир, и Брендон мне очень нужен!

* * *

Вскоре Брендон получил титул герцога Суффолкского, однако герцогские поместья король удержал для самого себя.

Тем не менее Брендон искренне считал себя богатым и счастливейшим человеком на свете. Да и наверняка он был одним из самых счастливых. Такая жена, как Мэри, очень опасна, если

только не находится в полном подчинении. Но Мэри с руками и ногами запуталась в шелковых петлях собственной сети и могла теперь расточать любимому все свои богатые дары любви и блаженства.

С этого момента прекрасная, чарующая, своенравная Мэри исчезает со страниц истории — вернейшее доказательство того, что она воздвигла незыблемый трон в сердце Чарльза Брендона, герцога Суффолкского!

Орчи, баронесса

СПУТАННЫЙ МОТОК

I

По свидетельству современных английских хроникеров, истмольсейская ярмарка была самым счастливым, самым веселым временем, какое только могли запомнить старожилы в долине реки Темзы. Это было в октябре 1553 года, и верноподданные британцы радовались, что королева Мария, любимая дочь короля Генриха VIII¹, короновалась наконец в Вестминстерском аббатстве, несмотря на интриге герцога Нортуберлендского и других изменников, в свое время понесших заслуженное наказание от Бога и законной английской королевцы.

Стояла чудная погода. Солнце ярко светило с безоблачного синего неба. Редко можно было видеть такую пеструю толпу. Тут были и лондонский шериф в красном плаще и бархатной шапочке, и его величественная супруга в шелковом платье с фижмами и в башмаках на высоких каблуках, и нарядные горожане в бархатных плащах с меховой опушкой, толковавшие о последних политических событиях. Немного дальше группа гемптонских купцов, одетых попроще, рассматривала товар недавно прибывшего из Испании торговца металлическими изделиями. Женщины и девушки в синих и ярко-красных платьях быстро переходили от лавки к лавке, споря с продавцами и пересмеиваясь между собою. Там и сям виднелись блестящие военные мундиры, а местами попадались и темные плащи, и черные маски, под которыми скрывались придворные щеголи. В этот день на истмольсейской ярмарке можно было встретить людей всех состояний и сословий.

¹ Мария Тюдор (1515—1558), дочь короля Генриха VIII (1509—1547) от его брака с Екатериной Арагонской, была воспитана в католичестве и при борьбе религиозных партий в Англии, естественно, опиралась на католическую партию Протестанты видели в ней врага и потому, воспользовавшись падением ее матери, Екатерины Арагонской, добились того, чтобы Мария была объявлена незаконной. Все время господства Анны Болейн, второй супруги короля Генриха VIII, Мария провела в изгнании и только после казни Анны (в 1536 г.) и женитьбы Генриха VIII на Иоанне Сеймур была восстановлена в правах. Впоследствии она была объявлена наследницей своего побочного брата Эдуарда (от Иоанны Сеймур) и после его смерти вступила на английский престол. По ее вступлении на трон к ней обратились взоры всех католиков, как к защитнице «истинной» веры, и всех холостых монархов и принцев Европы, как к завидной и желанной невесте.

— Сюда пожалуйста! — кричал продавец разных вкусных яств, держа в жирной руке узкий острый нож. — Вот оленина из королевских лесов! Вот заяц, затравленный на собственных полях ее королевского величества! Вот...

— Ах ты, толстобрюхий мошенник! — отозвался хозяин соседней лавочки, торговавший аптекарскими снадобьями и травами. — Если ты говоришь правду, значит, ты — вор, а если твои слова неправда, то ты — лгун. Значит, и в том и в другом случаях тебя надо повесить.

— Сюда, сюда, джентльмены! — раздавался могучий голос из стоявшей рядом палатки. — Здесь Питер-фокусник у вас на глазах проглотит железный самострел! Он вам покажет, как подковать индюка и как насыпать соли на хвост ласточки!

— Почтенные джентльмены! — кричали в четвертом месте. — Вот Джон-паяц влезет на колокольню святого Этеля без лестницы и без веревки!

Смеясь, шутя и перемигиваясь, переходила толпа от одной лавки к другой, с удивлением и ужасом поглядывая на громадного бурого медведя, которого водил дюжий малый в кожаной куртке, между тем как его товарищ с таким усердием наигрывал на волынке, что его щеки, казалось, готовы были лопнуть. За два пенса можно было испробовать палаш или испанскую рапиру, наблюдать течение небесных светил, сыграть в теннис или причесаться и завиться, чтобы понравиться избраннице сердца.

Шумный говор толпы заглушался звуками волынок, скрипок и самых незатейливых дудок, среди которых резко выделялись крики продавцов, расхваливавших свои товары, но все покрывалось оглушительным гулом больших барабанов.

Много сохранилось рассказов об этом дне, начавшемся так весело и закончившемся тяжелой драмой, центром которой сделалась так называемая «палатка колдуньи».

Почтенный джентльмен, для придания себе таинственности называвший себя «Абра», испробовал самые разнообразные средства для добывания куса хлеба, пока не посвятил себя выгодному, но опасному ремеслу колдуна. Это был худощавый человек высокого роста, с крючкообразным носом, глубоко сидящими глазами и длинной седой бородой; он резким, гортанным голосом провозглашал о достоинствах «волшебницы Мирраб», что выходило у него очень торжественно.

Что касается самой Мирраб, то никому не разрешалось видеть ее: этого требовала профессиональная тайна. Ее сфера деятельности ограничивалась приготовлением волшебных напитков и гаданием по звездам; мягко выражаясь, она была в дружбе с самим дьяволом. Она всегда являлась не иначе как под густым покрывалом, с волшебным жезлом в руке; только чудные золотистые волосы, заплетенные в косы, виднелись из-под тяжелой повязки, обвивавшей ее голову. Эта таинственная обстановка невольно возбуждала всеобщее внимание.

Палатка также не походила на прочие: она стояла на высокой деревянной платформе, на которую вело несколько крутых ступенек. Направо на высоком шесте развевался черный флаг с изображением черепа и сложенных крест-накрест костей. Налево, на огромном вязе, осенявшем палатку своими могучими ветвями, была прибиты вывеска, гласившая: «Мирраб! Известная всему миру волшебница! Продажа волшебных талисманов и любовных напитков! Поразительные предсказания будущей судьбы! Жизненный эликсир!» На подмостках помещался слуга с огромным барабаном и цимбалами, а рядом с ним сам достопочтенный Абра в высокой остроконечной шапке и в плаще, усеянном странными знаками, неутомимо зазывал публику, обещая самые удивительные вещи.

— Сюда, сюда, джентльмены! — с необыкновенной торжественностью вещал он. — Здесь знаменитая, всемирно известная волшебница Мирраб вызовет для вас духи Сатурна, Марса и Луны и покажет вам Великого Гримориума!

Никто не знал, кто был этот «Великий Гримориум», но в самом имени было что-то напоминавшее дьявола: ни одному христианину никогда не приходилось слышать о таком лице.

— Она вызовет вам стихийных духов! — продолжал выкликать Абра.

— Будьте добры, приятель, — обратился к нему почтенный горожанин, — скажите, что это за стихийные духи?

— Стихийные духи, это — зеленая бабочка, черная курица, косматая муха и полнощник, — с невозмутимой торжественностью, не запинаясь, пояснил Абра.

От таких загадочных слов у слушателей волосы на голове становились дыбом; солидные горожане отворачивались и молча удалялись, а их жены спешили поскорей миновать палатку, читая про себя «Богородицу» и со страхом глядя на каббалистические знаки на черном флаге. Простой народ, завидев черный флаг, попросту плевал трижды на землю, зная, что это — самое верное средство против ухищрений дьявола.

Мало-помалу в пестрой толпе все чаще стали появляться закутанные фигуры, сопровождаемые любопытными взглядами каждый раз, как из-под длинного плаща высовывался красивый носок вышитого башмака или богато отделанный подол платья, выдававшие знатную даму, искавшую веселых приключений. Большею частью эти закутанные фигуры храбро поднимались по крутым деревянным ступенькам, ведущим к палатке колдуньи. Слава Мирраб достигла королевского дворца, и в сухощавой руке Абры не раз оказывались золотые монеты.

— Пожалуйте сюда, благородные лорды! — зывал он, стараясь привлечь внимание двух закутанных фигур, в которых его проницательный глаз разглядел людей, принадлежащих к высшему кругу.

Но благородные джентльмены не обращали на него никакого внимания, возбужденно перешептываясь о чем-то и внимательно всматриваясь в сновавшую мимо них толпу.

— Я уверен, что это — придворные дамы, — сказал тот, который был повыше ростом. — Готов поклясться, что уже видел раньше эту отделку на подоле платья.

— Кар-рамба! — отозвался другой. — Начало было удачное, но я боюсь, что мы потеряли след.

По-английски он говорил очень бегло, но с резким, гортанным выговором, а только что произнесенное им испанское ругательство изобличало его национальность.

— Черт возьми! — продолжал он. — Готов поклясться, что эти девицы собирались посоветоваться с колдуньей.

— Нет, я думаю, они просто из шалости пришли посмотреть на ярмарку. Мы можем посторожить их с полчаса.

— Волшебница Мирраб вызовет для вас духов Луны, благородные лорды! — с возрастающей настойчивостью выкрикивал Абра.

— Как вы думаете, милорд, — начал англичанин после короткого молчания, — не отказаться ли нам от розысков этих неуловимых девиц и не поухаживать ли за любезными духами Луны? Говорят, это замечательная колдунья.

— Какой интерес может быть в женщине, закутанной в непроницаемое покрывало? — весело произнес испанец. — Бесформенная женская фигура! Между тем в Англии, — прибавил он с деланной любезностью, в которой, однако, слышалась насмешка, — женщины отличаются стройностью.

— Вещая Мирраб может привести в ваши объятия избранницу вашего сердца, благороднейшие лорды! — продолжал неутомимый Абра. — Даже если она находится в самом отдаленном уголке земли.

— Клянусь всеми святыми, это решает вопрос! — весело сказал англичанин. — Пойдемте, милорд! Это приключение обещает быть поинтересней первого. Да и кто знает, — прибавил он с тонкой иронией, — вы, испанцы, умеете говорить так убедительно, может быть, для вас колдунья и поднимет свое покрывало, особенно если она молода и хороша собою.

— Если хотите, милорд, — согласился испанец, — пойдем совещаться с духами.

Смеясь и весело болтая, молодые люди взбежали по ступеням.

II

В некотором расстоянии от таинственной палатки за наскоро сколоченным столом несколько женщин предлагали томившимся жаждой поселянам пиво и крепкое вино, приправленные разными пряностями. Здесь, понизив голос и бросая боязливые взгляды на черный флаг, толковали о Мирраб и ее странном товарище. Мало-помалу, под влиянием выпитого пива, глухие проклятия перешли в угрожающие жесты, а женщины, с присущей им склонностью к сплетням, подливали только масла в огонь, завидуя таинственной колдунье под покрывалом, привлекавшей внимание придворных щеголей.

— Дурак ты будешь, Мэтью, если станешь обращать внимание на этого человека! — сказала миссис Дороти, наливая вина своему приятелю-башмачнику, — он тут ни при чем, а вот женщина на-верняка в дружбе с дьяволом.

Башмачник не спеша выпил пиво и многозначительно посмотрел на присутствующих.

— А ведь я прошлой ночью видел эту колдунью, — торжественно произнес он наконец. — Она вылетела вот из-за того дерева верхом на огромной метле.

У каждого из присутствующих по спине пробежала дрожь. По неизвестной причине Мэтью считался большим мудрецом, а так как его племянник служил поваренком на королевской кухне, то к сообщаемым башмачником известиям все относились с безграничным почтением.

Как настоящий оратор, Мэтью немного подождал, чтобы его рассказ произвел должное впечатление на слушателей, а затем продолжал:

— Ну, и полетела она к луне, а одета она была только в... — Он приостановился, заметив, что дамы покраснели. — Я видел ее всю, — скромно закончил он свой рассказ.

— И вам не стыдно было смотреть на дьявольские дела! — с гневом воскликнула миссис Дороти.

— А сегодня утром, — дрожащим голосом начала пожилая женщина, — ребенок моей сестры Анны увидел колдунью, когда она вышла из своей палатки, и с бедняжкой тотчас же сделались судороги.

— Можете быть уверены, что у нее дурной глаз, — решила миссис Дороти.

— У злых духов часто бывает такой нечистый взгляд, — почтительно начал Мэтью, на которого снова устремились все взоры, — от этого-то, разумеется, и заболел ребенок миссис Анны. А иногда у этих колдуний бывает по четыре лица: одно как у всех, на обыкновенном месте, два по сторонам головы, а одно на затылке.

— А ты видал таких, Мэтью? — раздалось кругом.

— Храни меня Господь и Пресвятая Дева! — горячо запротестовал Мэтью. — Дай мне Бог никогда не попасть в жилище злого духа! Ведь тогда я погублю свою душу.

Наступило зловещее молчание; мужчины искоса поглядывали друг на друга; женщины шептали молитвы.

— Друзья мои, — заговорил наконец Мэтью, словно на что-то решившись, — если эта женщина одержима дьяволом, что нам делать?

Ответа не было, только все потупили взоры, избегали глядеть друг на друга. Всякий понимал, что подразумевал Мэтью, но страшился того, что могло произойти. Однако опасность была велика: в мирном Ист-Мольсее появился дьявол, и на обязанности каждого честного поселянина лежала защита своего дома и семьи от отравленных колодцев, повальных болезней и тому подобных несчастий. Поэтому, когда Мэтью еще раз повторил: «Что нам делать?», — ни

у кого не оставалось больше сомнения относительно того, как решить этот вопрос.

— Остерегайся ее, Мэтью! — со слезами умоляла его миссис Дороти. Затем, сняв с груди маленький квадратик с изображением святой Девы, она быстро засунула его под куртку своего друга, шепнув: — Возьми эту ладанку; она спасет тебя.

Завидев приближающихся стражников, обязанных смотреть за порядком на ярмарке, Мэтью с его друзьями заговорили о погоде и тому подобных невинных предметах; когда же хранители общественной безопасности удалились, мужчины снова принялись обсуждать прежний вопрос, попросив, однако, женщин удалиться.

III

Между тем два молодых джентльмена уже успели побывать в палатке предсказательницы. Когда они спускались со ступенек подмостков, их осыпали вопросами.

— Что предсказали вам, сэр?

— Она действительно обладает замечательной силой, — был осторожный ответ.

Приказав в соседней лавке подать себе вина, джентльмены распахнули плащи и сняли маски, так как стало очень душно. Роскошные кафтаны, тонкое кружево у ворота и у запястий, шелковые штаны и дорогая резьба на рукоятках кинжалов говорили о высоком происхождении и богатстве их обладателей. Каждому из них было немного более тридцати лет. Один из них был высокого роста, широкоплечий, с рыжеватыми волосами и такой же остроконечной бородкой; другой — маленький, гибкий, проворный, с беспокойными глазами и чувственными губами, с застывшей на них тонкой саркастической улыбкой. Несмотря на внешнюю любезность, чувствовалась какая-то натянутость в их отношениях, даже довольно явное соперничество.

— Ну, что скажете вы, милорд Эверингем? — спросил испанец.

— Прежде всего скажу, милорд, что мое предсказание оправдилось: таинственная колдунья не могла устоять против испанского коварства и откинула свое покрывало ради улыбки донна Мигуэля, маркиза де Суареса, посла его католического величества.

— Положим, я почти не видел ее лица, — возразил испанец, делая вид, что не замечает насмешливого оттенка в голосе своего спутника. — В палатке было очень темно.

Наступило минутное молчание. Лорд Эверингем сидел задумавшись.

— Странное сходство! — тихо произнес он. — Хотя, как вы говорите, в палатке было темно и движения этой девушки очень быстры, но я заметил, что, несмотря на грубую одежду и несуразную прическу, эта Мирраб совершенный двойник новой придворной красавицы леди Урсулы Глинд.

— Невесты герцога Уэссекского? — воскликнул испанец. — Не может быть!

— Нет, милорд, — твердо сказал Эверингем, — ее нельзя теперь назвать невестой его светлости: они оба были еще чуть ли не в колыбели, когда ее отец помолвил их.

Маркиз молча поглаживал усы, а Эверингем не сводил с него испытующего, недоверчивого взгляда.

— Идет слух, — начал наконец маркиз с кажущейся беззаботностью, — будто отец леди Урсулы, граф Труро, на смертном одре поклялся своей честью, что или она выйдет за герцога Уэссекского, как только он попросит ее руки, или же поступит в монастырь. Я только повторяю дошедшие до меня слухи. Если я ошибаюсь, укажите мне, пожалуйста, ошибку, милорд. Я здесь чужой и еще не имел чести встретиться с его светлостью.

— Его светлость вовсе не склонен к браку, — с нетерпением ответил Эверингем, — и ответ, данный графом Труро на смертном одре, не может никоим образом связать его. Поверьте мне, милорд, если только герцог Уэссекский женится, то его невестой будет не кто иной, как английская королева, — да хранит ее Господь! — прибавил он, почтительно приподнимая шляпу одной рукой, а другой поднес к губам стакан с вином и осушил одним залпом.

— Аминь! — отозвался дон Мигуэль прежним беззаботным тоном, также осушая свой стакан до дна. — Вот здесь-то мы и не сходимся во мнениях, милорд: его преосвященство кардинал Морено и я надеемся, что английская королева вступит в брак с нашим государем, испанским королем Филиппом¹.

Эверингем хотел что-то возразить ему, но сдержался. Молодой англичанин только что начал усваивать верное понятие об испанской дипломатии, где враждебное отношение прикрывалось улыбками и ласковыми словами. Подобно многим истинным англичанам, Эверингем не хотел видеть свою королеву замужем за иностранцем. Мария, несмотря на то что мать ее испанка, была англичанкой до мозга костей. Как настоящая Тюдор, она показала истинное мужество, когда противная партия задумала отнять у нее корону. Ее верные подданные гордились ею, и многие из них поклялись, что только англичанин разделит с нею трон ее предков.

Сознавая, что здесь не место вести политические разговоры, испанец некоторое время не прерывал наступившего молчания. Наконец, искренне желая переменить тему разговора, он встал и принял равнодушно разглядывать проходивших мимо них посетителей.

— Кар-рамба!² — неожиданно вырвалось у него.

— В чем дело?

¹ Филиппом II (1527—1598), вступившим в брак с Марией Тюдор в 1554 г. Филипп II, будучи самым выдающимся монархом того времени, имел сильное влияние на всю современную европейскую политику, и в особенности на английскую, в качестве жениха и супруга Марии Кровавой, а впоследствии претендента на руку Елизаветы Английской.

² Черт возьми!

— Наши две маски! — прошептал испанец. — Что вы скажете, милорд, если мы со скучного поля политики перейдем на более приятные тропинки любовных интриг?

Не дожидаясь ответа товарища, пылкий южанин устремился в толпу, в которой его зоркий глаз уже заметил две закутанные фигуры, видимо, старавшиеся быть неузнанными. Эверингем последовал за ним.

Тем временем солнце уже село, очертания предметов утратили ясность, и, пока маркиз де Суарес и его друг пробирались сквозь толпу, обе таинственные фигуры совершенно исчезли из виду.

IV

Вскоре после их ухода перед палаткой Мирраб остановились две закутанные фигуры в масках. По-видимому, они очень спешили, так как едва переводили дух, и хотя весело смеялись, но были не на шутку испуганы.

— О, моя дорогая Маргарет, — прошептал из-под шелковой маски женский голос, — я думала, что умру от страха.

— Как ты думаешь, нам удалось скрыться от них? — так же тихо отозвалась другая маска.

Первая, повыше ростом и, очевидно, всем руководившая, поднялась на цыпочки и стала внимательно присматриваться.

— Тсс!.. — прошептала она, невольно прижимая к себе свою спутницу. — Они там. Как они бегут! — И она вдруг разразилась совершенно детским смехом и захлопала в ладоши. — Я просто готова кричать от радости. Бегите, спешите, мои красавцы! Вам нас не догнать! Ха-ха-ха!

Смех ее звучал не совсем естественно, так как она была страшно напугана; ее спутница беспомощно прижалась к ней.

— Как ты можешь быть такой веселой, Урсула? — воскликнула она сквозь слезы. — Подумай, что будет, если герцогиня Линкольн узнает о наших приключениях... если и ее величество...

— Успокойся, моя маленькая Маргарет! — стала утешать ее подруга, продолжая смеяться. — Смотри, мы уже у цели своего путешествия: вот палатка колдуньи. Слушай, Маргарет, — прибавила она, нетерпеливо топая ногой, — не будь глупой гусыней и перестань наконец плакать. Право, я пошла бы одна, если бы знала, что ты такая трусиха.

— Урсула, — произнесла Маргарет, ободренная уверенным тоном подруги, — ты не догадываешься, кто были эти кавалеры?

— Нет, — равнодушно ответила Урсула. — Думается мне, что один из них — маркиз де Суарес: я заметила, что на нем были черные шелковые панталоны. Да что об этом толковать! Нечего терять время!.. Идем к колдунье!

После минутного колебания она решительно стала подниматься по лесенке, ведущей на подмости.

— Ты пойдешь со мною? — спросила она, оглядываясь на подругу.

В эту минуту на пороге палатки показался Абра в остроконечной шапке и развевающимся плаще. При виде его Маргарет не могла удержаться от крика.

— Нет, нет, Урсула! — стала умолять она, прижимаясь к подруге. — Ради Бога, брось эту затею!

При виде Абры с длинной седой бородой, с волшебным жезлом в руке, в плаще, усеянном таинственными знаками, Урсула почувствовала, что мужество начинает покидать ее; она быстро спустилась с лестницы и вместе с Маргарет скрылась в тени деревьев.

— Я хочу узнать свою судьбу, Маргареточка, — начала Урсула уже не таким уверенным голосом, — а мне говорили, что эта колдунья может предсказывать будущее.

— Зачем тебе знать будущее? — возразила практичная Маргарет. — Разве настоящее не достаточно хорошо?

— Герцог Уэссекский сегодня вернулся после долгого отсутствия, — ответила Урсула.

— Ну и что же из этого?

— Как что? Разве так уж странно, что мне хочется знать, буду ли я герцогиней Уэссекской, или настоятельницей в благочестивом, но скучном монастыре?

— Конечно, это вполне понятно, — согласилась Маргарет, — но...

— Его светлость ни разу не видел меня с тех пор, как я была вот такая, — вздохнув, продолжала Урсула, показывая рукой. — У меня было красное лицо, и папа едва мог успокоить меня. Как видишь, я не была тогда особенно привлекательна.

— А теперь ты так красива, Урсула!.. Только какая тебе от этого польза? Ведь ты не можешь выйти замуж за герцога, потому что он никогда не попросит твоей руки. Он женится на нашей королеве. Вся Англия этого желает.

— А я хочу, чтобы он женился на мне, — сказала Усула, топнув ножкой. — И я хочу узнать от колдуни, влюбится ли он в меня теперь или уступит тем, которые хотят сделать его игрушкой их честолюбивых стремлений и женить на безобразной, капризной старухе, которой посчастливилось стать английской королевой.

— Урсула!

От ужаса Маргарет не могла произнести больше ни слова — слова Урсулы могли быть сочтены за святотатство.

Однако молодая девушка несколько не смутилась порицанием, слышавшимся в восклицании ее подружки.

— Разве ты можешь отрицать, что королева стара, безобразна и капризна? — невозмутимо продолжала она.

Маргарет пришла в невыразимый ужас. Что, если бы кто-нибудь услышал?

— Маргарет, — прошептала Урсула, не сознавая совершенного ею преступления, — видела ты когда-нибудь герцога Уэссекского?

— Нет! — коротко ответила все еще не пришедшая в себя Маргарет.

— И я не видела, с тех пор как была совсем маленькая, — вздохнула Урсула. — Смотри же! — Она вынула из-под плаща медальон на золотой цепочке и протянула его подруге. — Ведь это просто картина! — восторженно произнесла она.

— И ты влюбилась в эту картину?

— Безумно! — воскликнула Урсула, снова пряча медальон.

К ней вернулось все ее мужество.

Между тем Абра, утомившись от дневных трудов, присел возле палатки и погрузился в сладкую дрему, как вдруг его слуха коснулся быстрый шепот:

— Послушайте-ка! Проснитесь!

— Он не слышит, — сказал кто-то голосом, чуть дрожащим от слез.

Но Абра уже вскочил на ноги и принялся машинально повторять привычные зазывания, толкнув мимоходом в бок также заснувшего товарища, который машинально начал бить в огромный барабан.

— Нет, нет, — запротестовала Урсула, — прошу вас, не делайте такого шума! Мы хотим поговорить с предсказательницей... У нас три золотые монеты; довольно ли этого?... Но, во имя Пресвятой Девы, поменьше шума!

Однако просить Абра об этом значило требовать невозможного. Откинув полы палатки, он во всю силу легких провозгласил:

— Сюда пожалуйста, леди, к великой предсказательнице Мирраб! Здесь вы найдете любовные напитки и жизненный эликсир!

— Жребий брошен, Маргарет, — произнесла Урсула, стараясь придать твердость дрожавшему голосу, хотя колени у нее подгибались. — Я немного взволнована, — невольно вырвалось у нее, — а ты?... О, как дрожит твоя рука!

Между тем шум начал привлекать посторонних зрителей, и перепуганная Урсула поняла, что их спасение в немедленном бегстве. Она с решимостью схватила Маргарет за руку и быстро сбегала с лестницы, но в ту же минуту кто-то взял ее сзади за талию, и веселый голос воскликнул:

— Наконец-то попались!

Быстрым движением Урсула в одну минуту вырвалась из цепких рук, успев только заметить, что и Маргарет находилась в таком же положении.

— Потихе, моя красавица, — прошептал вкрадчивый голос. — Дай сказать тебе словечко!

Она чувствовала, что краснеет под маской от стыда за столь пошлое приключение, видела, как проходившие мимо люди с усмешкой пожимали плечами, привыкнув к подобным зрелищам. Ее опять обняли за талию, но на этот раз так крепко, что она уже не смогла вырваться.

— Ради Бога, пустите меня, сэр! — со слезами воскликнула Урсула.

— Сперва я должен заглянуть в эти ясные глазки, которые сверкают даже сквозь вашу маску.

По гортанному звуку голоса Урсула узнала дону Мигуэля; его наглость и страсть к пошлым любовным приключениям были всем известны и вызывали всеобщий ужас при чопорном дворе королевы Марии. Урсула искренне раскаивалась теперь, что задумала эту безумную выходку, и увлекла с собою боязливую Маргарет, которая так же тщетно отбивалась от своего кавалера. Еще минута — и нескромная рука молодого испанца сорвала с Урсулы спасительную маску, скрывавшую прелестнейшее личико, какое когда-либо создавала природа.

— Счастье действительно покровительствует мне! — прошептал дон Мигуэль с нескрываемым восхищением. — Восходящая звезда! Чудное солнце на небосклоне красоты! Леди Урсула Глинд!

Урсуле было тогда только девятнадцать лет. Среднего роста, прекрасно сложенная, с маленьким овальным личиком, она приводила в восхищение всех современных художников. Из-под парчового головного убора выбивались золотистые локоны; тонкая шея и красивые плечи, словно выточенные из слоновой кости, белели под изящно завязанной кружевной косынкой. Гордый поворот головы и презрительный изгиб губ придавали ей еще больше очарования.

Рука испанца все еще покоилась на ее талии. Девушка была так прелестна в своем негодовании!

— Вы оскорбляете меня, милорд! — воскликнула она. — У нас в Англии...

— Нет, красавица моя, — перебил ее испанец с оттенком насмешки в голосе, — даже в Англии, если две одинокие дамы в сумерки, в публичном месте, попадают в плен к своим горячим поклонникам, то для получения свободы должны заплатить выкуп. Не правда ли, милорд? — весело обратился он к своему другу, державшему хорошенькую Маргарет, обхватив за талию, к чему девушка относилась, по-видимому, довольно благосклонно.

— Совершенно справедливо, — подтвердил лорд Эверингем, — и вы получили первый приз, милорд. Вы согласны заплатить мне выкуп, моя красавица? — прибавил он, заглядывая в испуганные глаза Маргарет.

— Джентльмены, — надменно запротестовала Урсула, если в вас есть хоть сколько-нибудь чести...

— Честь требует сорвать поцелуй с этих прелестных губок, — возразил дон Мигуэль, грациозно приподнимая шляпу.

Это движение стоило ему победы. Родившись и выросши в Корнуэльсе, прекрасно владея шпагой, Урсула не допускала мысли, что какой-то дерзкий испанец может ее поцеловать. Ловким движением снова вырвавшись на свободу, она бросилась к Маргарет, схватила ее за руку и потащила назад в палатку, на ходу приведя в порядок ее маску.

Девушкам удалось бы спастись, если бы два свидетеля происшедшей сцены, принадлежавшие, по-видимому, к числу друзей их

преследователей, не преградили им дорогу. С криком отчаяния Урсула повернула назад, но снова наткнулась на поджидавших их дону Мигуэля и лорда Эверингема. Никогда не чувствовала она себя такой оскорбленной.

— Тысяча благодарностей, джентльмены, за ваше содействие! — раздался насмешливый голос испанца. — Пожалуйте выкуп, мое сокровище!

Только гордость помешала Урсуле расплакаться.

— Клянусь честью — странная охота! — неожиданно произнес приятный, слегка насмешливый голос. — Как ты находишь, Гарри Плантагенет... Чудное зрелище! Четыре кавалера нагоняют страх на двух леди.

Все невольно оглянулись на голос.

В нескольких ярдах¹ от них стоял высокий человек, плотно закутанный в плащ, и, слегка нагнувшись, ласкал прижавшуюся к нему огромную охотничью собаку весьма внушительного вида. Он говорил совершенно спокойно, обращаясь как будто к собаке, и, не глядя на изумленных молодых людей, приблизился к Урсуле и ее подруге.

— Леди, ваш путь свободен, — с той же добродушной насмешкой продолжал он, бросив беглый взгляд на закутанные фигуры девушек, которых спасал от неприятного положения.

— Сэр! — только и могла произнести Урсула, не двигаясь с места, так как боялась, что у нее ноги подкосятся.

— Если мое вмешательство вам неприятно, леди, — продолжал незнакомец, — я могу лишь попросить у вас прощения и удалиться, чего, по-видимому, очень желают эти джентльмены. Но если вы действительно хотите от них избавиться, то мой друг обеспечит вам спокойное отступление. Не правда ли, Гарри? — прибавил он, снова обращаясь к собаке, которая понятыми глазами посмотрела на молодых девушек, словно сознавая, что обращались к ее рыцарскому заступничеству.

Все четыре кавалера были так поражены неожиданным вмешательством незнакомца, что ни один из них не подумал остановить девушек, когда они бросились бежать прочь. Гарри Плантагенет — так незнакомец называл свою собаку — следил за ними, пока они не скрылись из виду; затем он неучтиво зевнул, показывая своему хозяину, что присутствующее общество больше не интересует его.

— Ну, Гарри, пойдем, старина! — произнес незнакомец, спокойно поворачиваясь на каблучках.

Тут маркиз де Суарес наконец пришел в себя и вскипел негодованием на непрошеное вмешательство. В те времена после всякого неуместного слова или улыбки некстати пускались в дело шпаги или кинжалы, и вчерашние друзья нередко в несколько минут превращались в смертельных врагов.

— Каррамба! — выругался испанец. — Это переходит всякие границы! Как вы думаете, джентльмены? — И, выхватив длинную

¹ Ярд = 91,44 см

отточенную шпагу, он с угрожающим видом преградил дорогу незнакомцу.

Остальные кавалеры также обнажили шпаги.

— Маску долой! — решительно крикнул лорд Эверингем.

— Долой маску! — грозно подхватили остальные. — Или...

— Или, — беззаботно произнес незнакомец, — вы все проткнете своими шпагами мой шелковый камзол, достойно закончив этим свою рыцарскую выходку, да?

В его голосе по-прежнему слышалась добродушная ирония. У испанца лопнуло последнее терпение.

— Сперва скажите свое имя, — высокомерно начал он, — затем обнажите меч... если только вы — не подлый трус, а тогда уже я и эти джентльмены разделаемся с вами за вашу наглость.

Наступило минутное молчание.

Незнакомец свистнул свою собаку.

— Моя шпага к вашим услугам, — сказал он. — С моей наглостью можете разделяться, как вам будет угодно... А имя мое — Уэссекс! — с высокомерием добавил он, снимая маску.

V

Сохранилось несколько портретов Роберта д'Эсклада, герцога Уэссекского, одного из интереснейших людей при дворе Марии Тюдор; но его миниатюрный портрет, приписываемый Гольбейну, лучше всех передает характеризовавшие его беззаботность, ласковую снисходительность и немного высокомерную сдержанность. Высокомерие проявлялось у него лишь в отношении лиц, позволявших себе назойливую фамильярность, но беззаботно-добродушное выражение никогда не покидало его красивого лица. Отличительной чертой герцога была любовь ко всему прекрасному, начиная с красивой лошади и кончая тонким кружевом. Высокого роста, отличаюсь мужеством и обладая значительной физической силой, он был жизнерадостного характера, и на его обычно серьезном лице нередко появлялась юношески-беспечная улыбка, с какой он умел встречать лицом к лицу всякую опасность. Никто не мог обвинить герцога в каких-либо интригах с целью возвыситься. Все знали, что ему стоило сказать слово, чтобы возложить на себя королевскую корону. После кончины Эдуарда VI он не показывался при дворе; поэтому не удивительно, что его неожиданное появление поразило всех.

Лорд Эверингем первый вложил шпагу в ножны.

— Герцог Уэссекский! — воскликнул он с неподдельным восторгом. — Клянусь Пресвятой Девой, вот приятный сюрприз!

Два другие англичанина пожали герцогу руку, в горячих выражениях приветствуя его возвращение ко двору.

— Ну, Гарри, кажется, нам не грозят никакие неприятности, — весело сказал герцог.

Но Гарри Плантагенет с сомнением поглядывал на молодого испанца, державшегося в стороне и с плохо скрытым нетерпением следившего за выражениями сочувствия герцогу. Собака, казалось, понимала, что этот человек враждебно относится к ее хозяину, и ее верные глаза выражали недоверие и неприязнь.

Но дон Мигуэль де Суарес был прежде всего дипломат. Он быстро сообразил, что ссора с герцогом Уэссекским сильно повредила бы его популярности при английском дворе, а она была ему необходима, чтобы с честью исполнить поручения короля Филиппа. Скрыв свою досаду, он приблизился к герцогу, принудив себя улыбнуться, и сказал с церемонным поклоном:

— Знаменитое имя, милорд, и уже близкое мне, хотя я не имел еще чести видеть вас при дворе.

Окинув его быстрым взглядом, герцог ответил ему таким же церемонным поклоном.

— Нет, сэр, — ответил он, положив руку на голову собаки, — мой друг носит еще более знаменитое имя. Гарри Плантагенет, поклонись этому благородному господину. Я назвал его, сэр, в честь нашего короля Генриха Пятого, который разбил французов при Азинкуре... Впрочем, простите, это вряд ли может интересовать вас. Вас тогда не было на свете, а Испания еще не была королевством.

Герцог Уэссекский говорил весело, но в незначительных по видимости словах тонкий слух преданного ему Эверингема уловил дерзкий оттенок. Однако дон Мигуэль твердо решил не выходить из границ вежливости.

— Действительно, какое умное животное! — льстиво произнес он. — А вы, герцог, намерены сегодня возвратиться с нами в Гемптон-коурт?

— О, среди блестящих испанских дипломатов едва ли окажется подходящее место для такого лентяя, как я, — возразил герцог Уэссекский.

— Но мы, дипломаты, все-таки будем надеяться иметь возможность испытать наши слабые силы, сразившись с вашей светлостью в остроумии, — колко произнес дон Мигуэль.

— Может быть, с моими друзьями, милорд, — сухо возразил герцог. — Я — неисправимый лентяй.

Тактичный испанец не стал продолжать разговор в прежнем духе. Окинув проницательным взглядом высокую, мужественную фигуру стоявшего перед ним герцога, с тонкими аристократическими руками, его богатый костюм с дорогим кружевом у ворота и рукавов, он решил: «Фат и пустой лентяй». Рядом с герцогом он представил себе королеву Марию, уже не молодую, всегда безвкусно одетую, лишенную всего того, что могло бы заманить в ее сети этого блестящего мотылька. Присутствие такого могущественного противника придавало особенный интерес той политической игре, которую вел дон Мигуэль. Неподатливый придворный щеголь — и королева, жаждущая любви... Каррамба! Это интересно!..

— Когда вы возвратитесь ко двору, милорд? — спросил Эверингем.

— Сегодня вечером, по личному повелению нашей всемилостивейшей государыни, — ответил герцог, — Гарри Плантагенет и я будем иметь честь засвидетельствовать ее величеству свою почтительную преданность.

— В таком случае до свиданья, ваша светлость, — сказал дон Мигуэль. — Мы увидимся сегодня вечером.

— К вашим услугам, милорд.

Испанец с любезной улыбкой удалился в сопровождении двоих товарищей; лорд Эверингем хотел последовать их примеру, но герцог Уэссекский удержал его за руку.

— Кто этот противный испанец? — спросил он.

— Дон Мигуэль, маркиз де Суарес, — ответил Эверингем, — посол его величества короля Испании.

— Так я и знал. Я сейчас подумал, что буду дураком, если вернусь ко двору, где играют какую-то роль подобные люди.

— Отправимтесь туда сейчас же, — серьезно настаивал Эверингем.

— Только не сейчас. Не портите мне последних часов свободы. Я хотел посоветоваться со знаменитой ворожеей, как скромный горожанин. Ради всех святых, какие только существуют в святцах, забудем неприятных испанцев и тому подобные предметы.

Весело смеясь, герцог подозвал собаку и увлек своего друга в сторону, противоположную той, в которую направился дон Мигуэль; но, прежде чем смешаться с пестрой толпой, молодые люди поправили свои маски и плотней закутались в плащи. Эверингем был серьезен и молчалив, между тем как герцог Уэссекский пребывал в веселом настроении.

— Ну, старина, — обратился он к собаке, — не пойти ли нам к ворожее? Наш друг Эверингем сегодня плохой собеседник и хочет посягнуть на нашу с тобою свободу. Отчего у вас такой серьезный вид? — неожиданно спросил он, глядя прямо в глаза Эверингему. — Скажите мне, какие у вас хорошие новости.

— Клянусь честью, лучшая новость — возвращение вашей светлости, — искренне ответил Эверингем. — Какой неблагоприятный ветер унес вас от нашего двора?

— Это был ветер безнадежной скуки, — смеясь ответил герцог. — Согласитесь, друг мой, что может быть привлекательного при дворе, где королева все время перебирает четки, иностранные послы управляют страной, народ ропщет, а дамы от скуки зевают? Бр-р! — И он насмешливо передернул плечами, будто не замечая укоризненного взгляда товарища.

— Не забудьте, что вы оскорбили королеву Англии, — грустно произнес Эверингем.

Герцог Уэссекский не сразу ответил. Его лицо вдруг приняло надменное выражение. Между молодыми людьми существовало нечто более обыкновенного товарищеского расположения: их соединяли общие взгляды, одинаковые вкусы, одинаковое воспитание и

страстная, всепоглощающая любовь к родине. Всем было известно, что Эверингем мог себе позволить такую свободу в отношении герцога, какая никому более не разрешалась.

— Разве королева Англии оскорбилась? — спросил через несколько минут герцог, на лице которого снова появилась мягкая улыбка.

— Как можете вы об этом спрашивать? — пылко воскликнул Эверингем. — Это — единственная женщина, против благосклонности которой устоял его светлость герцог Уэссекский, — прибавил он, поддерживая беззаботный тон друга.

— И то с большим трудом, — весело закончил герцог. — Но знаете, мой друг, — продолжал он с насмешливой серьезностью, — на Тюдоров никогда нельзя положиться: сегодня вы можете отдать им сердце, а завтра — лишиться головы.

— Мария Тюдор так любит вас! — возразил Эверингем.

— Помните, что она — дочь Генриха Восьмого и способна предать меня пытке или даже казнить за всякую измену... а за мною их числилось бы немало.

— Женщина, которая любит, всегда простит, — настаивал Эверингем.

— Женщина, дорогой Эверингем, может быть, простит одну серьезную измену, но не множество мелких, у меня же было бы именно много мелких, — вздыхая, заключил герцог.

— А в ваше отсутствие английская королева почти дала согласие на свой брак с испанским королем, — с горечью произнес Эверингем, устремив на друга испытующий взор. — Счастлив же будет для английских пэров тот день, когда им придется преклонить колени пред своим законным государем — чужеземным королем!

Герцог Уэссекский пожал плечами и обернулся в ту сторону, где его искушенный взор привлекла красивая продавщица, наливавшая пиво какому-то горожанину; однако от глаз Эверингема не укрылось неприятное впечатление, произведенное на герцога нарисованной картиной: Уэссекс, преклоняющий колени перед каким-то испанцем!

— В ваше отсутствие кардинал Морено и дон Мигуэль сумели зажечь ревность в сердце королевы, — продолжал Эверингем. — Ваше влияние еще может спасти Англию, милорд; не дайте же своим врагам повода сказать, что вы испугались женщины.

— Клянусь, они правы, если говорят это, — задумчиво произнес герцог, увлекая друга в темный уголок, подальше от шумной толпы.

Не замечая насмешливого огонька в его глазах, Эверингем обрадовался, думая, что ему удалось убедить герцога.

— Я бежал от двора действительно из страха перед женщиной, — торжественно шепнул герцог Уэссекский на ухо другу, — но эта женщина — не английская королева, а леди Урсула Глинд.

Эверингем с трудом подавил выражение радости. Он и его друзья надеялись победить сомнения герцога в отношении навязанного ему обязательства, а теперь он сам выказывал полное равнодушие к своей «помолвке», и Эверингем почувствовал глубокое облегчение.

— Значит, леди Урсула вам не нравится? — спросил он с непритворной радостью.

— Я никогда не видел ее, — спокойно ответил герцог, — по крайней мере с тех пор, как малышка лежала в колыбели; тогда она мне положительно не понравилась.

— Леди Урсула необыкновенно красива, — заметил Эверингем, не без стыда вспоминая сегодняшнее приключение, — но...

— Будь она ангелом красоты, я все-таки ее боюсь. Подумайте только: женщина, которую вы принуждены любить! Ее отец устроил нашу помолвку, предоставив мне свободный выбор, но, если я не женюсь на леди Урсуле, она обречена окончить дни в монастыре. Ведь это вопрос чести, не правда ли? Но она единственная женщина в мире, которую я никогда не мог бы полюбить, никогда! Вот я и бежал от двора, не из боязни, что одна женщина меня слишком любит, а зная, что я сам слишком мало любил бы другую.

Он говорил так беззаботно, что, несмотря на всю серьезность вопроса, Эверингем не мог удержаться от улыбки.

— Ну, вы, может быть, преувеличиваете опасность, — возразил он. — Леди Урсула может предпочесть монастырь герцогской короне. Она никогда не видела вашей светлости, сама богата, благородна, может оказаться благочестивой...

— Или упрямой, — перебил герцог. — Я еще ни разу не встретил женщины, которая не желала бы именно того, что не может получить.

— Разве Англия — упрямая женщина, если требует герцога Уэссекского? — серьезно допытывался Эверингем.

— Действительно ли она хочет меня? — спросил герцог серьезно, чем сам ожидал. — Знаю, знаю, вы все так думаете и считаете меня беспутным лентяем, готовым бросить родину в объятия чужестранца. Не отрицайте! Может быть, я таков и есть... Ну, успокойтесь. Разве я не сказал вам, что ее величество повелела мне явиться ко двору? Будем ломать копья остроумия с испанскими дипломатами и надеяться, что моя счастливая звезда внушит леди Урсуле непреодолимую склонность к монастырской жизни. Верьте мне, что, если она вздумает затягивать свои шелковые путы, я сбегу от нее в самый отдаленный уголок вселенной.

— Господь да хранит вашу светлость! — торжественно произнес Эверингем. — Теперь я не боюсь соперничества испанцев. Вы спасете Англию, милорд, и заслужите этим вечную благодарность своей родины.

Герцог Уэссекский с улыбкой пожал плечами, и оба друга без дальнейших разговоров смешались с толпой.

Вокруг палатки колдуньи царил тишина. На землю спустились сумерки, и перед каждой лавкой зажглись огромные факелы, бросавшие красноватый свет. Лишь возле палатки знаменитой предсказательницы Мирраб не было факела, и сам Абра перестал зазывать проходивших мимо людей. Тихо и темно было на площадке перед этой палаткой.

Вдруг в темноте что-то промелькнуло, и со всех сторон послышался таинственный шепот, становившийся все явственнее, а в некотором расстоянии от палатки стали собираться группа темных фигур. Из смутного говора выделялся тихий, но твердый голос.

— Джентльмены, призываю вас в свидетели. В Писании сказано: «Не оставляйте колдуны в живых». Неужели мы слушаемся Священного Писания и оставим колдунью в живых? Она одержима бесом. В этой палатке сидит дьявол... Позволим ли мы сатане оставаться среди нас?

— Нет! Нет! — слышались взволнованные голоса.

— Смерть колдунье! — торжественно произнес первый голос.

— Смерть колдунье! — прозвучал единодушный ответ.

— Что ты хочешь делать, Мэтью? — робко спросил кто-то.

— Сожжем ее! — ответил деревенский оракул. — Только так и можно избавиться от сатаны.

Жаркая погода, изрядное количество выпитого пива и вина и панический, суеверный страх заставил этих темных людей совсем потерять голову.

— Сжечь ее! — зашумела возбужденная толпа.

Люди подбадривали друг друга на деяние, перед которым в иное время отступили бы с дрожью ужаса, и нарочно старались говорить громче, помня, что дьявол покровительствует таинственному шепоту.

— За мною, джентльмены! — крикнул Мэтью. — Помните, что нам простятся грехи, если мы сожжем колдунью!

С диким криком ринулась толпа на подмостки как раз в ту минуту, когда Абра и его помощник, привлеченные странным шумом, вышли из палатки. Не успели они опомниться, как их схватили и сбросили вниз.

— Прочь с дороги, — кричали им обезумевшие люди, — если не хотите, чтобы вас сожгли вместе с вашей проклятой колдуньей!

Затевая свое дело, Абра отлично знал, какому риску подвергался. В те времена опасно было вступать в сношения со сверхъестественными силами; но Абра рассчитывал на хорошее настроение праздных посетителей ярмарки, а расположение к гаданию богатых горожан и придворных щеголей являлось большим искушением для жадного к деньгам афериста. О девушке он не заботился. Он подобрал ее однажды в канаве, как брошенного щенка, и сделал орудием своих корыстных целей. В настоящую минуту он думал лишь о собственном спасении и, упав на коле-

ни, жалобно молил о пощаде. Но толпа не была расположена слушать его. Кто-то так оттолкнул Абру, что тот упал на своего помощника, который от страха не мог двинуться с места. Толпа спешила расправиться с колдуньей до появления городской стражи, не обращая больше внимания на Абру.

Изнутри палатки послышался безумный крик ужаса, на который нападающие ответили испуганными проклятиями. И перед ними предстала колдунья — дрожащая от страха девушка, которой едва ли минуло двадцать лет, с нежными чертами лица и пышными золотистыми волосами, падающими на плечи. Возле нее на полу валялся кусок яркой блестящей ткани, выполнявшей роль таинственного покрывала. Человек в здравом уме увидел бы в ней жалкую, перепуганную женщину, но ослепленным суеверным страхом глазам нападавших она показалась неестественно огромной, освещенной огненными языками.

— Чего вы от меня хотите? — прошептала несчастная девушка.

Ее с силой схватили за руки и вытащили на подмостки, напоказ всей толпе.

— Смерть колдунье! — кричали все вокруг нее, забыв даже о страже, которая каждую минуту могла явиться.

— Помогите! — отчаянно вскрикнула несчастная.

— Слышите, джентльмены? Она зовет на помощь сатану! — фыркнул Мэтью.

— Что вы хотите со мною делать? — умоляла «колдунья». — Я ничего не сделала вам дурного.

— Ты привела к нам дьявола. Привязать ее к столбу!

Начиная понимать, какая судьба ожидает ее, Мирраб упала на колени перед Мэтью, казавшимся ей предводителем, и охватила его ноги, умоляя его таким жалобным голосом, от которого даже камни содрогнулись бы:

— Добрые джентльмены, не обижайте бедной девушки, не сделавшей вам никакого зла!.. Пресвятая Дева, защити меня!

Чья-то грубая рука зажала ей рот, заглушая последние слова.

Девушку стащили с подмостков и при помощи кожаных поясов крепко-накрепко привязали к тому самому столбу, на котором развешался флаг, а голову обмотали толстым шерстяным шарфом до самых глаз, с диким ужасом смотревших на все происходившее; затем все принялись складывать вокруг нее костер из подвернувшихся под руку обрубков дерева, изломанных в куски собственных палок нападавших и ветвей старого вяза. Бедная девушка почти лишилась чувств и, если бы ей даже развязали рот, не могла бы произнести ни одного звука.

— Смотрите, как будет гореть колдунья! — хрипло шептал всем распорядившийся Мэтью. — Душа вылетит у нее изо рта в виде черной кошки.

Между тем герцог Уэссекский, простившись со своим другом, медленно направлялся к палатке колдуньи-предсказательницы в сопровождении верного Гарри Плантагенета. Увидев собравшуюся

толпу, он не сразу понял, в чем дело, так как фигура девушки не была освещена. Но вот запылал факел, и из толпы раздались возгласы:

— Святой огонь!.. Жгите колдунью!..

Красное пламя на секунду осветило какой-то узел блестящей ткани, под которым угадывалась женская фигура, беспомощно свесившаяся со столба.

Тогда герцогу все стало ясно.

Отбросив в сторону двух-трех человек, загораживавших ему путь, он одним прыжком очутился лицом к лицу со злодеями. Свет факела ярко озарял его роскошный шелковый камзол, аграф из драгоценных камней на шляпе и гордое, суровое лицо, горевшее негодованием.

— Что за проклятое дело вы здесь затеяли? — решительно крикнул герцог.

Почтительность и покорность лорду были врожденными качествами тогдашнего сельского населения, и в первую минуту все смолкли и даже немного отступили. Но это длилось лишь один момент; всеобщее возбуждение было слишком сильно, чтобы толпа позволила этому щеголю, вооруженному только изящной шпагой, стать между нею и осужденной на смерть колдуньей.

— Прочь с дороги, чужак! — загремел Мэтью. — Здесь не место нарядным джентльменам... Джон-кузнец, полезай наверх с факелом! Никто не смеет вмешиваться.

— Вперед, Джон! — кричали все в один голос.

Но Джон не мог двинуться со своим факелом, так как «нарядный джентльмен» стоял на лестнице выше его, держа в руке остро отточенную шпагу.

— Первый, кто ступит на лестницу, будет убит, — сказал герцог, как только крики замолкли. — Эй, Гарри! Видишь этих злодеев? Когда я скажу «марш!», можешь хватать за горло каждого, кому удастся взобраться сюда.

Гарри Плантагенет стоял на самой верхней ступени, помахивая хвостом и показывая публике два грозные ряда зубов. Но Мэтью недаром пользовался уважением товарищей. Он быстро сообразил, что один придворный щеголь, хотя бы и с собакой, не мог представлять серьезную опасность для двадцати пяти дюжих малых со здоровенными кулаками, твердо решившихся устранить его. Оттолкнув кузнеца, он решительно начал:

— Слушай, чужак!

— Не смей так называть меня, дурак! Я — герцог Уэссекский, и, если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я прикажу до крови бичевать вас... Эй вы, деревенщина! Шапки долой в моем присутствии! Живо!

Наступило мертвое молчание, прерываемое там и сям испуганным шепотом.

— Милосердное небо! Герцог Уэссекский! Да он всех нас повесит! — прошептал Мэтью, падая на колени.

Одна за другой обнажались головы. Его светлость герцог Уэссекский! Может быть, будущий король Англии! А они-то вздумали грозить ему! Пресвятая Дева, защити нас!

Один из толпы, попроворней других, стоявший позади, пополз прочь на четвереньках, стараясь не быть замеченным; его примеру последовали и остальные, а Джон-кузнец бросил на землю свой дымящийся факел. Началось общее отступление.

— Ну, много ли вы наделали бед? — добродушно рассмеялся герцог. — Уходите же, все уходите! Или хотите, чтобы я позвал стражу и приказал бичевать вас... или даже повесить, как сказал ваш предводитель?

Ему не пришлось дважды повторять. Толпа молча расходилась, пристыженная, испуганная, совершенно позабыв про колдунью. Герцог не тронулся с места, пока последние не скрылись из вида, оставив Абру и его помощника, полумертвых от страха. Из-за облаков показался бледный серп луны, озаривший площадь серебристым светом.

— Ну, Гарри, дружище, теперь, кажется, все убралось, — сказал герцог Уэссекский, вкладывая шпагу в ножны и поднимаясь на подмостки.

Длинные пряди золотых волос опускались на лицо и грудь Мирраб; она вся вытянулась, но голова ее была опущена. Она медленно приходила в себя и не шевельнулась, пока герцог Уэссекский отвязывал придерживавшие ее ремни; затем он ногой разбросал наваленный вокруг нее костер. Когда последний ремень был развязан, девушка без чувств, как тюк, упала на землю.

До сих пор ее освободитель ни разу не взглянул на пленницу. Для него она была несчастным существом, которое его вмешательство избавило от ужасной смерти; но ему было жаль ее, как женщину, прошедшую через жестокие страдания; однако к жалости не примешивалось ни капли желания узнать, кто это, спасенное им человеческое существо. Прежде чем удалиться, он положил туго набитый кошелек возле того места, где она лежала, и ласково сказал:

— Послушай моего совета, девушка: не принимайся больше за дурное дело. В другой раз, может быть, не окажется никого, кто мог бы выручить тебя. Пойдем, Гарри, уже поздно! — Спустившись с лестницы, он подошел к дрожавшему Абре. — А ты, бездельник, забирай свои пожитки, палатку и все свои мошеннические приспособления и уходи отсюда как можно скорей! Страже я прикажу охранять тебя. Если же через час ты все еще будешь здесь, то буяны опять вернутся, и уж тогда ничто не спасет тебя и твоей девушки.

Не дожидаясь ответа, герцог направился к реке, но, проходя по лужайке, неожиданно почувствовал, что его схватили за плащ; быстро обернувшись, он ничего не увидел, так как луна скрылась за набегавшим облаком, но услышал что-то похожее на рыдание, и до его слуха донесся шепот:

— Ты спас мне жизнь. Она теперь твоя. Я отдаю ее тебе! Отныне, когда бы я ни вопрошала звезды, я всегда буду молить

Бога, чтобы твоей судьбой управляла самая прекрасная из всех звезд!

Герцог ласково улыбнулся, мягким движением высвободил свой плащ и, не проронив ни слова, продолжал свой путь.

VII

Никогда за всю свою долгую жизнь не была ее светлость герцогиня Линкольн в таком ужасном положении. Головной убор съехал у нее на бок, а полное, покрытое бесчисленными морщинками лицо выражало глубокое огорчение.

— Дальше, дальше! — повторяла она, задыхаясь от волнения.

Перед нею стояли, обнявшись, две хорошенькие молоденькие девушки, раскрасневшиеся от волнения. Стройные, в плотно охватывающих талию корсажах, в юбках с фижмами, с блестящими локонами, выбивавшимися из-под легких кружевных чепцов, две прелестные фрейлины строгого двора королевы Марии.

Сидя в высоком кресле с прямой спинкой, герцогиня Линкольн нервно стучала по ручкам кресла своими полными пальцами, на которых сверкали драгоценные кольца.

— Что же вы не продолжаете, милая Элис? — с нетерпением проговорила она. — Эта девочка просто уморит меня!

— Вспомните, ваша светлость, ведь вечером было очень темно, — продолжала Элис, с трудом переводя дух. — Мы с Барбарой прогуливались вдоль низкой стены, как вдруг тучи разошлись, и мы увидели внизу, совсем... О, я не могу ничего больше сказать... я так люблю ее!

— Продолжайте, дитя мое! — сказала ее светлость, глаза которой, всегда добрые и ласковые, теперь смотрели сурово и строго.

— Это, миледи, Барбара ее видела, — слабо возразила Элис, — а я не верю, чтобы это была Урсула.

— Она была с головы до ног закутана в темный плащ, — вмешалась другая молодая девушка. — Когда мы окликнули ее, она посмотрела наверх, но, заметив нас, бросилась бежать вдоль берега.

— А тут опять набежали облака, и мы больше ничего не видели, — заключила Элис. — Барбара могла ошибиться.

Барбара кивнула головой в знак согласия. Смущение все более овладевало молодыми девушками. Они вовсе не хотели выдавать отсутствующую подругу и, увлекшись рассказом о вчерашнем вечере, слишком поздно спохватились, что собирали грозные тучи над головой ничего не подозревавшей Урсулы. При всем своем добродушии герцогиня Линкольн очень строго относилась к своим обязанностям. Доверяя ей образование женской половины придворного штата, королева выразила желание, чтобы ее фрейлины и статс-дамы для всех служили примером благовоспитанности и были образцом добродетелей...

Еще до коронования королевы Марии Гемптон-коурт оживился: во дворце всюду слышался веселый смех; снова начались спортивные игры, турниры, пышные ужины и балы, как в лучшие годы правления Генриха VIII. Молодежь, притихшая в последнее время по причине политических неурядиц, с увлечением принялась веселиться, и сама королева, успокоившись за свою судьбу, изъяснила молчаливое согласие на восстановление блеска двора своего покойного отца.

Вначале герцогине Линкольн нелегко было справиться с хорошенькими, любящими веселье, но не привыкшими к дисциплине молоденькими аристократками; все же, благодаря своему неистощимому добродушию и ласковому обращению, ей скоро удалось завести известный порядок. Однако с прибытием леди Урсулы Глинд дело разладилось. Урсула обладала таким независимым и не подчинявшимся дисциплине характером и в то же время была так ласкова и нежна, что все выговоры герцогини Линкольн потеряли всякую силу. Урсула нисколько не боялась ее, ласкалась и целовала, и герцогиня чувствовала себя по отношению к ней совершенно бессильной.

Когда открылось, что своевольная девушка, в сопровождении бесхарактерной, недалекой Маргарет Кобгем ходила, прикрыв лицо маской, на истмольсейскую ярмарку, с ее светлостью чуть не сделался удар. Всего ужаснее было то, что уже распространился слух об этом приключении. К счастью, до ушей ее величества еще не дошли известия о том, что одну из фрейлин видели вечером совершенно одну вне пределов дворцовых владений; между придворными кавалерами об этом тоже не было еще речи.

— Какой скандал! — жалобно стонала герцогиня. — Я не переживу, если об этом узнает ее величество. Королева так строга в отношении нравственности, так благочестива! Как раз теперь во дворце живет кардинал; что подумает он о нравах английского двора?

— Поверьте, ваша светлость, — сказала Барбара, желая успокоить герцогиню, — что Урсула сделала это просто из шалости, из глупого любопытства. Она слишком горда, чтобы унизиться до какого-нибудь любовного приключения.

— Она тщеславна, а тщеславие — плохой советчик, — сказала герцогиня, качая седой головой. — Если же девушка из любопытства уходит из дома вечером... одна... О! — И ее светлость с таким ужасом всплеснула руками, что обе девушки не на шутку испугались за судьбу, ожидавшую Урсулу Глинд, и сочли долгом вступить за нее.

— Это совсем невинное любопытство, — с жаром сказала Элис. — С бедной Урсулой чрезвычайно дурно обращаются.

— Дурно обращаются! — воскликнула ее светлость.

— Конечно! Она — невеста герцога Уэссекского, — с негодованием продолжала девушка, — а ей никогда не позволяют видеть его. Как только его светлость должен явиться к королеве, ее величестве изволит говорить: «Леди Урсула, вы можете удалиться, вы мне не нужны».

Приняв надменный вид и высокомерно поджав губы, хорошенькая леди Элис Рэнфорд вдруг стала похожа на сердитую сорокалетнюю матрону.

— Фи, как не стыдно, дитя мое! — сурово сказала герцогиня. — Передразнивать ее величество!

— Элис говорит правду, — вмешалась Барбара, — все делается для того, чтобы помешать встрече Урсулы с его светлостью, а мы играем роль козлов отпущения в этой глупой интриге.

— Барбара, я запрещаю вам так говорить.

— Я ведь не говорю ничего непочтительного, но это для всякого очевидно. Зачем в такой чудный день нас держат в этой мрачной комнате, когда во дворце кардинал и все иностранные послы? Отчего нам не позволено присутствовать на турнирах? Отчего? — И Барбара с нетерпением топнула маленькой ножкой.

Герцогиня была поражена таким взрывом гнева.

— Оттого, что ее величество так приказала, дитя, — сказала она, стараясь успокоить девушек. — Ее величеству не всегда нужны все ее фрейлины.

— Это ровно ничего не значит, — возразила Барбара, — и ваша светлость слишком умны, чтобы верить этому.

— Вы глупое дитя и...

— Значит, все мы глупы, потому что все мы это видим. Чтобы Урсула не встречалась с герцогом Уэссекским, ее всегда удаляют, и для приличия некоторые из нас должны разделять ее участь.

— И нет ничего удивительного, что Урсула желает видеть человека, за которого она должна выйти замуж, если не хочет идти в монастырь, — храбро dokonчила Элис.

Ее светлость не знала, что сказать. Она была слишком умна, чтобы не видеть интриг, на которые намекали девушки, но скорей умерла бы, чем призналась, что ее королева неправа. Обстоятельства избавили ее от необходимости отвечать: до ее слуха донесся веселый молодой смех, и почти в ту же минуту в комнату вбежала виновница предыдущего разговора; белокурые волосы красиво вились у нее по плечам, глаза сияли радостью; в высоко поднятой руке она держала листок бумаги, бывший, по-видимому, причиной ее веселости.

Герцогиня нахмурилась, как сумела, а Элис и Барбара, хотя и старались сохранить серьезный вид, но явно каждую минуту готовы были присоединиться к веселому смеху Урсулы. Между тем девушка с шаловливостью балованного ребенка, подбоченья, подбежала к герцогине и уселась на ручку ее кресла.

— Ваша светлость, я умру от смеха, если не прочту вам этого! — весело воскликнула она, едва переводя дух.

— Дитя, дитя, — стала увещевать ее герцогиня, стараясь сохранить серьезность, — неприлично так громко смеяться. И как вы раскраснелись! Что случилось?

— Что случилось, дорогая светлость? Слушайте! Это — стихи! — И, разгладив на колене смятую бумажку, Урсула торжественно прочла коротенькое стихотворение, в котором воспевалась ее

красота. — А внизу — посмотрите — сердце, пронзенное кинжалом, — заключила Урсула. — Его сердце, а моя красота, «сверкающая, как звезда»!

— Леди Урсула, это неприлично, — произнесла герцогиня, с величайшим трудом сохраняя серьезность. — Откуда вы получили эти стихи?

— Тише! — шепнула Урсула, обнимая ее. — Скажу вам на ушко: я нашла их, дорогая герцогинюшка, рядом с моими чулками... когда вышла из ванны.

— Какой ужас!

— А теперь, милая, чудная, дорогая герцогинюшка, скажите, как вы думаете, кто написал эти стихи и кто положил их возле моих чулок?

Герцогиня не могла произнести ни слова, отчасти от неподдельного ужаса, отчасти потому, что к ее полному старческому лицу крепко-накрепко прижалось юное, свежее личико.

— Граф Норфолкский не умеет писать стихов, — задумчиво проговорила Урсула, не сознавая всего неприличия своего поступка. — Лорд Оверклиф не догадался бы, где найти мои чулки...

— Какое тщеславие! Неужели вы думаете, что такие важные джентльмены могут писать стихи такому подростку, как вы? — со вздохом сказала герцогиня; но, вопреки тому, что она говорила, ее ласковые глаза с гордостью остановились на изящной фигурке, приютившейся возле нее.

— Разумеется, могут написать, — решила Урсула, — только не такие чудные стихи... Остаются еще лорд Эверингем, маркиз Таунтон, — продолжала она перебирать придворных кавалеров.

— Его светлость герцог Уэссекский, — лукаво подсказала Элис, не обращая внимания на предостерегающие взгляды герцогини.

— Ах, нет, — вздохнула Урсула, — ведь ему ни разу не позволили меня видеть.

— Урсула! — слабо запротестовала ее светлость, но девушка не сдавалась.

— И все-таки он увидит меня — сегодня, до наступления сумерек, — воскликнула она. — Что вы все так на меня смотрите?

— Ваше поведение, дитя, до крайности неприлично, — сказала герцогиня.

— Не сердитесь, дорогая, — заискивающим тоном начала Урсула. — Смотрите, ваш чепец совсем съехал набок... Вот, теперь все в порядке, и на ваших полненьких щечках опять появились милые ямочки... Вы не рассердитесь на меня?

— Смотря по тому, что вы сделали.

— Ш-ш... Это — огромный секрет! Барбара, Элис, подойдите поближе! Королева влюблена в моего будущего мужа.

С герцогиней чуть не сделался обморок.

— Урсула! — прошептала она.

— Это-то не секрет, — невозмутимо продолжала Урсула, — об этом говорит весь город, а при дворе все знают, что королева не

позволяет ему видеть меня из боязни, чтобы он не влюбился в меня. А кардинал бесится, так как хочет, чтобы ее величество вышла за Филиппа Испанского.

— Дитя... дитя!

— Все эти интриганы могут бороться, сколько им будет угодно, — серьезно продолжала девушка, — но, если я не выйду за его светлость, мне надо идти в монастырь. Мой покойный отец на смертном одре заставил меня поклясться в этом, когда я была слишком мала и почти не понимала, что делала. «Есть только один истинный джентльмен, которому я могу доверить свое дитя, — сказал он мне, — поклянись, Урсула, что, если он не попросит твоей руки, ты не выйдешь ни за кого другого, а проведешь всю жизнь в спасительном уединении монастыря. Поклянись, малютка!» Отец был так болен, а я так любила его!.. Я поклялась и...

— Монастырь — самое подходящее место для такого легкомысленного создания, — докончила герцогиня, стараясь говорить как можно суровее.

— Да я вовсе не хочу в монастырь, — уже со слезами воскликнула Урсула. — Я хочу выйти замуж за герцога Уэссекского, красивого, благородного, умного. И я уверена, — кокетливо добавила она, — что он не пустит меня в монастырь, если только увидит меня. — Она теснее прижалась к герцогине, и тайношвенно шепнула ей на ухо: — И, так как королева по крайней мере еще полчаса будет молиться, я с одним из пажей послала сказать герцогу Уэссекскому, что герцогиня Линкольн желает видеть его и ожидает его в этой комнате.

— Я? — в невыразимом ужасе воскликнула герцогиня. — Я желаю видеть его?.. Праведное небо! Что подумает его светлость?

Не обращая внимания на этот возглас, Урсула, схватив одну из подруг, принялась кружиться с нею по комнате, что-то весело напевая, пока наконец в изнеможении не остановилась перед герцогиней.

— И он сейчас придет, дорогая герцогиня, — сказала она. — «Он сейчас будет к услугам ее светлости» — так сказал мне паж. И он увидит меня... и... — Упав на колени перед своим старым другом, девушка крепко обняла старушку. — Только не говорите ему сразу моего имени, дорогая, — стала просить она, — пусть он влюбится в меня, не зная, что я — его нареченная невеста: это только вооружило бы его против меня. Вы можете что-нибудь пробормотать ему в ответ, если он спросит мое имя, а остальное предоставьте уж мне. Поцелуйте меня, душечка!.. Элис! — вдруг воскликнула Урсула в лихорадочном возбуждении. — Прямо ли приколота моя косынка? А как волосы? — И она бросилась к висевшему на стене небольшому овальному зеркалу.

— Но что же я скажу его светлости? — простонала герцогиня, с трудом собираясь с мыслями. — Ах, дитя, дитя! Вашим безрасстройствам конца нет!

— Он идет сюда! — дрожащим голосом воскликнула Урсула, бросив взгляд в окно. — Да, это — он, и с ним лорд Эверингем. О,

как он красив! Мой будущий муж, мой, а не королевы! Мой собственный! Элис, может ли кто-нибудь быть красивее моего будущего мужа? И как гордо идет рядом с ним эта счастливая собака Гарри Плантагенет! Я непременно поцелую тебя... сначала... а потом... — Она снова подбежала к герцогине. — Через пять минут он будет здесь... Я слышу шаги! Пресвятая Дева, как сильно бьется мое сердце!

Послышался осторожный стук в дверь; волнение помешало присутствовавшим в комнате женщинам что-нибудь ответить, но через минуту дверь открылась, пропустив пажа в пышной ливрее, придуманной самим Генрихом VIII. Войдя, он низко поклонился всем и произнес, обращаясь к герцогине Линкольн:

— Ее величество королева желает, чтобы ваша светлость и фрейлины немедленно пожаловали в часовню.

В комнате воцарилось мертвое молчание. Снова отвесив церемонный поклон, как того требовал этикет, паж отступил к двери и, отворив ее, почтительно ожидал, чтобы дамы вышли из комнаты.

— Леди! — громко произнесла герцогиня, поднимаясь с места.

— Дорогая, подождите лишь одну минутку! — стала просить Урсула. — Только одну коротенькую минуточку!

Но, когда дело касалось приказаний ее величества, герцогиня Линкольн оказывалась неумолимой.

— Леди! — снова обратилась она к фрейлинам.

Элис и Барбара, хотя и огорченные неудачей, все-таки готовы были повиноваться; только Урсула стремительно подбежала к окну и воскликнула:

— Я вижу, как они идут уже через большую приемную. О, зачем они идут так медленно?

— Идите вперед, — обратилась герцогиня к пажу, — мы следуем за вами.

Элис и Барбара направились к двери, но Урсула все еще упрямо стояла у окна.

— Леди Урсула Глинд, — строго произнесла герцогиня, — если вы не исполните немедленно повеления ее величества, вас сегодня же вычеркнут из числа фрейлин.

Урсула принуждена была повиноваться и, возмущенная, с негодованием, уходила в противоположную сторону в ту минуту, как герцог Уэссекский медленно направлялся к комнате, где его с таким нетерпением ожидали.

VIII

На пороге той комнаты, где только что раздавался веселый девичий смех, герцога Уэссекского и его друга встретил паж и передал ему извинения ее светлости герцогини Линкольн.

— Вот так комедия! — рассмеялся герцог, когда паж удалился.

— В чем дело, милорд? — спросил ничего не понимавший Эверингем.

— Комедия, мой друг, в которой королева, герцогиня Линкольн, вы и его преосвященство кардинал играете главные роли. Кто из вас выиграет, мне еще не известно; я знаю только, что, пока я нашептываю ее величеству приятные пустячки, чем вы лично очень довольны, кардинал выходит из себя, а герцогиня Линкольн скромно убирает мою невесту с моей дороги.

— По крайней мере, за это вы можете быть только благодарны ей, — с улыбкой заметил Эверингем.

— Благодарить за то, что другие решат за меня мою судьбу? Может быть!.. Разумеется, невежливо бежать от опасности, если она принимает образ будущей жены. Не могу себе представить, как я сказал бы женщине: «Миледи, честь обязывает меня жениться на вас, но когда-либо полюбить вас — не в моей власти». Если же леди Урсула так недоступна, — кажется, я могу считать себя свободным.

— Может быть, леди Урсула сама избегает вас.

— Конечно, сама! Бедная девушка! Как она должна ненавидеть меня! Немудрено, если она предпочтет монастырь. Только для чего так стараться разлучить нас?

Теперь молодые люди прохаживались по большой приемной, пустой в это время дня, а по вечерам оглашающейся веселым смехом.

— Я думаю, что ваша светлость ошибаетесь, — сказал Эверингем. — Другим нет причины разлучать вас с леди Урсулой. Вы лучше всех можете решить вопрос, касающийся вашей чести; но самый щепетильный человек в Англии скажет, что, если молодая девушка связана данным отцу обещанием, то вы свободны жениться, на ком захотите.

— Какая насмешка! Свободен связать себя такими цепями!

— Брак — богоугодное дело.

— Нет, скверное, придуманное попами да старыми девами, чтобы привязать женщину, которая предпочла бы свободу, к мужчине, которому она скоро надоест.

— А если эта женщина — королева?

— Отнимите у нее корону — что тогда останется, мой друг? — беззаботно возразил герцог Уэссекский. — Женщина, которую надо любить, вместо того чтобы только склонять пред нею колени, да еще женщина ревнивая.

Эверингем нахмурился. Он не любил этого легкомысленного тона, считая, что человек, на долю которого выпала величайшая честь стать супругом английской королевы, должен всю жизнь благодарить Бога за такую блестящую судьбу. То обстоятельство, что герцог Уэссекский не решался принять руку, которую Мария сама ему протягивала, казалось Эверингему чуть не святотатством.

— Неужели вы не понимаете, чего ждет от вас вся Англия? — наконец спросил он. — Кардинал и испанский посол не дают королеве покоя, а король Филипп домогается руки ее величества лишь

для того, чтобы наложить железные оковы на покорную Англию. Ваша светлость может всех нас спасти от этого. Королева любит вас и готова хоть завтра обвенчаться с вами.

— Чтобы на следующий же день послать меня на эшафот за мою неверность — действительную или воображаемую — и вступить в брак с Филиппом или с дофином?¹

— Я этому не верю.

— Друг мой, знаете, чего вы от меня хотите? Жениться — значит отказаться от всего, что делает жизнь поэтической, интересной, от мимолетных наслаждений, от очаровательных женщин, со всей их неприступностью, и взамен всего этого получить меньшую половину короны.

— Благодарность нации... — запротестовал Эверингем.

— Женщина, как бы она ни была легкомысленна, все-таки постоянное нации. А что касается благодарности... ну, милорд, лучше не будем говорить о благодарности нации!

— Это не может быть ваше последнее слово, друг мой! — серьезно настаивал Эверингем.

Разговаривая, они спустились с лестницы и дошли до ворот; тут герцог Уэссекский остановился и, положив руку на плечо друга, бросил взгляд на окружавшие их величественные здания Гемптонского дворца, выдавшие в своих стенах столько страданий и трагедий, падений, измен и ужасных смертей. Дрожь пробежала по его телу, и глубокие глаза сверкнули гордой решимостью и презрением.

— Это — мое последнее слово, — спокойно произнес он. — Я никогда не был марионеткой, годной для политических интриг. Англии принадлежит моя жизнь, но не свобода и не уважение к самому себе! Я употреблю все усилия, чтобы отговорить королеву от брака с испанским королем, но никогда не буду ни собачкой ее величества, ни орудием в руках моих друзей. — Через минуту его лицо приняло свое обычное беззаботное выражение, и он взял друга под руку, говоря: — Не отправиться ли нам теперь на террасу? Ее величество вероятно окончила свои молитвы и ожидает нас. Пойдем, Гарри!

IX

Веселое общество собралось на террасе, расположенной напротив покоев злополучного кардинала Уольсея² и красивыми уступами спускавшейся к старому саду; с нее открывался чудный вид на клумбы с последними летними цветами, на зеленые группы кустов

¹ Второй брачный проект был с наследным принцем французским (дофином) Франциском II.

² Томас Уольсей, или Вольсей (1471—1530), кардинал, архиепископ Йоркский был канцлером при Генрихе VIII и пользовался огромной властью, но умер в немилости.

сирени и тисовых деревьев, на извилистую реку и очаровательный ландшафт на противоположном берегу.

Мария Тюдор действительно окончила полуденные молитвы, которые читала, стоя на коленях пред алтарем, окруженная своими фрейлинами; несомненно, она просила у Пресвятой Девы исполнения своего заветного желания. Сегодня ей пришлось немного сократить молитвы, так как она ожидала прибытия специального посла из Рима, от его святейшества папы.

На террасе уже собрались и его преосвященство кардинал Морено, и посол его католического величества короля Испании, и представитель французского короля, герцог де Ноайль, и Шейфн, представлявший интересы императора Карла V в политической игре, в которой ставкой была рука английской королевы.

Мария Тюдор со вздохом опустилась в свое любимое кресло с прямой спинкой. К ней поспешно приблизились Ноайль и Шейфн; его преосвященство встретил ее низким поклоном, но она рассеянно слушала их речи, пока слух ее не уловил звука знакомых шагов, от которых сильно забилося ее сердце. Марии было тогда около сорока лет; она была некрасива, но, когда на террасе раздались шаги герцога Уэссекского, на ее лице появилось то счастливое выражение, от которого каждая женщина хорошеет.

— Нет, милый кардинал, — с нетерпением возразила она. — Сегодня вы все время восхваляете красоты Испании; но я уверена, — прибавила она, обращаясь к герцогу Уэссекскому, — что его светлость заступится наконец за «веселую Англию».

Герцог ленивым взглядом окинул собравшееся на террасе общество, и в его глазах промелькнула добродушная насмешка, когда он заметил озабоченное выражение на умном лице кардинала.

— Его преосвященству стоит лишь взглянуть на нашу государыню, чтобы убедиться, что Англии не приходится завидовать Испании, — сказал он, изящно склонившись над протянутой ему рукой королевы.

Мария устремила на него испытующий взор. Последний разговор с Эверингемом набросил легкую тень на его всегда веселое лицо.

— Вы чем-то озабочены, милорд? — тревожно проговорила Мария.

— Какие бы ни были у меня заботы, присутствие вашего величества рассеяло их, — любезно ответил герцог, забавляясь встревоженными лицами политических врагов.

Королева встала и сделала ему знак следовать за собою. Шейфн и Ноайль не осмелились присоединиться к ним; только кардинал Морено, видя, что королева направляется в сад, решился спросить:

— В котором часу ваше величество удостоит принять посла его святейшества?

— Тотчас по его прибытии, — коротко ответила Мария.

Умные глаза кардинала выражали смущение и тревогу, пока он следил за двумя фигурами, спускавшимися с террасы. Как настоя-

щий «князь церкви», он всюду производил сильное впечатление своим блестящим умом, привлекательными манерами и властным характером. В настоящее время он хлопотал не только о политическом союзе для своего государя, но и о возвращении схизматической Англии в лоно католической церкви, и герцог Уэссекский, как верный последователь нового вероисповедания¹, являлся во всех отношениях его соперником.

— Ну, друг мой, — обратился он к подошедшему маркизу де Суаресу, — сегодня для нас неудачный день. Взгляните на эту картину! — И тонким, украшенным кольцами пальцем кардинал указал на скрывшихся за деревьями Марию Тюдор и герцога Уэссекского. — Подумать только, что судьбы Европы зависят от того, удастся ли сорокалетней женщине поймать этого мотылька!

Дон Мигуэль де Суарес также следил, нахмурившись, за происходящей на террасе сценой и не мог не сознаться, что королева намеренно насмеялась над всем дипломатическим корпусом, оказывая явное предпочтение обществу одного Уэссекса.

— Судьба, по-видимому, против нас, ваше преосвященство, — заметил он, — так как сердце этого беспечного мотылька свободно, а сорокалетняя женщина — королева.

— Беспечного и, может быть, самолюбивого?

— О самолюбии позаботятся его друзья, — возразил дон Мигуэль, — а королева Англии — ценный приз.

— Я сейчас думал о красивой леди Урсуле Глинд, — проговорил кардинал после некоторого раздумья.

— Действительно, она очень красива, но его светлости никогда не позволяют видеть ее.

— А вдруг бы он увидел?

— Если я составил о нем верное представление, то в таком случае, при своем непостоянстве, он будет очарован леди Урсулой, ну, скажем, полчаса... может быть, несколько часов... Что же из этого?

— В полчаса всякая женщина, даже если она — королева, может почувствовать ревность и обиду, и судьбы Европы, возможно, решаться сообразно с этими чувствами.

— Значит, будущее католической части Европы зависит от встречи молодой девушки с придворным кавалером? — с нетерпением произнес дон Мигуэль.

— Судьбы целых империй зависели иногда и от более мелких событий, сын мой, — наставительно возразил кардинал. — Дипломатическое искусство в том и состоит, чтобы, не замечая действительно крупных событий, пользоваться каждой мелкой случайностью.

¹ Последователь англиканской церкви, ныне государственной церкви Великобритании, реформационной по духу и представляющей как бы середину между католической и протестантской. Англиканская церковь была санкционирована Генрихом VIII как бы в виде протеста против политики папы в деле его развода с Екатериной Арагонской.

В эту минуту до них долетели звуки не то веселой, не то грустной песни: где-то во дворе пел чистый женский голос, словно птичка в клетке, обрадовавшаяся яркому солнечному сиянию.

— Это голос леди Урсулы Глинд, — с саркастическим смехом произнес дон Мигуэль, а затем указал рукой в отдаленную часть сада, где виднелись фигуры герцога Уэссекского и королевы, медленно возвращавшихся на террасу.

Глаза кардинала загорелись особенным блеском; казалось, у него вдруг явилась какая-то новая мысль. Вынув из кармана требник, он направился в тот конец террасы, откуда слышался голос; шел он с опущенной головой, как бы совершенно погруженный в чтение латинского текста. Дон Мигуэль не последовал за своим начальником, зная, что тот желал остаться один. Кардинал скрылся за углом, где находились комнаты Уольсея, а когда снова появился, в руках у него уже не было требника. На губах его играла торжествующая улыбка, когда он вместе с маркизом наблюдал за приближавшейся к террасе парой.

— Сегодня я, кажется, не в силах развлечь вас, дорогой герцог, — с беспокойством сказала королева Мария. — Куда девалось ваше обычное веселое настроение?

— Отправилось к его преосвященству, чтобы подслушать, скоро ли удастся испанскому королю править Англией и пленить сердце нашей королевы.

— Мне кажется, вы совершенно не заботитесь о государственных делах, — грустно сказала она, — а еще менее о том, кто будет управлять сердцем вашей королевы. Хотите, я удалю испанского посла? — вдруг взволнованно шепнула она. — И его преосвященство? И всех послов?.. Хотите, милорд?

Подняв глаза, герцог Уэссекский заметил устремленный на него и королеву пронизательный взор кардинала. С минуту он колебался. Лицо его преосвященства выражало такую гордую самоуверенность, что в голове герцога Уэссекского мелькнула мысль: не уступить ли мольбам друзей и не вырвать ли английскую корону из рук этих чужестранцев, жаждущих овладеть ей? Кто знает! Если бы незначительное движение на террасе не помешало герцогу ответить, судьба Англии, может быть, сложилась бы совсем иначе. Но как раз в этот решительный момент мажордом провозгласил:

— Посол его святейшества папы ожидает ее величество в приемном зале.

— Посол его святейшества, — повторил кардинал, идя навстречу королеве, — и я буду иметь честь представить его вашему королевскому величеству.

Когда королева в сопровождении герцога Уэссекского удалилась в сад, все понемногу разошлись с террасы, теперь здесь оставались лишь две-три придворные дамы да мажордом с сопровождавшими его пажам. Дворец сразу ожил, в нем послышался шум и движение, между тем как медные трубы возвещали прибытие важного лица.

А среди всего этого хаоса звуков отчетливо слышался свежий молодой голос, напевавший грустную песенку.

Королева Мария была, видимо, раздражена: посла его святейшества нельзя было заставить ждать, а бедной женщине страстно хотелось продлить счастливое свидание с глазу на глаз с любимым человеком. Чувствуя, что кардинал следит за каждым ее движением, она смело взглянула на него и приказала мажордому и пажам следовать впереди нее в приемный зал. Между тем герцог Уэссекский внимательно прислушивался к доносившемуся пению.

— Вы пойдете с нами, милорд! — повелительно сказала Мария. — Я не могу заставить посла его святейшества ждать, а ваше присутствие мне необходимо.

Она оперлась на его руку. Он повиновался, но ему явно не хотелось уходить с террасы.

— Кажется, пение леди Урсулы очаровало его светлость, — шепнул дон Мигуэль на ухо его преосвященству.

— Это — «мелкая случайность», маркиз, — также шепотом ответил кардинал. — Могу я иметь честь следовать за вашим величеством? — громко произнес он, почтительно кланяясь королеве.

— Пожалуйста, слева от нас, ваше преосвященство, — холодно ответила Мария.

Процессия двинулась. По знаку своего начальника дон Мигуэль быстро сбежал вниз по ступеням террасы.

— Мой требник! — в замешательстве воскликнул его преосвященство. — Я забыл его на террасе. Папский нунций пожелает прочесть молитву, а я беспомощен без своей книги. Если ваше величество позволите... — он сделал вид, что собирается вернуться.

С отдаленного конца террасы все еще доносилось пение.

— Если ваше преосвященство разрешит мне, — с живостью сказал герцог Уэссекский.

— Пожалуйста, дорогой лорд, — ответил кардинал. — Если бы мы могли поменяться годами, я с радостью услужил бы вам. Ее величество простит, — решительно добавил он, видя, что королева намеревалась взглядом остановить герцога. — Ваше величество, удостоьте опереться на мою руку. Посол его святейшества ожидает вас.

Кардинал стоял перед королевой в почтительной позе. Пажи и придворные дамы уже скрылись за дверью, а герцог Уэссекский, принимая молчание королевы за согласие, быстро направился к дальнему концу террасы.

Мария была слишком горда, чтобы показать дерзкому испанцу свое неудовольствие. Она чувствовала, что попала в ловушку, и знала, что этим обязана кардиналу, цель которого была ей вполне понятна. Не проронив более ни слова, она быстро вошла во дворец.

В этот день Урсула долго и горько плакала; глубоко огорченная, она дала волю слезам, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

В своих чувствах к герцогу Уэссекскому она сама не могла разобраться. Еще ребенком она привыкла обожать изящного молодого человека, на которого ей всегда указывали, как на образец того, чем должен быть английский дворянин, и которому, кроме того, суждено было руководить ее судьбой, как будущему мужу. Умирая, граф Труро вряд ли отдавал себе отчет в том, на что обрекал свою дочь, когда заставил ее поклясться, что она или будет женой Уэссекса, или окончит дни в монастыре; но Урсуле было тогда всего тринадцать лет, и данную отцу клятву она считала священной. Не видя герцога Уэссекского несколько лет, она в воображении наделяла его всеми рыцарскими качествами, которые приписывал ему обожаемый ею отец. Несмотря на свои годы, Урсула мыслями и чувствами была совершенным ребенком. Последние семь лет она провела в замке Труро, окруженная верными слугами покойного отца, которые обожали ее, учили тому, что сами знали, и слепо повиновались ей. По происхождению она имела право занять место среди приближенных королевы и воспользовалась этим по достижении известного возраста. С тех пор ее единственным желанием было встретить человека, с которым ее связала судьба. Она не раз видела его после того, как он возвратился ко двору, но Мария Тюдор, сама добивавшаяся его любви, не допускала его до встречи с красивой девушкой, в которой инстинктивно чуяла опасную соперницу. До сих пор это было довольно легко. Его светлость, сдаваясь на убеждения друзей, что его влияние может удержать королеву от брака с иностранным государем, почти все время находился вблизи королевы, тогда как Урсула всегда оказывалась на заднем плане. Что-то внутри нее говорило ей, что если только она встретится с герцогом Уэссекским, то он охотно исполнит предсмертную волю графа Труро; она не могла не сознавать своей красоты, тем более что в этом ее постоянно убеждали зеркало и искреннее восхищение ухаживавших за нею придворных кавалеров. От ее быстрого ума не укрылись придворные интриги, тем более что Мария Тюдор не скрывала своей любви к герцогу Уэссекскому. Молодая девушка видела окружавшие ее жениха хитросплетения и досадовала, что влюбленная королева играла в них немалую роль.

Задуманный ею маленький заговор не удался, вероятно, из-за проницательности королевы, и молодая девушка чувствовала себя глубоко оскорбленной. Она начала думать, что герцог сам не желал встречи с нею, так как в противном случае сумел бы добиться свидания; может быть, ему было приятно чувствовать себя свободным от невольных уз. Только одно рыцарское отношение к памяти ее покойного отца, бывшего закадычным другом отца герцога, могло заставить герцога Уэссекского исполнить предсмертную волю

графа Труро; но гордость мешала Урсуле обратиться к его рыцарской чести; она хотела добиться его любви.

«Пресвятая Дева, сделай так, чтобы он полюбил меня ради меня самой!» — было ее всегдашней детской молитвой.

Мечтая и размышляя, Урсула спустилась в сад, напевая песенку. Все фрейлины, за исключением Урсулы и Маргарет Кобгем, должны были ожидать ее величество в приемной, и герцогиня Линкольн, угадывая, что герцог Уэссекский сопровождает королеву, предоставила молодым девушкам полную свободу. Ленивая Маргарет сослалась на головную боль и пристроилась в амбразуре окна, а Урсула, страстно любившая цветы, птиц и солнечный свет, отправилась в сад.

Вблизи террасы была разбита клумба с гвоздиками, и Урсула, набрав букет, начала машинально обрывать один за другим снежно-белые лепестки, не подозревая, как была очаровательна в белом платье на темном фоне тисовых деревьев, с белокурыми волосами, отливавшими золотом под мягкими лучами октябрьского солнца.

— Любит... страстно... мало... нисколько... любит... — говорила она, обрывая лепестки, и так углубилась в это занятие, что не слышала приближавшихся шагов.

Вдруг две сильные руки обхватили ее талию, и веселый голос закончил за нее:

— Страстно!

У молодой девушки захватило дыхание, но она не сразу обернулась, чтобы узнать, кто помешал ее гаданию; женский инстинкт подсказал ей это; кроме того, она узнала его голос. Не раздумывая о том, как все произошло, она лишь чувствовала, что он был возле нее и что ее счастье зависит от того, найдет ли он ее красивой.

Наконец она обернулась, взглянула прямо ему в лицо и с приторным испугом воскликнула:

— Ах! Герцог Уэссекский! Как вы испугали меня, милорд! Я думала, что в этой части сада никого нет... и что герцог Уэссекский у ног королевы.

Урсула была удивительно мила с разгоревшимися щеками, с блестящими глазами, оттененными длинными ресницами.

— Он у в а ш и х ног, красавица! — с искренним восхищением ответил герцог. — И пылает ревностью при мысли о том, ради кого ваши прелестные пальчики обрывали лепестки этой гвоздики.

Молодая девушка еще держала в руках наполовину ощищенный цветок, и герцог протянул к нему руку, чтобы еще раз коснуться ее нежной, бархатистой кожи.

— О, — с легким смущением произнесла Урсула, — это я гадала... о любимом брате, который теперь далеко. Я хотела знать, не забыл ли он меня.

— Это невозможно, — с убеждением произнес герцог, — даже для брата.

— Ваша светлость льстит мне.

— Правда, высказанная такой красавице, как вы, леди, всегда кажется лестью.

— Ваша светлость...

Герцогу нравилось наблюдать, как молодая девушка то краснела, то бледнела, ему нравились ее простые, естественные, не изящные движения, мягкие завитки волос возле маленького уха. Его страстная любовь ко всему красивому была вполне удовлетворена представившейся его глазам картиной. Вдобавок ко всему у девушки был замечательно нежный, музыкальный голос, в чем он только что убедился, слушая ее пение.

— Откуда вы знаете меня, красавица? — спросил он.

— Кто же не знает его светлости герцога Уэссекского? — ответила Урсула с грациозным поклоном.

— Тогда позвольте мне остаться с вами и скажите мне свое имя, очаровательная певунья.

Урсула боязливо взглянула на герцога, думая, не шутит ли он, но убедилась по всему его виду, что он, очевидно, не подозревал истины.

— Меня зовут Фанни, — спокойно сказала она.

— Фанни?

— Да. Вам не нравится это имя?

— Прежде не нравилось, — с улыбкой сказал герцог, — а теперь я обожаю его. Но скажите мне, прелестная Фанни, отчего я до сих пор никогда не видел вас?

— Ваша светлость не можете знать всех придворных дам.

— Но я знаю всех хорошеньких из них. Мне кажется, что слово «красота» было для меня пустым звуком, пока я не увидел «царицу красоты».

— Боюсь, милорд, что ваша репутация очень вредит вам.

— А какова моя репутация?

— Ваша светлость, все говорят, будто вы непостоянны, будто герцог Уэссекский немного любит многих женщин... но неизменно — ни одной.

Герцог подошел к ней, заглянул ей в глаза, после чего спросил с внезапной серьезностью, в которой сам не отдавал себе отчета:

— Позвольте ли вы мне доказать им, что они ошибаются?

— Я? — просто сказала Урсула. — Что же я должна сделать для этого?

— Все, что хотите.

— Нет, это не в моей власти; если бы даже вашу светлость запереть под замок, то и такое средство, я думаю, не вылечило бы вас от непостоянства.

— Так попробуйте запереть меня на замок, — весело предложил герцог.

— Когда вам будет угодно, — ответила молодая девушка и радостно засмеялась: герцог стоял совсем близко, и в его глазах можно было безошибочно прочесть искреннее восхищение. — А кому отдать ключ от той башни? — скромно спросила она. — Леди Урсуле Глинд?

— Нет, — ответил он. — Сперва войдите сами в башню, а затем выбросьте ключ из окна.

— А леди Урсула? — настаивала она.

Герцог, сделав нетерпеливый жест, воскликнул:

— Как жестоко все время упоминать это имя, когда мои уши настроены в тон «Фанни»!

— Значит, они неверно настроены. Говорят, что леди Урсула — ваша будущая жена.

— Но я не люблю ее... никогда не буду любить, между тем как...

— Говорят, она недурна собою.

— Для меня она некрасива, тогда как вы...

— Вы никогда не видели леди Глинд, — быстро перебила Урсула, — и даже не знаете, какого она типа.

— Догадываюсь: все Глинды рыжие, нескладные, с огромными носами...

Молодая девушка разразилась таким звонким смехом, что герцогу захотелось опять услышать его.

— У всех у них карие глаза, — весело продолжал он, — а теперь я чувствую, что не вынес бы карих глаз.

— А какие глаза были бы теперь приятнее для вашей светлости? — сдержанно спросила Урсула.

В эту минуту словно какой-то магнетический ток пробежал между ними и заставил молодую девушку невольно опустить глаза.

— Чисто голубые и притом с таким серым оттенком, что иногда они могут казаться зелеными, — нежно прошептал герцог, заглядывая в ее глаза.

От этого пылкого взора по ее телу пробежала легкая дрожь.

— У королевы глаза зеленоватые, а у леди Урсулы серые, — с натянутой веселостью произнесла она, стараясь освободиться от охватившего ее странного, блаженного чувства. — Хотите знать, кого вы больше всех любите? — прибавила она, протягивая ему гвоздику. — Обрывайте по одному лепестку.

Герцог ваял цветок и ее руку.

— По одному лепестку? — повторил он и стал целовать по очереди тоненькие пальчики молодой девушки, приговаривая: — Самый нежный... самый беленький... все розовенькие...

— Милорд!

— Вы нахмурились? Вы рассердились?

— Очень.

— Простите! Я сейчас исправлю, — смиренно сказал герцог.

— Каким образом?

— Дайте мне другую руку, и я покажу.

— Не могу: нам говорят, что наша левая рука никогда не должна знать, что делает правая.

— Да этого и не будет, — сказал герцог: — я расскажу ей совсем другое.

— А что именно?

— Дайте мне другую руку, тогда узнаете.

Солнце уже садилось, окружая голову девушки золотым ореолом; герцог Уэссекский любовался ею, чувствуя в душе приток неизведанного им до сих пор счастья. Схватив протянутую ему хорошенькую ручку, он нагнулся и поцеловал ее в розовую ладонь.

— О, милорд! — сконфуженно прошептала Урсула. — Как могло прийти вашей светлости на ум подобное безрассудство?

— Когда вы смотрите на меня, мне приходят в голову и не такие еще безрассудства.

— А женщины говорят, что самое большое безрассудство — слушать вашу светлость.

— Вы думаете — они правы?

— Как могу я это знать?

— Слушая меня в течение получаса.

— Здесь, в этом саду?

— Нет, там, на реке, — сказал герцог, указывая в ту сторону, где легкий вечерний ветерок рябил воду.

— А что скажут люди? — с притворной тревогой спросила она.

— Ничего! От зависти к моей удаче они промолчат.

— Но про вас спросит королева, а герцогиня Линкольн станет удивляться, куда я делась.

— Нас не найдут; мы за камышами отыщем лодку и поплывем одни... нас скроет темнота... Мы будем слушать чирикание птичек, летящих на покой. Хотите?

Сердце Урсулы уже дало согласие. Герцог говорил очень убедительно, а в его голосе звучали серьезные нотки. Молча пошли они рядом к берегу реки. Слова только нарушали бы очарование. Река словно манила их. Опьяняющий запах отцветающих роз наполнял воздух, а с противоположного берега уже неслась дивная замирающая песнь лесных птичек.

XI

Посол его святейшества только что откланялся, и Мария Тюдор отпустила своих дам, желая поговорить с кардиналом Морено наедине. Во время аудиенции папского нунция его преосвященство мог наблюдать, как все более хмурилось чело королевы. Его светлость герцог Уэссекский уже полчаса тому назад отправился на поиски кардинальского требника и до сих пор не возвратился. Посланные за ним пажи нигде не нашли его. Кто-то видел, что он направлялся к реке в обществе молодой леди в белом. Тогда разразилась буря. Отпустив свой штат, королева с гневом, присущим Тюдорам, обрушилась на его преосвященство.

— Милорд кардинал, — дрожащим голосом сказала она, — тревожась об интересах своего государя, вы пошли ложным путем.

— Кажется, я вызвал неудовольствие вашего величества? — мягко сказал кардинал, никогда не покидавший спокойного, глубоко почтительного тона. — Совершенно невольно, уверяю вас.

Но королева не расположена была к вежливости по отношению к человеку, сыгравшему с нею такую неприятную шутку.

— Долой маски, ваше преосвященство! — сказала она. — Этой проделкой с требником... мы обязаны вам. Вы можете гордиться тем, что так легко провели Марию Тюдор.

Хотя она дрожала от гнева, но, казалось, с трудом удерживалась от слез. На обычно спокойном лице кардинала даже появилась жалость, но он никогда не позволял чувствам управлять собою.

— С моим требником? — спокойно спросил кардинал. — Я теряюсь в догадках... Ах, вспоминаю, я оставил его на балюстраде, а его светлость герцог Уэссекский, образец рыцарства, предложил сходить за ним и...

— Хитрый план, милорд, — с нетерпением перебила королева, — послать герцога Уэссекского ухаживать за моей фрейлиной.

— Герцога Уэссекского? — с хорошо разыгранным удивлением повторил кардинал. — Мне кажется, я только что видел издали, как он подтверждал обещания, некогда данные им леди Урсуле Глинд.

— Прошу вас не повторять этой глупой сказки. Этого брака желал граф Труро, а герцог почти забыл о нем, пока ваше преосвященство не вмешались в дело.

— Ваше величество крайне несправедливы ко мне. Какое отношение имеют любовные дела герцога Уэссекского к послу его католического величества короля Испании?

— Конечно, было бы разумнее, — холодно заметила Мария, — если бы посол испанского короля не хлопотал о том, чтобы возбуждать гнев английской королевы.

Кардинал по-прежнему любезно улыбался. За всю свою долгую карьеру ему не раз приходилось подвергаться гневу монархов, и в душе он относился с полным презрением к взрывам негодования этих марионеток, игравших роль в его политических планах. Мария Тюдор, решение которой зависело от ее любви или ненависти, в руках этого гордого князя церкви была только одной из шахматных фигур в общеевропейской игре.

— Нет, — мягко сказал он, — мое единственное желание возбудить в сердце английской королевы любовь к моему повелителю. Он молод и красив, безукоризненный джентльмен, которого никто не может привлечь после того, как вы удостоили разрешить ему поклонить колени у ваших ног.

— Вы так говорите, милорд, как будто уверены в моем ответе. Но я еще не дала его, — произнесла Мария со все возрастающим гневом, — и если ваша хитрость удастся и герцог Уэссекский женится на Урсуле, то я тотчас отошлю ответ вашему государю, и это будет: «Нет!».

На лице кардинала выразилось изумление перед неожиданной вспышкой женской ревности, но оно тотчас же сменилось насмешливым выражением.

— Как лишний трофей для тщеславия его светлости! — резко сказал кардинал.

— Нет, просто как отплату за ваше вмешательство. Обратите на это внимание, милорд кардинал. Клубок запутан вашей рукой. Позаботьтесь о том, чтобы его распутать; в противном случае и вы, и испанский посол завтра же покинете мой двор.

Коротким кивком головы королева дала понять, что аудиенция закончена. Проницательность кардинала подсказала ему, что в настоящую минут слова излишни. Может быть, в первый раз в жизни он позволил своему нетерпению взять верх над сдержанностью, для дипломата это была непростительная ошибка. Он строго порицал себя за попытку ускорить решение судьбы. Время и прихотливый нрав герцога так же отдалили бы его от королевы, как эта неожиданная встреча с красивой леди Урсулой.

До ужина оставался еще целый час, и кардинал мог рассчитывать, что в это время королева вряд ли пожелает его присутствия. Чувствуя потребность в одиночестве, он направился на террасу. В быстро сгущавшихся сумерках сад имел поэтический вид. Острые глаза кардинала искали между деревьями силуэты двух людей, которых его дипломатия свела вместе, а теперь должна была снова разъединить.

Спустившись с террасы, он тихо направился к пруду, возле которого за час до того можно было наблюдать идиллию. Ничто здесь не напоминало присутствия молодых людей, кроме гвоздик, усыпавших землю белоснежными лепестками.

«О, женщина, женщина! — вздыхал кардинал, оглядываясь на изящные очертания дворца. — Как изменчивы твои настроения! Как бедна твоя логика! Действительно клубок запутан, и надо распутать его. Если герцог Уэссекский женится на леди Урсуле, королева пошлет Филиппу отказ и на зло мне выйдет за дофина или будет водить за нос Ноайля и Шейфна, а под шумок постарается завоевать сердце ветреного герцога. А если он не женится на леди Урсуле, что тогда? Одержат ли верх его друзья? Я думаю, что он упрям, и двусмысленное положение не короля, а супруга королевы едва ли удовлетворит его. А если мне не удастся разъединить этих молодых людей, Мария Тюдор завтра же отправит и меня, и испанского посла обратно к Филиппу».

Рассуждая таким образом, кардинал продолжал двигаться к низкой стене, отделявшей дворцовые сады от берега реки. Он любил это место потому, что сюда редко кто заходил, и его преосвященство мог здесь сбросить маску невозмутимого спокойствия, которую ему приходилось носить целый день, каково бы ни было его настроение. Поэтому он очень удивился, заметив чью-то фигуру, прислонившуюся к ограде. Подойдя ближе, он узнал лорда Эверингема, ближайшего друга герцога Уэссекского. Молодой человек не слышал шагов кардинала и вздрогнул, когда его назвали по имени.

— А, милорд Эверингем, — приветливо произнес кардинал, — я вовсе не думал найти вас здесь беседующим с природой.

В темноте глаза его преосвященства не могли разглядеть лицо Эверингема, но опытный дипломат и так догадался о причине уединенной прогулки молодого человека по берегу реки. Герцог еще не вернулся во дворец, и всем было известно, что ее величество по этому поводу выходит из себя. Хитрость кардинала была предметом всех разговоров. Толковали и о том, что герцога видели в обществе самой красивой из фрейлин королевы.

«Друзья герцога, должно быть, как на иголках, — думал кардинал, — они так боялись этой встречи».

Было понятно, почему Эверингем беспокоился о том, вернется ли герцог, прежде чем ревность королевы подтолкнет ее на внезапное мщение; но молодой англичанин вовсе не желал обнаруживать свою тревогу перед торжествующим врагом.

— Как и ваше преосвященство, меня привлек сюда прекрасный вечер, — сказал он.

— Это мне очень кстати, — любезно сказал кардинал, — я только что думал, как бы мне устроить с вами свидание. Ведь вы — ближайший друг герцога Уэссекского?

— Я действительно имею честь быть его другом, — холодно сказал Эверингем, — но не понимаю...

— Почему это касается меня? — мягко перебил кардинал. — Если позволите, я объясню. Не пройти ли нам по этой дорожке? Благодарю вас, — прибавил он, когда Эверингем повернул вслед за ним. — Если не ошибаюсь, милорд, вы в скором времени покидаете Гемптон-коурт?

— Только на несколько недель, — ответил Эверингем. — Ее величество дала мне поручение к королеве-регентше Шотландии. Сегодня вечером я выезжаю.

— А, значит, я попал как раз вовремя, чтобы исправить то, что так свойственно людям, а именно одну ошибку.

— Неужели? — не без сарказма удивился Эверингем. — Ваше преосвященство делает их замечательно мало.

— На этот раз это — не моя ошибка, милорд; мне кажется, что вы смотрите на меня как на врага.

— О, ваше преосвященство! — запротестовал молодой человек.

— Ну, если хотите, как на соперника. Сознаться, что вы думали и теперь еще думаете, будто я составил план привести герцога Уэссекского к ногам его нареченной невесты, леди Урсулы Глинд.

— План, который ваше преосвященство очень успешно выполнили, — с горечью заметил Эверингем.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, милорд. Верьте мне, что мое единственное желание в настоящую минуту — поставить непреодолимую преграду между его светлостью и этой красавицей. Вас это удивляет?

— Признаюсь, я поражен.

— Дипломатия полна сюрпризов. Но вы довольны?

— Я боюсь поверить, ваше преосвященство, — осторожно ответил Эверингем. — Всем известно, как горячо я желаю видеть королеву Марию за герцогом Уэссекским; но с той минуты, как он встретил леди Урсулу, я жду, что он объявит о своем желании исполнить последнюю волю ее отца.

— Вы считаете, что против нее нельзя устоять?

— Я думаю, что в глубине души герцог всегда считал себя до некоторой степени связанным с леди Урсулой.

— Прибавьте, милорд, что ее красота и грация неизбежно должны утвердить его в этом мнении.

— И что ваше преосвященство по этой причине будете торжествовать.

— Теперь вы и ваши друзья приложите все усилия, чтобы избежать этого.

— Наше поражение обеспечивает вашу победу, — со вздохом проговорил Эверингем.

— А если бы я предложил помочь вам и вашим друзьям разлучить герцога с леди Урсулой? Вы приняли бы мою помощь?

— Ваше преосвященство... — прошептал Эверингем, — не знаю, что сказать.

— Вы, конечно, пожелаете посоветоваться со своими друзьями, — спокойно продолжал кардинал. — Хотя мы с вами — политические противники, это не мешает нам в частной жизни уважать друг друга. Вы согласны со мною, милорд?

— Разумеется.

— Так отчего же вам не принять от меня помощь, раз в данную минуту у нас одна и та же цель?

— Я этого не могу сделать, ваше преосвященство, так как в моем распоряжении всего несколько часов; затем я еду в Шотландию.

— Маленькая удача и немного такта, милорд, могут много сделать и в несколько часов.

— Но я все-таки не понимаю, почему ваше преосвященство может быть заодно со мною и моими друзьями.

— Из ваших слов, милорд, я понял, то вы и ваши друзья подозреваете, будто эту нежеланную встречу герцога с леди Урсулой устроил я, не так ли?

— Ну, положим... — нерешительно начал Эверингем.

— Не отрицайте этого. Допустим, что так и было. Как вы думаете, королева Мария может иметь такие же подозрения?

— Весьма вероятно.

— И тогда, следовательно, весь ее гнев обрушится на мою ни в чем не повинную голову. Рассерженная женщина на все способна, милорд. Положение мое при дворе сделалось бы невыносимо, и моя миссия потерпела бы поражение. Предположим, что своим старанием разлучить герцога с леди Урсулой я захотел бы доказать ее величеству свою непричастность к их случайной встрече.

— Я начинаю понимать, — сказал Эверингем, все еще смутно подозревая у кардинала какую-то заднюю мысль, — но...

— Если этот разрыв произойдет, все останется, как было до сих пор, — неудачно и для вас, и для меня. Поэтому отчего бы нам не быть до тех пор если не друзьями, то... хоть союзниками?

— А затем снова открыть враждебные действия, ваше преосвященство?

— Вне всякого сомнения.

— Ведь если герцог перестанет думать о леди Урсуле, я и моя партия будет всей душой стараться о его браке с королевой.

— А я стану добиваться ее руки для короля Испании, до тех же пор...

— Вооруженное перемирие, ваше преосвященство!

— И вы принимаете мою помощь? Увидите, что она будет вам настолько полезна, как вы и не ожидаете, — сказал кардинал с едва заметной саркастической улыбкой.

Лорд Эверингем был немало смущен. Кардиналу явно хотелось получить от него определенное обещание, тогда как молодой человек предпочел бы открытую вражду, как было до сих пор. Кроме того, он, конечно, очень желал посоветоваться с друзьями.

Случай вывел его из затруднения. Лорд уже готов был ответить, как вдруг в темноте раздался грубый голос: «Кто идет?» — и в ту же минуту на лицо кардинала был направлен яркий свет фонаря.

— Кого ты ищешь, мой друг? — спросил кардинал.

При виде всем знакомой пурпурной одежды сторож рассыпался в извинениях.

— Исполняй свой долг, друг мой, — сказал кардинал, вменявший себе в обязанность ласково говорить даже с последним слугой. — Но разве здесь есть воров? Для такой встречи ты кажешься мне недостаточно сильным, да к тому же и плохо вооружен.

— Прошу прощения, ваше преосвященство, — возразил сторож, — по приказанию ее светлости герцогини Линкольн я ищу женщину.

— Вот как? — произнес заинтересованный кардинал.

— Может быть, это — какая-нибудь воровка или бродяга, ваше преосвященство.

— Может быть. Тогда ступай своей дорогой, — мы не будем тебе мешать. — Его преосвященство глубоко задумался, а затем спросил у Эверингема, также погруженного в раздумье: — Знаете ли вы что-нибудь об этом, милорд?

— Я кое-что подозреваю, — медленно ответил тот. — Ходит слух — разумеется, это пустая сплетня! — будто одна из фрейлин королевы, переодетая, по вечерам устраивает разные проказы.

— В самом деле? Вы не знаете, кто эта леди?

— Даже не догадываюсь. Все молоденькие фрейлины готовы на всякие шалости, и такое переодевание, разумеется, самого наивного свойства, но ее величество очень строго относится к вопросам приличия.

— Значит, герцогиня Линкольн, как неусыпный дракон, хочет захватить прелестную злодейку *in flagrante delicto*¹, да? — продолжал кардинал, машинально поворачивая на ту дорожку, по которой удалился ночной сторож.

Кардинал никогда не мог отделаться от веры в судьбу, и в настоящую минуту ему казалось, что невероятная история о проказах молодых девушек окажет несомненное влияние на его планы. Словно в ответ на его мысли, до слуха его донесся испуганный женский крик, сопровождаемый ругательствами ночного сторожа.

— Что это? — невольно спросил Эверингем.

— Кажется, леди, захваченная *in flagrante delicto*, — спокойно отозвался кардинал.

Оба быстро направились в ту сторону, откуда слышался крик, и вскоре различили в темноте фигуру ночного сторожа, по-видимому, боровшегося с женщиной, голова и плечи которой были укутаны покрывалом. В нескольких шагах от них валялся брошенный фонарь.

— Не все ли тебе равно, что я здесь делаю? — задыхаясь, говорила женщина, стараясь освободиться от крепко державших ее рук. — Отпусти меня, слышишь?

Потеряв равновесие, она упала на колени, и сторожу удалось скрутить ей руки назад.

— Дай сперва ответ герцогине Линкольн, моя милая! — ответил он, связывая ей руки.

— Да мне от нее ничего не надо! — бормотала девушка. — Отпусти! Ты не имеешь права связывать меня.

— Ладно, ладно! Я тебя не трону, если ты успокоишься.

Сторож помог ей подняться на ноги, собираясь вести ее во дворец. Покрывало упало у нее с головы, и кардинал с Эверингемом, молча наблюдавшие за этой сценой, увидели красивое женское лицо, обрамленное золотистыми волосами.

— Отпусти же меня! — упрямо твердила девушка. — У меня важное дело.

— Важное дело? А к кому, моя милая?

— К герцогу Уэссекскому, — сказала она, немного поколебавшись. — Ну, а теперь ты отпустишь меня?

— О-хо-хо! — громко расхохотался сторож. — Мало ли молодых девушек, у которых есть дело к его светлости! Только ты сперва пойдешь к герцогине Линкольн.

— Друг мой, — раздался мягкий голос кардинала, — если это дитя действительно имеет дело к герцогу Уэссекскому, то его светлость, я думаю, предпочтет, чтобы ты держал язык за зубами. Вы желаете говорить с герцогом, дитя? — продолжал он тем добродушным тоном, который всем внушал безграничное доверие к нему. — Вы его знаете?

Пораженный этим вмешательством сторож молчал, а девушка смело обратилась к новому собеседнику.

¹ На месте преступления (*лат.*).

— Что вам за дело до этого? — подозрительно спросила она.

— Я думал, что вы будете рады получить помощь, — ласково произнес кардинал.

— Ваше преосвященство... — пробормотал сторож, начиная приходить в себя.

— Молчи! — приказал кардинал. — Я желаю поговорить с этой молодой особой наедине.

Почтенному блюстителю порядка пришлось удалиться, так как не могло быть и речи о том, чтобы спорить с кардиналом Морено.

— Не бойтесь ничего, дитя! — ласково сказал кардинал. — Вы желаете говорить с герцогом Уэссекским?

— А вы отведете меня к нему? — спросила она.

— Может быть, — ответил он.

В девушке, видимо, происходила сильная борьба. Ее грудь судорожно поднималась, плечи вздрагивали; она быстро и лихорадочно дышала.

— Я сторожила его в саду в сумерки, — наконец прошептала она. — Днем я не смела подойти к нему... Он спас мне жизнь... Я умею читать по звездам... Ему грозит большая опасность... Я должна предостеречь его, должна видеть его... непременно.

— И вы увидите его, дитя! — ласково проговорил кардинал, положив ей на голову белую надушенную руку, украшенную кольцами. — Его светлость спас вам жизнь, говорите вы? И вы за это благодарны ему. Может быть, даже очень любите его?

— Что вам за дело? — дерзко спросила девушка.

Лорд Эверингем хотел вмешаться в этот странный допрос, возмущавший его честность. Кто знает, может быть, тут крылась какая-нибудь любовная история, и сердце Эверингема сжалось при мысли, что враги герцога Уэссекского могли узнать тайну, которую он скрывал даже от своих друзей. Но вместе с тем девушка, видимо, готова была поверить кардиналу.

— Вы отведете меня к нему? — упрямо повторила она. — Сейчас же?

— Сейчас нельзя, — прежним ласковым, покровительственным тоном произнес кардинал. — Его светлость у королевы; вы, конечно, понимаете, что вас нельзя тотчас провести к нему. Вы мне верите? Обещаю, что вы увидите его.

— Ну, мне все равно, кому верить, — ответила она. — Только если вы не отведете меня к нему, я сама найду дорогу.

— Какая самостоятельность! Но если я берусь помочь вам, дитя, то мне надо по крайней мере знать, кто вы.

— Меня зовут Мирраб.

При звуке этого имени Эверингем вздрогнул. В голове его быстро пронеслось воспоминание, связанное с истмольсейской ярмаркой, но оно неясно сохранилось в его памяти. Под влиянием какого-то смешанного чувства стыда и любопытства он нагнулся, поднял с земли брошенный сторожем фонарь и поднес его к лицу девушки. Тогда он мгновенно вспомнил все: перед ним была пред-

сказательница Мирраб, которую прихотливая природа наделила такими же золотистыми волосами, такими же тонкими чертами и чудными глазами, как и красивейшую из фрейлин Марии Тюдор. На девушке было платье из грубой шерстяной материи с открытой шеей и короткими рукавами; грубая форма рук выдавала происхождение девушки, и сходство с леди Урсолой ограничивалось чертами лица и цветом волос.

Теперь хитрый, беззастенчивый испанец и честный, простодушный англичанин стремились к одной и той же цели; но, пока Эверингем придумывал, как воспользоваться необычайным сходством двух девушек, в голове кардинала уже созрел целый план. Снова набросив на голову Мирраб упавшее во время борьбы покрывало, он развязал ей руки. Она беспрекословно подчинялась ему, словно зачарованная прикосновением его нежных бархатных рук. Во все это время кардинал и лорд Эверингем не обменялись ни единым словом, будто действовали по взаимному согласию.

Подняв с земли фонарь, Эверингем пошел разыскивать сторожа, чтобы освободить его от дальнейших обязанностей и велеть ему молчать о случившемся. Блюстителя порядка смущало то обстоятельство, что испанский кардинал принял такое участие в бродяжке, оказавшейся в королевском саду; но несколько серебряных монет, полученных им от благородного лорда, скоро успокоили его тревогу. Он равнодушно закончил обход, радуясь, что не надо больше караулить воров в парке.

Когда Эверингем вернулся к тому месту, где только что оставил его преосвященство и Мирраб, он уже никого там не нашел.

XII

В этот вечер за пышным королевским ужином было очень невесело. Как это часто бывало, королева не промолвила ни слова, кардинал Морено казался озабоченным, а герцог Уэссекский был удивительно молчалив. Тотчас по окончании ужина ее величество удалилась в сопровождении приближенных дам.

Блестящее общество разбилось на небольшие кружки. Вокруг графа Пемброка, уезжавшего в тот же вечер в Шотландию, собрались его друзья, чтобы пожелать ему счастливого пути. В глубокой амбразуре окна герцог Уэссекский был занят серьезным разговором с лордом Уинчестером и сэром Вильямом Друри, а за длинным столом несколько молодых кавалеров увлеклись какой-то азартной игрой.

Вскоре примеру ее величества последовали иностранные послы, чувствовавшие себя особенно неуютно среди враждебно настроенного к ним общества. Первыми удалились кардинал Морено и маркиз де Суарес, занимавшие ряд великолепных комнат, в которых жил злополучный Уольсей. Самые роскошные покои, выстроенные Генрихом VIII для самого себя, были предоставлены герцогу Уэссекскому и его многочисленной свите. Между его половиной и комнатами

испанских послов находился красивый аудиенц-зал, где королева и избраннейшие из ее гостей принимали почетных посетителей.

Здесь взволнованный, недовольный собою Эверингем после ужина отыскал кардинала Морено, прося переговорить с ним. Его преосвященство принял лорда с приветливой улыбкой на губах, но в его глазах выражался краткий упрек.

— Ну, милорд, — начал он, как только слуги удалились, — природа не создала вас дипломатом: разве свидание со мною вечером было необходимо?

— Я не мог успокоиться, — быстро проговорил Эверингем, — пока...

— Пока вы не показали всему двору и, в частности, герцогу Уэссекскому, что у вас есть какое-то секретное соглашение с его политическим соперником, испанским послом, — сухо докончил кардинал.

— Простое свидание.

— Удостоили ли меня раньше хоть один раз своим посещением вы, милорд, или кто-нибудь из ваших друзей?

— Кажется, нет. Да ведь я только прошу самого короткого *tete-a-tete*¹. Я должен знать, что вы намерены делать, — горячо сказал Эверингем.

Кардинал бросил на него взгляд, в котором жалость смешивалась с презрением. Казалось, он готов был произнести какую-то резкость, но сдержался и только пожал плечами.

— Говорят, вы — искусный игрок в шахматы, милорд? — уже спокойным тоном произнес он. — Сделайте мне честь сыграть со мною одну партию.

— В такой поздний час! Я не имею времени, так как уезжаю в Шотландию.

— Однако поздний час не помешал вам искать свидания с политическим противником.

— Но ведь никто не узнал бы, — нерешительно проговорил смущенный Эверингем.

— Теперь уже все во дворце знают об этом. Верьте, милорд, что партия в шахматы — лучший предлог.

— Сперва скажите мне...

— Я ничего не скажу, пока мы не сядем за шахматы, — возразил кардинал, берясь за колокольчик. — Разве я не говорил тебе, негодяй, — обратился он в вошедшему слуге, — что милорд Эверингем любезно согласился перед своим отъездом дать мне отыграть в шахматы? Почему ты ничего не приготовил?

— Почтительнейше прошу прощения, ваше преосвященство, — произнес смущенный слуга, — я не понял...

— Не понял! — добродушно сказал кардинал. — Малый оспаривает мое знание английского языка! Ну, давай скорей шахматы! У его милости только час свободного времени.

¹ Свидания (фр.)

Эверингем с нетерпением следил за приготовлениями к игре, которую считал совершенно излишней, но, не доверяя собственному суждению, подчинился кардиналу. Наконец игроки уселись за шахматы, однако слуги еще оставались в комнате. Кардинал казался погруженным в игру и делал это потому, что Эверингем славился как превосходный шахматист.

— Шах королю, милорд! — воскликнул наконец молодой англичанин.

— Вот я и защитился, милорд, — сказал кардинал, передвигая одну из фигур. — При помощи пешки мой план обеспечен, а вашему коню грозит большая опасность.

— Не серьезная, ваше преосвященство, и я повторяю: «Шах королю!»

В эту минуту слуги удалились, бесшумно затворив за собою двери.

— Вижу, что надо действовать смелей, — задумчиво произнес кардинал. — Заметьте, сын мой, как природа сыграла нам на руку: мы оба горячо желали разлучить герцога Уэссекского с его нареченной невестой; два часа назад это казалось совершенно невозможным, а теперь же судьба послала нам глупую девушку низкого происхождения, может быть, порочную, являющуюся двойником добродетельной леди Урсулы, и...

— Шах! — сухо сказал Эверингем, передвигая слона.

— Нет, нет, мы пустим в дело только маленькую пешку, — с обычным добродушием сказал кардинал, — и посмотрите, как все улаживается.

— Вот это я и желал бы знать. Где Мирраб?

— В комнате маркиза де Суареса, где переодевается в роскошный наряд, который мой верный Паскуале достал у своей приятельницы, придворной дамы ее величества: богатое белое платье, причудливые украшения на голову; благодаря этому сходство Мирраб с леди Урсулой станет еще поразительнее. Ваш ход, милорд! Прошу вас не терять нити этой интересной игры.

— Легко запутаться в лабиринте вашей дипломатии, — тревожно произнес Эверингем. — Что вы предполагаете делать дальше?

Его преосвященство с минуту подумал, словно занятый стратегическими соображениями, затем, передвинув королеву через всю доску, продолжал:

— Что я думаю делать, милорд? А вот что: при помощи дипломатии, которую вы, англичане, так презираете, устроить, чтобы герцог увидел леди, которую он, конечно, примет за леди Урсулу, в компрометирующем ее положении; вследствие этого начавшаяся сегодня любовная идиллия сегодня же вечером и закончится.

— Я не допущу, чтобы репутация честной женщины была запятнана из-за низкого обмана, — с жаром вступился Эверингем.

— Скажите, милорд, что вы называете низким обманом: умение враждебного вам дипломата пользоваться любыми средствами для

достижения намеченных целей, которые он считает великими и справедливыми? Или это — дело рук задушевного друга, стремящегося к той же цели? Нет, нет, дорогой милорд, помните, что я не думаю осуждать вас. Ваши цели и стремления так же бескорыстны, как мои собственные. Я не прошу вас помочь мне и охотно избавил бы вас от посвящения в тайны моей дипломатии. Отчего вы боитесь за леди Урсулу? Неужели для вас репутация важнее успеха вашего плана? Вашего и всей вашей партии, — не забывайте этого!

— Ну что ж, я с вами, милорд, — со вздохом ответил Эверингем. — Вся Англия разделяет наше горячее желание видеть герцога Уэссекского супругом королевы. Но здесь я становлюсь в тупик пред вашей дипломатией. Если герцог отвернется от леди Урсулы, его сердце, я надеюсь, обратится к королеве, которая страстно любит его, и... Шах!

— Ах, как вы прижимаете меня! — сказал кардинал, внимательно изучая положение фигур. — Что касается меня, то я, как видите, совсем бесцельно двигаю свои пешки. В настоящую минуту я хочу только разлучить герцога с леди Урсулой, а там увидим.

Эверингем молчал. В его душе верность другу боролась с любовью к родине и тревогой за ее благополучие. Хотя его ужасала мысль встретиться сейчас лицом к лицу с герцогом Уэссекским, тем не менее он не хотел бы ничего изменить, чувствуя, что перед такой высокой ставкой, как брак герцога с Марией Тюдор, и временная измена другу, и репутация ни в чем не повинной женщины теряли свое значение. Даже мучившие его угрызения совести и чувство стыда лишь укрепляли его в принятом решении, так как он считал, что этими страданиями заслужит чуть ли не мученический венец.

Его пресвященство, без сомнения, знал, что происходит в сердце молодого лорда. При его знании человеческих слабостей ему легко было читать в кристально чистой душе противника.

Игра продолжалась молча.

— Я уезжаю с тяжелым сердцем, чувствуя, что участвую в предательстве, — с глубоким вздохом произнес Эверингем, выражая этим свое душевное состояние.

Кардинал с состраданием взглянул на него. В душе он был рад, что этот взбалмошный англичанин вечером исчезнет с его дороги. Если бы он мог предвидеть такое благоприятное для него вмешательство судьбы, то, конечно, не открыл бы своих карт столь неудобному союзнику. Судьба немного поздно явилась на помощь, когда кардинал уже заключил соглашение, от которого теперь опасно было отказываться; поэтому кардинал употребил все усилия, чтобы скрыть нетерпение, с каким ожидал окончания игры, и с облегчением вздохнул, когда в комнату вошел маркиз де Суарес.

— Вы пожаловали как нельзя более кстати, дорогой маркиз, — обратился к нему кардинал. — Помогите мне, пожалуйста, убедить лорда, что мы не замыслиаем никакого предательства против герцога Уэссекского.

По губам маркиза пробежала самодовольная улыбка.

— Какое предательство? — весело спросил он.

Но Эверингем, узнав все, что хотел, спешил удалиться, предоставив событиям идти своим чередом. Теперь ему страстно хотелось оскорбить этих ненавистных ему заговорщиков или бросить им в лицо свое презрение.

— Шах и мат, милорд кардинал, — сухо сказал он, воспользовавшись рассеянностью противника, и встал, чтобы откланяться.

Он был уже в дорожном костюме, в сапогах со шпорами и только на время игры отцепил меч. Пока он снова застегивал португую, к нему приблизился дон Мигуэль.

— Умоляю вас, милорд, не говорить ни о каком предательстве, — серьезно сказал он. — Поверьте, в этом деле ваша совесть оказывается чересчур чувствительной. В конце концов, что предлагает его преосвященство? Чтобы в течение самого короткого времени герцог Уэссекский, на основании свидетельства собственных своих глаз, думал, что леди Урсула Глинд не вполне достойна сделаться герцогиней Уэссекской. Мирраб сыграет свою роль не подозревая о ней, значит — в совершенстве. Свидетелем предполагаемой нами сцены будет один только герцог; неужели вы думаете, что он станет сильно страдать от разочарования? Вы, конечно, не думаете, что он в течение часа мог серьезно влюбиться в леди Урсулу. Его самолюбие немножко пострадает, но это скоро пройдет.

— Герцог никогда не разойдется с другом из-за женщины, — успокоительным тоном добавил кардинал.

— Подобно пчеле, его светлость интересуется цветком лишь до тех пор, пока его привлекает сладкий запах, — продолжал маркиз. — Если он сочтет леди Урсулу фальшивой, то обратиться к другой красавице с улыбкой снисхождения к женскому непостоянству.

Все это было очень правдоподобно, да и лорду Эверингему самому хотелось верить, что он никоим образом не повредит своему другу. Впрочем, оставалось еще одно сомнение.

— Во всей этой истории есть одно лицо, маркиз, о котором вы и его преосвященство вовсе не заботитесь; это — леди Урсула Глинд. В Англии репутацию девушки считают священной.

— Почему же ее репутация может пострадать? Кто станет рассказывать об этом? Вы? Никогда не поверю! Герцог Уэссекский? Конечно, нет. Для успокоения вашей не в меру чуткой совести напомню вам, милорд, что вы не обязаны соблюдать тайну. Если по возвращении из Шотландии вы найдете, что репутация леди Урсулы хоть сколько-нибудь пострадала из-за нас, вы свободны обличить виновных. Не так ли, ваше преосвященство?

— Совершенно верно, сын мой, — подтвердил кардинал.

— Теперь у меня легче на душе, — сказал Эверингем. — Я готов согласиться, что вы оба правы, но я имею честь называть его светлость своим другом и охотно остался бы здесь еще на сутки, чтобы убедиться, что ему от этой затеи не будет вреда.

С тяжелым вздохом он накинул плащ и простился с испанцами. Проводив его до самой двери, дон Мигуэль вернулся к кардиналу.

— Ну, это самые бесполезные полчаса, какие я когда-либо проводил в жизни, — начал его преосвященство на своем родном языке. — Эти англичане просто невозможны со своими угрызениями совести, с понятиями о дружбе, с вечными предрассудками. Каррамба! Что было бы с Европой, если бы везде приходилось наталкиваться на такие глупости!

— Какое счастье, что этот дуралей сегодня отправляется в холодную Шотландию! — со смехом воскликнул дон Мигуэль.

— Случай, сын мой, — послушный раб, которым надо пользоваться, пока он нам благоприятствует. А теперь я пойду в часовню и буду читать требник, пока ее величество не позовет меня для вечерней молитвы. Она из любопытства не откажется сегодня от моих услуг, хотя за ужином выказывала мне большую холодность. Но вам предстоит много дела, сын мой. Вы должны как можно скорей отыскать герцога для подготовленного нами свидания. Постарайтесь быть веселым и естественным. Дону Мигуэлю де Суаресу нетрудно будет играть роль молодого повесы. Я тем временем стану поджидать благоприятной для меня минуты и проведу репетицию нашей маленькой драматической сценки, в то время как герцог удалится в свои покои. Не нужно большого освещения; только открытое окно и луна, если она будет нам благоприятствовать. Достаточно одного быстрого взгляда на девушку. Постараюсь, чтобы этот взгляд имел решающее значение. Ваш разговор с герцогом подготовит почву. Я добьюсь своей цели. Может быть, лишь с помощью случая, но добьюсь. Верю, что случай поможет мне.

Теперь кардинал говорил уже не своим обычным, до приторности мягким тоном: это был резкий, неприятный голос, звучавший почти жестко в своей холодной монотонности.

— Что теперь делает девушка? — уже более спокойным тоном спросил он после короткого молчания.

— Любуется на себя в зеркале, — весело ответил дон Мигуэль, — и все твердит, что еще до зари увидится с герцогом. Много болтает о звездах и об опасности, угрожающей ее дорогому лорду. Ха-ха-ха! — И маркиз разразился хриплым смехом, а глаза его загорелись ненавистью.

— Она говорит разумно? — осведомился его преосвященство.

— Нет, — ответил дон Мигуэль. — Сначала она говорила разумно, но три полных стакана крепкого хереса привели в негодность ее мозги. Подозреваю, что она всегда была немного помешана; я это сразу отметил, когда увидел ее в палатке и услышал ее бормотанье.

— Она может быть опасной, — мягко заметил кардинал.

— Для того, кто станет противоречить ей, — да.

— Так что, если бы герцог открыл обман и отнесся к ней не очень мягко, она... — Кардинал не закончил фразы и после минутного молчания прибавил: — Во всяком случае, надеюсь, счастье будет благоприятствовать нам. Наш добрый Паскуале позаботится снабдить девушку коротким кинжалом, не правда ли?... Английской работы... с отравленным лезвием.

Взяв со стула плащ, дон Мигуэль закутался в него, а кардинал, вынул из кармана требник, уселся поудобнее в своем кресле с высокой спинкой. Дойдя до двери, дон Мигуэль в раздумье остановился, а затем, снова приблизившись к кардиналу, спокойно спросил:

— Ваше преосвященство готовы и к этой случайности?

— Мы всегда должны быть готовы ко всяким случайностям, сын мой, — мягко ответил кардинал.

Затем он погрузился в чтение требника, а дон Мигуэль вышел из комнаты.

XIII

Эверингем не мог уехать, не попрощавшись с герцогом Уэссекским. В первый раз в жизни он хотел бы избежать встречи с другом, но боялся возбудить в нем подозрение. Он страшился открытого, пронизательного взгляда этих глаз, всегда дружески смотревших на него; страшился пожатия этой красивой аристократической руки, которую ему протянут как верному, испытанному другу.

Твердыми шагами вошел он в столовую, откуда все понемногу разошлись, и, окинув быстрым взглядом весь зал, увидел, что герцог беседовал с графом Оксфордским, а у ног его спокойно почивал верный Гарри Плантагенет. Серьезное лицо герцога просияло при виде друга.

— Я уж думал, что не увижу вас, — сказал он, горячо пожмая молодому человеку руку. — Милорд Оксфорд сказал мне, что вы сейчас уезжаете.

— Неужели я мог уехать, не попрощавшись с вами?

— Я этому не верю, но партия в шахматы оказалась, по-видимому, очень интересной.

Эверингем почувствовал, что меняется в лице; к счастью, он стоял спиной к огню. Он сразу же убедился, насколько прав был кардинал: герцог Уэссекский уже слышал о свидании в большой приемной.

— О, его преосвященство — страстный шахматист, — как можно спокойнее ответил Эверингем, — и я не мог отказаться сразиться с ним еще раз, тем более что, может быть, больше не увижу его по возвращении из Шотландии.

Он чувствовал устремленный на него пытливый взгляд герцога, и его охватило безумное желание предупредить друга, послав к черту всякую дипломатию. Ему стало невыносимо видеть у ног герцога красавицу-собаку, такую верную и преданную. Однако, пока он колебался, со двора донесся резкий звук трубы.

— Кажется, вам пора отправляться, — с легким оттенком грусти произнес герцог. — Мне жаль, что вы едете. Гарри Плантагенет и я станем скучать без вас в этом скучном месте, и мне среди врагов не будет доставать вашей преданной руки.

— О врагах не может быть и речи, дорогой милорд! — горячо возразил Эверингем. — Посмотрите вокруг себя и скажите: где вы видите врагов? Все — ваши сторонники и, если вы пожелаете, ваши верные подданные, — многозначительно прибавил он.

— Сегодня — друзья, завтра, может быть, враги, — задумчиво произнес герцог. — Однако теперь не время рассуждать о моих делах. Счастливого пути, друзья! Гарри, поклонись самому честно-му человеку во всей Англии; ты его не увидишь, пока он не вернется из Шотландии. Скажу вам на ухо, дорогой мой, что вы не должны удивляться, если, вернувшись, уже не застанете меня свободным человеком. Пойдем, Гарри, проводим приятеля до ворот.

Он взял Эверингема за руку и в сопровождении группы друзей вышел из дворца. Со всех сторон слышалось: «Да хранит вас Бог!» — когда герцог проходил среди блестящей толпы друзей и знакомых. В этот период его популярность достигла своего апогея. Что касается Эверингема, то при последних словах герцога, намекавших на его сегодняшнюю встречу с леди Урсулой, у молодого человека пропало всякое желание предупредить друга.

Все было готово к отъезду. Посланники королевы, которых Мария отправляла к шотландской королеве-регентше, до Гринвича ехали верхом, а на рассвете должны были сесть на корабль, чтобы отправиться в Шотландию морем.

Граф Пемброк долго прощался с герцогом Уэссекским, все надеясь услышать от него хоть намек, что желанный союз будет заключен. Наконец по данному знаку открылось одно из окон, и в нем показалась сама королева, окруженная приближенными дамами. При ее появлении раздались громкие приветствия верных, преданных ей всем сердцем ее приближенных. Мария слегка наклонила вперед голову, словно тревожно отыскивая кого-то в толпе.

— Да хранит Господь нашу королеву! — громко произнес герцог Уэссекский, и его слова тотчас были подхвачены множеством голосов.

Другие прибавили:

— Да хранит Господь его светлость герцога Уэссекского!

Все заметили, что на этот раз королева прижала руку к сердцу, словно ее охватило сильное волнение; затем она сделала прощальный знак рукой и быстро отошла от окна.

Подали сигнал к отъезду. Несколько запоздалых всадников, в том числе и Эверингем, быстро вскочили на лошадей, и маленький отряд выехал со двора.

Тяжело вздохнув, герцог Уэссекский подозвал собаку.

— Ну, что, старое дружище? — грустно произнес он. — Зачем Провидение не сделало мою светлость незначительной личностью? Сдается мне, что мы с тобою были бы тогда счастливее.

Гарри Плантагенет в знак согласия зевнул, а затем зажмурил глаза, точно хотел сказать хозяину в ответ на пронесившиеся в его голове мысли: «Ну, знаете, бывают и вознаграждения за неудачи».

— Только с сегодняшнего полудня! — прошептал герцог, направляясь на свою половину.

Проходя по одной из комнат, герцог с удивлением услышал свое имя.

— Случай действительно благоприятствует мне, — произнес кто-то в темноте. — Если не ошибаюсь, его светлость герцог Уэсекский?

В поздний вечерний час эта часть дворца обыкновенно была пуста и слабо освещена несколькими восковыми свечами в высоких канделябрах; в отдаленные уголки свет не проникал, так что герцог лишь неясно различал фигуру направлявшегося к нему человека.

— Кто бы вы ни были, сэр, я к вашим услугам, — отозвался он. — Но вы, должно быть, сродни кошачьей породе, если могли разглядеть мою недостойную особу.

— Нет, причиной этого — мое горячее желание. Я надеялся встретить вас здесь и поджидал.

— Маркиз де Суарес? — сказал герцог, когда молодой испанец вступил наконец в часть комнаты, освещенную канделябрами. — Вы желаете говорить со мною?

После встречи с доном Мигуэлем на истмольсейской ярмарке герцог не обменялся с ним почти ни одним словом; со своей стороны, испанец, казалось, избегал его, на что герцог не обращал внимания. Иностранные послы, жившие в это время во дворце, не внушали ему никакой симпатии, и в отношениях с ними он ограничивался лишь требованиями учтивости. Враждующ друг с другом, все они сходились в неприязни к человеку, стоявшему на пути их политических интриг. Тем не менее, держась в стороне от всякой политики, герцог прекрасно знал их чувства к нему. Поэтому легко понять его удивление при неожиданном обращении к нему одного из его врагов.

— Чем могу служить послу испанского короля? — продолжал он.

Но дон Мигуэль не спешил с ответом. В его темных глазах было такое выражение, точно он умолял своего собеседника дружелюбно отнестись к его словам, и быстрый взгляд герцога заметил это. Он указал испанцу на стул, а сам присел на край стола.

— Прежде всего прошу у вашей светлости прощения за свою смелость, — начал дон Мигуэль, — но я хочу задать вам один вопрос, который, боюсь, покажется вам нескромным. Я даже не знаю, как выразиться... уверяю, ваша светлость.

— Ради Бога, бросьте свои уверения, — с легким нетерпением заметил герцог, — и говорите прямо, что желаете мне сказать.

— Ну, хорошо! Если ваша светлость позволяет... При дворе говорят, будто вы помолвлены с леди Урсолой Глинд...

Герцог не отвечал; по его губам пробежала улыбка, значения которой дон Мигуэль не понял, несмотря на свое умение читать чужие мысли.

— Простите, ваша светлость, — смелее продолжал испанец, — но говорят также, что вы не намерены искать ее руки.

— Черт возьми! — смеясь воскликнул герцог, но после некоторого молчания добавил уже серьезней: — Простите, милорд, но я не понимаю, какое это имеет отношение к вам лично?

— Еще немного терпения, ваша светлость. Я сейчас все объясню, прошу только сперва ответить на мой вопрос. Для меня это крайне важно, и я буду считать себя вашим вечным должником.

У дона Мигуэля был располагающий и вместе с тем серьезный вид, и честный, прямодушный герцог не подозревал, что его собеседник играет заученную роль.

— На ваш вопрос трудно ответить, милорд, — сказал он с притворной серьезностью, хотя в глазах его искрился смех. — Видите ли, леди Урсула Глинд... и все члены ее семьи имеют карие глаза, а я в настоящую минуту чувствую, что никогда не мог бы полюбить карие глаза.

— Леди Урсула очень красива, — возразил испанец. — Ваша светлость никогда не видели ее?

— Никогда... с тех пор, как она была очень маленькой девочкой.

— В таком случае я счастливее вас: я ее очень близко знаю! — с хорошо сыгранным увлечением воскликнул дон Мигуэль; затем, словно спохватившись, смущенно продолжал: — То есть... я...

— Что же дальше?

— Вот причина моей смелости, милорд, — сказал испанец, вскакивая с места и принимая вид благородной прямооты. — Я хотел спросить... если ваша светлость не будете просить руки леди Урсулы и если кто-либо другой...

— Если леди Урсула предпочтет другого моей недостойной особе — вы это хотите сказать? — допытывался герцог, видя, что дон Мигуэль остановился.

— Да, если я... Не оскорблю ли я вашей светлости?

— Оскорбите меня? — весело воскликнул герцог. — О, милорд, к чему такие долгие приготовления? Вы снимаете с моей совести огромную тяжесть, дорогой маркиз. Так вы любите леди Урсулу? Она прекрасна... и любит вас. Где вы ее видели, милорд?

— На истмольсейской ярмарке... еще ваша светлость вмешались. Помните?

— И, кажется, совсем некстати... Прошу прощения! А потом?

— Знакомство, начавшееся, может быть, немного неприятным образом, перешло затем... в дружбу...

— А потом в любовь? Примите мои поздравления, милорд. Семья Глинд славится своей высокой нравственностью, а если леди Урсула к тому же и красива, то наш двор вправе гордиться такой представительницей английских женщин. Даю вам честное слово джентльмена, я считаю, что данное ею в детстве отцу обещание никоим образом не связывает теперь девушку. Клянусь, что получу от ее величества разрешение для вас немедленно вступить в брак.

— Ну, не надо так спешить, — засмеялся дон Мигуэль. — Ни леди Урсула, ни я не нуждаемся в согласии ее величества. Не забудьте, что не я заговорил о браке.

— Я в полном недоумении, — нахмурясь проговорил герцог Уэссекский. — Я понял...

— Что я перед всеми могу гордиться, — с саркастической улыбкой на чувственных губах произнес дон Мигуэль, — но ведь это вы заговорили о добродетели леди Урсулы. Я только хотел знать, не оскорблю ли вашей светлости, если... — И он смеясь пожал плечами.

Этот смех неприятно резанул герцога, да и обращение с ним маркиза вдруг изменилось, что заставило его содрогнуться.

— Если что? — резко спросил он. — Черт возьми! Да говорите же, сэр!

— Зачем же мне говорить, если ваша светлость почти угадали? Сознайтесь, что я действовал *en galant homme*¹, желая сообразоваться с вашим мнением. Вы, конечно, не захотите ломать копыта за хваленую добродетель Глиндов.

— Значит, вы думаете, сэр, что...

— Я не могу выразаться яснее, милорд; между джентльменами это невозможно. Мы, испанцы, легче смотрим на мимолетные удовольствия, чем серьезные англичане, и если леди свободна и... более чем снисходительна, то зачем мне разыгрывать роль целомудренного Иосифа? В лучшем случае это — смешная роль, не правда ли, милорд?.. Роль, которую ваша светлость, я думаю, всегда презирали. Но теперь вы вполне успокоили меня. До свиданья, ваша светлость! — и, прежде чем герцог успел ответить, дон Мигуэль с веселым смехом исчез.

Весь разговор произошел так быстро, что герцог даже не мог дать себе отчет, насколько он был задет. Для него леди Урсула оставалась неинтересной незнакомкой; все его мысли были теперь обращены к очаровательной Фанни. Но, несмотря на легкомысленное вообще отношение к женщинам, в герцоге были сильно развиты рыцарские чувства к прекрасному полу, и двусмысленные намеки испанца на женщину, которая могла сделаться герцогиней Уэссекской, вызвали в благородном англичанине искреннее желание бросить перчатку в лицо негодяю. Гарри Плантагенет, за все время разговора выражавший неодобрение собеседнику своего господина, нетерпеливо взвизгнул, желая поскорей добраться до своего теплого ковра.

— Гарри, как ты думаешь, чего хочет этот негодяй? — задумчиво произнес герцог, взяв обеими руками голову собаки и глядя в честные глаза своего верного спутника. — Ты, мудрый философ, тоже сомневаешься, потому что знаешь Глиндов так же хорошо, как и я. Что ты думаешь о леди Урсуле? Наверно, она безобразна, насколько может сделать безобразной женщину наличие всех добродетелей и шотландское происхождение... И все-таки, если я верно понял негодяя, ничто не может быть порукой женской добродетели. Может быть, леди Урсула недурна собою... может быть, этот противный испанец действительно любит ее. Пойдем-ка

¹ Как корректный человек (фр.).

домой, Гарри, размышлять о женском непостоянстве и о нашем собственном: именно о нашем собственном. Мы — просто грубые животные, а женщины так очаровательны... даже если они колючи, как ежи. Ведь под внешней колючестью в них скрывается столько прелестей. Пойдем размышлять, почему иные грехи так привлекательны.

Вскоре герцог уже готов был забыть неприятный разговор. Может быть, он слишком строго судил испанца. Никогда английский джентльмен не позволил бы себе намека на связь с женщиной своего круга. Этот строгий кодекс чести установился еще со времен молодости короля Генриха, когда начали заботиться о чести высокородных дам. Не так обстояло дело за границей. Испанцы того времени были известны легким отношением к женской благосклонности, и дон Мигуэль хотел узнать намерения герцога только потому, что дело касалось его нареченной невесты. Герцог не имел желания дальше задумываться над этими вопросами, однако решил при первом удобном случае обуздать дерзкого испанца и уже собирался вернуться в свои апартаменты, как вдруг его слух уловил шелест шелкового платья. Недалеко от него несколько ступенек вели на галерею, шедшую вдоль стены и кончающуюся дверью в помещение герцогини Линкольн и фрейлин; отсюда-то и слышался шелест. Может быть, герцог не заметил бы этого, если бы все его мысли не были заняты сегодняшней встречей. По временам ему страстно хотелось снова увидеть очаровательную фигурку в белом платье, с короной чудных золотистых волос, услышать еще раз нежный голос и веселый детский смех, в котором звучала пробуждавшаяся страсть. Он говорил с нею не больше получаса, потом любовался ею, сидя в лодке, и только одни ночные птицы были свидетелями их счастья. Они почти не говорили друг с другом; герцог наслаждался, следя за тем, как то вспыхивали, то бледнели щеки его спутницы под его жгучим взглядом. В душе каждого из них звучала музыка, заменявшая всякие слова, и герцог, снискавший репутацию ветреника, принимавший женскую любовь с благородной, но снисходительной улыбкой, крайне непостоянный в любви, теперь чувствовал, что маленький божок Амур, не терпящий нарушения своих законов, на этот раз смертельно ранил его своей стрелой.

Услышав шелест, герцог инстинктивно остановился в смутной, безумной надежде вновь увидеть Фанни, а потом приблизился к лестнице. Дверь в конце галереи осторожно отворилась. Эта часть зала была погружена во мрак, поэтому герцог Уэссекский ничего не мог разглядеть, но услышал, как нежный голос тихо напевал ту самую песенку, которую она — царица его сердца — пела сегодня вечером. Теперь она в том же белом платье медленно шла по галерее и остановилась возле лестницы, словно боясь спуститься в слабо освещенный зал. В руках у нее был букет бледно-розовых великолепных роз — последняя дань сада. Герцогу казалось, что ему никогда не приходилось видеть создания очаровательнее и поэтичнее того, что явилось теперь перед ним. От всего существа

девушки веяло юностью, душевной чистотой и пробуждающейся страстью.

— Спуститесь сюда, прелестная певунья! — тихо позвал ее герцог.

Слегка вскрикнув, она склонилась над балюстрадой, и цветы, выскользнув у нее из рук, стали душистой волной падать к его ногам.

— Ах, как вы меня испугали, ваша светлость! — прошептала она. — Я... я не знала, что вы здесь.

— Уверен, что не знали, маленькая невинность, но, раз я здесь, скорей сойдите, пока я не погиб от страстного желания ближе заглянуть в ваши милые глаза.

— А мои розы! — воскликнула она. — Я собрала их для часовни ее величества.

— Пусть все они завянут, кроме одной, которую я хочу получить из ваших ручек. Сойдите вниз!

Одна из роз запуталась в складках платья Урсулы; девушка со вздохом взяла ее в руки и грустно сказала:

— Я не смею. Ваша светлость не знаете, какую немилость это навлечет на меня.

— Не думайте ни о какой немилости и спускайтесь вниз, — просил он, движимый страстным желанием прижать к своему сердцу красавицу-девушку, — или, клянусь, я снесу вас на руках.

— Нет, нет, не надо! — испуганно запротестовала она. — Я иду.

Она шаловливо бросила в него розу; цветок попал ему в лицо и упал на пол. Он нагнулся поднять и, когда снова выпрямился, Урсула уже стояла возле него. Желание нежно прижать ее к своему сердцу было в герцоге сильно по-прежнему, но он не сделал бы этого за целое королевство. Глядя на стоявшую пред ним девушку, он чувствовал, что настанет день, когда в ответ на его страстную любовь она отдаст ему себя всю; а она знала, что победа на ее стороне, что любовь к нему, которую она свято хранила в глубине сердца, оказалась не напрасной. Ей казалось, что ее сердце разорвется от счастья; но, как женщина, она лучше герцога владела собою.

— Мне нельзя оставаться здесь, — серьезно сказала она. — Вы не знаете, что я в немилости... за ту прогулку по реке с вами.

— Как? Что случилось? — с улыбкой спросил герцог.

— Во-первых, — начала Урсула, загибая по очереди свои тоненькие пальчики, — недовольное лицо и холодное пожатие плечами со стороны ее величества. Во-вторых, нотация от ее светлости герцогини Линкольн. В-третьих, в-четвертых и в-пятых — колкости со стороны других дам и одинокий ужин вечером в своей комнате.

— Отчего вы не дали знать об этом?

— Зачем? Что могли вы сделать?

— Разделить ваше одиночество.

— Вы и теперь делаете это, а я думала, что проведу весь остаток вечера одна. Герцогиня Линкольн и другие дамы присутствуют

на молитве ее величества. Я была заперта вон в той комнате. Как вы очутились здесь именно в то время, когда я пришла сюда?

— Мотылек всегда летит на свет, — серьезно ответил герцог.

— Но как вы узнали, что я буду здесь?

— С самой нашей встречи мои глаза видят вас даже там, где вас нет; как же они проглядели бы вас там, где вы действительно находитесь?

— В таком случае, раз ваша светлость уже увидели меня, — сказала Урсула, с тревогой замечая, что он стоял теперь между нею и лестницей, — то позвольте мне вернуться наверх.

— Это невозможно.

— Меня станет искать герцогиня Линкольн.

— Так останьтесь до тех пор со мною.

— Зачем? — наивно спросила молодая девушка.

— Чтобы сделать меня счастливым.

— Счастливым? — Урсула весело рассмеялась. — Как могу я, скромная фрейлина, сделать счастливым его светлость герцога Уэссекского?

— Позволив смотреть на вас.

С бессознательным кокетством молодая девушка тонкими пальчиками чуть-чуть приподняла юбку и сделала перед своим собеседником грациозный пируэт.

— Готово! — весело сказала она. — А теперь?

— Дайте мне шепнуть вам... — начал герцог.

Однако Урсула отступила от него, сказав с притворной серьезностью:

— Я не должна слышать этого, потому что ваша светлость не свободны. Вам разрешается шептать на ухо только леди Урсуле Глинд.

— Значит, вы уже угадали, что я хотел сказать вам?

— Может быть.

— Что же это такое?

— Что вы любите меня, — шепнула молодая девушка, — в эту минуту.

— Нет, святая невинность, я шепнул бы вам, что обожаю вас! — воскликнул герцог, и в его голосе прозвучало искреннее чувство.

— Обожаю меня? — спросила Урсула с деланным удивлением. — Ваша светлость даже не знает, кто я такая.

— Это правда, а я вас все-таки обожаю. Вы — самая чудная женщина на земле.

— О! Но мое имя!

— Это мне все равно. Позвольте мне только обожать вас, как вашему преданному рабу.

Девушка вздохнула немного грустно и тихо спросила:

— Как долго?

— Всю жизнь, — серьезно ответил герцог. — Вы мне не верите? Вы любите меня, милая, дорогая невинность!

— Я... — боязливо начала она.

— Дайте мне взглянуть в ваши глаза; я сам прочту в них ответ.

Урсула взглянула на него и встретила с его страстным взором. Он близко-близко подошел к ней; она закрыла глаза, чтобы ничего не видеть, ничего не сознавать, кроме блаженного чувства пробуждающейся любви.

— Посмотрите, какой я самоуверенный, — страстно шепнул герцог. — Я не хочу, чтобы вы что-нибудь сказали мне теперь. Откройте свои глаза, дорогая! Я хочу только стоять возле вас, смотреть в их глубину и... наслаждаться этой минутой. — Молодая девушка хотела что-то сказать, но он остановил ее: — Нет, нет, ничего не говорите!.. Эти милые губы сами дадут мне решительный ответ.

Он обнял Урсулу и крепко прижал к сердцу. Она лежала в его объятиях, повернув к нему свое милое личико и глядя ему в глаза своими чудными глазами, в которых он мог прочесть первую чистую любовь.

Они сами не знали, сколько времени простояли так, прижавшись друг к другу. Их вернул к действительности внезапно раздавшийся шум голосов.

— Пресвятая Дева! — воскликнула Урсула. — Что, если это — королева?

— Пусть все видят, что я держу в объятиях свою будущую жену, — с гордостью сказал герцог, не выпуская ее из своих сильных рук.

Но Урсуле удалось вырваться от него. Она ужаснулась при мысли, что он сейчас откроет ее обман. Теперь не время еще открыть ему тайну: сию минуту в зал могла явиться герцогиня Линкольн с фрейлинами или даже сама королева, а у герцога был такой решительный вид!

— Нет, нет, не сейчас, дорогой милорд, — стала она просить. — Ради вашей любви, не сейчас. Королева очень рассердится!

Она молила герцога так нежно, что он не мог отказать ей.

— Но вы не можете оставить меня так! — настаивал он. — Я не смогу жить, не получив поцелуя.

— Нет, умоляю вас, милорд, не сегодня! — запротестовала Урсула хотя и слабо, но все же заноса ногу на ступеньку лестницы.

— Еще одно слово, — поспешно прошептал он: — когда королева пройдет, вернитесь на одну минутку. Я подожду вас здесь.

Он указал ей на незаметную дверь в какую-то потайную комнату и, прежде чем она успела сказать слово, кликнув собаку, скрылся за нею. Почти в ту же минуту двери на другом конце зала широко распахнулись, пропуская королеву в сопровождении герцогини Линкольн, фрейлин и кардинала Морено. По странной случайности взгляд королевы сразу упал на леди Урсулу, поднимавшуюся уже до половины лестницы. Восклицание герцогини Линкольн, в котором слышался серьезный упрек, заставило леди Урсулу остановиться, бегство было уже невозможно. С пылающими щеками медленно спустилась Урсула, стараясь как можно смелей встретить

устремленные на нее со всех сторон взгляды. Мария Тюдор смотрела на нее с холодной строгостью, герцогиня — со смертельным ужасом, а его преосвященство — с нескрываемой иронией.

— Дитя, вы здесь одна? — ледяным тоном проговорила королева. Она презрительным взглядом окинула с головы до ног стройную фигуру девушки, и взор ее остановился на рассыпанных розах, лежавших у подножия лестницы, а глаза сверкнули гневом, но она, видимо, старалась сдержаться. — Как вашей светлости известно, — сухо сказала она, обращаясь к герцогине Линкольн, — я нахожу неприличным, чтобы мои фрейлины одни бродили вечером по дворцу.

На морщинистом лице старой герцогини выразилось искреннее огорчение.

— Почтительнейше прошу у вашего величества прощения, — пробормотала она, глубоко опечаленная этим упреком, высказанным публично. — Я...

— Я сознаю, насколько тяжела ваша обязанность, — колко продолжала королева. — Мои фрейлины послушны и скромны, но с леди Урсулой Глинд — другое дело.

Урсула испуганно взглянула на маленькую потайную дверь. Слышал ли это герцог Уэссекский? Острые глаза кардинала, не сводившего взора с девушки, подметили и этот испуганный взгляд. Что Мария Тюдор смутно подозревала, то для его преосвященства было ясно как день.

«Она виделась с его светлостью, он спрятан там», — решил он и, пока герцогиня Линкольн рассыпалась в извинениях, не спеша приблизился к потайной двери.

— Прошу у вашего величества снисхождения к этому ребенку, — стала просить герцогиня. — Я готова поклясться, что у нее не было дурного намерения; я знаю, вернувшись в свою комнату, она будет горько оплакивать, что заслужила порицание вашего величества. Она...

— Нет, герцогиня, — сурово перебила ее королева, — леди Урсула вовсе не думает о раскаянии, и ее поступок — не следствие минутной необдуманности.

— Ваше величество... — снова начала герцогиня, между тем как Урсула гордо откинула назад голову в знак протеста.

— До нас дошел слух, — продолжала королева, — о странных похождениях одной из наших фрейлин, которую по вечерам видели переодетую вне пределов дворца; говорят, что эта девушка, забывшая и свое достоинство, и девичью скромность, леди Урсула Глинд.

Бдительные глаза его преосвященства снова подметили быстрый взгляд, брошенный Урсулой на потайную дверь, и этот взгляд открыл ему все, что он хотел знать; но королева, ослепленная ревностью, видела только соперницу, которую хотела унижить.

«Герцог Уэссекский за этой дверью, — соображал кардинал. — Она вздрагивает всякий раз, как произносят ее имя; значит, он за нею ухаживает, не подозревая, кто она».

Его преосвященство еще не знал, как использовать этот случай, но не сомневался, что он сыграет важную роль в его планах. Поэтому, воспользовавшись минутой, когда взгляды всех были устремлены на королеву и Урсулу, он тихо повернул ключ в замке потайной двери и положил его в карман, после чего присоединился к остальному обществу, чувствуя, что теперь может спокойно ожидать окончания маленького драматического эпизода.

— Если был такой слух, — смело начала Урсула, — то он ложный, ваше величество.

— Так это не вы, дитя, несколько дней назад, переодетая или в маске, не знаю... вечером вышли из дворца в сопровождении леди Маргарет Кобгем, намереваясь посетить какое-то публичное увеселение, кажется, ярмарку? — холодно спросила королева.

— Это правда, но...

— Вы, значит, не отрицаете?

— Я не отрицаю, ваше величество. Но у меня не было дурного намерения.

— Послушайте эту девушку! Что же хорошего в вашей встрече с некоторыми придворными джентльменами при обстоятельствах, вовсе не соответствующих доброй славе английских девушек?

— Разве маркиз де Суарес осмелился...

— Мы не называли маркиза, дитя, хотя, по правде сказать, джентльмен может на все осмелиться, если девушка забывает собственное достоинство. Но довольно об этом. Я предостерегаю вас в ваших же интересах. Маркиз — не в обиду будь сказано его преосвященству! — обладает всеми недостатками своей расы. Мы предостерегаем вас против этих отношений, не делающих чести вашей скромности.

— Ваше величество, — гордо начала Урсула, но королева не позволила ей говорить; ей хотелось, чтобы Урсула удалилась униженная, с поникшей головой, с трудом глотая слезы стыда.

Об одном лишь жалела Мария — что герцог Уэссекский не мог быть свидетелем этой сцены. Выпрямившись во весь рост и откинув назад голову, она надменно указала на галерею и воскликнула:

— Молчите, леди! Ступайте!

Урсуле оставалось только повиноваться. Медленно поднималась она по лестнице, горя негодованием; но слезы, которые она тщетно старалась подавить, были вызваны не резкими словами королевы, а мыслью, что все это слышал герцог Уэссекский. Что мог он подумывать? Идя вдоль галереи, она слышала, как королева сказала:

— Герцогиня, прошу вас на будущее время строже следить за вверенными вам молодыми девицами. Мне стыдно перед послами иностранных держав за поведение леди Урсулы.

Со слезами бессильного гнева леди Урсула скрылась за дверь.

Подождав немного, кардинал приблизился к королеве.

— Ваше величество, мне кажется, вы приняли все происшедшее слишком серьезно. Вы изволили упомянуть о маркизе де Суаресе. Могу вас уверить, что он слишком гордится благосклонностью к нему леди Урсулы, чтобы относиться к Англии с упреком.

Хотя честное сердце герцогини Линкольн возмутилось против этих уверений, в лживости которых она была глубоко убеждена, но она не посмела ничего сказать; однако в глубине своего по-матерински мягкого сердца она твердо решила при первой возможности горячо заступиться за Урсулу и отстоять ее честное имя от возведенных на нее кардиналом обвинений.

Лицо королевы прояснилось, когда кардинал упомянул имя молодого испанца вместе с именем Урсулы, и в первый раз после сегодняшнего неприятного разговора она подарила его любезной улыбкой.

— Ваше преосвященство справедливо заметили, что этот вопрос вовсе не имеет такого серьезного значения, — милостиво обратилась она к нему. — Герцогиня, мы поговорим об этом завтра. Милорд кардинал, желаем вам покойной ночи. — Она уже собиралась пройти мимо него, но вдруг остановилась и решительно спросила: — Ваше преосвященство проводите сегодня последнюю ночь во дворце?

— Не думаю, ваше величество, — спокойно ответил кардинал. — Я надеюсь еще несколько дней провести в высоком обществе вашего величества.

— Но клубок все еще запутан, милорд.

— Он будет распутан, ваше величество.

— Когда?

— Кто знает? Может быть, сегодня вечером.

Любопытство королевы было сильно возбуждено, но кардинал не собирался удовлетворить его. Минуту спустя Мария Тюдор удалилась в сопровождении фрейлин и герцогини Линкольн.

XV

Весь разговор между Марией Тюдор и Урсулой Глинд длился, вероятно, не более нескольких минут, но герцогу Уэссекскому они показались вечностью. В эти короткие минуты перед ним раскрылось женское непостоянство и женский обман. Его очаровательная, таинственная, неуловимая Фанни была леди Урсула Глинд. Ему невольно припомнились дерзкие намеки молодого испанца, высказанные полчаса назад в связи с именем леди Урсулы. Нет, не может быть, чтобы его Фанни с ее простодушными голубыми глазами, с маленькой, почти детской головкой, украшенной роскошными золотистыми волосами, была та самая женщина, которую королева только что упрекала в нескромных поступках. «Неужели маркиз де Суарес осмелился?..» Это был ее голос, голос Фанни. Зачем назвала она это имя? Значит, она знала его? Она не отрицала, что встретилась с ним на истмольсейской ярмарке, и лишь спросила, осмелился ли он... А испанец с дерзким пожиманием плеч сказал, что «знакомство перешло... в дружбу».

Эти намеки возмущали герцога. Он желал только видеть ее, спросить; ведь она скажет ему правду, а он поверит всему, что

скажут эти милые уста, которые он сегодня целовал. Теперь он чувствовал себя спокойным, веря в нее; его поддерживала его великая любовь. Он подошел к двери и хотел открыть ее, но она оказалась запертой... Почему?

Она была смущена еще до прихода королевы; может быть, не хотела позволить ему сказать перед всеми то, что он намеревался сказать. В волнении она, вероятно, заперла дверь на ключ. Но ведь он исполнил бы ее желание, и хотя ему очень хотелось выломать дверь, чтобы снова увидеть ее, но на этот раз он удержался. Затем он услышал, как королева предостерегала молодую девушку против маркиза, а она, его любовь, ничего не сказала в свою защиту. Герцог напрягал слух до последней степени, но услышал только: «Ваше величество...» и затем грозное: «Молчите, леди...» Больше он ничего не слышал. Она должна была знать, что ему все слышно, и ничего не сказала. Герцогу было непонятно, как можно молча страдать от ложного обвинения, и он решил, что это была слабость, вытекавшая из сознания собственной вины.

Наступила минута молчания, пока Урсула поднималась по лестнице, но шелест ее платья не долетал до герцога, и он не знал, ушла ли она, или ей приказано было оставаться в зале, пока не удалится королева. Он не знал, когда и как встретит ее, а лишь понимал, что не станет упрекать ее, и боялся собственной своей слабости, если она окажется виновной. Такая любовь, какою любил герцог, может делать мужчин трусами. Он глубоко страдал от неизвестности. Молчание становилось ему невыносимо. Вдруг ему показалось, что ключ тихо повернулся в замке.

После ухода королевы в зале остался только кардинал.

«На этот раз моя проницательность не обманула меня, — думал он. — Его светлость сидит в укромном уголке, и, если бы я не замкнул дверь, он ускорил бы развязку, которая привела бы королеву Марию в ярость, и завтра испанскому послу и мне пришлось бы возвращаться в Испанию».

Его преосвященство внимательно прислушался; ниоткуда не доносилось ни единого звука. Бросив взгляд вокруг, он убедился, что леди Урсулы нигде не было; тогда он осторожно вложил ключ в замок и немного подождал. Почти тотчас дверь сильно потрясла изнутри.

— Кто там? — спросил кардинал, предварительно отойдя в самый дальний угол.

— Клянусь Пресвятой Девой, — послышался из-за двери громкий голос, — кто бы вы ни были, но, если не откроете мне двери, она разлетится в щепки.

Перейдя через зал, кардинал повернул ключ и через секунду стоял лицом к лицу с герцогом.

— Его светлость герцог Уэссекский? — прошептал он, притворяясь изумленным.

— Он самый, милорд, — отозвался герцог, стараясь скрыть смущение от человека, которого считал своим смертельным вра-

гом. — Ну, если бы ваше преосвященство не открыли двери, я окончательно потерял бы терпение, — прибавил он с хорошо разграниченной веселостью.

— Драгоценный случай, который не скоро может опять подвергнуться вашей светлости, — сладким тоном заговорил кардинал. — Ах, я живо помню, как в дни моей юности меня также заперла... леди, не уступавшая вашей в красоте.

Если он и сомневался, оказала ли предшествовавшая сцена роковое влияние, то при первом взгляде на герцога все его сомнения развеялись как дым. Герцог смертельно побледнел, а выступившие на висках жилы и дрожавшие руки свидетельствовали, каких усилий стоило ему сохранить внешнее спокойствие.

— Но почему ваше преосвященство заговорили в данном случае о леди? — спросил он почти твердым голосом.

— Что же я сказал? — воскликнул кардинал, с притворным волнением всплеснув руками. — Нет, вашей светлости нечего опасаться. Скромность — необходимое условие моего звания. Я только увлекся воспоминаниями. Ведь одежда еще не делает священником. Я — духовное лицо лишь по имени и потому без краски стыда могу вспоминать, что и мне когда-то было двадцать лет, и в жилах моих текла горячая кровь. В том случае, о котором я упомянул, дама заперла меня на ключ потому, что отправилась к другому поклоннику.

— Вы опять говорите о даме, милорд, — равнодушно произнес герцог. — Могу я узнать...

— Нет, нет, пожалуйста ни о чем не спрашивайте меня. Поверьте, я ровно ничего не видел... ничего, кроме очаровательной леди, одиноко стоявшей возле этой двери, когда ее величество вошла в зал. Не знаю, догадалась ли королева. Прелестная леди только что повернула ключ в замке, что и заставило меня вспомнить свою молодость с ее увлечениями. Но ваша светлость должны простить старику, у которого осталась только одна привязанность в жизни. Дон Мигуэль для меня — все равно что родной сын...

— Скажите, пожалуйста, милорд, — высокомерно перебил его герцог Уэссекский, — Какое отношение имеет ко мне маркиз де Суарес?

— Дон Мигуэль — чужой человек в Англии, — с отеческой снисходительностью ответил кардинал, — и я был почти уверен, что закон гостеприимства помешает вашей светлости охотиться за его птичкой. Дон Мигуэль потерпел бы серьезное поражение, — поспешил он прибавить, видя, что его собеседник теряет терпение. — Ведь все мы знаем, что, где герцог Уэссекский желает победить, там быстро предаются забвению все прочие обеты и все другие любовники. Но маркиз еще так молод. Я хотел бы заступиться за него.

Его пронизательный взор ни на минуту не отрывался от гордого лица герцога. Кардинал прекрасно сознавал, что своими словами доводил своего собеседника почти до иступления, однако его звание и возраст до некоторой степени гарантировали его от ссоры с челове-

ком, обладавшим такой физической силой, как герцог Уэссекский; да он и не боялся за свою личную безопасность, так как при всех его слабостях трусость не принадлежала к числу его недостатков. До этой минуты он, по-видимому, не вполне уяснял себе, что герцог потерпел поражение. Добровольно вычеркнув из своей жизни всякие нежные чувства, он не мог понять, как быстро может вспыхнуть в сердце человека сильная, всепоглощающая страсть. Герцог был известен многочисленными любовными похождениями, но его преосвященство не ожидал, что в своих смелых планах он натолкнется на нечто более серьезное, чем пустое, временное увлечение. В своей ненависти к политическому сопернику он испытывал теперь сладостное удовлетворение от сознания, что нанес смертельный удар человеку, из-за которого ему нередко приходилось переносить унижения.

Теперь борьба становилась вдвойне интересной. Герцог, по уши влюбленный в Урсулу, очевидно, никогда не увлечется другой женщиной. Если же задуманная кардиналом и маркизом де Суаресом интрига приведет к желанному результату, то герцог не только будет разлучен с любимой женщиной, как того требовал поставленный королевой ультиматум, но, вероятно, отправится переживать скорбь и разочарование в одно из своих отдаленных поместий, подальше от двора и политической борьбы. Да, случай действительно благоприятствовал послам испанского короля. Но умный кардинал понял, что с его стороны теперь уже сказано довольно, а погруженный в горькие размышления герцог, по-видимому, совершенно забыл о его присутствии. Воспользовавшись этим, его преосвященство тихо выскользнул из комнаты.

Стук затворившейся за ним двери пробудил герцога Уэссекского от оцепенения. В огромном зале царил полумрак; восковые свечи распространяли вокруг себя слабый свет; в отдаленных углах колебались странные тени, словно издававшиеся над ним. Ему жутко было взглянуть на лестницу, на ступенях которой так недавно стояла она, улыбаясь ему, пока не исчезла из его глаз, чтобы броситься в объятия маркиза де Суареса.

«Прочие обеты и другие любовники, — вспоминались герцогу слова кардинала, в то время как он старался отогнать мучившие его видения. — Значит, моя чудная Фанни вовсе не моя; она принадлежит испанцу... или кому-нибудь другому? Не все ли это равно?.. Не благородная и верная девушка, а развратная дрянь, о которой иностранцы говорят с гадкой усмешкой и презрительным пожиманием плеч».

— Гарри Плантагенет, — сказал он вслух, когда верная собака, словно чуя горе своего господина, ласково лизнула ему руку, — его светлость герцог Уэссекский одурачен женщиной. Пойдем, старина! Кажется, ты — единственная честная личность при этом дворе, отравленном ядом. Обещаю тебе, что мы недолго здесь останемся. Я жажду чистого воздуха наших девонширских полей. Пойдем, пора спать, довольно мечтать, старина! Что угодно, только, ради Бога, не мечтать!

Когда Урсуле удалось ускользнуть из комнаты, где она была заперта под надзором двух женщин, она вернулась в зал в смутной надежде увидеть герцога Уэссекского, но его там не было. Дверь потайной комнаты была отперта. Взяв свечу, Урсула осмотрела маленькую комнатку и убедилась, что она была пуста. От быстрого движения девушки свеча погасла, неожиданно погрузив все окружающее в совершенную темноту. Для натянутых нервов Урсулы этого было достаточно, чтобы маленькая комната показалась ей зияющей могилой. Она ни за что не вернулась бы теперь к себе, зная, что не найдет там желанного покоя. Хотя потайная комната и была пуста, но напоминала о нем. Урсула присела на тот самый стул, на котором сидел герцог Уэссекский, слушая доносившиеся из зала разговоры, и задумалась о любимом человеке.

Герцог не узнал, что она возвращалась в зал. После ухода кардинала он немного подождал, не сознавая, что надеется увидеть Урсулу, и ушел на свою половину лишь тогда, когда во дворце прекратилось всякое движение и часы на главной башне пробили двенадцать.

Войдя в большую приемную, он был неприятно поражен, увидев у отдаленного окна маркиза де Суареса. Свечи были потушены, но в огромные открытые окна широким потоком лился лунный свет. Отсюда открывался чудный вид на сады и террасы Гемптон-коурта, а также на залитую серебристым светом реку. Герцог остановился у двери и устремил взор на эту картину, живо напомнившую ему сегодняшнюю идиллию. По странному стечению обстоятельств дон Мигуэль стоял как раз между ним и этой картиной. При входе герцога он не двинулся с места, по-видимому, погруженный в размышления.

«Вот стоит человек, еще до меня глядевший в глаза Усулы, — думал герцог. — Я охотно убил бы этого негодяя, потому что он оказался привлекательнее меня... или потому...»

Он постарался не думать об этом, чувствуя, что мысли у него мешаются. Им овладело дикое желание схватить красавчика испанца за горло, заставить его выстрадать хоть одну тысячную часть того, что мучительно терзало его самого в течение последнего часа. Решительными шагами герцог прошел через приемную и отворил дверь в свою комнату.

— Гарри, — подозвал он собаку, — ступай, подожди меня здесь. Ты мне теперь не нужен.

Собака только помахивала хвостом, прибегая к знакомым уловкам, чтобы выпросить у своего хозяина позволение остаться; но герцог был неумолим.

Когда дверь захлопнулась за преданным животным и герцог обернулся, дон Мигуэль издал восклицание, в котором удивление смешивалось со скрытой досадой:

— Ах, ваша светлость! В такой поздний час вы еще на ногах?

— К вашим услугам, маркиз, — холодно ответил герцог. — Его преосвященство у себя? Чем могу служить вам?

— Нет, ваша светлость, благодарю вас, — в смущении пробормотал молодой испанец. — Признаюсь, я не ожидал видеть вас здесь.

— Кого же вы надеялись увидеть?

— Вы, кажется, говорили, ваша светлость, что негоже задавать нескромные вопросы, а этот...

— Был нескромен?

— О! — умоляющим тоном произнес испанец.

— Значит, вы ожидали даму?

— Ваша светлость имеет что-нибудь против? — с плохо скрытым сарказмом спросил дон Мигуэль.

— Ровно ничего! — ответил герцог Уэссекский, чувствуя, что теряет самообладание. — Я не сторож вам, но думаю, что гостю вашего звания не подобает заниматься низменными любовными похождениями под кровлей английской королевы.

— Почему вы называете их низменными? — возразил дон Мигуэль, к которому возвращалось спокойствие по мере того, как герцог все более горячился. — Вы, милорд, лучше всех должны знать, что здесь, при дворе, мы ищем удовольствий и именно там, где легче всего найти их.

— Ну, ища удовольствий, можно потерять честь.

— Ваша светлость очень строго судит.

— Если мои слова оскорбляют вас, сэр, то я к вашим услугам.

— Это — вызов?

— Как вам будет угодно.

— Но, ваша светлость...

— Черт возьми! — надменно прервал его герцог Уэссекский с оттенком презрения в голосе. — Я не знал, что среди испанских герцогов есть трусы.

— Клянусь Пресвятой Девой, ваша светлость заходит слишком далеко! — воскликнул дон Мигуэль, выхватывая шпагу из ножен.

В глазах герцога Уэссекского вспыхнул огонек удовлетворения.

— Ну, милорд, разве мы дети, чтобы колоть друг друга такими булавками? — спокойно сказал он и, вынув из ножен шпагу, обнажил длинный итальянский кинжал, а затем взял его в левую руку, обмотав ее плащом.

— Вы с ума сошли! — нахмурившись запротестовал дон Мигуэль, поняв, что дуэль на шпагах и кинжалах неминуемо должна была кончиться смертью одного из противников, а подобная дуэль с таким опасным противником, как герцог Уэссекский, вовсе не входила в планы кардинала Морено.

— Вы, кажется, ждете, чтобы моя перчатка познакомилась с вашей щекой? — сдержанно произнес герцог.

— В таком случае, как вам будет угодно, — сказал испанец, неохотно вынимая кинжал, — но помните, что не я искал ссоры.

— Нет, нет! Я сам искал ее.

У дон Мигуэля даже губы побледнели. Он не был трусом и не раз рисковал жизнью на дуэлях; но в глазах человека, против которого он и кардинал плели свои интриги ради собственных политических выгод, читалась такая холодная решимость убить противника, что у испанца невольно пробегала по спине ледяная дрожь.

Так как вызов сделал герцог, то право выбрать позицию принадлежало маркизу, что было для него очень выгодно. Испанец встал спиной к открытому окну, так что его противник был ярко освещен с головы до ног, тогда как его собственная фигура представлялась в виде темного силуэта; но герцог Уэссекский, казалось, не обратил ни малейшего внимания на свое невыгодное положение. На нем все еще был роскошный шелковый костюм, в котором он появился за ужином, и ярко освещенные луной широкая лента ордена Подвязки, тонкое кружево у ворота и блестящие драгоценные камни только помогали его сопернику вернее направлять удары.

Дон Мигуэль готовился к поединку, когда какой-то внезапный слабый звук заставил его оглянуться в сторону тяжелой дубовой двери, ведущей в покои кардинала. Глаза его, которым грозящая опасность придавала особенную зоркость, ясно различили на полу узкую полоску света, и он понял, что дверь слегка приотворили. При появлении герцога Уэссекского эта дверь была плотно закрыта; за нею, как было известно дону Мигуэлю, кардинал Морено ждал исхода разговора.

Молодой испанец успокоился, зная, что кардинал следит за ходом дела и в случае необходимости может вмешаться. На все это потребовалось не более нескольких секунд, и герцог Уэссекский, стоявший спиной к двери, ничего не заметил.

Наконец шпаги скрестились. Сначала кинжал, который противники держали в левой руке, служил только для защиты, но испанец скоро убедился, что его первоначальный страх был вполне обоснован. Герцог Уэссекский, абсолютно спокойный, был очень искусен в фехтовании; кисть его руки казалась вылитой из стали. Его нападения были быстрыми и сильными; шаг за шагом, действуя медленно, но безошибочно, он заставлял маркиза двигаться по кругу и мало-помалу принудил его поменяться с ним местами.

Из комнаты кардинала не слышалось ни единого звука, дон Мигуэль не смел оглянуться на дверь, так как этот миг мог погубить его. На лбу у него выступил холодный пот. Половину состояния отдал бы он за то, чтобы только узнать, что происходит за той дверью. У него вдруг мелькнула ужасная мысль: уж не задумал ли кардинал, чтобы он, дон Мигуэль, погиб от руки герцога Уэссекского? Дипломатия не ведает жалости. Может быть, его смерть окажется полезнее его жизни для замыслов кардинала Морено? В таком случае только Всевышний мог спасти его.

Между тем нападения герцога становились все активнее, и два или три раза дон Мигуэль уже чувствовал, как его горла коснулся кинжал противника.

Вдруг среди молчания раздался пронзительный женский крик, затем послышались чьи-то быстрые шаги, и кто-то постучал в дверь, громко крикнув:

— Берегись, Уэссекс!

Оба противника невольно оглянулись в ту сторону, откуда доносился этот душераздирающий крик. Дверь в помещение маркиза была настежь открыта; из задней комнаты лились потоки света, и на этом фоне четко вырисовывалась фигура женщины в длинном белом платье, с распущенными по плечам золотистыми волосами. Еще минута — и женщина уже стояла в зале, подобно светлому призраку, ярко освещенная луной; легкий белый шарф спустился с плеч, открывая белую шею и обнаженную грудь; в волосах запуталось несколько зеленых листьев, придавая этой девичьей фигуре вид вакханки. Взглянув на нее, герцог Уэссекский выронил из руки шпагу. Это была она!

Дон Мигуэль, по-видимому, был не очень удивлен этим неожиданным появлением; казалось, оно скорее раздосадовало его.

— Леди Урсула, прошу вас! — воскликнул он, положив руку на плечо девушки. В этом жесте было что-то властное, и говорил он повелительным тоном. — Прошу вас, уйдите! Здесь не место женщине.

Сердце герцога Уэссекского болезненно сжалось при виде того, как обращался с нею этот человек, тогда как всего лишь часом ранее он готов был отдать целое королевство за счастье коснуться ее руки.

Молодая девушка стояла озадаченная, но вдруг стыдливым движением прикрыла шарфом свою обнаженную грудь и, задыхаясь, шепнула дону Мигуэлю:

— Я хочу говорить с ним.

Но в планы маркиза вовсе не входило продолжать эту сцену хоть на секунду больше, чем требовала необходимость. Он и кардинал с самого начала решили только на один миг показать Мирраб герцогу. Оправившись от первого изумления, герцог Уэссекский мог заговорить с девушкой, и тогда ее голос выдал бы обман.

— Уходите! — решительно произнес дон Мигуэль и, схватив девушку за руку, шепнул ей на ухо несколько слов, после чего почти насильно вытолкнул ее из комнаты.

Герцог Уэссекский разразился громким, неестественным смехом, выдавшим всю его душевную муку. Какое унижение! Он почувствовал, что весь его гнев сразу пропал, только гордость невыразимо страдала. Он, герцог Уэссекский, сохранявший в сердце рыцарское отношение к женщине, кто бы она ни была — королева или крестьянка, — унизился до соперничества за расположение какой-то развратницы! Мысль о возможности обмана не пришла ему в голову.

— Клянусь Пресвятой Девой, — обращаясь к маркизу де Суаресу, сказал он с прежним горьким, надрывным смехом, — мы можем лишь поблагодарить леди Урсулу за ее своевременное вмешательство! Вы, милорд, и я скрестили шпаги из-за нее? — Он с

негодованием указал на удалявшуюся Мирраб. — Это не трагедия, милорд, а фарс!

Бросив кинжал на пол, он вложил шпагу в ножны в ту минуту, когда дону Мигуэлю удалось, оттолкнув девушку из комнаты, запереть за нею дверь; затем испанец рассыпался в извинениях.

— Пожалуйста ни слова более, милорд! — холодно сказал герцог: это мне следует извиниться за вмешательство в дело, меня не касающееся. По справедливому замечанию его преосвященства, чувство гостеприимства должно было подсказать мне не охотиться за вашими птичками, милорд! Поздравляю, маркиз! У вас тонкий вкус. Покойной ночи и приятных снов!

Когда его высокая фигура скрылась за дверью, дон Мигуэль с облегчением вздохнул.

— Чудно разыгранная комедия! — прошептал он. — Тысяча поздравлений его преосвященству! Кар-рамба! Это была лучшая из всех выигранных нами партий за то время, что мы находимся в этом туманном Альбионе.

XVII

Пока разыгрывался этот короткий драматический эпизод, в котором Мирраб исполнила главную роль, она тщетно старалась собрать свои мысли. В течение нескольких часов два благородных джентльмена, один из которых носил пышную красную одежду, угощали ее вином, уверяя, что она увидит герцога Уэссекского, если согласится отзываться на имя «леди Урсула», так как его светлость никогда не станет разговаривать с женщиной, если она — не «леди». Ей нравилось, что ее называли «леди», пусть даже и в насмешку, и она была в восторге от мысли явиться в красивом наряде перед герцогом, к которому со времени эпизода на истмольсейской ярмарке испытывала страстное чувство. Ей очень нравилось пышное платье, которое ей приказали надеть, и она была готова исполнить любое желание чужеземцев, которые так нарядили ее. Родилась и выросла она в нищете, и все ее честолюбие ограничивалось желанием быть сытой и иметь немного денег.

Мирраб гордилась тем, что герцог Уэссекский спас ей жизнь, и страстно хотела снова видеть его. Она надеялась, что предостережение о грозившей ему, по предсказаниям звезд, опасности послужит ей верным пропуском к нему; но его преосвященство кардинал и молодой джентльмен уверили ее, что для того, чтобы проникнуть к нему, необходимо знатное имя.

Часы ожидания прошли для Мирраб приятно: вино было вкусным, а молодой иностранец не очень требовательным. Через некоторое время она уже спала, как усталый зверек, свернувшись на мягком ковре. Звяканье оружия разбудило Мирраб; убедившись, что двери не заперты, она решила полюбопытствовать, в чем причина шума. Вид двоих сражающихся мужчин вызвал у нее крик

ужаса, и, узнав герцога Уэссекского, она поспешила предупредить его. Однако голова девушки отяжелела от выпитого вина. Ей хотелось подойти к герцогу, но комната закружилась перед нею, и, прежде чем она успела вымолвить слово, молодой чужестранец грубо схватил ее за руку и увел. Чувствуя странную слабость, Мирраб не в силах была противиться ему; дверь за нею захлопнулась, и она осталась одна.

Придя понемногу в себя, она приложила ухо к замочной скважине, но ничего не услышала. Позади нее был коридор, в который выходило несколько дверей; одна из них вела в ту комнату, где она провела весь вечер. Здесь царила полная тишина. Мирраб взялась за ручку тяжелой двери; дверь подавалась, и девушка очутилась в том зале, где только что происходила дуэль. В окна по-прежнему лился лунный свет. Напротив находилась другая дверь, такая же массивная, как та, в которой стояла девушка. Комната была пуста. Герцог Уэссекский ушел, и Мирраб не успела с ним поговорить. Только одна эта мысль ясно звучала в царившем в ее голове хаосе. Противоположная дверь влекла ее к себе; может быть, герцог вышел через нее? Наверно, так и было; ей даже казалось, что она еще слышала его странный, горький смех.

Она перебежала через комнату, боясь, чтобы герцог не ушел до ее прихода, но не успела достичь противоположной двери, как ее крепко схватили за руку и сильно дернули назад. При свете луны Мирраб узнала молодого чужестранца.

— Пустите меня! — хрипло шепнула она.

— Не пущу!

— Я пойду к нему!

— Нельзя! — сквозь зубы прошипел он.

Как раз в эту минуту до слуха девушки долетел звук отдаленных шагов, затем возглас: «Сюда, Гарри!» — и стук захлопнувшейся вдаль двери. Мирраб подумала, что, может быть, герцог куда-нибудь уйдет, и она опять упустит его, а потому, сильным движением вырвавшись из рук дон Мигуэля, сказала низким, дрожащим голосом:

— Берегись, молодчик! Пусти меня, или...

— Молчи, бродяжка! — отозвался дон Мигуэль. — Еще одно слово — и я позову стражу и прикажу бить тебя, как нарушительницу тишины.

Мирраб вздрогнула, словно ее ударили бичом. Действие виновных паров уже прошло, и она начала смутно соображать, что ее оудрачили; как и с какой целью — было ей непонятно. Отбросив со лба волосы и машинально оправив свой костюм, она близко подошла к дону Мигуэлю, скрестила на груди руки, смело взглянула ему прямо в глаза и сказала, стараясь говорить спокойно:

— Ну, мой красавчик, что это значит? Ты считаешь меня душой? Думаешь, я не понимаю твоих хитростей? Ты и тот обманщик в красном платье хотели... воспользоваться мною. Нежничали, наобещали всего. Вы обманули меня, чтобы обмануть его. Один черт

знает, чего вы хотели! Что вы наговорили мне про «леди» и про Урсулу? Герцог посмотрел на меня так, как будто у меня чума. Вы этого хотели? Ну, теперь вы всего добились. Чего же вам еще от меня нужно?

Дон Мигуэль, изумленный этой страстной речью, с насмешкой взглянул на девушку и холодно произнес, пожимая плечами:

— Нам ничего не нужно, бродяжка! Его светлость герцог Уэссекский не желает твоего общества, и я не могу тебе позволить беспокоить его. Если ты спокойно удалишься, то получишь туго набитый кошелек, а если нет, то — бичевание, дочь моя! Понимаешь?

— Я не уйду! — упрямо повторила Мирраб, — не уйду! Я хочу сейчас же видеть герцога. Он был так добр ко мне! Я люблю его, люблю его чудное лицо и красивые белые руки, хочу их целовать и не уйду. Не стой же у меня на дороге!

— Даю тебе три минуты, чтобы успокоиться! — хладнокровно сказал дон Мигуэль, — а потом берегись! — Он искоса взглянул на Мирраб и жестко засмеялся. — Потом ты уйдешь, все-таки уйдешь, хотя уже и не по доброй воле. У дворцовой стражи рука тяжелая, ты получишь тридцать ударов, на твоих плечах выступит кровь! Я прикажу бить тебя, пока ты не умрешь под ударами. Лучше уйди сейчас, или...

Лицо испанца выражало такую яростную угрозу, что девушка инстинктивно отступила на несколько шагов назад, в темноту. При этом она почувствовала, как что-то острое пронзило тонкую подошву ее башмака. Присутствие духа не изменило ей, она даже не вскрикнула; когда же испанец на минуту отвернулся, она быстро нагнулась, подняла с пола кинжал, и незаметно спрятала в складках своего платья.

Теперь она была спокойна.

Видя, что Мирраб стоит молчаливая и неподвижная, дон Мигуэль с облегчением вздохнул.

— Ну, выбирай же, девушка, — сказал он, — кошелек, полный золота, или бичеванье.

Мирраб ответила не сразу, в комнате повисло жуткое молчание.

Потом девушка заговорила, сначала медленно, тихим, глухим голосом, затем все громче и быстрее:

— Небесные силы! Дайте мне терпения! Слушай, молодец! Ты меня не понимаешь. Я — не придворная леди, которая носит шелковые платья и умеет только скалить зубы да обманывать. Я Мирраб, колдунья, слышишь? А колдунья ничего не знает ни о вашем законе и стражах, ни о королевах и богатых лордах. Герцог Уэссекский спас мне жизнь, и я хочу видеть его. Какое тебе дело до этого? Пусти же меня к нему!

В ее теперь почти умоляющем голосе слышалось рыдание.

— Позвать стражу? — холодно спросил дон Мигуэль.

Девушка подошла к нему вплотную, а он, по-прежнему стоя между нею и заветной дверью, смотрел на нее через плечо.

— Пусти меня к нему! — еще раз попросила Мирраб.

Вместо ответа испанец сделал вид, что зовет стражу:

— Эй, стража! Сюда-а!

Последний звук замер в страшном хрипении: не успел дон Мигуэль договорить, как Мирраб изо всей силы ударила его в спину кинжалом. Он упал ничком, в предсмертной агонии призывая человека, которому причинил столько страданий:

— Ко мне! Уэссекский! Умираю!..

Во дворце уже царило смятение. Крики Мирраб, когда она увидела дуэль, а затем ее громкие пререкания с доном Мигуэлем привлекли внимание караула. В комнату герцога Уэссекского также донеслись сердитые голоса из зала, который он только что покинул. Он не мог ничего расслышать отчетливо, но ему казалось, будто там горячо спорили мужчина и женщина. Он старался не слушать, но в душе каждого человека с рыцарскими чувствами живет стремление прийти на помощь женщине, находящейся в затруднительном положении. Это заставило герцога Уэссекского вернуться. Подходя к залу, он услышал призыв своего умирающего противника. Со всех сторон уже слышались приближающиеся шаги. Герцог в ужасе бросился вперед. Инстинктивно нащупав в темноте дверь, он отворил ее, и, двигаясь прямо перед собою, наткнулся на что-то, лежавшее на полу.

В одну минуту герцог был уже на коленях, осторожно ощупывая неподвижно лежавшее тело; убедившись, что несчастный молодой человек упал лицом вниз, он как мог осторожнее повернул его на спину. Вдруг ему почудилось, что в комнате есть еще кто-то, и он заметил неясные очертания белой фигуры, такой же неподвижной, как и убитый человек, между тем как шум приближавшихся шагов становился все слышнее. Уже доносились отдельные голоса:

— Сюда!.. Нет, не туда!.. Во дворе... Нет! Это в приемной.

— В окно! — с внезапной горячностью шепнул герцог Уэссекский белой фигуре. — Здесь не высоко... Скорей! Бегите, ради Бога, пока не поздно!

В нем говорил только инстинкт. Ему казалось, что это — Урсула, но все же в окружавшей его тьме он видел не ту, которая незадолго перед тем нанесла смертельный удар его любви, а зеленые рощи парка, гвоздики и стройную фигуру в белом с невинным лицом и короной золотых волос. Его страстная любовь к этой Урсуле уступила место безграничному ужасу, не только от содеянного ею, но и от мысли, что она будет схвачена стражей и с позором уведена, как какая-нибудь полоумная или бродяжка. Теперь он знал, что ничто не вытеснит из его сердца образа Урсулы. Его огромная любовь к ней умерла, но смерть иногда сильнее жизни. Он снова указал на окно и шепнул:

— Скорей! Ради Бога!

Девушка кинулась к нему.

— Нет, нет! — отстранил ее герцог. — Бегите!

Нельзя было терять ни минуты. Осознав наконец опасность, Мирраб бросилась к окну и взглядом измерила расстояние, отделяв-

шее ее от находившейся под окном террасы; потом она с ловкостью кошки прыгнула с окна и исчезла в темноте в тот самый момент, когда двери в приемную широко распахнулись, и в комнату с факелами в руках ворвались испуганные люди — придворные, стража и слуги.

— Воды! Доктора! Скорей! — приказал герцог Уэссекский, поддерживая голову дона Мигуэля.

— Что случилось? — спрашивали со всех сторон.

В одну минуту герцог был окружен, и комната наполнилась светом. Тогда из дверей налево раздался мягкий, вкрадчивый голос:

— Что случилось?

— Испанский маркиз... — пробормотал кто-то из толпы.

— Ранен? — спросил тот же голос.

— Нет! Боюсь, что убит, — спокойно ответил герцог Уэссекский.

Присутствующие невольно расступились, и обладатель вкрадчивого голоса тревожно произнес: «Я читал свои молитвы, когда услышал шум. Что здесь случилось?» — и кардинал Морено приблизился к мертвому телу своего друга. Постояв безмолвно около него несколько мгновений, он воскликнул:

— Ваша светлость! Как...

— Увы, ваше преосвященство! — сказал герцог. — Дон Мигуэль де Суарес скончался.

Некоторое время кардинал молчал, затем нагнулся и поднял что-то с пола.

— Но как все это случилось? — спросил один из придворных.

— Верно, дуэль? — подсказал другой.

— Нет, не похоже на дуэль! Шпага и кинжал дона Мигуэля не вынуты из ножен, — тихо сказал кардинал, а затем обратился к стоявшему рядом с ним начальнику стражи. — Не может ли этот кинжал объяснить тайну? Как вы думаете, сын мой? — спросил он, подавая ему какой то маленький предмет. — Я только что поднял его здесь.

Взяв из рук кардинала кинжал, капитан внимательно осмотрел его. Ближайшие его соседи заметили, что капитан вдруг вздрогнул, и рука, державшая кинжал, тоже задрожала.

— Кинжал вашей светлости! — наконец сказал он, протягивая герцогу оружие. — На рукоятке вырезан герб вашей светлости.

За этими словами последовало мертвое молчание. Озадаченный герцог машинально взял кинжал из рук капитана; на лезвии еще была видна кровь дона Мигуэля.

— Да, это мой кинжал, — прошептал герцог.

— Ваша светлость, без сомнения, может объяснить... — снисходительно начал кардинал.

Герцог Уэссекский уже готов был отвечать, но в этот момент в разговор вмешался один из стражей.

— Мне показалось, что сейчас какая-то женщина бежала через сад, — обратился он к своему начальнику. — Я не мог хорошо

разглядеть ее, но видел, что она была в белом и быстро пробежала вдоль террасы, недалеко от этого окна.

— Тогда ваша светлость, может быть, скажет нам... — мягко настаивал кардинал.

— Я ничего не могу сказать вашему преосвященству, — холодно возразил герцог Уэссекский. — Я все время был в этой комнате и не видел поблизости никакой женщины.

— Ваша светлость находились здесь одни с маркизом де Суаресом? — с глубоким удивлением сказал кардинал. — Женщина...

— Здесь не было никакой женщины, — с твердостью произнес герцог, — я был с глазу на глаз с маркизом де Суаресом.

В зале снова воцарилось мертвое молчание. Вышедшая из-за туч луна осветила группу людей, с благоговейным ужасом отступивших от покойника и стоявшего возле него знатнейшего герцога страны, который только что сознался в убийстве.

Первый пришел в себя начальник стражи.

— Кинжал вашей светлости... — в смущении начал он.

— Ах да! Я и забыл, — спокойно сказал герцог Уэссекский, поднимаясь с колен, а затем вынул шпагу из ножен и, переломив ее о колено, бросил обломки на пол. — Я готов следовать за вами, капитан, — произнес он с присущей ему гордостью и в то же время с той приветливостью, благодаря которой всегда удивительно легко было общаться с ним.

Присутствовавшие молча почтительно расступились, чтобы дать дорогу его светлости герцогу Уэссекскому, покидавшему комнату в качестве тюремного узника.

XVIII

В молчаливом уединении Тауэра¹ герцог Уэссекский имел много времени обдумать свое положение. Только один роковой осенний вечер — и какие перемены в его судьбе! Вчера он был первым джентльменом Англии, которого многие любили, некоторые боялись, но все уважали, как истое воплощение национальной гордости и национального величия, а сегодня? Но о своей собственной судьбе, о позоре, обрушившемся на него, герцог почти не думал. При философском взгляде на жизнь он до сих пор сохранял беззаботность игрока, который все поставил на карту, все проиграл и доволен, что может покинуть зеленый стол. В те времена жизнь вовсе не считалась таким неоценимым сокровищем, как мы привыкли думать. Может быть, нельзя было бы утверждать, что одна только

¹ Знаменитая крепость в лондонском Сити, выстроенная еще Вильгельмом Завоевателем в одиннадцатом столетии. В истории Англии Тауэр играл важную роль в качестве резиденции английских королей, а впоследствии как государственная тюрьма.

вера помогала герцогу так легко переносить неожиданное и трагическое завершение его блестящей карьеры, но она, несомненно, дала ему спокойный, лишенный горечи образ мыслей философа, для которого жизнь не имеет больше цены. И действительно, какую цену имела теперь для него жизнь? На этой мысли герцог останавливался с горечью не потому, чтобы боялся смерти или огорчался выпавшим на его долю позором; нет, его печалили обман женщины и утрата иллюзий.

С одной стороны — его «Фанни», чудное воплощение девичьей чистоты, кокетливая, нежная, с честными, ясными голубыми глазами и искренней, веселой улыбкой; с другой — Урсула Глинд, с обнаженной грудью, с пылающими (только не от стыда!) щеками, влажными от выпитого вина глазами, слабо протестующая против властного прикосновения дерзкого испанца, чтобы через несколько минут отомстить ему с неистовой грубостью уличной женщины, которая настолько пьяна, что не может понять свое преступление. Что-то внутри говорило герцогу, что это — не та женщина, которая гадала на маргаритках и дрожала от наслаждения при звуках пения птиц, и не та, которую он полюбил в один миг и которую поцеловал в безумную минуту небесного блаженства. Возможность обмана ни разу не пришла герцогу в голову. Все было подстроено с дьявольской хитростью, и нужна была сверхъестественная проницательность или холодный ум бесстрастного математика, чтобы догадаться, в чем дело. Одно лишь сознавал герцог вполне отчетливо — что в первый раз в жизни он полюбил так, как только может любить человек, и что любимая женщина оказалась в его глазах развратной лгуньей. Он принужден был этому верить. Разве он не видел ее собственными глазами? Да и кому могло прийти в голову, что на свете могут быть два лица, настолько похожие друг на друга? Он придумывал для преступницы всякие объяснения и оправдания, кроме единственно верного. Она могла помешаться, могла не отвечать за свои поступки, — да, но сознательно, добровольно стать развратницей — никогда! У нее была двойственная натура, которою попеременно управляли то ангелы, то дьяволы!

В немногие дни, оставшиеся до судебного разбора дела, единственным компаньоном герцога был Гарри Плантагенет. Верный пес как будто прекрасно знал, что его хозяин страдает, что его теперь нельзя ничем утешить, и часами сидел возле него, положив ему на колени свою умную голову, с немым сочувствием глядя ласковыми глазами в его серьезное лицо. Лучше, нежели кому-нибудь, Гарри Плантагенету было известно, что когда никто не мог их видеть, гордость и горечь отступали на задний план, и горячие слезы немного облегчали страдания, разрывавшие сердце герцога Уэссекского. И, видя эти слезы, Гарри Плантагенет свертывался клубочком и укладывался спать, своим тонким собачьим инстинктом чувствуя, что теперь в мрачной келье башни воцарялись мир и покой.

Дни шли за днями, и высшее общество Англии готовилось увидеть перед судом пэров самого известного из их круга, обвиняемого в низком убийстве, а в одной из самых маленьких комнат на половине королевы одиноко сидела Мария Тюдор, то молясь, то погружаясь в печальные мысли.

Теперь это была не гордая, своевольная Тюдор, страстная, жестокая, капризная, но просто средних лет женщина с разбитым сердцем, с распухшими от слез глазами, занятая лишь одной мыслью: спасти его. Но как спасти?

Несмотря на собственное признание герцога, что он совершил низкое преступление, поразив своего врага в спину, Мария упорно отказывалась верить этому. До ее ушей также достигли слухи о присутствии женщины в той части дворца именно в тот роковой час. Ревность и ненависть, бушевавшая в ее душе, подсказывали ей, что если Урсула Глинд и не была главным действующим лицом, то, во всяком случае, была причиной этого возмутительного преступления. Все соглашались в том, что так или иначе женщина была причастна к ужасному событию этой ночи.

Налицо был несомненный факт, что маркиз де Суарес изменнически убит в спину и что герцог Уэссекский признал себя виновным в этом преступлении. Герцогу никто не верил. Для чего он сделал это?

— Чтобы спасти честь женщины, — утверждали друзья его светлости.

— Какой женщины? — допытывались его враги.

Втихомолку называли имя леди Урсулы Глинд, хотя казалось невозможным, чтобы у нежной, поэтичной молоденькой девушки достало физической силы для такого удара. Однако мало-помалу у всех росло убеждение, что если бы леди Урсула захотела, то могла бы пролить некоторый свет на события ужасной ночи, и эта мысль крепко засела в голове Марии Тюдор.

Молодая девушка, разумеется, отрицала, что ей что-либо известно. Она не могла припомнить ни одного факта, который свидетельствовал бы о предполагаемой вражде между герцогом Уэссекским и доном Мигуэлем. Кардинал ничего не говорил, потому что такой оборот дела прекрасно способствовал задуманному им плану. Лорд Эверингем находился в Шотландии, а в те времена всякие известия доходили не скоро. Что касается королевы, то основанием ее подозрений служили лишь ее ненависть к молодой девушке и твердое убеждение, что в ту ночь герцог Уэссекский и Урсула встречались за час или два до убийства. Она ведь сама видела девушку и унизила ее в присутствии кардинала и придворных дам, герцога тогда там не было.

Что же случилось потом?

Если бы было возможно, Мария Тюдор подвергла бы соперницу нравственным и физическим пыткам, пока не добилась бы от нее

признания; но в ее власти было только не выпускать Урсулы из ее комнаты; она не хотела терять ее из вида, хотя молодая девушка просила разрешения покинуть двор и удалиться в монастырь: ее измученная душа жаждала тишины и покоя.

С того рокового вечера прошло две недели. Его светлость все время находился в заключении в Тауэре и, благодаря своему высокому положению и исключительным условиям, получил просимое разрешение на ускорение дела. Суд над ним был назначен на следующий день. В течение этих суток королева, может быть, нашла бы средство спасти любимого человека от позорной смерти. В последние две недели она выстрадала больше, чем иной женщине приходится выстрадать за всю жизнь. Хотя она была королевой, но оказывалась бессильной исполнить свое единственное горячее желание, за которое готова была отдать все королевство.

Сегодня Мария все утро провела за туалетом, заботливо выбирая то, что, по ее мнению, было ей больше к лицу. Ввиду возраста королевы, охватившее ее при этом волнение могло бы показаться смешным, если бы не носило такого трагического характера. Ей так хотелось быть привлекательной!

Внимательно изучив перед зеркалом свое лицо, она постаралась сделать незаметными многочисленные морщинки, навела на щеки легкий румянец и посвятила целый час убранству головы. Потом она перешла в маленькую комнату с темно-красной обивкой, в которую слабо проникал дневной свет, и стала нетерпеливо ходить взад и вперед. Чуть не каждую минуту она звонила в колокольчик, спрашивая являвшегося на ее зов паж:

— Видна ли уже стража?

— Нет еще, ваше величество, — неизменно отвечал ей паж.

Было около трех часов, когда герцогиня Линкольн принесла наконец желанную весть.

— Начальник дворцовых телохранителей явился к вашему величеству с докладом, что стража Тауэра вместе с герцогом Уэссекским уже у ворот дворца.

Привычным жестом королева прижала руку к сердцу, не будучи в силах вымолвить ни слова. Добрая старая герцогиня, с выражением почтительного сочувствия на грустном лице, терпеливо ждала, когда королева оправится.

— Хорошо, — немного спустя, промолвила Мария. — Прикажите, пожалуйста, герцогиня, чтобы его светлость немедленно привели сюда.

Оставшись одна, она с рыданием упала на колени.

— Пресвятая Дева, Матерь Божия! — шептала она сквозь слезы. — Услышь мою мольбу, моли за меня Бога! Помоги мне спасти его и сделать его королем! Царица Небесная, помоги мне! Сделай так, чтобы он... полюбил... меня!

Поднявшись с колен, королева тщательно вытерла слезы, и, бросив взгляд в стоявшее на столе маленькое зеркало, оправила прическу и принудила себя улыбнуться.

Через минуту в дверь постучали, слышались бряцание оружия, шум голосов, и в комнату вошел герцог Уэссекский. Мария протянула ему руку, и он почтительно склонился, чтобы поцеловать ее; это дало королеве время оправиться от волнения. При виде изменившегося лица герцога у нее больно сжалось сердце. От прежней его веселости и жизнерадостности не осталось и следа; он казался постаревшим, и даже походка его утратила прежнюю уверенность.

Мария указала ему место возле себя. Сама она предусмотрительно поставила свое кресло так, что свет из окна падал прямо на лицо герцога, оставляя ее в тени.

— Надеюсь, милорд, — дрожащим голосом начала она, — что в Тауэре вам оказывали подобающий почет, как я приказала?

— Ваше величество очень милостивы, — ответил герцог Уэссекский, — гораздо милостивее, нежели я заслуживаю. Все в Тауэре так добры и внимательны ко мне, что я всем доволен.

— О, если бы я могла, — вырвалось у королевы, но она тотчас же сдержалась, твердо решившись не давать воли волнению, пока не выскажет ему всего, что было у нее на душе. — Милорд, — твердо начала королева, — верите ли вы, что пред вами искренний и преданный друг, не ваша королева, но просто женщина, которая ничего так не желает, как... вашего счастья?... Верите?

— Этому легко поверить, — с улыбкой ответил герцог. — Я часто бывал пристыжен чрезмерной добротой вашего величества.

— Если вы дорожите моей дружбой, милорд, — с жаром продолжала Мария, — обещайте мне, что завтра перед вашими судьями вы опровергнете предъявленное вам гнусное обвинение.

— Почтительно прошу прощения вашего величества, — сказал герцог, — но я признался в совершенном мною преступлении и ничего не могу опровергнуть.

— Это безумие, милорд! Вы, самый благородный джентльмен во всей Англии, совершили такое гнусное преступление, какого постыдился бы самый грубый человек? Все это было бы безобразной шуткой, если бы не являлось такой страшной трагедией.

— Нет, это — не трагедия, ваше величество. Людям и лучше меня случалось губить свою жизнь. Прошу вас, не думайте больше обо мне!

— Не думать о вас, дорогой милорд! — с упреком произнесла Мария. — Да я ни о чем другом и думать не могу с той ужасной ночи, когда мне сказали, будто вы...

Что-то сдавило ей горло и помешало продолжать.

С глубоким уважением, но и с жалостью смотрел герцог Уэссекский на одинокую, пожилую, своенравную женщину, любившую его с материнским самоотвержением. Не была ли она в десять тысяч раз достойнее той развратницы, образ которой наполнял его сердце? Одну женщину он уважал, другую должен был презирать, и все-таки готов был пожертвовать жизнью, честью, добрым именем ради того, чтобы спасти недостойный предмет его безграничной любви от публичного позора.

Вероятно, промелькнувшие в его голове мысли отразились у его на лице, так как внимательно следившая за ним Мария с горечью сказала:

— Я знаю, милорд, что ваше молчание относительно этого таинственного дела вызвано рыцарским желанием защитить другого... женщину... Подумайте!..

— Я обо всем подумал, — с твердостью возразил герцог, — и умоляю ваше величество...

— Нет, не вы, а я умоляю, — с жаром перебила королева. — Взглянем прямо в лицо действительности. Неужели вы считаете всех глупцами, которые способны поверить вашей выдумке? В ту ночь видели, как из дворца через террасу бежала женщина. Кто она? Откуда явилась? Никто не видел ее лица, слуги не догадались побегать за нею, но некоторые из придворных готовы поклясться, что это была... леди Урсула Глинд.

В первый раз после роковой ночи герцог Уэссекский услышал это имя; на один миг он утратил свою ледяную холодность, и Мария заметила, что он нахмурился.

— Ее допрашивали, — продолжала королева, — но она хранит упорное молчание. Верьте, милорд, что вы с рыцарским самоотвержением спасаете негодную развратницу.

Но к герцогу Уэссекскому уже вернулось самообладание.

— Ваше величество ошибается, — спокойно возразил он. — Я ничего не знаю о леди Урсуле и своим признанием не хочу никого спасать.

— Не настаивайте на этом бессмысленном признании!

— Ваше величество, оно уже в руках моих судей и написано моей собственной рукой.

— Вы возьмете его обратно.

— Зачем? Я сделал его добровольно, в здравом уме и владея собой, без малейшего к тому принуждения.

— Вы возьмете его обратно, потому что я прошу вас об этом, — мягко сказала Мария, встав с кресла и подходя к нему, и, когда он также хотел встать, она удержала его, положив ему руку на плечо и продолжая тем же мягким тоном: — Выслушайте меня, милорд, я все обдумала. Глупые предрассудки и ложная скромность не должны оказывать влияние в таком важном вопросе. Я готова пожертвовать спасением моей души ради вашего оправдания.

— Ваше величество...

— Нет, прошу вас, не тратьте этих драгоценных минут на напрасные протесты, которым я все равно не поверю. Ни один здравомыслящий человек в Англии не считает вас виновным, а на основании вашего признания пэры должны вас осудить, чтобы удовлетворить правосудие. И вы, милорд, примете смерть с ложью на устах!

— С правдой, — твердо возразил герцог Уэссекский, — потому что я убил маркиза де Суареса.

— Нет, с ложью! — страстно воскликнула Мария. — И это будет ваша первая и последняя ложь в жизни. Но оставим это! Я не

хочу больше терзать вашу гордость, заставляя вас повторять чудовищную ложь. О, если бы я могла вырвать тайну у бессердечной девушки! Если бы я была таким королем, как мой отец, я бы пытала ее, бичевала, жгла, рвала на части, но добилась бы от нее правды!

Королева вся дрожала; ее глаза были полны слез.

Герцог взял ее за руку. В эту минуту природная жестокость Марии, которою она впоследствии ознаменовала свое правление, за что получила название Кровавой, заглушила в ней всякое мягкое чувство. Вздвогнув от прикосновения руки герцога, она остановилась, пристыженная, что он видел ее в таком состоянии.

— До появления Урсулы Глинд при дворе у вас находились для меня ласковые слова, — прошептала она, словно извиняясь за буйную вспышку. — Ах, вы никогда не любили меня! Да и какой мужчина полюбит такую старую, как я, женщину, некрасивую, капризную, в которой к тому же под королевской мантией кроется жестокость? Но прежде у вас было ко мне теплое чувство, милорд, а спокойная любовь, без страсти, иногда бывает счастливой. Я скоро заставила бы вас забыть последние ужасные дни, и никто не посмел бы сказать ничего дурного о супруге английской королевы, — шепотом dokonчила она.

Герцог не мог видеть ее лицо, но во всей фигуре этой высокомерной, властолюбивой женщины выражалась такая глубокая скорбь, что он почти с благоговением преклонил колена и нежно поцеловал ее дрожащую, горячую руку.

— Дорогая моя королева, — грустно произнес он, — я всегда был и буду самым преданным из ваших подданных, но разве вы не видите, что мне невозможно принять ту высокую честь, которой ваше величество утомляет меня?

— Вы отказываетесь? Значит, в вас нет ни капли любви ко мне?

— Я слишком высоко чту свою королеву, чтобы допустить ее очернить свое чистое имя. Если бы, признав себя виновным, я был оправдан по желанию вашего величества, всякий мог бы сказать, что королева спасла своего возлюбленного, а потом вышла замуж за преступника.

— Если я рискую своей честью, то никто не осмелится...

— Честь уже утрачена, дорогая королева, если поставлена на карту.

— Но я спасу вас! — с все возрастающим волнением воскликнула Мария. — Спасу, несмотря на все ваши признания, хотя бы вы сто раз оказались преступником, спасу вас потому, что я — Мария Тюдор и в Англии нет закона выше моей воли!

Гордость и страсть сделали ее почти красивой. Любовь к герцогу Уэссекскому была единственным чувством, что смягчало жестокость этой сложной натуры, но, как истая Тюдор, она хотела бы сама руководить его судьбой, по своему капризу.

Быстро поднявшись с колен, герцог стоял теперь лицом к лицу с нею, полный гордого достоинства, и с твердостью произнес:

— Прежде чем позор падет на нас обоих, ваше величество, последний герцог Уэссекский будет похоронен как самоубийца.

Он смело встретил взор королевы, желая, чтобы она знала, что даже в эту решительную минуту, будучи принужден выбирать между короной и эшафотом, он не изменит твердым убеждениям, которыми руководился всю жизнь; что никогда не сделается фаворитом Марии Тюдор, любящей его, но обладающей всеми недостатками Тюдоров. Нет, лучше погибнуть от руки палача!

Все это королева прочла в его глазах и поняла, что окончательно проиграла дело. Заметив это, герцог почувствовал к ней невольную жалость.

— Верьте, моя дорогая повелительница, — мягко сказал он, — что память о ваших добрых словах будет поддерживать меня до самой смерти. А теперь, из жалости ко мне, прикажите позвать стражу и... разрешите мне удалиться.

— Я не считаю это вашим последним словом, милорд, — в отчаянии настаивала Мария. — Подумайте...

— Я много передумал, ваше величество, — сдержанно ответил он. — В конце концов, что есть в жизни привлекательного? Честь королевы Англии и мое собственное самоуважение были бы слишком дорогой ценой за такую незначительную вещь.

В эту минуту в дверь дважды постучали, и королева с трудом заставила себя сказать:

— Войдите! В чем дело?

— Лорд сенешаль¹ прибыл во дворец, ваше величество, и смотритель Тауэра требует узника.

— Хорошо. Можете идти!

— Смотритель Тауэра ожидает его светлость в соседней комнате.

— Хорошо! Он может подождать.

Паж с поклоном удалился.

Теперь самообладание совершенно покинуло Марию Тюдор, и, забывая всякую гордость и достоинство, она в страстном порыве с рыданием прижалась к любимому человеку.

— Нет, нет! Они не смеют вас увести! Скажите только одно слово, дорогой мой герцог! Что вам стоит? А в нем вся моя жизнь. Что нам до мнения целого света? Разве я не выше всего этого? И вы также будете выше, когда сделаетесь английским королем...

Призвав к себе на помощь все свое мужество, герцог Уэссекский возможно осторожнее высвободился из ее объятий и, нежно глядя ее волосы, ждал, чтобы она немного успокоилась. В соседней комнате слышалось бряцание оружия: очевидно, смотритель Тауэра с нетерпением ожидал своего узника. При этом звуке Мария выпрямилась, обернулась лицом к двери с видом разъяренной львицы. Опасаясь с ее стороны какого-нибудь отчаянного поступка и сознавая лишь серьезность этого критического момента, герцог словно

¹ Высший придворный чиновник, исполнявший в то же время и судебные обязанности

клешнями стиснул ей руку, рассчитывая, что физическая боль заставит ее прийти в себя.

Королева с нежней мольбой взглянула ему прямо в лицо и спросила:

— Разве вы не знали, что я... так униженно вас любила?

— Да благословит вас Бог за эту любовь, — серьезно сказал герцог, — но клянусь перед Всевышним, что, если вы не дадите совершиться правосудию, я не переживу вашего и своего позора.

Королева закрыла глаза, чувствуя себя беспомощной, разбитой и невыразимо печальной.

— Господь да поможет вам, дорогой мой лорд! — прошептала она.

Он поцеловал ее холодные как лед руки; она все еще не открывала глаз, из которых катились крупные, горячие слезы. Герцог Уэссекский видел, что она собрала все свое мужество для последнего прощания, и решительно произнес:

— Умоляю ваше величество разрешить мне позвать стражу!

Она пошатнулась и упала бы, если бы он не поддержал ее.

— Не забывайте, что вы — Тюдор и королева, — тихо сказал он, когда она снова опустила голову к нему на плечо, — а я — только обыкновенный мужчина.

Усадив ее в кресло, он позвонил и твердым голосом сказал явившемуся на его зов пажу:

— Я к услугам начальника Тауэра.

Еще раз преклонив колено, он простился с королевой. Она не вымолвила ни слова; у нее достало сил только еще раз взглянуть на любимого человека, когда он твердыми шагами направился к двери. Снова послышалось бряцание оружия, затем — слова команды и шум удаляющихся шагов; потом все стихло, и королева Мария осталась одна, наедине со своим горем. Но она не была бы женщиной, если бы признала свое поражение, когда оставалась еще хоть малейшая надежда на победу.

Выплакавшись вволю, она горячо помолилась, прося у Бога сил нести посланный ей крест.

— Пресвятая Дева, возьми мою жизнь, если он должен умереть! — умоляла она, распростершись пред образом Богоматери.

Успокоив себя обращением к небесной помощи, Мария отерла слезы, позвонила дежурной камер-юнгфере и освежила лицо душистой водой.

«Я спасу его против его воли!» — решила она, вспоминая слова герцога: «Если бы, признав себя виновным, я был оправдан по желанию вашего величества, всякий мог бы сказать, что королева спасла своего возлюбленного, а потом вышла замуж за преступника».

В ее распоряжении оставались еще целые сутки.

Позвонив, она коротко приказала вошедшему слуге:

— Я желаю немедленно видеть у себя его преосвященство кардинала Морено.

Через пять минут кардинал уже стоял перед нею, как всегда, спокойный, подняв руку для благословения.

— Прошу ваше преосвященство сесть, — с лихорадочной поспешностью начала Мария. — Мне надо поговорить с вами о важном, неотложном деле; иначе я не оторвала бы вас от молитвы.

— Мое время всегда в распоряжении вашего величества, — почтительно сказал кардинал. — Чем сегодня могу быть полезным вашему величеству?

Он пытливо глядел на нее, и от его пронизательных глаз не укрылось ее волнение. По его тонким губам пробежала довольная улыбка, а в глазах сверкнуло торжество.

— Вам известно, милорд кардинал, — твердо заговорила королева, — что на завтра назначен суд над его светлостью герцогом Уэссекским по обвинению в низком преступлении?

— Мне известно, что его светлость признался в убийстве моего друга и товарища, дона Мигуэля де Суареса, — мягко ответил кардинал.

— Полноте, милорд, — с нетерпением сказала Мария, — вы не хуже меня знаете, что его светлость не способен на такую низость и что в основе этого чудовищного самообвинения лежит какая-то тайна.

— Каковы бы ни были мои личные чувства, ваше величество, — осторожно сказал кардинал, — я должен был исполнить свой долг, подав заявление, боюсь, подтверждающее его виновность.

— Я слышала о вашем показании, милорд. Оно основывается на том, что вы нашли кинжал его светлости...

— Возле трупа убитого; кинжал, запятнанный кровью дона Мигуэля.

— Так что же из этого следует? Кинжалом мог воспользоваться кто-нибудь другой. Упоминали ли вы об этом в своих показаниях?

— Меня не спрашивали.

— Но еще не поздно дополнить показания. А ваш слуга солгал, утверждая, будто слышал громкий разговор между его светлостью и доном Мигуэлем.

— Он показал это под присягой. Паскуале — добрый католик, он не мог совершить клятвopеступление, так как это — смертный грех.

— Вы увертываетесь от прямого ответа, — с нетерпением сказала Мария.

— Я ожидаю приказаний вашего величества, — спокойно возразил кардинал.

— Моих приказаний? — быстро произнесла она. — Спасите герцога Уэссекского от последствий преступления, которого он не совершал!

— Спасти его светлость? — с изумлением воскликнул он. — Я считаю это невозможным.

— В таком случае сделайте невозможное, — коротко сказала Мария.

— Но почему ваше величество возлагает такую странную задачу именно на меня? — спросил кардинал с хорошо разыгранным удивлением.

— Потому что вы умнее многих...

— Ваше величество очень милостивы ко мне.

— И потому, что от этого зависит успех и ваших личных планов, — многозначительно добавила королева.

— Так что, если мне не удастся сделать невозможное, ваше величество, — с нескрываемой насмешкой спросил кардинал, — мне предстоит завтра же бесславно отправиться в Испанию?

— Нет, — спокойно ответила Мария, — но, если ваши старания увенчаются успехом, вы в награду получите от меня все, чего просите.

— Все, дочь моя? Даже согласие на ваш брак с испанским королем Филиппом?

— Если вашему преосвященству удастся сделать невозможное, — с ударением сказала Мария, — я выйду за испанского короля Филиппа.

Несколько минут длилось молчание. Кардинал сидел задумавшись. Ему предстояла трудная, но не невозможная задача; он вообще был того мнения, что на свете нет ничего невозможного, но по опыту также знал цену королевских обещаний. Признавшись в затеянной им в ту ночь интриге, он, несомненно, спас бы герцога Уэссекского от обвинительного приговора, но это встретило бы такое неодобрение со стороны упрямых британцев, что Мария легко отказалась бы от данного слова, ссылаясь на единодушное мнение общества. Следовательно, этот самый прямой путь был отрезан кардиналу, и он был принужден серьезно все обдумать, прежде чем заключит с Марией заманчивый договор. В средствах кардинал не стеснялся, считая, что для выигрыша серьезной партии никогда нельзя останавливаться перед утратой какой бы то ни было пешки. Дона Мигуэля не было в живых; лорд Эверингем далеко; Мирраб скрылась неизвестно куда, испугавшись, вероятно, собственного деяния. Таким образом, до возвращения Эверингема из Шотландии кардинал мог быть покоен за сохранение своей интриги в тайне.

Герцог настаивал на том, чтобы суд над ним был назначен в ближайшее время; этого ему удалось добиться благодаря своей популярности. Судебное разбирательство должно было происходить уже на следующий день, и ввиду признания обвиняемого чтение восторженных показаний являлось уже только проформой. На основании слов герцога судьям оставалось, во имя правосудия, лишь вынести ему обвинение, вопреки всеобщему убеждению в его невиновности и несмотря на все старания друзей герцога и личное повеление королевы. Удалив герцога со своего пути, кардинал мог бы свободно вздохнуть; надо лишь поторопиться с окончанием дела, так как известие об аресте герцога Уэссекского, как стало известно кардиналу, было послано и в Шотландию, и его преосвященство не сомневался, что это заставит Эверингема поспешить с возвращением.

ем в Англию. Хотя октябрь уже на исходе и осенние бури затрудняли путешествие морем, а сухопутные дороги, вследствие сильных дождей, находились в самом плачевном состоянии, тем не менее дней через десять Эверингема можно было ожидать обратно. И вдруг Мария Тюдор предлагает ему договор, разрушающий все его прежние планы!

После краткого раздумья в голове кардинала уже созрел новый план.

— Вы принимаете эти условия, ваше преосвященство? — с нетерпением спросила Мария, видя, что ее собеседник не собирается нарушить молчание.

— Принимаю, ваше величество, — спокойно ответил он.

— В случае успеха вы имеете мое королевское слово.

— Если его светлость завтра оправдают благодаря моему вмешательству, — сказал кардинал, — то завтра же вечером я буду иметь честь явиться к вашему величеству за исполнением обещания.

— Ваше преосвященство может принести заготовленный документ, который я подпишу.

— Все будет исполнено по указанию вашего величества.

— В таком случае прощаюсь с вашим преосвященством до завтра.

— Могу я попросить у вашего величества разрешения поговорить с леди Урсулой Глинд?

Королева горько рассмеялась и разочарованным тоном проговорила:

— Ну, если планы вашего преосвященства основываются на показаниях этой девушки, то вам не стоит и хлопотать.

— Ведь я сказал, что попытаюсь сделать невозможное. Могу я надеяться на разрешение вашего величества? — спокойно продолжал кардинал.

Королева нетерпеливо пожала плечами. Она потеряла всякое доверие к уму этого человека; но он ласково улыбался и с таким торжественным видом смотрел на Марию, словно его победа зависела от ее согласия на этот, как ей казалось, бесполезный разговор.

— Когда ваше преосвященство желает ее видеть? — спросила она.

— Завтра в кабинете лорда канцлера, — ответил кардинал, — за полчаса до прибытия председателя суда.

— Желание вашего преосвященства будет исполнено.

— А сегодня вечером я со специальным посланным отправлю моему государю радостную весть, — многозначительно произнес кардинал.

— Значит, ваше преосвященство так уверены в успехе переговоров?

— Так же, как и в том, что английская королева — самая очаровательная женщина во всей Европе, — ответил он с изысканной любезностью, которую умел так кстати употребить. — Положитесь на милость Всевышнего и на преданность вашего почтительнейшего слуги.

Церемонно откланявшись, кардинал с достоинством удалился, а королева снова осталась одна, не имея никакой надежды на оправдание герцога Уэссекского и сердясь на себя за то, что заключила условие с этим человеком.

XX

На следующий день большой зал Вестминстерского аббатства с самого раннего утра был полон народа. Все интересовались судом над его светлостью герцогом Уэссекским, обвинявшимся в убийстве. Обывателям средней руки не каждый день выпадало на долю видеть благородного джентльмена арестованным, подобно обыкновенному негодяю. Интересно ведь посмотреть, как держит себя аристократ, когда ему угрожает веревка висельника! А его светлость пользовался большой популярностью. Все до последнего человека смотрели на него как на воплощение британского благородного достоинства; он всегда отличался приветливым обращением, которое очень любит простой народ и которое способно обезоружить самую сильную зависть.

В десять часов должен был приехать председатель суда. Посреди зала, неподалеку от кабинета лорда канцлера, был устроен обширный помост, устланный сукном с королевскими гербами по углам. Кресло посреди помоста, отличавшееся от прочих высокой спинкой, предназначалось для председателя суда. По обе его стороны были приготовлены места для двадцати четырех пэров. Несколько ниже — места для судей, а еще ниже, у самых ног председателя суда, располагались коронный делопроизводитель со своим помощником. Напротив мест, предназначенных для пэров и судей, находилась решетка, за которой должен был стоять обвиняемый.

Из членов суда никого еще не было, но некоторые из приближенных королевы уже находились здесь, так же как и несколько лордов, прибывших в качестве простых зрителей. Друзей герцога легко было отличить по темным костюмам и печальному выражению лиц. Томас Нортон, королевский хронограф, уже вынул бумагу и чинил перья, а двое помощников судебного пристава получали от своего начальника последние инструкции. От главного входа к центру были протянуты канаты, чтобы сдержать шумную толпу и очистить проход для участвовавших в судебном разбирательстве лиц.

Но ни один звук не долетал из зала в кабинет лорда канцлера, где находился кардинал Морено. Желая прежде всего избежать огласки, он ранним утром выехал из Гемптон-коурта, закутанный в черный плащ, скрывавший его пурпурную одежду, и очутился в кабинете лорда канцлера, когда в зале никого еще не было. Он сидел, спокойно ожидая свидания, которое должно было распутать спутанный его дипломатией моток. Судьбы Европы еще раз висели на тонкой ниточке, находясь в зависимости от женской любви.

Ровно в половине десятого дверь отворилась, и в кабинет вошла Урсула.

Встав с кресла, кардинал хотел подойти к ней, но она отступила назад со словами:

— Ваше преосвященство желали видеть меня?

— И вы хорошо сделали, что пришли, дочь моя, — ласково сказал он.

— Это было приказано мне ее величеством; по своей воле я не пришла бы.

Девушка говорила спокойно, но очень твердо, как человек, действующий только по обязанности. По выражению ее лица кардинал заключил, что ей ничего не известно о цели их свидания.

Она побледнела и похудела, а вокруг ее детского рта легла страдальческая складка, которая у всякого вызвала бы сочувствие; прекрасные глаза на исхудавшем лице казались неестественно большими. Она была вся в черном; ее золотистые волосы покрывала густая вуаль, придававшая ей сходство с монахиней. Она словно постарела, и в ней с трудом можно было узнать веселую, жизнерадостную девушку, составлявшую одно из самых блестящих украшений старого Гемптон-коурта. По приглашению кардинала она села и стала спокойно ожидать, когда он заговорит.

— Дитя мое, — начал кардинал, как можно мягче, — прежде всего я хочу напомнить вам, что с вами говорит старик, много видевший на своем веку. Готовы ли вы мне верить?

— Ваше преосвященство, чего вы желаете от меня? — холодно спросила она.

— Здесь дело не в моем желании, дочь моя. Я просто хочу дать вам совет.

— Я слушаю, ваше преосвященство.

Кардинал сидел спиной к свету, в резном кресле с высокой спинкой, усиливавшем торжественность обстановки; Урсула села напротив, на низеньком стуле, лицом к окну, из которого в комнату медленно проникал серый свет мрачного осеннего утра. Облокотившись на поручни кресла, его преосвященство оперся подбородком на свои белые выхоленные руки. Вокруг него величественными складками падала красная мантия; золотое распятие на груди сверкало драгоценными камнями. Он был великим мастером в создании необходимой обстановки и хорошо знал цену многозначительных пауз и эффектных положений, особенно когда дело касалось женщин.

В настоящее время молчание кардинала было рассчитано на то, чтобы нервы молодой девушки натянулись до предела, и он с удовольствием заметил, как дрожала ее рука,правлявшая складки платья.

— Дорогое мое дитя, — снова начал он, и на этот раз в его голосе зазвучала некоторая строгость, — достойного человека, рыцарски благородного джентльмена ожидает не только смерть, но и ужасный позор. За этими стенами уже все готово для суда над ним; его будут судить люди, обязанные способствовать правосудию в

государстве. Пред ними предстанет человек, признавшийся в преступлении, которого он не совершал.

Кардинал умолк. Девушка вздрогнула, но не произнесла ни слова.

— Повторяю, он невиновен, — продолжал его преосвященство. — У его светлости много друзей, и ни один из них не верит, чтобы герцог был способен на такое преступление. Но он сам сознался и будет приговорен к смерти, как преступник, — он, благороднейший из англичан!

— Все это я знаю, ваше преосвященство, — холодно сказала Урсула. — Зачем вы повторяете это?

— Только потому, — ответил кардинал, словно колеблясь, — что... простите старику, дитя мое... мне казалось, что вы любите его светлость... и...

— Отчего вы остановились, ваше преосвященство? — спросила Урсула. — Ну, вы думали, что я люблю его светлость... что же дальше?

— И все-таки, дитя мое, из странного — нет! — преступного упорства, вы, будучи в состоянии спасти его не только от смерти, но и от бесчестия, — все же молчите!

— Ваше преосвященство, вы ошибаетесь, как ошибаются многие, — с тем же холодным спокойствием возразила Урсула. — Я молчу потому, что мне нечего сказать.

Кардинал снисходительно улыбнулся, как отец, понимающий и прощающий грехи своего ребенка.

— Объяснимся, дочь моя, — сказал он. — В ночь убийства маркиза де Суареса видели женщину, которая бежала из той части дворца, где произошло убийство. Не думаете ли вы, что если бы эта женщина смело сказала на суде правду, что его светлость убил дон Мигуэля из ревности или в защиту ее чести, то ни один судья не решился бы обвинить его в преднамеренном убийстве?

— Так почему же она не выступит на суде? — горячо воскликнула Урсула. — Почему до сих пор молчит женщина, ради которой его светлость готов пожертвовать не только жизнью, но и честью?

— По-видимому, она исчезла, — кротко сказал кардинал. — Может быть, умерла. Некоторые говорят, что это были вы, — прибавил он, понизив голос до шепота.

— Они лгут, — возразила Урсула. — Меня там не было, и не ради меня его светлость хочет пожертвовать и жизнью, и честью.

О любви Урсулы к герцогу кардинал догадывался, хотя не думал, что она так серьезна; но ревность молодой девушки была для него новостью, которую он считал лишним козырем в своей игре. Он глубоко вздохнул с видом разочарования.

— Ах, если они лгут, дочь моя, — грустно сказал он, — если действительно не вы были тогда с доном Мигуэлем... значит, ничто не может спасти его светлость. Он страдал молча и завтра умрет также молча... невинный!

Встав с кресла, кардинал принялся ходить по комнате, словно углубленный в свои мысли. Урсула молчала, неподвижно глядя вперед. Она вдруг поняла, что этот человек послал за нею, чтобы воспользоваться ей для своих планов. Чувствуя себя беспомощной мышкой во власти безжалостной кошки, она постаралась вернуть себе самообладание, хотя с горечью чувствовала, что не устоит в борьбе, но не понимала, чего хочет от нее этот человек с кошачьими манерами.

Не видя ее лица, кардинал наблюдал за каждым ее движением, будучи уверен, что близок момент, когда она, дрожа от ужаса, с мольбой упадет к его ногам. Подойдя к двери в зал суда, он чуть-чуть приотворил ее, и в кабинет ворвался смутный шум, из которого выделялись отдельные голоса.

— Слушайте, дочь моя! — шепнул он. — Это говорит председатель суда.

Сначала Урсула от волнения не могла ничего понять из речи лорда Чендойса.

— Милорды и джентльмены, — начал председатель, — сегодня вы собрались здесь, чтобы разобрать дело Роберта д'Эсклада, герцога Уэссекского, обвиняемого в низком преступлении, которое он совершил с заранее обдуманном намерением.

Кардинал лишь отворил и затворил дверь; это кошка дотронулась до мышки своими безжалостными когтями. При имени герцога Уэссекского Урсула поднялась во весь рост, устремив на своего мучителя неподвижный взгляд, подобно птичке, загипнотизированной взором змеи. Ее щеки вспыхнули; она поняла, что за стеной начался суд над любимым человеком. Когда она сегодня ехала в Вестминстерское аббатство, то видела многочисленную толпу и слышала имена пэров, которым предстояло принять участие в разбирательстве дела.

— Нет, нет, — зашептала она отступая, — это ложь!

Девушка пошатнулась и прислонилась к столу, чтобы не упасть.

— Герцог сам сознался, — снова услышала она голос кардинала, — и не больше чем через час ему вынесут приговор, и он будет осужден на смерть.

Молодая девушка провела рукой по влажному лбу, стараясь собраться с мыслями. Раза два она взглянула на кардинала, но его лицо выражало неумолимую строгость. В горле у нее пересохло, однако она попыталась говорить.

— Нет, нет, этого не может быть! — машинально повторила она. — О, милорд, вы так могущественны, так умны... вы найдете средство спасти его. Неужели вы послали за мною лишь затем, чтобы мучить меня?

— Дитя мое...

— Эта женщина... где она? Найдите ее, милорд, и дайте мне поговорить с нею. Я сумею смягчить ее сердце. Она должна будет сказать правду! Она не может дать ему умереть... т а к умереть!

Урсула готова была упасть на колени перед человеком, которому доставляло удовольствие мучить ее; готова была на коленях

целовать руки неведомой соперницы, из-за которой столько страдала в последнее время, — лишь бы спасти его!

— Где эта женщина? — в отчаянии повторяла она.

— Она стоит теперь предо мною, — сурово ответил кардинал, — надеюсь, раскаивающаяся и готовая открыть истину!

— Нет, нет! — с ужасом запротестовала Урсула. — Это ложь, слышите? Это была не я! — Голос ее перешел в рыдания, от которых даже камни заплакали бы. — Неужели я еще не довольно страдала? — тихо сказала девушка, словно говоря сама с собою. — Я ревновала, ненавидела женщину, которую герцог любил больше меня, ради которой жертвует всем. — Ноги у нее подкосились, и она упала к ногам своего мучителя. — Найдите ее! — зарыдала она. — Вы можете!

Вместо ответа кардинал снова приотворил дверь. Теперь говорил секретарь королевы, Баргэм:

— И ввиду доказанного преступления Роберта д'Эсклада, герцога Уэссекского, я требую для него смертного приговора.

— Нет, нет, только не смерть! — простонала Урсула. — Неужели никто не придет спасти его?

— Никто не может спасти его, кроме вас, дочь моя! — сурово произнес кардинал, снова запирая дверь.

— Разве вы не понимаете, что меня там не было? Чего же вы от меня хотите? Там была другая женщина, ради которой он убил и за которую умрет... но не я!

— Ну, в таком случае ничто не может спасти его от казни, — со вздохом произнес кардинал, снова занимая свое прежнее место, как человек, исполнивший все, чего от него требовали.

Урсула молча следила за ним, стараясь угадать, что скрывается за этой маской благодушия. Если бы она могла прочесть его мысли, то убедилась бы, что его честолюбие было вполне удовлетворено. Машинально подойдя к двери в зал суда, она услышала заключительные слова:

— И так как обвиняемый признался в совершении этого позорного убийства, то подлежит смертной казни.

Девушка вздрогнула всем телом и, оправив на голове вуаль, твердыми шагами прошла через кабинет и заняла свое прежнее место, напротив кардинала. Она была очень бледна, но в ее глазах больше не было слез. Кардинал инстинктивно избегал ее сверкающего взора, зная, что теперь она все поняла, а она знала, что он не верил в ее причастность к убийству и что она нужна ему только для исполнения его планов. Однако и зная это, она все-таки не колебалась. Ее великая любовь взяла верх над ревностью; счастье ее было разбито, но свое сердце, отданное любимому человеку, она не в силах была взять назад.

— Ваше преосвященство, — спокойно сказала она, — вы только что упомянули, что я могу спасти его светлость герцога Уэссекского от позора и смерти, которых он не заслужил. Скажите, что я должна сделать для этого?

— Дело очень просто, дочь моя, — ответил он, все еще избегая ее ясного, пристального взгляда, — надо только сказать правду.

— Говорят, что правда часто бывает скрыта на самом дне колодца, милорд. Прошу ваше преосвященство указать, как мне туда добраться.

— Могу лишь помочь вашей памяти вернуться к тому вечеру, когда был убит дон Мигуэль. Вы были тогда в аудиенц-зале, не правда ли?

— Я была там, — машинально повторила Урсула.

— С доном Мигуэлем де Суаресом, который, воспользовавшись поздним временем и уединенностью этой части дворца, оскорбил вас... или...

— Допустим, что он оскорбил меня.

— Эту сцену застал его светлость и, вступившись за вашу честь, убил дон Мигуэля.

— Вступившись за мою честь, герцог убил дон Мигуэля.

— Вы подтверждаете это клятвой?

— Без надежды на прощение.

— И вы по доброй воле сделаете это запоздалое заявление перед судьями его светлости?

— Если необходимо, я по доброй воле сделаю такое заявление перед судьями его светлости.

Сказав это, Урсула вдруг зашаталась, словно теряя сознание, но, увидев, что кардинал инстинктивно протянул руки, чтобы поддержать ее, призвала на помощь все свое мужество и, гордо выпрямившись, в полном сознании своего великодушного самопожертвования, окинула его величественным взглядом.

Однако гордому своей победой кардиналу было мало дела до презрения побежденных им людей. Победа досталась ему нелегко, но герцог Уэссекский был спасен, и Мария Тюдор не могла отказаться от своего слова.

Позвонив, кардинал шепотом дал вошедшему слуге какие-то приказания, и вопрос был исчерпан.

XXI

Судебные приставы и их помощники, вооружившись алебардами и булавами, с трудом сдерживали толпу, состоявшую из мужчин и женщин всех возрастов. В сумрачном освещении раннего осеннего утра отчетливо выделялись красные одежды двадцати четырех пэров, пышные костюмы судей и черные платья младших служащих. В толпе слышался возбужденный шепот всякий раз, когда среди высокопоставленных особ появлялись знакомые большинству лондонских жителей лица.

— Ш-ш! — пронеслось вдруг по залу. — Вот сам лорд сенешал, а с ним и все судьи!

С благоговейным почтением смотрела толпа на торжественную процессию; у всех входивших были такие серьезные и даже печальные лица, что толпа, собравшаяся сюда на интересное зрелище, мгновенно притихла, а некоторые благочестивые женщины даже принялись креститься, словно сейчас должно было начаться богослужение. Судебный пристав с белым свитком в руках проводил лорда сенешала к его креслу, по обе стороны которого разместились двадцать четыре пэра в горностаевых мантиях. Коронный делопроизводитель в черном платье и желтых чулках озабоченно разговаривал со своим помощником. Возле судей сидели некоторые из придворных в пышных шелковых камзолах. Отдельное место было предоставлено Томасу Нортону, который составил сохранившийся между государственными документами отчет об этом процессе.

Вот поднялся со своего места председатель суда, лорд Чендойс, с обнаженной головой и, держа в руках белый свиток, громко возгласил, обращаясь к толпе:

— Его светлость, уполномоченный ее королевского величества, лорд сенешал Англии, приказывает всем под страхом тюремного заключения хранить молчание и выслушать постановление королевских уполномоченных.

За этими словами последовало чтение обвинительного акта коронным делопроизводителем, после чего громким голосом, который был слышен в самых отдаленных углах зала, прочел: «Роберт д'Эс-клад, пятый герцог Уэссекский, вечером четырнадцатого октября тысяча пятьсот пятьдесят третьего года от Рождества Христова незаконно убил дона Мигуэля маркиза де Суареса, гранда Испании».

Пораженная толпа, боясь проронить хоть слово, слушала чтение документа, однозначно гласившего, что неслыханное по низости и жестокости преступление было совершено человеком, которого до сих пор считали образцом чести и справедливости. Когда чтение кончилось, всем присутствовавшим стало ясно, что для обвиняемого, несомненно, настал последний день.

Только ради формы были выслушаны некоторые свидетельства, в данном случае являвшиеся совершенно излишними. Кардинал Морено в своих показаниях придавал случившемуся политический оттенок. От имени своего государя он требовал суда для такого чудовищного вероломства и притеснения закона во всей его строгости. Кардинал высказал предположение, что герцог Уэссекский, будучи претендентом на руку английской королевы, по всей вероятности, намеренно отделался от искусного дипломата, грозившего разрушить его планы. Далее его преосвященство под клятвой утверждал, будто слышал крупный разговор между герцогом Уэссекским и доном Мигуэлем незадолго до того, как молодой испанец был найден мертвым.

В большом зале царило тягостное молчание, но все знали, что все предшествовавшее было только прологом к потрясающей драме, что сейчас должен подняться занавес, и на сцену выступит актер, исполняющий главную роль. Уже издали доносился гул, свидетель-

ствовавший о приближении стражи с обвиняемым. Взоры всех обратились ко входу в зал, толпа зашумела, и судебные приставы уже не могли больше добиться восстановления тишины.

— Ш-ш! пришли! — пронеслось вдруг в толпе, и она на минуту притихла, слушая, как судебный пристав громко прочел обращенное к зрителю Тауэра требование привести узника.

Снаружи ответили:

— Здесь!

Через минут большие входные двери распахнулись, вошли шесть вооруженных человек и направились прямо к решетке в середине зала. За ними следовали зритель Тауэра и лорд Рич, между которыми шел узник, Роберт д'Эсклад, пятый герцог Уэссекский. Весь в черном, он казался хорошо помнившей его толпе сильно постаревшим. В зале началось движение; всякому хотелось протолкаться вперед, чтобы поближе взглянуть на герцога. Большинство зрителей относились к нему не враждебно, а равнодушно, и высказывали свои замечания, пока он проходил мимо них.

— Как вы думаете, его повесят?

— Нет, благородных лордов не вешают — им отрубают голову.

— Помоги Бог вашей светлости! — вздыхали женщины.

Герцогу Уэссекскому дорого стоило скрыть то, что он чувствовал в глубине души; по-видимому, это ему удалось, так как Томас Нортон, описывая процесс, заметил:

«Узник, очевидно, не сознавал всей серьезности своего положения и не смущался низостью совершенного им преступления, чем доказывал свое безбожие или уверенность, что пэры, между которыми у него было много друзей, ввиду его богатства и высокого происхождения вынесут ему оправдательный приговор».

Только лорд Рич, все время находившийся возле обвиняемого, в своих интересных мемуарах рассказывает, как глубоко был взволнован герцог, увидев, что ему придется стоять на возвышении, на глазах у всей толпы.

«Когда же его светлость встретил мой взгляд, — записал благородный лорд, — взгляд, в котором он мог прочесть мою глубокую симпатию к нему, он гордо поднял голову и без малейшего страха посмотрел на толпу, скорей как король, собирающийся говорить с подданными, чем как преступник, ожидающий над собой приговора. Увидев кардинала Морено и рядом с ним закутанную женскую фигуру, он смертельно побледнел, и я, боясь обморока, схватил его за руку; но он пожал мою руку и поблагодарил, сказав, что в помещении страшная духота».

Во всем зале царил сильное возбуждение. Сам лорд Чендойс с трудом сохранял строгое достоинство, которого требовало его положение. Пэры оживленно перешептывались, а секретарь никак не мог откашляться, чтобы обратиться к подсудимому.

Толпа заметила закутанную женскую фигуру, молча и неподвижно сидевшую рядом с кардиналом, а быстрый разговор шепотом между его преосвященством и лордом Чендойсом заинтересовал

всех, но никто, разумеется, не осмелился никого ни о чем расспрашивать.

Заметив, что коронный делопроизводитель собирается говорить, толпа притихла.

— Роберт, герцог Уэссекский и Дорстерский, граф Лаусстон, Уэксфорд и Бридсорт, барон Грейстон и Эдбрук, первый пэр Англии, подними правую руку! — провозгласил коронный делопроизводитель.

Когда обвиняемый исполнил это требование, Баргэм, представитель обвинения, прочел обвинительный акт и спросил, признает ли подсудимый себя виновным.

— Да, я виновен, — твердым голосом ответил герцог, — и я признался в этом.

— Кем желаешь ты быть судим?

— Господом Богом и моими пэрами.

— Признался ли ты добровольно или по принуждению?

— Совершенно добровольно, без всякого принуждения, и все в моих показаниях верно.

— Читал ли ты показания свидетелей твоего преступления?

— Нет, не читал, потому что, когда я убивал дону Мигуэля, при этом никого не было, кроме меня, его убийцы, и Господа Бога.

При этом смелом ответе представитель обвинения обернулся к кардиналу Морено, словно ожидая от него указаний, но так как их не последовало, то он продолжал:

— Я хочу, чтобы ты хорошо взвешивал свои слова. Все твои ответы и добровольное признание могут значительно смягчить наказание, полагающееся за твое преступление.

— Прошу вас не учить меня, как я должен отвечать, — с внезапным высокомерием заговорил герцог. — Все, что я показал, милорды, справедливо, — обратился он к пэрам и судьям, — и я объявляю ложью всякое показание, не согласное с моим собственным. Бог — свидетель, что я говорю правду.

— В твоём признании говорится только о самом факте, без указаний каких-либо подробностей или обстоятельств преступления.

— Разве меня судят за подробности и обстоятельства преступления, а не за убийство дону Мигуэля маркиза де Суареса?

Тогда встал коронный делопроизводитель и прочел признание герцога, написанное пятнадцатого октября в Тауэре и заключавшееся словами:

«Я не прошу для себя ни извинений, ни оправдания и подчиняюсь разбору дела моими пэрами и приговору королевского суда. Да поможет мне Бог!»

За исключением небольшой группы лиц, по разным причинам находивших желательным как союз с Испанией, так и смерть человека, стоявшего теперь у решетки, никто в зале не верил виновности герцога Уэссекского, считая, что здесь скрывается какая-то тайна.

— Это неправда, герцог! — раздался в толпе громкий мужской голос.

— Откажись от своего показания! Откажись! — слышались единодушные возгласы.

По губам герцога пробежала улыбка, но он не шевельнулся. Хроникеры того времени пишут, что в зале поднялся поддерживаемый друзьями герцога шум и что сам председатель суда не думал останавливать его. Прошло несколько минут, прежде чем судебным приставам удалось с помощью стражи успокоить толпу. Затем лорд Чендойс обратился к обвиняемому с вопросом, не желает ли он возразить что-нибудь перед тем, как суд приступит к исполнению своих обязанностей. Среди мгновенно наступившего в зале молчания отчетливо прозвучал женский голос:

— Я могу засвидетельствовать, что герцог Уэссекский невиновен во взводимом на него преступлении.

Пред судьями выступила молодая девушка в черном платье, хрупкая на вид, но смело встретившая устремленные на нее взоры многочисленной толпы. Отбросив назад надетую на ее голову вуаль, она взглянула прямо в лицо лорду Чендойсу.

— Кто заявляет это? — с удивлением спросил он.

— Я, Урсула Глинд, — твердо ответила девушка, — дочь графа Труро.

При первом звуке ее голоса герцог Уэссекский вздрогнул и смертельно побледнел; только когда она назвала свое имя, он опомнился от изумления.

— Прошу милордов не слушать этой леди, — холодно заявил он. — Я не желаю никаких показаний в мою пользу.

Молодая девушка лишь опустила глаза, но не обернулась к нему. Из-за стола, за которым она до сих пор сидела, поднялся юрист и, переговорив с коронным делопроизводителем, почтительно обратился к лорду Чендойсу:

— Убедительно прошу вашу милость и вас, милорды, выслушать показание леди Урсулы Глинд. Не было времени получить от нее письменное показание, так как лишь в последние минуты Богу было угодно внушить ей сказать все, что ей известно, чтобы не дать совершиться ужасной судебной ошибке.

— Это недопустимое нарушение судебных обычаев, — сказал Томас Бромлей, с сомнением качая головой.

— Не такое большое как вы думаете, сэр, — возразил знаток законов Роберт Кэтлин и напомнил при этом подобный же случай в процессе королевы Екатерины.

Но даже и без этого заявления ученого юриста все находившиеся в зале уже были на стороне Урсулы и громко требовали, чтобы ее показание было выслушано.

— Именем Пресвятой Девы, я протестую! — громко сказал герцог Уэссекский.

— Мы выслушаем леди, — произнес лорд Чендойс. — Пусть она поклянется в правдивости своих показаний.

Томас Вильбрагам, коронный стряпчий, протянул Урсуле маленькое деревянное распятие, и она с благоговением поцеловала его.

— Вы — леди Урсула Глинд, фрейлина ее величества? — спросил лорд Чендойс.

— Да.

— Обязываю вас говорить правду, истинную правду, ничего кроме правды. Да поможет вам Бог!

Урсула подождала, пока в зале все стихло, а затем начала твердым голосом:

— Я хочу сказать вам, милорды, что в полночь четырнадцатого октября, находясь в аудиенц-зале Гемптон-коута, в обществе дона Мигуэля де Суареса...

Она вдруг остановилась, как будто теряя сознание; Вильбрагам поспешил предложить ей стул, но она движением руки отклонила его услугу.

— Милорды, — серьезно заговорил обвиняемый, воспользовавшись этим перерывом, — во имя правосудия умоляю вас не слушать леди; она слишком возбуждена и сама не сознает, что говорит. Я ведь во всем признался...

— Подсудимый, — строго остановил его лорд Чендойс, — во имя правосудия и ради уважения к этому месту обязываю вас хранить молчание. Продолжайте, леди Урсула!

— Дон Мигуэль стал говорить мне о любви, потом обнял меня. Я хотела вырваться... он не пускал... он... Милорды, имейте терпение! — взволнованно попросила Урсула, только теперь сознавая, как трудно ей будет выговорить чудовищную ложь; но затем быстро продолжала, словно боясь, что у нее неостанет сил договорить до конца: — Тут явился герцог Уэссекский и, видя, что меня удерживают силой, меня, его нареченную невесту, в защиту моей чести убил дон Мигуэль. ~

Мертвое молчание последовало за ее словами. Обвиняемый сначала уставился на Урсулу с изумлением, а потом разразился горьким смехом. Насколько ему было известно, Урсула сказала хитро придуманную ложь. Он был уверен, что видел на ее руках еще теплую кровь молодого испанца, и весь этот рассказ об угрозе ее чести и о его своевременном появлении казался ему сплетением ловких выдумок, странных и... бесполезных. О самопожертвовании Урсулы он не имел ни малейшего понятия и объяснил себе ее выступление на суде тем, что он просто нравился ей и она не хотела, чтобы его повесили. Как в тумане, слышал герцог Уэссекский обращенные к Урсуле вопросы людей, на которые она отвечала без колебания, все повторяя ту же историю.

— Леди Урсула Глинд, — торжественно произнес наконец лорд Чендойс, — клянетесь ли вы своей честью и совестью, что все, сказанное вами, — правда?

— Клянусь своей честью и совестью, — так же торжественно ответила девушка.

— Это ложь с начала до конца! — громко запротестовал герцог.

Низко поклонившись лорду Чендойсу, Урсула еще раз благоговейно поцеловала распятие; этой клятвой она приносила в жертву

любимому человеку незапятнанную чистоту своей души. Теперь ее горе достигло высшей точки: давая свое лживое показание перед н и м, она отчасти надеялась, что о н очистит ее имя от взведенного ею на себя обвинения. Она повиновалась внушениям кардинала, но тем не менее была уверена, что дон Мигуэль пал от женской руки, и та женщина была так дорога герцогу Уэссекскому, что ради нее он жертвовал жизнью и честью. Таким образом, эти два существа, любившие друг друга больше жизни и чести, сделались жертвами ужасных взаимных недоразумений, и каждый глубоко страдал от воображаемой низости другого.

— Милорды, — сказал лорд Чендойс, снова вставая, — вы все слышали показание леди Урсулы Глинд, и так как герцог Роберт Уэссекский пожелал, чтобы его судили Бог и его пэры, то я предлагаю вам решить, виновен ли он в этом убийстве или нет, и высказать ваше мнение по чести и совести.

По свидетельству Нортонa, пэры даже не удалялись для совещания. Как только лорд Чендойс замолчал, двадцать четыре голоса единодушно ответили:

— Не виновен!

В зале поднялся оглушительный шум. Шапки полетели в воздух; со всех сторон понеслись возгласы:

— Да здравствует герцог Уэссекский! Да здравствует наша королева!

Для водворения порядка и тишины пришлось прибегнуть к решительным мерам, в результате которых между самыми яркими крикунами оказалось несколько легкораненых. Наконец Баргэм догадался предложить герцогу Уэссекскому сесть на низенький стул, вокруг которого поставили стражу. Когда предмет буйных восторгов исчез из глаз толпы, волнение в зале понемногу улеглось, и Баргэму удалось во всеуслышание объявить о закрытии заседания.

Снова распахнулись входные двери, и толпа начала покидать зал с громкими криками в честь королевы. Лорд Чендойс еще раз обратился к бывшему узнику, который и к своему оправданию отнесся так же равнодушно, как раньше относился к ожидающей его смертной казни. Он следил глазами за стройной фигурой леди Урсулы, пока она в сопровождении кардинала Морено не скрылась в кабинете лорда канцлера.

Когда лорд Чендойс с сияющим лицом объявил герцогу оправдательный приговор, тот обратился к пэрам с последним протестом, бесполезность которого сам осознавал.

— От всего сердца благодарю вас, милорды, — сказал он, — но не могу принять это решение, основанное на лжи, на увлечении девушки, введенной в заблуждение.

— Милорд, — прервал его лорд Чендойс, — все ваши друзья уже давно угадали то, что рассказала эта леди; подчиняясь требованию собственной совести, она сняла тяжелый гнет с сердца каждого из нас. Мы можем лишь благодарить леди Урсулу за то, что

ее показание не позволило вам лишиться жизни и чести по такой недостойной причине.

— Но я не могу допустить, чтобы вы, милорды, верили... — запрестовал герцог.

— Милорд, мы верим только тому, что сегодня ваша светлость уносит из зала суда незапятнанную честь и неопозоренное имя, сохраняя уважение и восхищение всей страны. Все прочее пусть остается тайной между леди Урслей Глинд и ее совестью. Да здравствует наша королева!

Окруженный друзьями, горячо приветствуемый толпой, герцог покинул Вестминстер-холл, и хотя на его губах появилась улыбка в ответ на выражения теплых чувств, но на душе у него было бесконечно тяжело.

XXII

Возвращаясь в лодке домой в сопровождении его преосвященства, Урсула не проронила ни слова. Она чувствовала себя подобно человеку, на глазах которого только что скончалось самое дорогое ему в жизни существо. Своей великодушной жертвой она заплатила судьбе за короткие два часа счастья. Шум воды вокруг лодки напомнил ей другой вечер, когда октябрьское солнце тихо склонялось к западу, речные птицы летели на покой; а напротив нее сидел он и каждый его взгляд говорил ей, что он восхищается ею. И он оказался таким вероломным! Теперь в сердце девушки не было больше ревности; она забыла ту, другую женщину, помня лишь, что он принял ее жертву и горько, жестко рассмеялся, услышав, как она солгала.

Пока они плыли, Урсула была в какой-то полудремоте, и только когда в тумане вырисовались очертания Гемптонского дворца, снова почувствовала острую боль в сердце, и ей страстно захотелось, чтобы милосердный Бог сжалился над нею, послав ей смерть.

Собираясь выйти из лодки, она вдруг увидела перед собою кардинала Морено, о котором совсем забыла и который теперь протягивал ей свои белые руки, чтобы помочь ей сойти на берег. Она отшатнулась от него, как будто ее ужалила змея.

Он снисходительно улыбнулся и мягко проговорил:

— Позвольте мне проводить вас до вашей комнаты, дочь моя. Вспомните, что ее величество поручила вас мне; поэтому я хотел бы лично передать вас попечениям герцогини Линкольн.

— Ваше преосвященство оказывает мне слишком много чести, — холодно возразила Урсула. — Я сама найду дорогу.

— Как хотите, дочь моя. Я вовсе не намерен навязывать вам свое присутствие, а только хотел оказать простую услугу.

— Ваше преосвященство желаете оказать мне услугу? — быстро произнесла Урсула со странным оттенком решимости в голосе.

— Неужели вы в этом сомневаетесь, дитя мое? — вежливо спросил он.

— Нет, не сомневаюсь, — твердо сказала она, — потому что между нами есть теперь тайна, которая навсегда изменила бы ваше положение при любом европейском дворе, если бы о ней узнала английская королева.

— Это не так-то легко сделать, — начал кардинал, но в глазах его промелькнул испуг.

— Нет, я далека от мысли выдать ваше преосвященство и вовсе не думала сейчас о той ловушке, которую вы мне устроили и в которую я попала, — впрочем, совершенно сознательно и добровольно. Я лишь хотела воззвать к вашей совести, так как вы можете оказать мне услугу: я хочу сказать сегодня два слова герцогу Уэссекскому.

С минуту кардинал не знал, на что решиться. Если бы он не устроил свидания Урсулы с герцогом и она, желая отомстить ему, выдала его, то все его планы оказался бы разрушенными. Короткий же разговор между ними не мог быть очень опасным для кардинала: и Уэссекс, и Урсула были так далеки от истины, что без вмешательства третьего лица не могли обнаружить гнусный обман. Важней всего для кардинала было выиграть время, чтобы в случае разоблачения его низкой роли в этом деле заготовленный им документ был уже подписан королевой. После минутного размышления он выразил готовность помочь молодой девушке; прося ее не очень надеяться на его влияние и советуя ей лично обратиться к герцогу Уэссекскому, который должен быть ей бесконечно признателен, он только просил Урсулу терпеливо подождать до завтра, на что она изъявила свое согласие, осведомившись, в котором часу ей ожидать исполнения своей просьбы.

— Вскоре после полудня, если Господь поможет мне!

— Так помолитесь поусердней, чтобы Он помог вам!

Кардинал простился и ушел, сделав вид, что не заметил слышавшейся в словах Урсулы угрозы, и решив насколько возможно сократить свидание молодой девушки с герцогом Уэссекским.

Королева была глубоко признательна ему за то, что считала результатом его удивительного влияния на виновную, хотя ей тяжело было думать, что своим оправданием герцог обязан не ее желанию, а посторонним причинам. Союз с Испанией теперь был уже свершившимся фактом, что вызывало горькое разочарование в сердцах друзей герцога Уэссекского, а Мария Тюдор, отгоняя от себя мысль о предстоящем браке с испанским королем, расточала ласковые улыбки любимому человеку и осыпала его милостями, чувствуя себя счастливей, когда он почтительно целовал ей руку. Она ни разу не спросила его, насколько правдиво показание Урсулы; может быть, она даже боялась узнать истину и радовалась, что на долю ее счастливой соперницы выпало такое унижение.

Заручившись подписью королевы на приготовленном им документе, кардинал почувствовал твердую почву под ногами и в обществе английских лордов держал себя словно какой-нибудь принц-регент в отсутствие короля. Надеясь в самом скором времени

получить от королевы собственноручное письмо к августейшему жениху и этим окончательно упрочить свой успех, его преосвященство все-таки счел не лишним исполнить просьбу Урсулы, просьбу, скорей походившую на приказание. Ему удалось получить от королевы разрешение леди Урсуле встретиться на следующий день с герцогом Уэссекским наедине. Он ловко намекнул Марии, что герцогу при его гордости неудобно жениться на девушке с репутацией леди Урсулы Глинд и что короткое свидание может показать ей всю тщетность надежд на брак с герцогом.

— Разве она на это надеется? — спросила Мария.

— Кто знает? — уклончиво ответил дипломат.

С целью отпраздновать счастливое возвращение его светлости ко двору королева, по его ходатайству, даровала амнистию всем, кому предстояло явиться на суд в один день с герцогом, и на следующий день в два часа все эти жалкие нищие и бродяги должны были в дворцовом саду принести его светлости благодарность за свое освобождение. Зная это, кардинал убедил королеву назначить свидание молодых людей за пятнадцать минут до двух часов.

За пять минут до назначенного срока Урсула уже стояла с герцогиней Линкольн в амбразуре окна в большой приемной. В своем белом шелковом платье она казалась прекрасной мраморной статуей; вся ее жизнь сосредоточилась в чудных голубых глазах.

— Сюда сейчас придет герцог Уэссекский, обязанный вам жизнью, дитя мое, — сказала добродушная герцогиня, с жалостью глядя на молодую девушку, до неузнаваемости изменившуюся в последние две недели. — Но, прежде чем он придет, я хочу сказать вам, что всегда считала и буду считать вас честной и чистой девушкой. Может быть, вы когда-нибудь полюбите меня настолько, что откроете мне тайну, которая тяжелым гнетом лежит на вашей душе.

— Ради Бога, милая, дорогая моя герцогиня, не говорите мне ласковых слов! — прошептала Урсула, нежно целуя руки старушки. — Мне так трудно сохранить спокойствие! А это необходимо. Вот он идет!

В соседней комнате раздались твердые шаги. Герцогиня поспешила удалиться, и почти в ту же минуту дверь в противоположном конце зала отворилась, и паж громко провозгласил:

— Его светлость герцог Уэссекский!

Увидев Урсулу, в белом платье, с короной золотистых волос над красивым лбом, Роберт невольно перенесся мыслью к счастливому вечеру две недели назад; но этот светлый, чистый образ тотчас уступил место другому — образу вакханки с дико блуждающими глазами, на обнаженном плече которой властно лежала рука молодого испанца. В глазах герцога появилось презрительное выражение, когда он подходил к Урсуле, но его глубокий поклон был холодно почтителен.

— Вы желали говорить со мною, леди? — начал он. — Моя жизнь, которую вы удостоили спасти, вся к вашим услугам.

Урсула сразу почувствовала, что на какое-либо искреннее объяснение нет никакой надежды, и беззвучно произнесла:

— Это все, что ваша светлость может сказать мне?

— Разумеется, я многое мог бы сказать вам, — ответил он с ледяной холодностью. — Ведь я обязан вам жизнью! Но не могу даже от души поблагодарить вас за дар, не имеющий для меня никакой цены.

— Неужели жизнь кажется вам такой тяжелой оттого, что любимая вами женщина оказалась вероломной? — с жаром спросила Урсула.

— Нет, — сказал герцог, удивленный ее тоном, — женщина, которую я любил, вовсе не оказалась вероломной; это была только иллюзия, только сладкая мечта, а я, безумец, принял ее за действительность!

В его голосе слышалась такая бесконечная печаль, что в сердце молодой девушки угасла всякая ревность к воображаемой сопернице.

— Значит, вы очень любили ее? — мягко спросила она.

— Я боготворил свою мечту, но она исчезла.

— Уже исчезла? — повторила Урсула, не понимая, о ком он говорит.

— Ничто не исчезает так быстро, как легкокрылая мечта, — ответил Роберт. — Но не будем говорить об этом. Вам угодно было позвать меня; чем могу служить вам? Мое имя и покровительство к вашим услугам, и я готов, когда бы вы ни пожелали, исполнить договор наших отцов.

Урсула отступила, словно ее ужалила змея.

— Вы могли подумать... — шепнула она, красная от оскорбления, — что я... О Боже!

— Вам нечего бояться, леди, — поспешно произнес герцог, — война с Францией вскоре потребует моего присутствия, а свет охотно простит герцогине Уэссекской грехи леди Урсулы Глинд, особенно если меткая французская стрела даст ей возможность снова свободно располагать своей судьбой.

Но к Урсуле уже вернулось самообладание.

— Свету нечего прощать мне, милорд, — с холодным достоинством возразила она, — и вы это прекрасно знаете.

— Нет, я знаю лишь, что должен быть благодарен, — с горьким смехом сказал Роберт. — Клянусь, вся рассказанная вами история была остроумно сочинена. А я-то боялся, что вы во всем сознаетесь!

— Сознаюсь? В чем?.. Вы с ума сошли, милорд!

В первый раз у молодой девушки явилось смутное подозрение, что оба они стали жертвами трагического недоразумения; в то же время безошибочный женский инстинкт подсказал ей, что под жестокостью и грубым оскорблениями герцога таилась безнадежная страсть. Она вдруг безотчетно поняла, что он любил именно ее, презирал ее за что-то, чего она не сделала, и, говоря о своей исчезнувшей мечте, подразывал именно ее, Урсулу.

— Да, я схожу с ума, — с рыданием и голосе воскликнул герцог, — когда чувствую, что ваши глаза заставляют меня забывать честь! Мне хочется стать на колени и покрывать поцелуями эти изящные ручки, которые я видел обгабренными кровью моего врага!

— Кровь на моих руках? — с гневом повторила Урсула. — Вы действительно сошли с ума, милорд! Разве не вы убили дону Мигуэля, защищая любимую женщину? Разве я не солгала ради вас, не пожертвовала для вас честью... всем на свете? Кто же из нас сошел с ума?

— Ну, я сумасшедший! — все еще дрожащим голосом проговорил Роберт. — И готов не верить собственным глазам и ушам... хотя сам видел вас в ту ужасную ночь... прелестная вакханка!

Урсула устремила на него лихорадочно горевшие глаза, страстно желая выяснить истину; но в ту минуту, как у нее вырвалось испуганное: «Милорд!» — двери внезапно отворились, и в зал вошла Мария Тюдор в сопровождении кардинала и придворных дам. Быстро подойдя к герцогу Уэссекскому, она милостиво протянула ему руку, удостоив Урсулу лишь надменного кивка головы. Сказав герцогу несколько ласковых слов, она подписала приготовленный Чендойсом приказ об освобождении лиц, которые в ожидании суда над ними были заключены в темницы.

— Мы даруем им свободу! — сказала королева, возвращая Чендойсу документ. — И желаем, чтобы они лично поблагодарили его светлость за свое освобождение, которым обязаны исключительно ему.

Через несколько минут веселое, шумное общество высыпало в сад, где возле фонтана бродили двенадцать мужчин и женщин в полинялых, ветхих платьях и дырявой обуви, стараясь держаться поближе друг к другу. Поодаль от всех одиноко стояла женщина в грязном когда-то белом, платье, с увядшими листьями плюща в золотистых волосах.

Увидев приближавшегося к ним герцога, бедняки не на шутку испугались и обратились бы в бегство, если бы их не задержал придворной служитель, наблюдавший за ними. Когда герцог подошел к собравшимся, некоторые из них решились робко крикнуть:

— Да здравствует его светлость герцог Уэссекский!

— Благодарю вас всех, — мягко произнес Роберт. — Вчера мне пришлось стоять перед судом за нарушение закона; то же унижение готовилось и вам, но вы избегли его, и я хочу, чтобы вы отныне избегали любого искушения. Голод и горе — плохие советчики, и хотя мне не грозит ни то ни другое, но я прошу вас иногда помолиться за меня и за тех, кто еще грешнее вас и заблуждается, упорствуя в грехе.

Эти простые слова вызвали к нему общую симпатию, которая еще больше усилилась после того, как он принял щедро наделять всех деньгами. Послышались единодушные пожелания ему всех благ.

В то время как к ним приблизились прочие придворные с королевой во главе, герцог, подойдя к одиноко стоявшей женщине, стал

уговаривать ее поднять голову и взглянуть на него; та упорно отказывалась, уверяя, что причинила ему «много зла» и не смеет посмотреть ему в глаза; когда же она наконец подняла голову и все увидели бледное, исхудалое лицо, одна из дам воскликнула:

— Как она похожа на леди Урсулу!

— Опять леди Урсула! — с гневом крикнула несчастная. — Что вы мучаете меня этим именем? Я — Мирраб, предсказательница! Я умею гадать по звездам и знаю будущее. Герцог Уэссекский спас мне жизнь. Звезды сказали мне, что ему грозит опасность, и я хотела предупредить его! — Вдруг ее взор упал на кардинала, который, бледный как смерть, старался совладать с охватившим его волнением. — Вот кто обманул меня! — яростно закричала она. — Он и его друг сказали, что меня будут бить, если я не уйду!

— Это сумасшедшая! — шепнул кардинал. — Вашему величеству лучше удалиться: я вижу в ее глазах опасный огонек.

Но герцог Уэссекский, которому изумление не позволяло до сих пор вымолвить ни слова, теперь пришел в себя и попросил королеву выслушать несчастную девушку, на что Мария согласилась, несмотря на усиленные протесты кардинала. Тогда Мирраб, задыхаясь от волнения и путаясь в словах, рассказала, как хотела непременно видеть герцога, как оба испанца обманули ее и чего они от нее требовали.

— Я сама не знаю, как это вышло, — прибавила она, дрожа всем телом, — молодой чужестранец насмеялся надо мною... и я... убила его!

— Так это ты, девушка, убила дону Мигуэля? — в ужасе воскликнула королева.

А герцог только низко опустил голову и с отчаянием прошептал: — Боже милостивый! Как мог я быть таким слепым!

Кардинал снова попытался убедить королеву «не верить тому, что говорит помешанная», но Мария гордо ответила, что ничему не поверит, пока не выслушает леди Урсулу Глинд, и послала за нею одну из фрейлин.

Тем временем герцог Уэссекский старался успокоить Мирраб, обещая, что ей ничего не будет за ее признание в убийстве. Следуя его примеру, Мария также ласково поговорила с девушкой и предложила ей поселиться в любом монастыре по ее выбору, чтобы замолить совершенный ею страшный грех; но прежде всего лорд Чендойс должен взять у нее показания, которые Мирраб подпишет и подтвердит клятвой. Опустившись на колени, Мирраб с благоговением слушала слова королевы, но, перед тем как ее увели на допрос, она робко попросила у герцога Уэссекского позволения поцеловать ему руку. Он тотчас протянул ей руку, она покрыла ее горячими поцелуями... и навсегда исчезла из его жизни, чтобы мирно окончить дни в монастыре, щедро одаренная королевой.

Почти вслед за ее уходом явилась Урсула, с легким румянцем на щеках; ни на кого не глядя, она устремила почтительный взор

на королеву, но по ее глазам видно было, что мысли ее где-то далеко.

— Леди Элис передала вам... — спросила Мария.

— Все решительно! — перебила Урсула, вкладывая в эти слова то, что волновало ее душу, и обменялась с герцогом молчаливым взглядом, говорившим красноречивее всяких слов.

— Дитя, — обратилась к ней королева, видевшая эти взгляды и не ошибаясь в их значении, — значит, вы не были тогда с доном Мигуэлем?

— Нет, ваше величество, — ответила Урсула, — леди Элис сказала мне, что на меня очень похожа бедная девушка... что его светлость был введен в заблуждение... и...

— Но, дитя, зачем же вы солгали?

— Его преосвященство научил меня, что надо сказать перед судом, чтобы спасти герцога.

Голос ее понизился до шепота, так что ее могли слышать лишь королева и герцог Уэссекский.

— Это ложь, ваше величество! — попытался защититься кардинал.

— Нет, это правда! — громко произнесла Урсула. — Прошу ваше величество взглянуть на меня и на этого человека, чтобы рассудить, у кого из нас на лице написан страх.

Словно повинувшись ее словам, Мария Тюдор взглянула на испанского кардинала, но он смело встретил ее взгляд, умея даже при поражении сохранять величие.

— Возвращайтесь к своему государю, милорд, — с презрением сказала королева. — Данное мною обещание я свято исполню, но скажите ему, что если он желает завоевать сердце английской королевы, то должен присылать к ней честных людей.

Не обращая больше никакого внимания на кардинала, она сделала знак своей свите и, не оглядываясь на то место, где похоронила свое счастье, твердыми шагами направилась во дворец.

Площадка возле фонтана опустела. Высокий, статный мужчина и стройная, тонкая девушка стояли лицом к лицу, не произнося ни слова. Каждому из них надо было многое заглаживать, многое простить, и слова были бессильны выразить то, что наполняло их сердца.

Тихо ложились на землю вечерние тени; вдали слышался убавляющийся шум воды в реке; над пышным Гемптон-коуртом одна за другой зажигались бледные осенние звездочки. Герцог Уэссекский тихо опустился на колени и прижался горячим лбом к нежным рукам склонившейся над ним молодой девушки. Оба чувствовали, что отныне со всякими недоразумениями покончено навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Захер-Мазох.</i> Последний король венгров	3
<i>Ч. Майор.</i> В расцвете рыцарства	179
<i>Орчи, баронесса.</i> Спутанный моток	275

Л. Захер-Мазох
**ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ ВЕНГРОВ**

Ч. Майор
**В РАСЦВЕТЕ
РЫЦАРСТВА**

Орчи, баронесса
**СПУТАННЫЙ
МОТОК**

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректор *В. Антонова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 27.12.96 г.
Уч.-изд. л. 28,5. Цена 21 000 р.
Цена для членов клуба 19 100 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб.,
18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

ТАЙНЫ

Роман Л. Захер-Мазоха «Последний король венгров» рассказывает об одной из самых трудных эпох в истории Венгрии. Слабость и нерешительность венгерского короля Людовика II привели к тому, что над Венгрией в середине XVI века нависла реальная угроза османского завоевания. Драматическая судьба Людовика II и его жены, австрийской эрцгерцогини Марии, — в центре внимания автора.

В основе сюжета повести из времен правления Генриха VIII Тюдора Ч. Майора «В расцвете рыцарства» — история пылкой и преданной любви Чарльза Брендона и Марии Тюдор, любви, преодолевшей все испытания, заслужившей право называться счастливой.

Придворные интриги, заговоры, дуэли — в эпоху правления королевы Марии Тюдор во всем этом не было недостатка. Интереснейшая, жестокая и романтическая жизнь двора дочери Генриха VIII блистательно описана баронессой Орчи в ее повести «Спутанный моток».

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах